

ЭДИТА

ВЫПУСК 33

ЭДИТА Вып. 33

ЭДИТА

№33

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

2024

Серия альманахов "ЭДИТА" запущена в марте 2024 г.
как преемник журнала "EDITA"

Выходит по мере накопления материала

Тексты публикуются преимущественно в авторской редакции

Литературная редакция:
Пётр Бледнёв, к.ф.н. Иоган Манаев,
к.ф.н. Эвдоксия Прянская, м.ф.н. Сильфида Селезнёва

Мнения редакции и авторов публикаций не обязательно совпадают

Графика обложки — pexels-th-ng-ph-m-1539464768-27238377

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-910935-97-6

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Сергей Калабухин

Коломна

ВЕДЬМАК

Злой, как чёрт, я ввалился в вонючую духоту поселкового магазина. В этот послеобеденный час в нём почти никого не оказалось, только молоденькая продавщица доставала из ящика бутылки с водкой и заполняла ими пустые полки, да у прилавка маялся какой-то маленький, похожий на бомжа мужичонка.

— Где у вас тут сорок восьмой дом? — рявкнул я с порога.

Очередная бутылка выскользнула у девушки из рук, и запах разлитой водки моментально заглушил все остальные.

— Ты что, мужик, очумел? — Повернулся ко мне недомерок. — Рази ж можно в такой момент под руку говорить?

— Извините! — раздражённо буркнул я застывшей продавщице. — Я заплачу за разбитую бутылку, только ответьте на мой вопрос.

Та молча взяла веник и начала заметать осколки.

— Понятно... — процедил я. — Посёлок сплошных партизан! Вот только я не из гестапо, а вы не на допросе.

Я повернулся к жадно приносивавшемуся «бомжу».

— Может, ты проводишь меня к сорок восьмому дому? Пузырь за мной.

— Серый, ты? — неожиданно заулыбался тот. Его зубы напоминали остатки полуразрушенного гнилого забора, окружавшего покосившуюся голубятню рядом с поселковым магазином. — Вот так встреча! Это ж я, Толян. Мы с тобой в детстве в одном доме жили, на Ленина, помнишь? Только я в первом подъезде, а ты в четвёртом.

— Толян? Извини, что-то не припомню. Я жил когда-то на улице Ленина. Но...

— Клава, дай-ка нам пару бутылок «Кристалла». Ща мы с тобой, Серёга, раздавим эти пузырьки, и ты всё вспомнишь.

Я полез за портмоне, но Толян возмущённо отмахнулся и, достав несколько смятых бумажек из кармана грязных драных джинсов, бросил их на прилавок. Продавщица с непонятной мне ненавистью сунула моему неожиданному знакомцу две бутылки водки, как-то брезгливо,

даже с отвращением, взяла его деньги и положила в кассу. На меня она старалась не смотреть.

В дом Толян меня не пригласил. Мы устроились в саду, за старым железным столиком под цветущей яблоней. Смахнув рукавом грязной водолазки хлопья облупившейся краски и прочий мусор, Толян расстелил газету, придавил её по краям консервами и банками с соленьями, сноровисто порезал крупными кусками хлеб.

— Ну что, за встречу? — наконец перестал он суетиться.

— За встречу, — согласился я, хотя так и не смог его вспомнить.

— Двадцать лет прошло. — захрустел огурцом Толян. — И я бы тебя не узнал, если б...

Он не договорил и начал разливать по второй.

— Слушай, Толян, что за народ тут у вас в посёлке живёт? Поверишь, кого ни спрошу, где этот чёртов сорок восьмой дом, никто не отвечает! Шарахаются, как от чумного. А номеров на домах нет. Ты-то хоть покажешь?

— Это ты верно сказал: чёртов дом. Зачем он тебе?

— Да вот, жена прочла объявление в газете. Хозяева предлагают продать или обменять на квартиру в городе. А ей уж очень хочется огород завести, живность всякую. Мне этого не понять, я в городе вырос, а она — деревенская. В деревню я бы ни за что не поехал, а сюда, в посёлок, можно.

— Моя тоже деревенская была, — загрустил вдруг Толян. — Это её дом. Сам помнишь, как трудно было тогда с жильём. Вот я и попал сюда, в примачи. Да особо и не сопротивлялся. Мне с Любашей моей и в шалаше был бы рай. Теперь один вот кукую. Давай за наших жён!

Мы выпили. Я не стал расспрашивать Толяна, что стало с его Любашей. По всему видно, что он давно уже живёт один. Огород зарос сорняками, никакой живности во дворе не видать, одет Толян, как бомж, давно не брит и не мыт. И дом выглядит таким же неухоженным и пустым, как хозяин. И даже крыша так же криво накрывает почерневшие брёвна стен, как засаленная кепка голову Толяна.

— Далеко отсюда сорок восьмой дом?

— Рядом, — хмуро ответил Толян, яростно взрезывая тупым ножом какую-то рыбную консерву. — Только тебе там искать нечего.

— Почему это?

— Потому. Скажи своей жене, что дом тот давно продан. Это когда-то здесь была деревня — «Протопопово» называлась. А теперь город вокруг, трамвай ходит, и мы сейчас — «посёлок имени Кирова», да и то

только по названию, а по факту — городской район. «Новые русские» как обезумели. Скупают дома и участки, дворцы строят, газ с электричеством провели, телефонный кабель тянут. Ко мне вон тоже регулярно подкатывают, гады! То золотые горы сулят, то утопить пьяного в колдце грозят или сжечь в доме — всё одно, говорят, твою развалюху сносить!

Толян слил остатки водки в свой стакан и быстро выпил.

— Ты сюда, Серёга, больше не приезжай. И жене своей втолкуй: пусть ищет дом где угодно, только не в нашем посёлке. А лучше оставайтесь в своей квартире.

Толян проводил меня до трамвайной остановки.

— Прощай, Серёга. Так и не вспомнил меня? Ладно, я не обижаюсь. А школу нашу спортивную помнишь?

— Тяни носок! — Громкий шлепок, и я чуть не падаю от жгучей боли с турника. Сквозь выступившие слёзы вижу, как тренер, идя по залу, щедро раздаёт шлепки и ругательства. Почему он был так груб и жесток с нами, мальчишками и девчонками, пришедшими к нему учиться спортивной гимнастике? Натура у него была такая, или просто срывал на отданных в его власть безответных детях своё дурное настроение? А хорошего настроения у этого человека никогда не было. Вымещал на нас обиду за собственную неудавшуюся спортивную судьбу? Или неудачи в личной жизни? А, может, это был общепринятый тогда метод, стандарт спортивного воспитания молодёжи? В восточных боевиках мастер-азиат часто бьёт своего ученика бамбуковой палкой, когда тот что-то неправильно делает. Но этот ученик — уже здоровый мужик, пытающийся стать «круче» своего «близнеца-злодея», а не десятилетний ребёнок. Неужели, жестокость и побои — метод воспитания спортсмена?

Через несколько лет, уже будучи студентом института и посещая занятия по гимнастике, а затем по тяжёлой атлетике, я ни разу не видел, чтобы тренеры кого-нибудь били, оскорбляли или даже просто повысили голос. Но было уже поздно: между детской спортивной школой и институтом пролегли годы без спорта, определившие мою судьбу. Спорт перестал меня привлекать. И не только грубиян-тренер был тому причиной.

Наша детская спортивная школа занимала здание церкви Петра и Павла на старом купеческом кладбище. Кроссы мы бегали вдоль краси-

вой кирпичной стены, порой прыгая через могилы. Отдыхали сидя на поваленных мраморных надгробиях, рассматривая непривычные надписи с ятями и фитами о «рабах Божиих». Могилы нас не пугали.

Несмотря на грубость и побои тренера, я продолжал ходить в спортшколу. Но город рос, и старое купеческое кладбище неожиданно оказалось в его новом «центре», причём власти именно здесь решили построить здание горсовета. Партийное и городское начальство не желало наблюдать из окон своих кабинетов кладбище явных врагов советской власти: купцов и именитых горожан дореволюционного периода. Было решено кладбище «перенести» и создать на этом месте мемориальный парк с аллеей героев, скульптурой Родины-матери и «вечным огнём». Мраморные надгробия были снесены, «лишние» вековые деревья выкорчёвывались. Экскаватор рыл огромный котлован под мемориал. Рабочие несли жёнам найденные в могилах старинные монеты, кольца и перстни, а пацаны тащили в свои дворы черепа и кости. Несколько дней на крышах многих домов щёлкали на ветру челюстями надетые на телевизионные антенны черепа, вызывая восторг у дворовых банд. Мы, дети, не понимали всего ужаса происходящего. Взрослые молчали, но кто-то всё же лазил по ночам на крыши и снимал черепа. А днём пацаны приносили со «стройки» новые и насаживали на антенны.

Спортивная школа в помещении церкви Петра и Павла была ликвидирована, и вместо неё там создали музей боевой славы. Через несколько лет я принёс сюда ордена и медали деда, но директор отказался их принять, так как я не мог ничего рассказать о военных подвигах, за которые были вручены эти награды. Дед никогда не рассказывал мне о войне. И в этом музее для его орденов и медалей не нашлось места. С тех пор я в него никогда больше не зашёл. А награды деда висят у меня дома на стене, на самом видном месте.

— Серый, ты? Опять?

— Привет, Толян. Вот приехал. Ты, ведь, меня обманул в прошлый раз. Дом-то, сорок восьмой, до сих пор не продан. Жена опять объявление в газете прочла.

— Что ж, видно не зря судьба нас с тобой опять свела. Не ходи ты туда. Я ж тебе говорил: ищите себе дом где угодно, только не в нашем посёлке.

— Да почему?!

— Посмотри на меня. — Толян снял кепку. По его совершенно лысой голове змеились страшные шрамы. — Видишь, что со мной тут стало? А Любаша моя, дети наши — вообще сгнули! И не только они. Думаешь, почему тебе никто дорогу к тому дому не показывает? Не задумывался, почему этот проклятый дом никак постоянного хозяина найти не может? Почему за дом с огромным участком практически в черте города, а не где-то за пятьдесят километров в захолустной деревушке, просят так мало?

— Чего ты меня пугаешь? Чем? А что мало просят и обменять на квартиру согласны, так в газете прямо написано: дом требует ремонта. Вот я и хочу посмотреть, в каком он состоянии, что за участок. Чего ты так возбудился-то, Толян?

— Да, мотыльки летят на свет свечи, а попадают в её огонь. Пойдём, Серёга, возьмём у Клавки пару пузырей, закусь какую-нибудь. Я расскажу тебе всё, что знаю и помню про тот дом. А там решишь, захочешь ли ты его смотреть...

На этот раз мы сидели в доме. Небо с утра хмурилось, и теперь по железной крыше гулко хлестал дождь. Электричества Толян так и не провёл, окна почему-то были наглухо закрыты ставнями, и мы сидели в жёлтом круге света допотопной керосиновой лампы.

— Ну что, так и не вспомнил меня?

— Извини, Толян. Дом на Ленина, помню, школу спортивную тоже...

— Ладно, не ломай голову. Щас раздавим первую, я тебе такой "маячок" зажгу...

Пока хозяин готовил стол, я постарался немного осмотреться. В колеблющемся свете керосиновой лампы многолетняя грязь, пропитавшая некогда пёстрые домотканые дорожки половичков, смотрелась каким-то абстрактным узором. Печь зияла открытым "ртом", полным слежавшейся золы и какого-то мусора. Её когда-то белые стенки покрывали серые разводы пыли, паутины и отпечатков ладоней, по-видимому, пьяного хозяина и его гостей. За печкой виднелась широкая двуспальная кровать, от которой воняло несвежим бельём. Судя по виду, это бельё не менялось несколько лет и впитало все возможные выделения пьяного хозяина.

— Давай откроем окошко? — предложил я. — Тут у тебя явно не хватает озона.

— Нельзя. У меня ставни забиты намертво гвоздями. Потерпи, скоро привыкнешь. А дождь кончится, тогда, если захочешь, в сад переберёмся, под яблоню.

— Ну, рассказывай, — закусив первую, попросил я. — Давай свои “маячки”.

— Торопись? Школу спортивную, говоришь, вспомнил? А помнишь, почему ты перестал в неё ходить?

— Так ведь закрыли её! Кладбище снесли, мемориальный парк там теперь.

— Да, понятно теперь, почему ты меня никак вспомнить не можешь. Я догадывался, потому и не обижаюсь. Наливай! Ух, хороша, зараза! Повезло: не подделка попалась. Настоящая, “кристалловская”.

Так вот, Серёга, школу нашу спортивную тогда вовсе не закрыли, а перевели в другое место. Но ты в новое помещение ни разу не пришёл. Заболел ты сильно, после того, как на наших глазах склеп вскрыли. Помнишь?

На кладбище было несколько склепов. Этот стоял в стороне от других, прилепившись к кирпичной ограде, и даже простых могил рядом с ним почему-то не было, хотя в иных местах холмики теснились чуть ли не вплотную. В отличие от прочих склепов и надгробий, на этом не было привычных нам надписей: “Здесь лежит раб Божий...” или “Покойся с миром...”. Только имя и фамилия. Мы совершенно спокойно лазали в другие склепы. Железные двери и решётки с них давно уже были сняты и сданы пионерами на металлолом. У этого склепа дверь висела, хоть замок и был давно сорван. Никто из нас почему-то не мог заставить себя открыть эту ржавую дверь и войти внутрь. У любого смельчака, пойманного на “слабо”, в последний момент отказывали ноги, сердце сжималось от непонятного ужаса, а тело покрывалось мурашками. Кроме того, мы откуда-то точно знали, что внутри всегда полно змей, хотя никогда их не видели вползающими туда или выползающими оттуда. Каких только ужасов не рассказывали мы друг другу о “вампирах из склепа”, отдыхая между кроссами на поваленных надгробьях. Поэтому, когда кладбище начали “переносить”, и бульдозер зарычал рядом с загадочной постройкой, вся наша школа, включая мрачного тренера, бросив занятия, сгрудилась поблизости.

Надо сказать, что власти не все могилы пустили под бульдозер и экскаватор. У многих захороненных на старом кладбище нашлись живые родственники, которым «было оказано содействие» в перезахоро-

нении “буржуев” на новом кладбище. Нашлись такие родственники и у “вампира”.

Склеп действительно оказался заполнен змеями, и бульдозерист сначала плеснул внутрь ведро солянки и бросил горящую тряпку. Когда с гадюками было покончено, солнце стояло уже в зените. Но главное препятствие ждало рабочих впереди. Крышка огромного саркофага оказалась примурована раствором по древнему русскому рецепту, по которому была построена кирпичная ограда вокруг кладбища и сама кремлёвская стена. Открыть саркофаг оказалось невозможно, а разбить не позволяла теснота помещения. Выволочь саркофаг наружу не давала узкая дверь. Видимо, склеп был построен уже вокруг захоронения. Были остановлены работы по разрушению “лишних частей кладбищенской ограды”, и стенобитная машина начала крушить склеп.

День клонился к закату, первую смену рабочих сменила вторая, набежали тучи, и вскоре заморосил мелкий противный дождь. Но толпа зрителей не расходилась. Наоборот, она увеличилась за счёт пришедших с работы мужчин и женщин и присланных властями города милиционеров.

Наконец матерящиеся рабочие разгребли обломки с огромным трудом разрушенного склепа и начали долбить кувалдами крышку саркофага. Толпа, сминая жидкую цепочку милиционеров, придвинулась поближе, оттеснив нас назад, и мы полезли на уцелевшие кладбищенские деревья, чтобы не пропустить ни одной подробности. Бульдозер и экскаватор давно утихли. Люди стояли молча. Шелест дождя не мог заглушить грохот кувалд. Ветви дерева были скользкие, мокрые листья противно липли к лицу и рукам. Мы с Толяном успели занять самые лучшие места и теперь сидели, как в театре, разве что тряслись от сырости и нетерпения. Саркофаг был прямо под нами.

И вот, наконец, крышка разбита и удалена вместе с гнилыми остатками гроба. Народ ахнул, увидев вместо скелета сморщенную мумию, к тому же лежащую на животе!

— Ироды! — заахали женщины. — Живьём бедолагу похоронили.

Хмурые родственники, скользя в мокрой жиже земли и мусора, расквашенной техникой и сапогами рабочих, кинулись переносить мумию в приготовленный гроб. Крик ужаса чуть не сбросил нас с дерева. Голова мумии осталась лежать в саркофаге. Она оказалась отрублена! В рот был вбит деревянный кол.

— Оборотень! — завизжали в отхлынувшей толпе.

Передние ломились назад, задние напирали вперёд, желая своими глазами рассмотреть происходящее. Один из родственников торопливо

схватил голову мумии и понёс к гробу. И тут голова открыла глаза. Судорожно всхлипнул рядом со мной Толян. Жёлтые глаза со змеиным вертикальным зрачком уставились прямо на меня.

— Ведьмак! — истошно заголосила какая-то женщина, и я тяжело рухнул с дерева вниз...

— Ведьмак... — прошептал я.

— Вспомнил, наконец, — довольно ухмыльнулся Толян и разлил по новой.

— Вспомнил. Мы с тобой на одной ветке сидели...

— Да, знатно ты тогда шмякнулся! Прямо на того бедолагу, что голову отрубленную нёс.

— Но почему же ты мне потом ни разу не встречался?

— Ты, Серёга, тогда несколько дней в больнице без сознания пролежал, потом болел долго, а когда выздоровел, твои родители уже с нашего двора переехали куда-то.

— Точно! Я ж после Ленина на Советской жил. Новый двор, новая компания, новая школа. И вместо спортивной меня, помню, в музыкальную записали. Надо же, столько лет не вспоминал этот отрезок своего детства. Серьёзно, видать, доктора надо мной поколдовали!

— Это, Серёга, не доктора колдовали. Это он.

— Кто?

— Да ведьмак же!

— Погоди, Толян, ты о чём?

— О том. Я ж об этом тебе с самого начала толкую, а ты никак не поймёшь! Здесь он, в том самом сорок восьмом дому обитает.

— Ты что, очумел? Или водяры перепил? Он же труп давно.

— Был труп. А теперь живее всех живых. Давай ещё по одной. Ты хоть знаешь, кто такие ведьмаки?

— Ну, читал, в кино видел. Бьются с чудовищами, защищают людей...

— Читал он, кино смотрел, — процедил Толян. — Не то ты читал, Серый, и не то смотрел. Ведьмаки, как и ведьмы, говорят, бывают добрыми. Но это редкость, как те белые вороны. Настоящая сущность ведьмака — зло! А добрые, наверно, только в твоих книжках бывают или в сказках. Эти твари — настоящие оборотни. Могут превращаться в кого угодно. Я даже не представляю, каков их настоящий облик. Может они и не люди вовсе, а какие-нибудь драконы или ещё кто. Все ведьмы подчиняются ведьмаку, потому что он гораздо сильнее любой из них.

Ведьмак может дунуть человеку в рот, и у того выпадут все зубы, посмотреть в глаза таким взглядом, что человек тотчас заболит и умрёт. Ты, вот, выжил. Видать, у мумии не те силы, что у живого и здорового ведьмака.

— И ты говоришь, он здесь?

— Здесь. Крематория у нас нет, а жечь мумию на костре родственники побоялись. Властей побоялись, идиоты, не ведьмака! Привезли мумию сюда, в посёлок, и похоронили на местном кладбище. А через несколько лет, когда гроб прогнил, и на мумию стала лить после дождей земляная жижа, эта тварь ожила, набралась сил и выбралась из могилы. И голова у неё приросла на место!

С тех пор ведьмак стал пожирать местных жителей. А те молчат! Страх не даёт им бежать отсюда, а тем более рассказать кому-нибудь вне посёлка о чудовище. Да и кто им поверит? Они и между собой-то никогда не говорят об этой нечисти.

Когда я сюда переехал, ведьмак сожрал уже всех родных моей Любаши. А она мне об этом ни слова! Прямо гипноз какой-то. Я спрашиваю, где твои родители, она мне в ответ, мол, уехали к родичам погостить. Недели проходят, месяцы — от них ни одного письма! А Любаша и не волнуется. Я удивляюсь, а она говорит: "Радуйся, что никто в нашу жизнь не лезет. Разве плохо нам вдвоём?"

Годы прошли, детишки у нас родились, близнецы — Саша и Маша. Как стали бегать по посёлку, так он их и пожрал! Тогда только мне Любаша всю правду и открыла.

Я — в милицию. Участковый у нас из местных был, Пашка Лось. Здоровенный детина, под два метра ростом. Очень волейбол любил. Каждый день с компанией себе подобных мячиком перебрасывался. А бумаги заполнять для него сущей мукой было. Так он, ежели кто хулиганил, со всей своей волейбольной кофтой приходил и так нарушителя отделявал, что тот потом несколько дней пластом лежал. Зато начальство Пашку уважало. Наш посёлок по всем показателям в передовые вышел, а Пашку у нас забрали — на повышение пошёл.

Ну вот, пришёл, значит, участковый к нам, а дети во дворе играют! Пригрозил мне Пашка морду набить за такие шуточки и пошёл дальше мячик через сетку перекидывать, а вместо детей передо мной уже ведьмак стоит и зенки свои змеиные щурит. Жди, говорит, как только твоих детёнышей переварю, за женой твоей приду. А я стою, как каменный. Хочу бежать, ноги не слушаются. Язык примёрз — слова в ответ сказать не могу. Целый час так простоял, как статуя.

Уговорил Любашу бежать, но как только за посёлок выйдем, ноги сами назад нас несут. И так тут со всеми! Сколько народу в посёлке ведьмак пожрал, никто не ведает. Ежли кто пропадает, родственники говорят, мол, уехали то ли на заработки, то ли к дальним родственникам. К властям никто и не суётся. Так и живём.

— Погоди, Толян, а как же ты-то?

— Я-то? Меня он наказать решил. Я, ведь, когда он за Любашей пришёл, стрелял в него. Не сам, конечно. Забил намертво ставни, снарядил самострел. Как ведьмак дверь открыл, так заряд картечи ему в брюхо и вlepило. А мы-то сами, с Любашей, как парализованные сидели. После выстрела паралич с нас спал. Ведьмак когда боль чувствует, контроль над жертвой теряет.

Стала Любаша заговор против него читать, который у местной знахарки взяла, а я на нас и него «святой водой» брызгать. Бежать-то бесполезно: дальше околицы не уйдём. Вот и хватились за соломинку, хоть оба тогда неверующими были и даже когда-то в комсомоле состояли. Как щас помню: ходит моя Любаша вокруг этого корчащегося в муках гада и дрожащим от страха голосом читает раз за разом: «Молитв ради Пречистыя Твоя Матери, благодатный свет мира, отступи от нас, нечестивый, змея злая, подколодная, гадина люта, снедающая людей и скот, яко комары от облаков растекаются, тако и ты, опухоль злая, разойдись, растянься, от раба божьего Анатолия и рабы Божией Любви. Все святые и все монастырские братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святые лики, станьте нам на помощь, яко в дни, тако и в нощи, во всяком месте, рабу Божьему Анатолию и рабе Божьей Любви. Аминь».

Только, Серёга, что ему эта картечь и заговоры? Поревел полчаса, а потом встал перед нами здоровёхонек, как ни в чём не бывало! Разозлился только жутко. «Глупые людишки! — шипит. — Я ходил по этим местам, когда даже птиц ещё не существовало. Динозавры служили мне миллионы лет. Я учил ваших волосатых предков добывать огонь. Тысячи лет я был их богом. Они называли меня Велесом и приносили мне жертвы. Когда ваши предки стали жечь идолов и вырубать священные деревья, я ушёл отсюда в места, где меня стали звать Драконом. Я был богом, воином, учёным, царём! Мне известны все ваши жалкие желания и уловки. Вы всегда были и останетесь только моими игрушками, пищей для ума и тела».

Тут он стал на наших глазах меняться! В какого-то змея превратился. Прям дракон или огромный крокодил со змеиной головой. И стал на моих глазах Любашу живьём жрать. А я опять стою, как статуя, и даже

глаза зажмурить не могу! Натянулся на Любашу, как перчатка на руку, а потом и меня начал заглывать. Я хоть ничем двинуть не мог, но всё чувствовал! Как только коснулся его поганый язык моей головы, потекла драконья слюна, меня как огнём обожгло! Видать, кислота у него за место слюны. Слава богу, в глаза не попало. Только волосы начисто сгорели, да вот шрамы остались. Теперь и летом на улице без кепки не выхожу.

— Как же ты выжил?

— Передумал он. "Я сейчас сыт, — говорит. — Живи пока, но помни: с этого момента ты — мой раб. Будешь приводить мне раз в месяц жертву вместо себя. Лучше не из местных. Приведёшь — значит, ещё себе месяц жизни купил, не приведёшь — я тебя сожру, но не сразу, а по частям, и начну не с головы". Вот почему, Серёга, ты меня у трамвайной остановки-то встретил...

— Значит, Толян, ты меня?..

— Да ты что, Серый?! Я ж тебя с самого начала отговаривал. Пусть я — гад распоследний, но уж тебя-то я ему не сдам. Бомжей у вас в городе пока хватает, а тут ещё и всякие нищие, беженцы с Кавказа и прочих азиатских республик появились. Да не смотри ты на меня так! Жить, Серёга, всем хочется, а своя рубашка всё же ближе к телу.

Мы выпили очередную. Толян хрустел огурцом, а у меня неожидан-но разболелась голова. Перед глазами дрожало какое-то марево.

— Слушай, Толян, если ведьмак — не человек, то откуда взялись «родственники»?

— А ты подумай: ведьмак же оборотень! Ему жить где-то надо. Какого-нибудь купчишку сожрал, а сам под его видом в городе поселился. Но, видать, эту тварь всё же распознали, раз уж в таком виде похоронили. Кто правду знал, мог в гражданскую или Отечественную сгинуть. А современные «родственники» ни в бога, ни в чёрта не верили. Парткома больше любой нечисти боялись...

Неожиданно скрипнула дверь, и в горницу вошёл милиционер.

— Так, Трусов, опять у тебя пьянка. Ваши документы, гражданин.

— Это не то... — засуетился вдруг Толян. — Друга я встретил. Двадцать лет не видались. Мы уже заканчиваем. Щас я его на трамвай провожу...

— Какой трамвай? Твой гость на ногах не держится. В вытрезвитель захотели?

— Я в порядке, лейтенант, — прохрипел я, с ужасом чувствуя, что ноги меня и в самом деле не держат. — А из документов у меня только пропуск на завод.

— Покажите. У нас сейчас компания идёт по проверке паспортного режима. Так что, ходить по городу без документов я Вам не советую. Тем более распивать спиртные напитки с лицами, вроде Трусова. Пропуск Ваш я пока забираю. И не возражайте! Переночуете здесь, а утречком явитесь ко мне. Дорогу Вам любой укажет. Да вот хоть и Трусов проводит.

— Послушайте, лейтенант...

— Это Вы меня послушайте, гражданин! Или ночуете здесь, и утром являетесь ко мне для установления Вашей личности, или я немедленно доставляю Вас в вытрезвитель, а утром мы опять же займёмся установлением Вашей личности. Решайте.

Я молчал, хотя внутри меня всё клокотало. Надо же так влипнуть! И что я скажу завтра жене?

— Вот и ладненько, — улыбнулся участковый, пряча мой пропуск в карман кителя. — И не шумите здесь. Ночь уже во дворе.

Когда за участковым закрылась дверь, я в ярости пнул под столом пустую бутылку.

— Вот чёрт! Откуда он взялся? Когда надо, их не найдёшь, а тут сам заявился.

— Серый, тебе нужно срочно делать ноги! — Толян метнулся к двери. — Запер! Теперь нам точно хана!

— Как это запер? — Я, что есть сил, рванул дверь на себя и чуть не рухнул. Толян вовремя меня подхватил. Отбросив оторвавшуюся ручку, я вновь кинулся к двери. — Да что этот участковый себе позволяет?

— Ты что, Серый, совсем очумел? Какой там участковый? Это ж он был, ведьмак! Я ему сегодня должен был бомжа привести...

— Ведьмак? — Я всё не мог заставить себя поверить в реальность происходящего. — Чего ж ты молчал?

— У тебя ноги отнялись, а мне он язык заморозил. Ладно, видать, судьба. — Обречённо махнул рукой Толян. — Давай баррикаду делать. Он сейчас тобой оборотился. Пойдёт через весь посёлок, потом в трамвае с кем-нибудь свару затеет, чтоб свидетели были, что ты из посёлка ушёл. Думаю, час у нас есть.

Мы с трудом придвинули к двери старинный деревянный сервант, не обращая внимания на бьющуюся внутри посуду.

— Тут ему не войти, — удовлетворённо пропыхтел Толян. — Окна тоже забиты. Печь!

Он стал пихать оставшиеся с зимы поленья, пока не забил печной зев под завязку.

— Тут ему теперь тоже не пролезть. Авось, продержимся до утра. Днём, на виду у всех он нас штурмовать не будет. Его время — ночь. Давай, Серёга, устраиваться. Хошь, на кровати, а хошь — на печи.

Я, конечно, выбрал печь. Тряпье, что лежало там, тоже было далеко не первой свежести, но всё же не такое зловонное, как на кровати. Толян, не раздеваясь, плюхнулся в свою постель и задвинул замызганную занавеску. Как ни странно, мы с ним быстро уснули. Я погрузился в какую-то мутную дрёму, сквозь которую явственно прорывался пьяный храп Толяна.

Неожиданно дверь громко стукнула в стенку серванта. Я попытался скинуть с себя путы сковавшей меня дрёмы, но не смог. Толян встал.

— Толик, открой, это я, — послышалось из-за двери.

Толян всхлипнул. Дверь вновь несколько раз стукнула о придвинутый сервант.

— Толик, ну что же ты? Я соскучилась.

— Любаша, это ты?

— А кто же ещё, дурной? Открывай скорее! На улице дождь, я вся промокла и замёрзла.

Толян бросился к двери и, пыхтя, отодвинул сервант.

— Чего это ты вдруг закрылся, дурачок?

Я лежал, не в силах даже открыть глаза. Язык тоже не повиновался, но слух мне не отказал. Борясь с ужасом и отвращением, я слышал, как Толян с Любашей кинулись на койку. Их возня вызвала у меня тошноту. Я боялся, что меня вырвет, и я захлебнусь собственной рвотой, и потому прилагал все силы, чтобы скинуть с себя оцепенение. Но мои усилия были напрасны. Обливаясь потом, я затих, решив немного отдохнуть, накопить силы и попытаться ещё раз. Заткнуть уши я не мог, и потому вскоре холод ужаса покрыл мурашками неподвластное мне тело. Возня на койке затихла, и начался диалог, который я никогда не забуду. Ведьмак играл со своей жертвой, как кошка с мышью. Он давал Толяну иллюзию счастья обладания любимой женщиной, а потом взамен требовал награду — меня! Толян сопротивлялся, как мог, но силы были явно не равны. Наконец, наигравшись, ведьмак встал с кровати. К печи подошла уже не женская, а мужская фигура.

— Гражданин, вставайте! — Цепи с меня спали, и я увидел перед собой давешнего участкового.

— Уже утро? — деланно зевая, слез я с печи.

Видимо, столкновение с ведьмаком в детстве дало мне какой-то большой иммунитет к его чарам, и эта тварь не подозревала, что я не спал, всё слышал и теперь точно знал, кто стоит передо мной.

— Нет, но неожиданно выяснилось, что у меня утром будут другие дела. К тому же вчера у нас распространили инструкцию: по возможности доставлять пьяных и граждан без документов по домам и там, на месте, устанавливать их личности. Потому как спецучреждения сильно переполнены. Так что собирайтесь, поедем сейчас. Только сначала зайдём по одному адресу, тут рядом — дом сорок восемь, заберём ещё одного без документов. Машина придёт туда.

— Хорошо, только верните мне мой пропуск.

— Пропуск? Зачем он вам сейчас? Вот приедем к Вам, тогда и получите. Впрочем...

«Участковый» вынул из кармана пачку документов и в свете лампы стал искать среди них мой.

— Лучше сейчас, — сказал я, дрожащей рукой выливая остатки водки в стакан. — Вон у вас их сколько, чужих документов-то. Неровён час, и я свой на радостях забуду.

«Участковый» испытующе взглянул на меня через стол, и сквозь дрожащее марево вновь скрутившей меня головной боли я увидел на жёлтом фоне вертикальные щели зрачков. В ту же секунду я плеснул водку ему в лицо. Ведьмак заревел — жидкость попала ему в глаза. Схватив со стола лампу, я бросил её в голову чудовища. Живой факел заметался по комнате. Головная боль у меня тут же исчезла.

— Беги, Серёга! — заорал оживший Толян и выпихнул меня за дверь. — Ну-ка, посвети.

Я щёлкнул зажигалкой.

— Вот чем нас этот гад вчера запер, — пробормотал Толян, просовывая в ручку двери рукоятку швабры. — Серёга, там, под крыльцом, канистра с бензином лежит...

— Бежим, зачем тебе эта канистра?

— Ты беги, а мне с этой тварью поквитаться надо.

В комнате с грохотом рухнул сервант, и дверь задрожала под ударами ревущего ведьмака. Я сунул Толяну тяжёлую пластиковую канистру и поджёг вместо свечки веточку из распотрошённого им веника.

— Откуда у тебя бензин?

— А-а, от одного «нового русского» остался. Тоже приезжал дом смотреть...

Толян плеснул на дверь в горницу, стены и, когда мы выскочили на крыльцо, бросил в сени горящую веточку. Сквозь вспыхнувшее пламя донёсся яростный рёв ведьмака, неожиданно перешедший в какое-то свистящее шипение. Толян побежал вокруг дома, щедро плеща из канистры на стены и ставни.

Я подошёл к колодцу и бросил ведро вниз. То ли водка, то ли нервы, то ли всё вместе навалилось, но меня вдруг скрутила жажда. Появившийся из-за угла Толян вдруг закричал и упал. Я хотел кинуться к нему, но в ужасе застыл. В свете луны и звёзд трава шевелилась. Сотни, а может и тысячи змей, ползли к дому, из которого доносилось шипение ведьмака. Толян с трудом встал.

— Серёга, лезь на колодец, — прохрипел он, отрывая от себя и отбрасывая извивающихся гадюк.

— А ты?

— Мне конец! Не думай обо мне.

Толян вылил остатки бензина на себя и вцепившихся в него змей. Трава исчезла под живым шипящим ковром.

— Прощай, Серёга! Прости за всё...

Толян, превратившийся в клубок змей, с трудом взобрался на крыльцо, распахнул дверь и упал в ревущее пламя...

— Прощай, Толян... — прошептал я, глядя на всё сильнее пылающий дом. Никто из соседей не спешил на тушение пожара.

Не знаю, сколько я просидел на скользком бортике колодца. Когда ведьмак затих, змеи, как камикадзе пытавшиеся живым морем затушить огонь, сразу утратили осмысленность своей атаки и быстро исчезли. Трава после них так и не поднялась.

С трудом разжав затёкшие руки, мёртвой хваткой вцепившиеся в колодезную цепь, я спустился на землю. Подняв фонтан искр, рухнула прогоревшая крыша. Я вышел за калитку и пошёл по тёмной улице, на которой не горел ни один фонарь, и не светилось ни одно окно. Передо мной в зареве пожара шагала моя тень. Я не спешил и не пытался прятать лицо, хотя был уверен, что за мной наблюдают сотни глаз. Никто из жителей посёлка никогда не расскажет властям правду. А смогу ли я сам рассказать её хотя бы жене?

ЧЁРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

...В руке Горгоны вспыхнул огненный цветок, и Сергея Быстрова окутало радужное облако защитного поля.

— Бластер! — изумился Быстров.

Уходя от губительного луча, он нырнул в белесый туман облака. По ушам бил тревожный сигнал стремительно разряжающегося аккумулятора. Ещё немного, и откажет не только защита, но и антиграв, и тогда Быстров просто камнем рухнет в море. Рядом с шипением возникали

струи раскалённого пара — Горгона наугад резала укрывшее Сергея облако лучами бластера. Ещё одно попадание, и Быстрову конец. Рванув застёжку кобуры, Сергей тоже выхватил бластер и взмыл к солнцу. Спасительное облако осталось внизу. Солнце слепило Горгону, и потому та не сразу заметила Быстрова. Сергею пришлось впервые стрелять из боевого оружия в живого человека: обычно он обходился парализатором. Но для точного выстрела из пистолета расстояние слишком велико. На сомнения и колебания времени не было. Луч бластера ударил в парящую над волнами Горгону, и ту тоже мгновенно укрыло радужное облако защитного поля.

— Чёрт возьми! — выругался Быстров. — У неё не только боевой бластер, но и защитный комбез Патруля времени! Кто же ты, сволочь? Неужели одна из нас?

Вокруг Горгоны вскипали фонтаны пара — держать её на прицеле в болтанке полёта было весьма нелегко. Тем более что та тоже не висела на месте, не желая быть неподвижной мишенью. Защита Горгоны отказала на секунду позже полного разряда бластера Быстрова. Радужное облако исчезло, и Горгона стремительно полетела к виднеющемуся недалеко берегу моря. Сергей сунул бесполезный бластер в кобуру и в запале выпустил вдогонку удирающему врагу заряд из парализатора. Опомнившись, он убрал пистолет и ринулся вдогонку...

— А, вот и ты, — шеф приветливо взмахнул рукой, приглашая Быстрова войти. — Проходи, Сергей, садись.

С упавшим куда-то в желудок сердцем, Быстров плотно закрыл за собой дверь кабинета, прошёл вдоль длинного стола для совещаний к первому ряду стульев и сел. Когда шеф так приветлив и зовёт кого-либо просто по имени, значит дело — дрянь.

— Знакомьтесь, — продолжил шеф, и Быстров поднял глаза на сидящего напротив него незнакомого седоватого мужчину в штатском костюме. — Это — наш коллега из Уголовного розыска, полковник Романов. А это — наш лучший сотрудник, старший группы службы Патруля времени, лейтенант Быстров.

— Николай, — чуть привстав, протянул через стол руку Романов.

— Сергей.

— Ну, вот и познакомились, — жизнерадостно промурлыкал шеф, и у Быстрова от его довольной улыбки заныли зубы. — Полковник, введите лейтенанта в курс дела. Да и мне не помешает ещё раз послушать.

— Знаешь, кто такие чёрные археологи? — спросил Быстрова Романов.

— Конечно, — кивнул тот. — Раскапывают курганы, места бывших сражений. Находки продают коллекционерам, хотя по закону обязаны сдавать их государству.

— Вам с ними приходилось сталкиваться? — повернулся к шефу полковник Романов.

— Нет, — ответил тот. — Путешествие в прошлое пока очень дорого. Хронотуризм только начинается и доступен лишь весьма богатым людям. Чёрным археологам он не по карману. А официальные научные экспедиции постоянно находятся под контролем Патруля времени. Никто из наших подопечных и шагу в одиночку в прошлом сделать не может.

— К сожалению, у нас сложилось иное мнение, — хмуро сказал полковник Романов. — Кто-то летает в прошлое, минуя ваш контроль.

— Этого не может быть! — вскочил Быстров.

— Сядь, Сергей, — успокаивающе улыбнулся ему шеф. — Сядь и слушай дальше.

— В Москве есть некий антиквар — Беридзе Котэ Шалвович. У него небольшой магазинчик на Тверском и свой сайт в интернете, — продолжил полковник Романов, когда Быстров сел на свой стул. — Жена одного из наших сотрудников работает в Налоговой инспекции. Она приблизительно год назад проводила очередную проверку бизнеса Беридзе и заметила одну странную закономерность. Сначала на сайте Беридзе в разделе «Куплю» появляется объявление о том, что магазин приобретёт некий предмет у организации или частного лица. Через неделю-две в книге посетителей сайта появляется письмо некоего владельца-частника с предложением продать магазину Беридзе искомым предмет. А ещё через неделю этот предмет уже выставляется в разделе продаж магазина, и его практически немедленно, то есть — в течение суток, покупает какой-нибудь богатый коллекционер. Самое любопытное в этой схеме то, что покупатели могут меняться, а вот продавец-частник всегда один и тот же. Её ник — Горгона.

— Ну и что? — нервно спросил Быстров. — Ясно, что интернет-магазин Беридзе — просто посредник между Горгоной и коллекционерами редкостей. Он что — легализует краденое?

— Нет, — отрицательно покачал головой полковник Романов. — Ни одна из проданных Горгоной вещей никогда не была украдена. По крайней мере, никто не заявлял и не заявляет об их пропаже. Более

того, они вообще не числятся в каких-либо каталогах: ни музейных, ни частных.

— Ну и причём тут мы, Патруль времени?

— А притом, лейтенант, что Горгона продаёт именно то, что заказывают коллекционеры: вещи известные, но не существующие в нашем времени. Среди них, например, золотая серьга киевского князя Святослава, украшенная карбункулом и двумя жемчужинами. Того самого Святослава, сына не менее знаменитых князя Игоря и княгини Ольги, которого убили печенеги на днепровских порогах, когда он возвращался с победой домой, разгромив византийцев в Болгарии. Печенеги отрубили князю голову и сделали из его черепа пиршественную чашу. Судьба серьги Святослава с тех пор неизвестна. Откуда она у Горгоны?

Быстров пожал плечами.

— А откуда уверенность, что это именно та серьга?

— Горгона прилагает к каждой проданной ею вещи небольшой видеоролик, в котором запечатлён вместе с этим артефактом либо его создатель, либо известный владелец. Современные методы позволяют установить точный возраст любой вещи, а полёт в прошлое делает бессмысленным подделку видеороликов. Что ты теперь скажешь, лейтенант?

— Горгона имеет возможность бесконтрольно летать в прошлое, — убито признал Быстров. Ему стали понятны и ласковый приём, и улыбки шефа. Но почему козлом отпущения выбран он?

— Но Горгона не может что-либо забирать в прошлом и доставлять сюда, в наше время. — Вмешался шеф. — Это пока технически невозможно.

— Это ваша проблема, — развёл руками полковник Романов. — Я знаю одно: мы обязаны поймать Горгону и передать в руки правосудия.

— А мы-то вам зачем? — раздражённо спросил Быстров. — Возьмите её на передаче очередного заказа в магазин Беридзе.

— Пробовали, — вздохнул полковник. — Не получается. Артефакты приходят по почте, обычными посылками. Как они оказываются на центральном сортировочном пункте Москвы, установить не удалось. Обычные почтовые коробки без штампов и отметок каких-либо почтовых отделений. Адрес отправителя не существует.

— А деньги?

— Беридзе переводит их на счёт Горгоны в одном из Швейцарских банков. Это — номерной счёт. Горгона может управлять им по интернету или лично являться в банк. Мы всё равно об этом не узнаем — банк

не даст никакой информации, так как невозможно без суда объявить Горгону преступницей.

— А за что её судить? — мрачно спросил Быстров. — Горгона нико-го не ограбила, ничего не украла. Что вы можете ей предъявить?

— В этом-то и проблема, — уныло ответил полковник Романов. — Мы не знаем, как и где Горгона достаёт заказанные вещи. Вот почему нам нужна помощь Патруля времени.

— А мне, лейтенант Быстров, хочется знать, каким образом эта Горгона избегает нашего контроля, — жёстко произнёс шеф. — Какие у те-бя на этот счёт имеются соображения?

Быстров задумался.

— На самом деле, уйти от нашего контроля очень легко...

— Вот как? — недоверчиво подался вперёд в своём кресле шеф. — А подробнее. Так, чтобы не только я, но и полковник Романов понял.

— Мы, конечно, почти непрерывно следим за порученными нашей защите и контролю людьми, совершающими полёт в прошлое, — мед-ленно начал Быстров. — Но бывают моменты, когда кто-нибудь из на-ших подопечных исчезает с глаз патрульных. Например, заходит за де-рево или угол дома. Через секунду-две он вновь появится, но вот отку-да?

— Поясни, лейтенант, — прервал Быстрова полковник Романов. — Я что-то не понял, о чём ты.

— Каждый хрононавт носит свою машину времени на себе, как улитка раковину, — Быстров встал и продемонстрировал полковнику широкий ремень. — Универсальный пояс хрононавта, сокращённо — УПХ. Пряжка — сенсорная клавиатура. В пояс вмонтировано всё: мощ-ный аккумулятор, аптечка, хронокомпьютер для задания координат и управления перемещением во времени, антигравитатор для полётов в воздухе, мнемопереводчик со всех известных языков, рация — словом, всё необходимое. Горгоне достаточно незаметно или заранее ввести в хронокомпьютер новые координаты, зайти за дерево и...

— ...она уже не изучает в группе учёных процесс разрушения Ко-лосса Родосского, а ворует кинжал у Бенвенутто Челлини, — востор-женно стукнул по столу рукой полковник Романов.

— Вот именно, — крикнул от досады шеф. — А потом эта стерва спокойно возвращается к дереву практически в тот же момент, как по-кинула его, и, как ни в чём ни бывало, вновь появляется перед колле-гами и Патрулём. Молодец, Быстров! И как это мы не предусмотрели такую возможность?

— Подождите! — воскликнул полковник Романов. — Но вы же ска-
зали, что Горгона не может ничего принести из прошлого в наше вре-
мя.

— Зато она может спрятать нужную вещь в укромном месте, — воз-
буждённо ответил Быстров. — Закопать, например. А, вернувшись из
прошлого, уже в нашем времени откопать и продать.

— Как же вы будете ловить эту хитрую бестию? — озабоченно
спросил полковник Романов.

— Элементарно! — небрежно взмахнул рукой шеф. — Так же, как
ловят всех хищников: на живца.

...Быстров очнулся от боли. Он лежал ничком на берегу, почти у са-
мой воды. Всё тело ныло. Скалистый берег пятиметровой каменной сте-
ной круто вздымался от неширокой песчаной полосы прибоя, резко пе-
реходя наверху в гладкую, как стол, равнину.

— Повезло, что антиграв отказал уже во время приземления, а не в
полёте над морем, — пробормотал Быстров, разглядывая торчащие во-
круг острые зубья скал. — И всё же «посадка» была жёсткой...

Быстров вынул из кармана «сигару» зарядного устройства. Отвин-
тив крышку, он вытащил из капсулы туго свёрнутый рулончик. Взмах
руки, и рулончик превратился в короткий плащ. Быстров накинул его
на плечи и застегнул пряжку. «Ткань» плаща начала жадно поглощать
солнечные лучи, заряжая встроенный в пряжку запасной аккумулятор.

Быстров пошёл кромкой моря. Придётся почти сутки ждать, пока
солнце зарядит аккумулятор. А где ждать? От голода и жажды он за су-
тки не умрёт, но и оставаться на месте падения нельзя: на равнине
полно диких племён, постоянно враждующих между собой, и кто-ни-
будь из аборигенов мог видеть его падение. Пистолет вряд ли спасёт
от нападения местных отрядов — в запасе осталось не более двадцати
парализующих зарядов.

Женский плач вывел Быстрова из задумчивости. Выхватив писто-
лет, он осторожно огляделся. Аборигены никогда не отпускают своих
женщин одних, без охраны, за пределы поселений. Став спиной к мо-
рю, Быстров стал внимательно осматривать прибрежные скалы. Вокруг
было сравнительно тихо. Ни один камешек не скрипит под неосторож-
ной ногой. Не звенят доспехи. Только шелест волн, и где-то рядом
всхлипывает женщина. Быстров осторожно заглянул за скалу, из-за ко-
торой раздавались звуки плача. Перед ним в широкой нише, прижав-
шись к стене обрыва, сидела девушка. «Рабыня» — отметил про себя

Быстров, разглядев короткую белую тунику, окутывающую сжавшуюся фигурку.

— О, Посейдон, пощади меня! — прорыдала девушка.

«Древнегреческий» — определил мнемопереводчик, мгновенно переведя фразу, и загрузил в кратковременную память Быстрова всю необходимую информацию по этому языку.

Осколок раковины предательски хрустнул под ногой Сергея. Девушка вскочила, закрыв лицо руками, и закричала. И тут Быстров увидел, что несчастная прикована к скале. Длинная тонкая цепь спускалась от широких браслетов, охватывающих запястья рабыни, извивалась меж осколков окатанных морем валунов и кончалась вмурованным в стену кольцом.

Сергей шагнул к девушке.

— Не бойся. Я — друг, — тихо сказал он.

Увидев чужака, пленница сначала удивилась. Потом бросилась к Быстрову, прикинула к его груди и опять заплакала. Он стал ласково гладить её короткие пушистые волосы, бормоча какие-то успокоительные слова. Ткань комбеза на его груди стала влажной и горячей от слёз. Наконец, плач постепенно стих. Быстров осторожно отстранил от себя девушку.

— Сейчас я освобожу тебя, — сказал он, с сочувствием глядя на её поникшую, совсем ещё детскую фигурку.

Сердце Быстрова сжималось от жалости. Осторожно взяв худенькую руку пленницы, он достал нож и нажал кнопку. Из рукоятки забила короткая струя плазмы. Отрезанные цепи упали у их ног, как застывшие бронзовые змеи.

— Теперь у тебя на руках будут браслеты. Ну, очнись же!

Быстров потряс девушку за плечо и улыбнулся в её широко открытые, ещё мокрые от слёз глаза.

— Ты свободна, — он поднял с песка покрывало и накинул его ей на плечи. — Иди домой.

Убрав нож, Быстров сел на валун. Неожиданно девушка села рядом с ним.

— Ты что? — удивился Сергей. — Уходи, ты свободна!

— Нет, — отрицательно покачала головой девушка. — Освободить меня может только мой господин. А он этого не сделает. Моя жизнь закончится здесь, как только зайдёт солнце. А теперь и ты погибнешь вместе со мною.

— Почему?

— С заходом солнца сюда придёт Смерть. Чтобы она не выходила из моря на равнину и не нападала на город Дагон, воины царя Неарха каждую неделю приводят сюда раба или рабыню. Смерть съедает жертву и уходит назад, в море. Сегодня жребий пал на моего хозяина.

— Иди домой. Я вместо тебя буду жертвой.

— Кто мне поверит? — грустно улыбнулась девушка.

— Тогда уйди отсюда куда-нибудь подальше и спрячься, — предложил Быстров. — А утром, когда всё будет кончено, вернёшься домой.

— Ничего не выйдет, — вздохнула та. — В двух полётах стрелы от этого места — и на равнине, и по обе стороны берега — караулят воины. На всякий случай. Нам не уйти. Меня сразу же вернут сюда и опять прикуют к стене, а тебя либо убьют, либо ты займёшь моё место у этой скалы через неделю. Лучше попробуй уйти и спрятаться сам.

Девушка вернулась в нишу, вновь расстелила своё покрывало, села и с безнадёжной тоской стала глядеть на море.

— Да уж, положеньице, — вздохнул Быстров. — Воины, говоришь?

Он посмотрел на индикатор заряда аккумулятора и безнадёжно присвистнул: энергии не хватит ни на активацию защитного поля, ни на включение антиграва. Он застрял в ловушке где-то в античной Лидии на берегу Эгейского моря. Что у него есть? Разряженный бластер, нож и пистолет с двумя десятками парализующих зарядов. Вряд ли с таким арсеналом ему удастся прорвать оцепление и уйти живым и невредимым. Разве что, ночью попробовать? А куда, собственно, он собрался прорываться? Искать Горгону? Где? Операция сорвана. Надо просто дождаться полной зарядки аккумулятора и вернуться назад, в своё время.

Быстров взглянул на стоящее в зените солнце. Что ж, по крайней мере, источник энергии ещё долго будет на нужном месте. Сергей снял плащ и расстелил его на солнцепёке — пусть заряжается. Потом шагнул в тень ниши и сел рядом с девушкой. Та удивлённо спросила:

— Ты решил умереть вместе со мной?

— Нет. Лучше сразиться с неизвестным чудовищем, чем вступить в заведомо безнадёжный бой с вашими воинами. Как говорят на моей родине: из двух зол нужно выбирать меньшее.

— Почему ты решил, что выбрал меньшее зло?

— Ну, хотя бы потому, что до заката, когда придёт за тобой Смерть, ещё далеко, — улыбнулся Быстров. — Так что я проживу немного дольше. Ваши воины убили бы меня гораздо раньше.

— Ты же можешь спрятаться в прибрежных скалах или сдаться!

— Я тоже воин, — устало ответил Сергей. — Слушай, у меня был трудный день. Мне надо отдохнуть и набраться сил для встречи с вашим чудовищем. Я немного посплю, а ты покарауль. Разбуди, если что.

Быстров лёг на горячий песок и закрыл глаза. Надо хорошенько обдумать, что делать дальше. Где искать Горгону? Негодяйка где-то здесь, рядом. Она тоже должна подзарядить свой аккумулятор, чтобы вернуться в двадцать второй век. Эх, если бы Сергей был не один, а с Генкой! Вдвоём с напарником они бы легко взяли Горгону. Кто ж мог предположить, что она вооружена и экипирована не хуже Быстрова?

— Ну что, Старшой, забьём быка? — достав из кармана монету, спросил Генка Гор. — Чур, мой «орёл»!

— Давай, — легко согласился Быстров.

Генка щелчком большого пальца подкинул монету в воздух. Та, вертясь, сверкнула в лучах жаркого летнего солнца и зазвенела на плитах террасы.

— Решка! — разочарованно вздохнул Генка, поднимая монету. — Опять мне трястись на вонючей кобыле.

— Зато тебе везёт в любви, — засмеялся Быстров, бросая окурочек в урну утилизатора. — Где ты только находишь своих красоток?

— Места надо знать! — самодовольно усмехнулся Генка и широко распахнул дверь в комнату отдыха. — После вас, сударь.

Они вошли. Миновали столики с шахматами, домино, нардами и колодами карт, за которыми коротали свободное время остальные члены дежурной команды Патруля времени, друзья сели в кресла установки виртуальной реальности.

— Хочешь, после дежурства свожу тебя в одно место? — спросил Генка, запуская «Корриду».

— Нет уж, — надевая шлем VR, ответил Быстров. — Твои красотики мне не по карману. У меня нет папаши — олигарха!

— Да брось ты, Старшой! — заржал Генка. — Я угощаю!

— Мне хватает адреналина на работе, — не желая огорчать друга резким отказом, отмахнулся Быстров. — А когда затишье, как сейчас, — в виртуалке.

— Не любишь ты меня сегодня, — укоризненно пробурчал Генка, надевая свой шлем VR. — Почему?

— Завидую, — криво улыбнулся Быстров. — Так что, поехали? Или будем и дальше лясы точить?

— Поехали! — И Генка ткнул кнопку запуска...

...Высокие сапоги из натуральной кожи противно скрипели, когда Быстров неторопливо выходил на середину арены. Солнце пекло немилосердно. Сергей поднял вверх узкий клинок шпаги, приветствуя сидевших на трибунах зрителей. Вслед за ним на арену выехал на белой, как сахар, кобыле Генка Гор. В левой руке он небрежно держал короткое копьё и пучок украшенных цветами флага России дротиков-бандериллий, положив их поперёк седла перед собой. Правой рукой Гор снял с головы широкополую шляпу и поклонился публике, принимая свою порцию аплодисментов. Его лошадь, горячась от криков множества людей, нервно перебирала тонкими ногами, громко цокая подковами по каменной земле.

Вдруг двери загона распахнулись, и на арену выскочил огромный чёрный бык. Очевидно, солнце ослепило его в первое мгновение, так как зверь остановился, заморгал и недоумённо затряс головой. Его изогнутые острые рога были покрыты серебряной краской.

Гор пришпорил лошадь и, подъехав к быку, с силой метнул в него один из дротиков. Тот вонзился в могучее плечо зверя. Бык взревел от ярости и боли, взмахнул хвостом и бросился на наглого врага. Генка ловко увёл лошадь из-под удара острых рогов и вонзил в пролетевшую мимо тушу ещё один дротик. Бык резко затормозил всеми четырьмя ногами, взрыхлив копытами утрамбованную до каменного состояния землю, и резко развернулся. Из каждого плеча у него торчали бандерильи, и стекали алые струи крови. Шумно сопя, бык ринулся вперёд. Когда он подбежал, Гор перегнулся через шею лошади, вонзил копьё в бугор между лопатками зверя и налёг всей тяжестью на древко, держа его почти у самого наконечника. Генка изо всех сил удерживал быка, медленно отводя лошадь в сторону, пока она не оказалась в безопасности. Тогда Гор немного ослабил нажим и, когда бык, почувствовавший это, рванулся вперёд, остриё копья вспороло блестящую от пота и крови шкуру, обнажая уязвимое для удара шпаги место между широкими костями лопаток — единственную «ахиллесову пятю» могучего зверя.

Бык громко взревел от ярости и боли. Быстров ловко развернул красный плащ перед его мордой, отвлекая зверя на себя. Взбешённый бык бросился на нового врага. Размахивая плащом перед его налитыми кровью глазами, Быстров обвёл зверя вокруг себя. Когда плащ описал круг, Сергей прижал его к груди. Бык вновь бросился. Почти не сходя с места, Быстров сделал полный оборот. Торчащая из плеча быка бандерилья больно хлестнула его по руке с плащом и обломилась у самого наконечника. От запаха пота и крови зверя Сергея немного замутило.

Три раза повёртывался он, заставляя быка бегать вокруг себя. Зрители на трибунах ревели от восторга.

На четвёртый раз Быстров выхватил шпагу и, приподнявшись на цыпочки, вонзил её в то место, где копьё Гора вспороло толстую шкуру быка. Промах! Клинок согнулся, уткнувшись в кость лопатки. Бык дёрнул плечом, шпагу вырвало из руки Быстрова, а сам он покатился по земле. Гор тут же бросил лошадь между быком и ошеломлённым падением Сергеем. Разъярённый зверь вонзил рога в брюхо несчастной лошади, поднял её вместе со всадником и, мотнув головою, отбросил в сторону. Вскочив на ноги, Быстров подхватил шпагу и кинулся к быку.

— Торо! — взмахнул он плащом перед окровавленной мордой зверя. Где-то рядом в агонии билась и кричала лошадь, но у Быстрова не было времени и возможности посмотреть, что там с Гором. Он сосредоточился на летящей на него свирепой горе мускулов и злобы. Игры на публику закончились. На этот раз Сергей не промахнулся: клинок вошёл в «ахиллесову пятю» быка. Тот резко остановился, шатаясь сделал пару шагов, роня кровавую пену с губ, и рухнул на землю. Сергей выдернул шпагу, и горячая кровь брызнула из раны ему в лицо...

Быстров проснулся и тут же вспомнил, где он, и что с ним случилось. Но ощущение горячей влаги на щеке не исчезло. Сергей открыл глаза. Его голова покоилась на коленях окаменевшей от ужаса рабыни. Горячие слёзы пробороzdили на её белых, как мел, щеках мокрые дорожки, капая ему на лицо. Быстров вскочил на ноги и замер. В застывшей давящей тишине отчётливо раздавались громкое дыхание и плеск какого-то приближающегося со стороны моря существа. Быстров вышел из ниши и в багровых лучах заходящего за горизонт солнца увидел в прибрежных волнах встающего на задние лапы огромного ящера.

— Ни хрена себе! — ошеломлённо выдохнул Сергей. Он до последней секунды не верил в приход чудовища. Ждал кого угодно: шайку пиратов, банду разбойников или отряд воинов соседнего с городом племени, пришедших за еженедельной данью в виде живого товара, но никак не чудом выжившего представителя доисторической фауны.

Тело морского змея всё выше вздымалось над поверхностью моря. Передние лапы с перепонками между огромными серповидными когтями ритмично рассекали воздух, словно зверь продолжал плыть. Толстый длинный хвост вспенивал воду позади монстра. Маленькие злобные глазки с щелевидными зрачками остановились на Быстрове. Распахнулась метровая пасть, усеянная острыми зубами-кинжалами, и жуткий рёв поднял в воздух с прибрежных скал тысячи птиц. Звуковая

волна отбросила Быстрова назад, в нишу. Из-за его спины вдруг вывернулась гибкая девичья фигурка и бросилась к морю, навстречу зверю. Выхватив пистолет, Сергей одним прыжком догнал рабыню и отшвырнул назад, в нишу. Почти не целясь, он выпустил в ящера три парализующих заряда. Тот замер на мгновение, перестав реветь, затем решительно ринулся на задних лапах к берегу. Видно, для такой туши доза, способная мгновенно свалить с ног слона, была не страшна. Быстров попятился, непрерывно стреляя в надвигающуюся зубастую громадину. Заряды давно закончились, а он всё продолжал жать на спусковой крючок. К его спине прижалась дрожащая девушка.

— Ты остановил Смерть! — вдруг услышал он её удивлённый голос.

— Что? — Быстров сунул в кобуру бесполезный отныне парализатор и внимательно посмотрел на ящера. Тот неподвижно стоял в пяти метрах от берега, опираясь на мощный хвост. Пасть его осталась открытой, глаза горели лютой злобой, но монстр не мог даже моргнуть!

Быстров поднял с песка плащ и бросил взгляд на индикатор. Аккумулятор успел зарядиться лишь на треть. Что ж, Сергей уже вновь может пользоваться защитным полем и антигравом, но вот для полёта во времени энергии ему не хватит. Придётся как минимум и завтрашний день провести на местном солнышке.

— Почему ты его не убиваешь? — спросила девушка. — Избавь нас от этого чудовища!

— Уже, — ответил Быстров, складывая и убирая в контейнер плащ. — Видишь: зверь не дышит. Не может. Получил слишком большую дозу. Скоро он умрёт от удушья. Больше Смерть не будет приходить сюда за очередной жертвой. Как тебя хоть зовут-то?

— Андромеда. А кто ты?

— Ну, раз ты — Андромеда, то я — Персей, — засмеялся Сергей. — Что будем делать: останемся на ночь здесь или поднимемся на равнину?

— А как же наши воины?

— Теперь я их не боюсь.

— И не должен, — раздался вдруг чей-то голос.

Быстров обернулся, одновременно активируя защитное поле. На берег из-за скалы вышел десяток воинов, вооружённых короткими мечами и большими круглыми щитами. У двоих за плечами висели большие луки и колчаны, полные стрел. Трое держали длинные копья.

— Кто вы? — стараясь выглядеть спокойным и уверенным, спросил Быстров. — Что вам здесь надо?

Старший над воинами сделал шаг вперёд и ударил сжатой в кулак рукой себя в грудь.

— Я — Ксанф, начальник стражи Неарха, царя Дагона. Он послал меня за тобой ещё днём. Но мы нашли тебя только сейчас.

— Днём? — удивился Быстров.

— Да. Почти весь город наблюдал бой в небе над морем. Спешу обрадовать тебя, Персей: твой враг, Горгона, тяжело ранен. Он сейчас в царской темнице.

— Что ты сказал? — воскликнул Быстров. — Горгона у вас?

— Да, — ответил Ксанф. — Он сказал, что будет говорить только с тобой.

— Ты сказал «он»? — поразился Быстров. — Горгона — мужчина?

— Да, — в свою очередь удивился Ксанф. — Ты не знаешь, кто твой враг, Персей?

— Горгона назвал тебе моё имя? — уточнил Быстров, проигнорировав вопрос Ксанфа.

— Нет. Он сказал, что мы узнаем тебя по одежде. Она у вас одинаковая.

— Хорошо, Ксанф, идём. Я хочу увидеть Горгону как можно скорее.

— Персей... — замялся Ксанф.

— Что ещё?

— Разрешите нам отрубить голову этому чудовищу и доставить её нашему царю? Не беспокойся: мы не присвоим твою славу.

— Ладно, — махнул рукой Быстров. — Только побыстрее, солнце уже почти село...

Да, засада всё-таки удалась. Мы с шефом обсудили несколько вариантов приманки. Нужен был артефакт, известный историкам, но о котором ничего не знает простая публика. Это чтобы нам случайно не помешал какой-нибудь хронотурист. Остановились на щите Алкивиада. Никто в наши дни не вспоминал об этом афинском политике. А ведь когда-то Алкивиад был известным стратегом, воспитанником знаменитого Перикла и любимым учеником Сократа. Более того, этот явно неординарный человек слыл в тогдашних Афинах идеалом мужской красоты! Не дурак был выпить, и весьма охоч до баб.

Щиты в Афинах тогда мастерская делала по одному общему образцу. Для богатых клиентов, того же Алкивиада, например, их покрывали золотом. А чтобы в походах не перепутать, где чей, владельцы помечали свой щит специальным знаком. Так вот, Алкивиад и здесь отличился: вместо знака приказал мастеру украсить свой щит изображением

Эрота с молнией в руке, так что его ни с каким другим перепутать невозможно.

Не знаю, куда шеф отправил мой УПХ, но, когда его через пару дней вернули, в нём появилось три новых устройства.

— Этот датчик ты прикрепишь к щиту Алкивиада. — Протянул мне шеф маленький целлофановый пакетик, в котором лежала тонкая прозрачная чешуйка, размером с ноготок. — Он самоклеющийся. Когда Горгона возьмёт артефакт, у тебя на поясе загорится вот этот индикатор, раздастся звуковой сигнал и на табло хронокомпьютера появятся пространственно-временные координаты украденного щита. Ты немедленно стартуешь туда. Вот эта кнопка включает индикатор внешнего хронополя. Как мне объяснили, если рядом с тобой в радиусе ста метров появится хрононавт, индикатор загорится, и ты узнаешь, что Горгона где-то рядом. Сразу включай блокиратор хронополя — вот эту кнопку. Пока работает блокиратор, никто из вас, ни ты, ни Горгона, не сможет перемещаться во времени. То есть, сбежать она не сможет. Как бы Горгона ни маскировалась, индикатор укажет тебе направление и расстояние до неё. Ну, а когда ты её схватишь...

Потом люди полковника Романова организовали через какого-то коллекционера заказ щита Алкивиада в магазине Беридзе. И вот я здесь.

Странно, Горгона должен быть уже рядом, а индикатор на моём поясе не горит. Уж не обманывают ли меня Ксанф с Нейрхом? Сам, как дурак, лезу в царскую тюрьму.

Мы идём по узкому извилистому коридору. Впереди и сзади меня сопровождают вооруженные мечами воины. В поднятых вверх мускулистых руках они несут чадающие факелы. Где-то позади остались царь Нейрх с фальшивой улыбкой на устах и страхом в глазах, Ксанф с кровоточащей головой ящера и пиршественный зал, заполненный вооружённой стражей и демонстрирующими веселье гостями.

Воин впереди вдруг останавливается и распахивает передо мною тяжёлую, обитую бронзой дверь. Мы входим. В колеблющемся свете факелов я вижу лежащую на середине камеры фигуру в комбезе Патруля времени.

— Ну, здравствуй, Старшой, — пронзает мне сердце знакомый голос. — Дождлся-таки...

— Оставьте нас, — приказываю я воинам, и те, воткнув факелы в предназначенные для них гнёзда, выходят.

— Генка Гор, — с горечью шепчу я. — Так это ты — Горгона?

— Я, — не отрицает очевидное мой лучший друг. — Генка Гор, Гор Гена, Горгона...

Он вдруг закашлялся, на губах запузырилась кровь.

— Что с тобой? — бросился я к нему.

— Не трогай! — остановил он меня. — Твой выстрел из пистолета был на удивление удачен. Парализованный, я не мог управлять антигравом и на полной скорости впечатался прямо в скалистый берег моря. Похоже, у меня переломаны все кости и повреждены внутренности.

— Завтра я доставлю тебя в лучшую больницу, — мои ноги подкосились, и я сел рядом с Генкой, лежащим на грязном и холодном каменном полу.

— Нет, Старшой, забудь. Мне хана. Я жив до сих пор только благодаря надежде дождаться тебя, обезболивающим и стимуляторам из аптечки.

— Меня ждал? Зачем? Ты же стрелял в меня из бластера!

— Не знаю почему, но я не смог скрыться во времени, когда ты окликнул меня по радиации и приказал сдаться. Мой хронокомпьютер перестал работать. Вот я и решил укрыться где-нибудь здесь, в этом мире. Пальнул из бластера, зная, что защита у тебя включена. Думал, пока ты будешь прятаться от меня в облаках, я успею смыться.

— Подожди, я прикажу перенести тебя отсюда...

— Оставь, — удержал меня Генка. — Нет времени. Я же сказал: мне хана. Свой УПХ я уже сжёг — хватило остатков заряда бластера. Так что домой мне по любому не попасть. Как и в нашу российскую тюрьму. Лучше умру здесь. Я теперь — часть этого мира.

— Эх, Генка! — со злостью ударил я кулаком об пол. — Зачем?

— Не переживай, Старшой, — хрипло ответил он. — Я ведь не дурак. Знал, что когда-нибудь эта минута настанет, и приготовился: у меня ампула с ядом в зубе. Вы меня всё равно живым бы не взяли.

— Я не про это, — мой голос тоже звучал хрипло. — Зачем ты стал «чёрным археологом»?

— Ради денег, конечно, — криво усмехнулся Генка. — Я ж детдомовский. Как подросток, меня тут же выперли на улицу — живи, парниша, как сможешь! А что я мог? Что умел? Вот тогда-то я и прибил к «чёрным копателям». Но вскоре Крот, наш главарь, погорел на сбыте найденного нами оружия времён Второй мировой войны. И опять я остался один, сам по себе. Завербовался в армию. Пять лет бросали из одной горячей точки в другую. Все ребята, с кем начинал службу, сгинули, а на мне ни царапины! Однажды вызвали в штаб, и там один хмырь в штатском предложил мне перейти на службу в Патруль времени.

— Зачем же ты теперь-то подался в «чёрные археологи»? У нас жалованье побольше, чем в армии. Иль на баб не хватало?

— Я не в археологи пошёл. Скорее, в следопыты — искал конкретные вещи, затерянные во времени. Сопровождал как-то одну группу, изучавшую подробности смерти и похорон Чингисхана. Услышал спор учёных о том, каким образом в голом поле пометить место захоронения Чингисхана, чтобы монголы и последующие искатели могилы эту метку не обнаружили, а они, вернувшись в наше время, смогли найти. Вот тогда-то мне и пришло в голову, как можно модернизировать бизнес «чёрных археологов» и заработать на достойную жизнь.

— Что ты называешь достойной жизнью? — разозлился я. — Хождение по бабам и кабакам?

— Это всё внешнее, Старшой, — сплюнул сгусток крови Генка. — Львиную часть денег я переводил детским домам. Помогал ребятам и девчонкам, с которыми вырос. Их ведь тоже, как и меня, выпихнули за дверь без денег, жилья и работы. Теперь у моих друзей есть всё, что нужно для нормальной жизни. Ну, и себя, конечно, не забывал. Я никому не делал зла, Старшой! Не жалеешь теперь, что нашёл Горгону?

— В Робин Гуды метишь? — горько усмехнулся я. — Полковник Романов из МУРа всех твоих подопечных найдёт, запишет в соучастники и, если не посадит, то добьётся конфискации всего их несправедливо нажитого добра.

— С какой стати? — хищно оскалился Генка. — Я же делал всё сам, один.

— Один? — в ярости закричал я. — А кто принимал на почте без должного оформления твои посылки? Кто искал тебе информацию по заказанным артефактам? Кто ведёт твои банковские дела? Кто занимается перепиской от твоего имени с интернет-магазином Беридзе с несуществующих адресов? Думаешь, в МУРе дураки сидят? Добро он людям делал! Ты показал своим друзьям сладкую жизнь. Каково им потом-то будет, когда их опять ткнут мордой в дерьмо? Нет, я не жалею, что нашёл Горгону, потому что ненаказанное зло всегда чувствует себя добром.

— Значит, считаешь меня злом? — тихо сказал Генка. — Уверен, что их найдут и всё отнимут?

Я не ответил.

— Мы думали об этом, — вдруг сказал Генка. — Без помощи Патруля времени МУР не справится. Им придётся отследить все мои контакты в наше время, а это сейчас невозможно. Ты же знаешь: у каждого хрононавта есть мёртвая зона времени, куда он не может попасть —

время его собственной жизни. Один и тот же человек не должен одновременно находиться в двух разных местах, тем более встречаться с самим собой. Значит, муровцам придётся подождать не менее двадцати пяти лет, пока родится, вырастет и пройдёт соответствующую подготовку тот сотрудник Патруля времени, который сможет заняться отслеживанием моих контактов в нашем времени. Думаю, что они не станут столько ждать, ведь я не маньяк-убийца и не военный преступник. Срок давности, Старшой! А сами они и меня-то найти не смогли, раз ты здесь. Я прав?

— Не совсем, — нехотя признал я. — До этого они не знали, кто такой Горгона. Теперь ситуация изменилась. Не так уж трудно узнать, кто из твоих детдомовских друзей работает на почте или стал хакером. Их найдут.

— Найти мало, Старшой, — сжал мою руку горячими пальцами Генка. — Надо ещё доказать вину, найти улики. Ты сможешь моим друзьям? Зло ведь уже наказано...

— Как?

— Ты прав, я не гений, — усмехнулся Генка и закашлялся. Кровавый ручеек потёк у него из уголка рта. — Моё время на исходе.

— Так не теряй его, говори, что надо сделать!

— Как вернёшься назад, дай объявление в интернет-газете «Совершенно бесплатно» в разделе «Разное». Напиши, что ищешь напарника для участия в вирт-игре «Коррида». Это сигнал о моём провале. Ребята знают, что и как им надо сделать, чтобы их, как ты изящно выразился, не ткнули мордой в дерьмо. Сделаешь?

— Обещаю, — твёрдо ответил я.

— Спасибо, Старшой! Прощай...

Во рту у Генки что-то хрустнуло, он обмяк, его напряжённое лицо постепенно разгладилось, горячая рука вскоре начала холодеть...

Анатолий Сахоненко

Мурманск

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ

— Да, что б тебя! Чёрт, чёрт! Чтоб тебе пусто было! — я со всей силы хлопнул крышкой старенького ноутбука, мгновением позже поймал себя на запоздалом сожалении — «так его надолго не хватит!»

Насколько хватит меня... здесь, вообще было непонятно! Как известно, человеческому терпению нет предела, но это был явно не тот случай! Стащив с головы устройство, состоящее из наушников и датчиков, крепящихся к лобной и затылочной части черепа, и соединённых над макушкой в некое подобие шлема, я оглядел комнату. Она, всё больше и больше, напоминала жилище во время эпидемии — когда любой выход на улицу несёт в себе смертельную опасность: то тут, то там, на журнальном столике и на кресле, валялись коробки с корками недоеденной пиццы, упаковка из-под китайской лапши. Поднявшись и с трудом разминая застывшие от многочасового сидения члены, я отправился на кухню — заваривать очередную, бог весть какую по счёту, чашку кофе.

Три дня назад мне позвонил главный редактор толстого ежемесячного журнала, с которым я сотрудничал в качестве внештатного автора, подрабатывая написанием рекламных текстов и небольших заметок на разные важные темы. Вроде тех, где рассказывается о полезных советах ведения домашнего хозяйства. Или обзоры кинопремьер. Такие вот высокохудожественные задания. При всём при этом в издательстве, выпускающем этот журнал, уже давно лежал мой роман, терпеливо ждущий своего часа. Редакция скоро как год кормила меня завтраками, ссылаясь или на нехватку места, или на меняющиеся читательские интересы, а то и вовсе на новую концепцию издания книг. Что интересно, с редактором, за всё время работы на журнал, я общался считанные разы — моим уровнем были рядовые корректоры и менеджеры клиентского отдела. Поэтому, услышав в трубке знакомый, бархатный баритон, неторопливо, но уверенно проникающий в мою голову, я понял — произошло что-то неординарное. Если уж птица такого полёта снизошла до звонка мне, червячку, находящемуся в самом низу издательской пирамиды. Я вспомнил, как внушительно, импозантно он выглядит — пиджак из дорогого, шотландского твида, холёное лицо, всегда идеально выбритое, пальцы рук, унизанные массивным перстнем с эксклюзивным бриллиантом. Золотой «ронсон», от которого он прикуривает свои сигары. Купе, класса «люкс», чьё появление на парковке офиса неизменно притягивает взгляды и рождает восхищённые реплики. И вот этому человеку я вдруг понадобился!

— Э... Скажите, Селиванова Андрея Юрьевича я могу услышать? Я правильно звоню?

— Да, правильно! Я Вас слушаю — я терялся в догадках о причинах интереса к моей скромной персоне.

— Добрый вечер! Мне дали ваш телефон... вы для нас, иногда, пишете на заказ? — он разговаривал так, словно всё ещё сомневался — что я это я.

— Да, всё верно! Обычно мне звонит Сергей, из отдела по работе с клиентами! Возникли какие-то проблемы? — заказчики, вероятно, могли быть недовольны моей работой, но не до такой же степени, чтобы этим вопросом занялся сам патрон!

— Нет, никаких проблем! Просто предложение, которое я вам хочу сделать, может быть озвучено только мной.

— Хорошо, спасибо! А что за предложение? — разговор приобретал совсем уж загадочное направление — «что это за заказ такой, что должно звонить первое лицо в издательстве?»

— Предложение вот в чём — нам поступил срочный заказ на историю для экранизации. От большой кинокомпании. У них есть сюжетная завязка и представление, в каком ключе должно развиваться действие. Всё остальное на ваше, в том случае если вы возьмётесь, усмотрение. Гонорар очень хороший, я думаю пройдёте по первой категории!

Услышав это, я даже слегка опешил — по первой категории шли маститые, топовые авторы. Те, чьи имена реяли на знамёнах издательства. Те, кем оно дорожило и ревностно следило, чтобы их не сманили конкуренты. Не сомневаясь, что есть какой-то подвох, пытаюсь унять возбуждение от замаячивших перед глазами круглых сумм, я как можно деловитее всё же спросил:

— А почему собственно вы ко мне обратились? Опыта у меня не так чтобы много... А у издательства в обойме есть и более подходящие кандидатуры для выполнения такой работы!

Мой собеседник взял паузу — мне послышалось, будто бы он даже причмокнул, пожевал губами, прежде чем ответить. Может и закурил, сидя за огромным, из красного дерева, столом, пуская кольца вверх.

— Дело в том, что есть нюанс... Я бы сказал — нюансы! — он снова замолчал, словно проверяя мою реакцию, но не дождавшись, продолжил — На выполнение этой работы нам дают семь дней! Всего!

— Ого! Негусто! — не нашёлся я что-либо ещё сказать.

— Да, и объём заказан серьёзный, они хотят материал на несколько серий!

— Прямо как у Достоевского с его «Игроком»! Только времени в три раза меньше!

Почему мне пришла в голову именно эта история?

— Простите, не понял? — он, видимо, тоже удивился такой аналогии.

— Помните, писателю дали месяц на новый роман, а он управился за три недели... У нас неделя одна!

— Ах, ну если с этой стороны, то да. Чем-то похоже!

— Только Анны... Сниткиной у меня нет.

Я решил пойти в сравнениях до конца.

— А вот в этом вы ошибаетесь! Есть второй нюанс — у вас будет ИИП! — Затем он поспешно добавил — При условии, конечно, что вы согласитесь!

Теперь удивился уже я — вот ведь несуразная аббревиатура!

— Как вы сказали? ИИП? А что это такое?

— ИИП это Искусственный Интеллект Писателя! Новая программа, разработанная по нашему заказу. Пока что это секретная разработка, и поэтому мы не можем придать факт её существования огласке, не убедившись в практическом применении. Что касается известных авторов... вообще непонятно, как они к ней отнесутся! Отчасти это ведь может лишить их заработков и той славы, которые они сейчас имеют! Сомнительно, что их мнение будет беспристрастным!

— А как это работает? Что он делает... этот ваш ИИП?

— Это специальная программа, адаптированная к деятельности человеческого мозга. Я, честно сказать, в терминологии не силён, да и в технические детали не вдавался. По внешнему виду — небольшой прибор, преобразователь с нейронными датчиками, которые крепятся к голове и с помощью которых искусственный интеллект вступает во взаимодействие с человеческим мозгом. Есть также наушники для полного поглощения звуковых колебаний. Создаётся абсолютный вакуум — только ваш мозг и ИИП. Вы начинаете писать — сюжет, завязка, персонажи и черты их характера, так сказать обычная писательская рутина, а преобразователь, синхронизируясь с работой ваших нейронов, предлагает наиболее перспективные варианты продолжения. Можно выбрать лучший. Или вот, допустим, написали вы фрагмент текста, а он выдаёт его в усовершенствованном виде! Причём касается это не только сюжетных ходов, захватывающих поворотов в повествовании, но и описаний чего-либо. Мест действия, внешности, внутренних переживаний, природы наконец! В общем, то, что ваша братия так не любит! Всё это отображается на мониторе компьютера.

— Так это что получается, писателем сможет стать каждый? Подключил программу и сиди, комбинируй? Как складывание детских кубиков... Все Толстые и Чеховы?

— Ну, это очень упрощённо! И мы так далеко не заглядываем! В любом случае нужны задатки писателя, воображение, способность при-

думать интересную историю и вести читателя к её финалу! Последовательность такова, что ИИП идёт за развитием вашей идеи, вы создаёте полотно произведения, а он, оценивая вашу задумку, лишь помогает его улучшить. Решайтесь, это ваш шанс попасть в литературный мир, стать одним из авторов издательства. Не размениваться на ерунду, вроде рекламы!

Я немного растерялся — ещё полчаса назад мне и в голову не могло прийти ничего подобного. Самые смелые ожидания, мной лелеемые, заключались лишь в том, что когда-нибудь будет издан мой роман. А предложение это свалилось как снег на голову!

Фраза, прозвучавшая как вердикт в последней инстанции, окончательно помогла развеять мои сомнения:

— И вот ещё что, Андрей Юрьевич, после выполнения этой работы мы сможем перейти к обсуждению условий, на которых будет напечатан ваш роман!

Дальнейшие события выглядели как забег на спринтерской дистанции. Рано утром ко мне приехала целая делегация, возглавляемая моим вчерашним собеседником. Два программиста, открыв коробку, достали из неё компактное устройство и занялись его подключением и адаптацией к моему ноутбуку. Компьютер, который они привезли с собой, я отклонил сразу, как только выяснилось, что и мой ноутбук можно совместить с ИИП. Немного дольше им пришлось повозиться, устанавливая на него программу и необходимые обновления, но мне было важно работать за своими, знакомыми мне наизусть клавиатурой и монитором.

После всех приготовлений наступил и мой черёд — на голову мне надели предмет, напоминающий шлем, а на лоб и затылок прикрепили датчики. Я посмотрел на своё отражение в зеркале, встроенном в створку шкафа, и чуть не расхохотался: для полного сходства с инопланетянином не хватало только антенны на макушке!

Сев за ноутбук, я с волнением приступил к тестированию ИИП, выполняя все указания человека, до этого момента ничем себя не проявлявшего, а лишь молча наблюдавшего за происходящим. Теперь же он давал мне подробную инструкцию, шаг за шагом объясняя порядок действий и тут же проверяя, как я их усвоил. Впрочем, заняло это совсем немного времени, уже скоро мы закончили и он, обернувшись в сторону главреда, поднял большой палец вверх. Последним, в чьи руки я сегодня попал, стал штатный юрист издательства — я подписал договор о предоставлении мне экспериментального устройства, при помо-

щи которого я обзывался написать в недельный срок текст определённого объёма.

— Постарайтесь использовать ИИП по максимуму, нужно понять, на что вообще мы можем рассчитывать в будущем... при его применении. Но будьте аккуратны, это уникальный образец, в единственном экземпляре! Здесь пожелания заказчика, относительно того, какую они ждут историю, некоторые замечания о том, в каком направлении она должна развиваться. В остальном вы свободны, творите! — протягивая тоненькую папку, редактор, пожал мне руку и, улыбнувшись, добавил: — Желаю удачи!

За три дня я не продвинулся ни на сантиметр. Всё, что выдавал преобразователь, я, скрипя зубами и заходясь в нервных конвульсиях, удалял к чёртовой матери. Клацал по клавиатуре до изнеможения, до воспалённых от экрана глаз. Затем падал на диван и проваливался в сон, на два-три часа. Встречал доставщика еды, торопливо заталкивал в себя куски и как обозлённый тигр снова бросался за работу. И всё удалял!

А ведь начало было весьма оптимистичным! Я бы сказал воодушевляющим. Принцип действия ИИП был гениально прост — ты набираешь текст, а преобразователь мгновенно каждое твоё предложение, каждый отрывок совершенствует, доводя до идеального звучания. В режиме автоматического исправления — слово за словом, строку за строкой! И происходит это таким образом, что к моменту завершения того, что ты пишешь, на экране монитора уже не твой вариант текста, а вариант ИИП! Да так, что в голове у тебя остаётся только его вариант, ты смотришь и не понимаешь — как можно написать это по-другому! Настолько это идеально, выверенно и сделано художественно чистым слогом.

Первые часы своей работы я просто не мог оторваться: я писал абзац за абзацем, ненадолго прерывался, перечитывал написанное и находился в полном восхищении! Ни в одном отрывке, ни в одном диалоге не видел я необходимости что-то менять или переписывать. Так это было прекрасно! Сам процесс работы с ИИП поразил меня своей лёгкостью — никаких мучительных размышлений и бесконечного жонглирования словами в попытке сложить их в наиболее стройном порядке. Никаких мнительных переживаний — «а можно ли здесь так?», «а насколько читабельно это будет?» или самое жуткое — «а не было ли такого у кого-то до меня?» Темп, мной взятый, тоже впечатлял: где-то в

подсознании мелькнуло: «если так пойдёт и дальше, смогу закончить даже раньше срока!»

Ближе к вечеру я решил взять паузу, оценить результаты своих трудов. Заварив кофе и разместившись с чашкой в кресле, я наслаждался красотой слога и глубиной содержания, безупречно выстроенными по форме и стилистике предложениями, насыщенностью образов и яркостью описаний.

От этого занятия меня отвлек звук из прихожей: там пронзительно заверещал домофон. Вспомнив, что заказал пиццу, я нажал кнопку переговорного устройства и услышал фразу, в которой было что-то отдалённо знакомое:

— Доставка! Ваша пицца, быстрая как лань!

— Заходите!

Пока он поднимался, я безнадёжно рылся в своей памяти.

Расплачиваясь, я, вследствие своего приподнятого настроения, решил пойти против своих принципов и оставил ему чаевые.

Моментом позже всё встало на свои места, парень увлечённо сыпал цитатами из рассказа «Доставщик пиццы» Говарда Стокса.

— Благодарю за ваше расположение в адрес скромного доставщика пиццы!

— Читали Стокса? — поинтересовался я.

Рассказ, да и сам автор не были широко известными в наших краях.

— Конечно! При моей-то профессии! — парень, ухмыльнувшись, махнул рукой и исчез за дверями лифта.

Я, вернувшись в комнату, положил вкусно пахнущую коробку на стол, машинально по ней побарабанил, но так и не открыл. Что-то мне не понравилось, какой-то неприятный осадок остался от этой встречи. И относилось это не к эрудированному курьеру. Причина была не в нём! Мысли крутились вокруг рассказа, прочитанного мной когда-то. Что-то было не так!

Даже не пытаюсь унять разрастающееся беспокойство, я открыл интернет и вбил в поиске: «Доставщик пиццы читать».

Уже на третьей странице я нашёл максимально приближённую, почти слово в слово, копию отрывка из своего сегодняшнего текста. Те же обороты, те же выражения, только расположение их было немного изменено!

Я стал проверять свой текст дальше. Вставляя фрагменты в поисковую строку, я обнаружил, что процентов восемьдесят мной написанного принадлежит другим, известным и не очень, авторам. Всё было содрано, слизано, просто украдено!

Я схватился за голову — ИИП не производил ничего оригинального, он всего лишь извлекал из накопленного веками интеллектуального багажа наиболее подходящее для использования. Редактировал, внося минимальные перестановки и исправления, необходимые для того, чтобы не попасть под обвинения в плагиате. Обычный читатель, из тех, что сегодня прочитал книгу, а завтра уже и забыл про что она, возможно и не заметит такого подхода, но литературное сообщество обмануть не получится. Если, конечно, это изначально не задумано для обывателей, составляющих основной читательский контингент...

Сейчас, как и в день появления в моём доме преобразователя, передо мной лежал чистый лист! История, под которой я мог бы поставить своё имя, не создав себе дурного реноме на старте моей писательской карьеры, не получалась. Осталось четверо суток! Днём звонил редактор, мой злой искуситель. Интересовался, как продвигается работа. Какие впечатления от программы ИИП. Просил не стесняться, если есть нарекания. Нарекания...

«Каждый сможет стать Толстым или Чеховым...» Нет, всё превратится в электронный конвейер, где будут штамповаться стандартные, посредственные поделки. А если учесть, откуда ИИП берёт свою образцовую материю, то правильнее сказать подделки! Всем овладеет серая, безликая масса, сквозь трясины которой вряд ли уже пробьётся новый Творец!

А может, взять преобразователь, отнести на пустырь, положить в цинковое ведро и, сдобрив бензином, поджечь? Но есть ли в этом смысл? Ведь всё равно это будет не более чем отсрочка.

Осталось четверо суток.

Отключив устройство, удалив программу с ноутбука, я сажусь писать другую историю. Свою историю!

Anna Raven

Челябинск

ПРО ДУХОТУ ОДНОГО ЗАЛА

В зале было темно и душно. К темноте привыкнуть легко, темнота — это совсем не страшно, а вот от духоты могла заболеть голова. За окном уже растекалась ленивая весна, но в стенах замка всё ещё было холодно.

Камень на то и камень, чтобы помнить долгий зимний холод. Никогда камень не прогреется до конца, никогда не утратит памяти о долгой зиме.

И его нынешний хозяин тоже.

А что до духоты — так это ничего, это на пользу его гостям, пусть расслабятся, быстрее опьянеют, языки их будут куда более болтливыми, а в этом и есть смысл сегодняшнего действия.

— Мой господин, — Амар, как всегда, подошёл очень тихо, боялся нарушить покой своего хозяина, но, похоже, вопрос был неотложный, — гости начинают прибывать.

Что ж, это хорошая новость. Ожидание изматывает куда больше. Пора заканчивать. Да и прийти-то сюда нужно было только для того, чтобы убедиться — всё готово. У каждого человека свои тяготы собственной сути: кто-то не может принимать участие в мелких делах и отдаётся лишь сложным, а кто-то сосредоточен на каждой мелочи, так как знает, что мелочей не бывает и ничего не должен пропустить взор господаря.

И видят боги — любые боги этого мира, которых — одни говорят, что много, другие твердят, что он един, но множествен в своих проявлениях — тяжело относиться ко второму виду людей.

Мелочей нет! Есть множество мелких обстоятельств, которые складываются в историю. Но нечего больше ждать, отступления не будет, и прибытие первого гостя — это как раз доказательство того, что пути назад нет.

Значит, пора из пиршественного зала. Тут жарко горит очаг, прикрыты тяжёлыми заслонами окна, оставляя лишь жалкие просветы для весеннего застенного воздуха, который сегодня не должен увидеть той грязи, что разойдётся по этой зале.

— Всё готово? — вопрос привычен, и сколько же раз он его задавал? Пять? Десять? Но Амар всегда терпелив, он знает своего хозяина и отвечает как всегда подробно, ничем не выдавая раздражения:

— Приборы готовы, повара заканчивают приготовления, мой господин. Баранину уже глазируют для подачи, а что касается супов и рыбы...

— Стража? — про еду слушать нет сил. Это, конечно, всё вкусно и весь замах пропитался ещё с ночи подступающими запахи пиршественного обеда, но в горле давно и прочно стоит комок, вызывающий лёгкую, но постоянную, муторную тошноту.

Надо всё контролировать, но куда деть муть собственного состояния? люди слабы, почему, Господи, люди так слабы? Разве сегодня произойдёт что-то неверное? Разве сегодня произойдёт что-то, что противоречит правосудию?

Так почему эта муть?..

— Всё готово, как вы и просили, господин, — Амар не удивляется ничему. Он докладывает легко, он и сам, переняв привычки замка и хозяина, привык не признавать мелочей за что-то, что недостойно его внимания. — Как только они войдут, как все соберутся, мы закроем зал. Я хотел, господин спросить у вас ещё насчёт танцовщиц, вы не дали ответа.

Потому что трудно было дать такой ответ. Лишние свидетельства ни к чему. Да и задеть их тут могут. Нет, считаться с какими-то вертлявыми девками — это пустое дело, они и без того очень уж падкие для этой жизни, но и жестокость в их отношении будет лишней.

— Пусть уйдут после первых вин, — но совсем не звать их — это плохая идея. Заподозрят! Не станут пить, не станут мягки и податливы. Женское тело, оно, видит небо, может сглаживать самые острые ситуации. — Только пусть они уйдут через вторую дверь.

— Тогда закрыть её после? — Амар опять не удивлён. Он уже что-то подобное прикидывал, зная волю хозяина.

— Да. На заслон.

На заслон и только на заслон. Верная стража, определённая ещё две луны назад, останется в зале. С гостями и господином.

— Кто прибыл, Амар? — все сегодняшние гости на одно лицо. Нет, это, конечно, не так — все эти лица разные. Они молодые и старые, они с хитринкой и без неё, они со следами сыпной болезни и с сеткой морщин...

Они разные. Но видятся, уже давно видятся, как одно, предательское, мерзкое лицо чудовища.

А что делают с чудовищами?

— Господин Станчул, — Амар кривит лицо, он всеми силами показывает отвращение к гостю.

И это он перенимает у своего хозяина. Но так и должно быть — верный слуга идёт за господарем до конца. Впрочем, как то понять сегодняшним гостям?

Но ничего, даже если не поймут, для оставшихся это послужит уроком. Уроком жестоким, но все уроки, в той или иной степени, жестоки, ведь иначе не научить, не предостеречь. А долг господаря не только карать, но и остерегать от ошибок, беречь душу слуг своих и подданных от помутнения.

В зале ещё душнее. Теперь тут жирно и жарко. Очаги чуть стихли — иначе невыносимо, но от еды жар — всё до последних минут подогрели, поддерживали в тепле. И вот уже блестит глазурью мясо, в соусе утоплены аппетитные куски разной рыбы, стол уставлен пирогами и лепёшками с самыми разными начинками: сыр, овощи, мясо кусковое и фарш. Поблескивают, принимая на себя отблеск очагов, вымоченные в растворах рёбра под щедрыми горстями уже проклюнувшейся первой зелени. Всё в тарелках и блюдах, и в кувшинах с разными винами...

Всё это пахнет ароматно — специи, мясо, рыба...каждое блюдо можно назвать торжеством ароматов, и повара постарались действительно на славу. Всё это ароматно, но муть не проходит в горле, однако, вызывать подозрения нельзя. Напиваться, впрочем, тоже — пить должны они.

Дюжина бояр. Теперь его бояр. Строго отобранная дюжина.

Они, глупцы и гордецы, решили, похоже, что их ждёт милость господаря. Впрочем, он так им и намекал, правда, милость они понимали по-разному. Они, безумные предатели, ждали от сегодняшнего пира даров в виде золота и земель, назначений и личных милостей, заверений в дружбе.

Что ж, каждому своё.

— Пейте, гости! Вино исходит реками! — вин и впрямь много. В кубках сегодня особенно щедро плещет. Слуги, на счастье, расторопны, даром, что половина из них — это, на самом деле, личная стража, только переодетая в слуг.

Но хороший воин обращается быстро и ловко не только с мечом или кинжалом, но и с кувшином вина.

— Пейте! Пусть жар трещит по нашим костям! — духота вызывает отдалённую ещё, но уже боль. Пока ещё очень лёгкую. Но это ничего. Какой воин и когда замечал головную боль?

Жар трещит. Воздаются хвалебные слова, справа и слева одинаковое заискивание. От которого, на самом деле, становится ещё более тошно.

В зале дурманно. Ароматы блюд смешиваются с потрескиванием очагов. Только что увели из зала под предлогом краткого отдыха танцовщиц. Правда, тот же Станчул предлагал себя в качестве отдыха и порывался пойти за черноволосяй красавицей, которую облюбовал себе ещё в танце.

Жирный, с маленькими глазками и короткими руками, Станчул не вызывает ничего, кроме ещё большего отвращения. Но долг хозяина — быть радушным до последней минуты. А что там входит в последнюю минуту — дело десятое.

— Позже, боярин! Позже! — побольше смеха в голос, побольше благодущия.

Станчул сдаётся. Его подбадривают хмельные голоса других гостей.

— А скажите мне, гости, — за последней красавицей закрывается дверь. общий вздох сожаления среди бояр, но что значит их сожаление, когда они ещё только сейчас начинают то, ради чего и был собран этот роскошный пир?

Откровенно говоря, можно было вызывать каждого по отдельности. Или скопом. И так разрешить вопрос. Или проехать самому — огнём, мечом и яростью по их замкам. Да, можно было. Но какое в этом утрашение для будущего? Жестокость — это не то, что нужно славить, но без жестокости никуда и лучше выбрать и сотворить то, что действительно останется в памяти тех, кто придёт после.

Так будет страшнее. Так будет внушительнее. Так он остережёт других от ошибок.

Да, можно пустить утрашение на одну кровавость. Но по опыту каждый воин знает, что кровавость — это то, к чему в итоге привыкаешь. Не страшит опытного воина кровь. Не пугает просто гибель. А вот ужас, её ожидание, власть той фигуры, что эту смерть подготавливает спокойно, размеренно и очень сосредоточенно, держась при этом лаской с обречёнными, это страшно.

От такого человека можно ожидать всего. Или почти всего.

Ему предлагали даже быть бережливее к этому пиршеству! Мол, зима только прошла, каким будет год ещё неясно, а вот казна, господарь, казна не бездонна.

Но беречь деньги можно там, где это возможно. Для устрашения, а значит, для остережения будущих врагов, казны не жаль. Это тоже цель, это тоже важно. От того, что будут делать ближайшие сподвижники, зависит спокойствие всего остального.

— Гости, гости! — бояре разошлись не на шутку. Всего-то дюжина человек, немного жара, вина, обильная пища и манящая красота женских обещаний, и вот двенадцать человек шумят так, что их не отличить от крестьян на празднике плодородия.

Но спохватываются, вспоминают, где находятся.

— У всех есть вино в кубках? — вино есть у всех, слуги-стражники сегодня расторопны как никогда. В их жилах, должно быть, бьётся томительное ожидание, наливает силой их руки, призывает скорее покончить со всем. — Прекрасно! Итак, скажите мне честно, скажите мне правду...

Можно было и не задавать этого вопроса, а просто устроить резню. Но где же устрашение для будущего? Всякое зло получает свою кару.

— Сколько князей пережил каждый из вас? — долго готовился этот вопрос.

Сначала было желание спросить так: «сколько князей, считая моего отца, пережил каждый из вас?» — но эта формулировка была слишком мрачной и должна была сразу сгустить духоту зала до отчаянной точки и дать понять, что всё кончено.

Да, они все служили и отцу. Четверо из сегодняшних гостей, и все были обязаны ему своим взлётом. Но предали. Побоялись неловкого положения земли — меж венграми и османами, струсили, решили сугдничать, солгали.

Предатели. А предателям нет места в этой земле. Слишком много врагов рядом, а значит — нельзя допустить, чтобы враги были и в самой, вверенной земле.

— Сколько же? — взгляд на каждого. Кто ответит? Нет, не так! кто ответит первым? Ответить придётся каждому, но кто начнёт?

— Двух, мой господин, — неловкий ответ самого млажавого за столом. Смущение в его глазах. Чует?

Нет, ответы уже известны. Четыре луны назад они ещё были известны, ибо плох тот господарь, который прощает врагов прошлого. Может смениться власть, но те, кто служил ей, а после предал — всегда должны быть подвергнуты наказанию, ведь предавший однажды, предаст и снова.

Что, надо сказать, и показали документы. Тот же Станчул, будь неладен его праздный образ жизни в царящей в его землях нищете, сме-

нил за период своего тридцатилетнего служения пятерых, а застал и вовсе шестерых.

Куда это годится? Почему боярин живёт так долго, а князья, что отдавали ему приказы, умирали и были преданы?

Нет, так не должно быть.

Они отвечают. Разные в своих голосах, одинаково чудовищные в ответах. Двое, трое... двое — это ещё бы можно списать на случайность, но всё уже открыли документы. Не случайность, а предательство, наглый подкуп, смена того, кто казался боярам слабее, на более сильного. А там снова смена.

Трое, четверо, четверо... как долго каждый из них был свободен! Как долго каждый из них скрывался от правосудия. И что это? Наивность господарей? Их вера в преданность своих вертлявых слуг? Надежда? Милосердие?

Куда привело это милосердие? Куда завело добросердечие? К тому пришло, что господари мертвы — убиты врагом внешним или внутренним, а бояре ничего, вон, сидят, пируют.

— Пейте, гости, пейте... — в последний раз пейте.

Они что-то чувствуют. Доходит через хмель неладное, подступает ужас, кто-то даже оглядывается на двери. Но заслон с другой стороны, так не увидеть.

— Нет, друзья мои, меня вы не переживёте.

Это правда. Они сейчас в этом убедятся.

Кто-то пытается вскочить, но путается в полах своего же камзола, украшенного так излишне и тягостно, что даже в глазах рябит. Они пьяны. Они напуганы. Они уже не воины, а простые предатели с обрюзгшими податливыми телами.

А стража верна и ловка. Это лучшие мои люди. И лучшие мои люди справляются с худшими. На моих глазах.

Переворачиваются в нелепой и краткой погони блюда, дрожат столы. Вздрагивает, словно напугавшись, посуда. Но куда убежишь в закрытом зале? Куда денешься, когда собственные ноги предают?

Так предают, как ты предавал!

Пахнет кровью.

Рука знает как резать и как колоть. Станчул попадаетея очень уж удачно, чтобы позволить руке остаться без движения. Короткий кинжал не знает промаха в твёрдой руке. станчул ещё пытается бежать какие-то там два шага ему до закрытой двери, но...

Куда он убежит с кинжалом в шее? Он оседает, всё ещё не веря, не находя в себе силы вскрикнуть, оседает, но не сдаётся, ползёт, оставляя за собой кровавый грязный след по камню.

Не уползёшь, нет. Вон, сдаёшься уже, вижу. Потому что против смерти нет средства. Бессмертие приходит только в свершениях и в легендах, но тебя в них, Станчул, не будет, как и любого из мертвецов.

Они все мертвы. Вся дюжина. Это легко, когда у тебя верная стража.

— Откройте окна, тут слишком уж смердит...— благословенный воздух врывается вечерней прохладой в душную залу. Головная боль тут же стихает, благодарно умолкает, убирает свои ржавые когти, прибирая вечерней прохладой.

— Трупы сжечь. Остатки еды раздайте.

Всё коротко и просто. Ни к чему больше сложности. Можно пойти в свои покои. Побывать в одиночестве, насладиться свободным от мути горлом и спокойно выпить ещё один кубок вина, праздного, торжествующего, крепкого.

Нет, есть ещё одно.

Слуги перебитых. Они напуганы. Но они хотят жить. Многие из них ненавидели и сами своих господ. А иные просто иного и не видели.

— Это были предатели, предатели нашей с вами земли, нашей родины. Если вы хотите последовать за своими господарями, вам нужно лишь выйти вперёд.

Надо же! Выходят целых два человека. Два человека среди почти трёх десятков прибывших. Хорошо это или плохо? это честно. А честность надо награждать быстрой и лёгкой смертью.

— Остальные могут вернуться в свои земли, расскажите там, что будет с предателями.

Вот теперь всё. Пусть проветрят залу, пусть займутся сожжением недостойных. Хватит с них и одного костра. Пусть будут благодарны за то, что живы их жёны и дети. Впрочем, если те пожелают восстать — расправа будет быстра.

Костры всем горят одинаково.

— Господин, — Амар снова тих и лёгок в своих приближениях. Удивительно бесшумный человек! Наверное, как-нибудь, с перепугу утреннего пробуждения, я его убью. — Михаил не появился на пиру.

Знаю, всё знаю. Михаил не только не появился, его и в пределах моих владений нет, убыл в Трансильванию. Он уже стар, а всё туда же — хочет остаться живым. Похвально для человека, но очень предсказуемо для предателя.

— Его видели на подступах Брашова. Послать за ним?

— Пусть крыса сидит в своей норе. Брашов, если даст ему укрытие, я пока прощаю, а вот его не прощу, враг он мне. Пусть только посмеет показать нос из убежища. Пусть доживает в страхе, что я приду.

Амар склоняет голову в согласии.

— Боюсь, господин, одного я...скажут, что крови здесь было немелено. И часу не прошло, а одна из кухарок, что блюда выносила, уже трещит, что там почти полсотни человек полегло.

Как не рассмеяться? Даже если свои такое плетут, что скажут враги? Но когда враги что хорошего говорили? А устрашение... что ж, люди любят и боятся чудовищ. Если видят чудовище во мне — пусть будет так. Если страх будет крепче, свяжет их пластом, в единую массу, в покорную, боящуюся подумать о бунте или предательстве.

Защищать покорных проще, чем мятежных.

— После моей смерти, Амар, ветер нанесёт на мою память много мусора. Уже начала. кто я там? Жестокосердец и Колосожатель? То ли ещё будет, друг мой!

Амар молчит. Он не понимает моей мысли, кажется, сама идея того, что и я умру, ему кажется кощунственной.

— Но потомки разберут где правда, ступай, Амар, на сегодня мы закончили. Главное сделано. Большая часть известных крыс нашла свой последний приют.

Голова снова болит. Даже странно, ведь схлынула, схлынула, точно её и не было, духота зала. Так почему же эта боль вернулась?..

ОБ ОДНОЙ ГАДАЛКЕ

— Госпожа, к вам пришли, — у Эсты от природы голос куда выше, да и зовут её не Эста, а Мария, но если она хочет и дальше работать на меня, то ей придётся забыть и имя, и настоящий голос, и никогда не вспоминать забытого.

При первой встрече я обозначила сразу:

— Мне нужна ловкая, сильная, хитрая помощница. Она не должна задавать вопросов и должна чётко следовать инструкциям.

И ответ меня устроил:

— Я готова.

Пока пожалеть не пришлось. Даже когда пришлось выбросить всё, что принадлежало Марии, она не пикнула и не попыталась возмутиться. А я была придирчива! Мне не нравился её голос — слишком он был

высокий, а для атмосферы это не подходило, её голос должен был быть тихим, мягким, обволакивающим, ведь на неё ложилась важная задача: погружать каждого гостя в мистический мир, полный тайн. А в мире тайн не говорят громко.

Но к этому она приучилась быстро и сейчас, даже когда не было гостей, она говорила всё также, привыкнув.

Далее, пришлось отвергнуть её имя. Мария — это хорошо, это славное имя, но мягкое и простое. А у меня не может быть простой помощницы! Я работаю плотно, вдумчиво, и у меня не бывает мелочей.

Мы долго перебирали, пока не остановились на Эсте. Теперь Мария стала Эстой и забыла про то, что когда-то была другой. Я её иначе не называла, а она выучилась отзываться на положенное.

Затем пришёл черёд её волос. У неё были прекрасные светлые волосы. Прекрасные, но очень уж людские...

Пришлось переокрасить в буйный каштан, а пару прядей и вовсе перекрыть чернотой. Но и на это Эста ничего не возразила. Надо так надо! Какая её ждала судьба за пределами моего салона? Быть в нищете? В лучшем случае, перебиваться в лавках на чёрных работах? В городе давно уже залегала пропасть, и нищета цвела, грозила вылиться на улицы. Тут уж каждый сам решает как ему быть. Эста вот решила.

После волос пути назад уж не было. Выбелить пудрой лицо, повести всё той же чернотой глаза и немного губы, а поверх губ розовую помаду. Получилось, что, вроде бы и не слишком заметно, особенно по сравнению со мной, но всё же — не так выглядят дамы хоть света, хоть полусвета!

И одежда. Конечно, одежда! Это самое главное. Она должна выделяться, но не должна перекрывать меня. Платья, из не наших тканей и не местной работы, а в качестве диковинки — украшения. На пояс побольше заколок-зацепок с геометрическими фигурами, в волосы ленту, на запястья ленты и разномастные браслеты.

Получилось очень даже ничего. Этакое воплощение чужестранки, оторванной от местной моды, но соблюдающей общие правила приличия. Запомнится!

— Да, я иду, — Эста ещё ждала в дверях моего ответа. услышав же его, кивнула и изящно выскользнула за дверь. она и впрямь оказалась умницей и быстро сориентировалась среди моего заставленного мира. Ни разу, ни за время работы, ни за время подготовки она не разбила ни одного хрустального шара, не перепутала ни одного мешочка с косями, ни флакончика не разлила и ни карты не порвала!

Такое не всем под силу.

Но меня ждали. На самом деле, следовало идти, но я уже давно уяснила — тебя будут ценить больше, если ты заставишь себя немножко подождать. Немножко! Не перестараться главное. Будут ждать долго — получишь раздражение, а выйдешь сразу — презрение.

Я поправила волосы у мутноватого зеркала. По-хорошему, следовало бы его почистить, но тогда оно отразит настоящую меня, а я этого не хочу. В полумраке и в мути зеркальной глади я себе нравлюсь — я молода и красива.

Подвести губы помадой, чтобы убить последнюю минутку и выйти. Самое главное, в шаг побольше ленцы и спокойствия. Это не я пришла, а ко мне пришли!

Это я нужна им, а не они мне.

Меня уже ждали. Увядаящая женщина, одетая в бесстыдно дорогое платье, увешанная так, что в полумраке комнаты аж зарябило, подаюсь мне навстречу.

— Мадам де Клермон, как я вам рада! Как хорошо, что вы заглянули ко мне!

Она приблизилась и у меня в носу зарябило. Мадам де Клермон очень была привязана к своему мужу, а вот её муж был привязан к её состоянию и тяготился навязчивостью жены. Но это ещё было как-то терпимо первые годы их брака, а теперь, когда нравы всё слабели, а по улицам брели откровенные смешки в сторону двора, муж её был ещё в силах, а она...

А она терялась в свете жизни. Кожа её одрябла, а сама мадам, желая сохранить фигуру, принялась слушать лекарей и подруг, которые наперебой советовали сумасшедшие средства, от которых у несчастной не проходил дурной запах изо рта.

— Госпожа Кассандра, — она пыталась овладеть собой и взять тот властный тон, который так часто применяла для своих слуг и ещё чаще для просителей, но тут её титул и деньги ничего не значили, — я пришла как только смогла. Я обещалась быть на прошлой неделе, но ряд обстоятельств...

Знаю, знаю я её обстоятельства! Слегла с тошнотой на добрую неделю. Впрочем, похудела, но как по мне — это зря. Её лица шла округлость, а не болезненная острота.

Но милостиво махнула рукой:

— Я знаю, мадам де Клермон. Знаете, я вас сегодня вспоминала. Давайте же присядем?

Она села в кресло — напряжённая, несчастная...

— Эста, принеси нам воды, — распорядилась я, и Эста змеёй выскользнула из комнаты. Сейчас она заготовит особую воду...

Нашу воду. Один мой секрет.

Вот что я всегда не понимала в людях, так это их стремление к эффектам! Когда я решила идти в мир и строить своё дело среди людей, я пришла как есть — наивная, необожженная. Я ждала клиентов, готовая предложить свои услуги. Но они требовали зелья, шары, гадания, громы и молнии в кабинете...

До сих пор не знаю, какая сволочь внушила всему роду людскому, что магия — это всегда звук, цвет, свечение? Это никогда не было так. Магия — это едва заметное движение во вселенной, тихая дрожь, проходящая по воздуху, рябь по воде. Это не флакончик, в котором пульсирует сила, и не магический шар, в котором вы видите лицо возлюбленного — это сила, тайна, тонкая нить из вашей души, переплетённая с целым миром.

Как для нас незначительно движение застрявшей в паутине мухи, так незначительно и движение магии в мире. Но паук чувствует — дрожь проходит по паутине, и он знает, что в его сетях произошло движение, так и мир знает...

Но людей же не убедишь!

— Это что, всё? — не верили они, когда приходили в начале моего пути.

— Это что, сработает?

— А вы уверены, милочка?

И не возвращались. Даже когда срабатывало. Ведь то была не магия, а:

— Совпадение, — морщилась торговка, столкнувшись со мной на улице. Я тогда спросила — получилось ли её сыну выздороветь от моего заклинания? — Совпадение, бог милостив!

И поспешила прочь.

Пришлось думать. Годы проб и ошибок, благо, времени у меня больше, чем у людей, и вот я взяла себе имя Кассандра, приобрела себе салон для приёма, обложила его тысячью разных незначительных предметов, привела на службу ловкую помощницу, и дело пошло. И теперь ко мне идут не торговки, а знать. И приезжают из других городов. Теперь они мне верят, верят дешёвым трюкам и фокусам, в которых от магии даже тени нет.

— Вода, — Эста появилась вовремя. Я не торопилась начинать беседу с мадам де Клермон, а она ёрзала в мягком кресле, закрытым расшитой придуманными мною значками.

— Спасибо, дорогая, иди, — Эста удалилась и только тогда я обратилась к гостю. — Я вас вспоминала сегодня.

Мадам де Клермон вспыхнула смущением. Ей уже давно было интересно, но всё было очевидно — если она пришла ко мне, то, конечно же, опять муж. Ну не могу я убрать у него другие интересы. Вернее — могу, но я всё-таки гуманность в себе имею. Да и где гарантия, что личность его, с ней находясь от и до — не сломается и он не забудёт её первым же канделябром по голове?

— Я видела вас во сне, — самое главное, это побольше тайны. Сны, знаки — люди, оказываются, это обожают. — Вы были в золотом платье, шли по чистой, ещё полной росы, траве, и над вами медленно всходило солнце...

Золото — это хорошо. Солнце — это прекрасно. У людей всё просто. Им невдомёк, что магическое значение символов отличается от их толкования. Для нас золото — это нехорошо, это болезнь. А солнце — это скорый уход.

Всё это я вижу в глазах мадам де Клермон, но я не бог, а тихая гадалка. И мне надо жить. А глупость для того и нужна, чтобы было на что жить.

— В самом деле? — она восхищена. В её глазах расцвела надежда, пожалуй, последняя. — Ах, это ведь хорошо, правда?

— Разумеется! — солгала я. — Солнце даёт жизнь. Но вы ведь не за этим пришли ко мне.

Тут, главное, посерьёзнить и помрачнеть, мол, я всё знаю, но ты мне детали поведай.

И она поведала. Опять одно и то же — у супруга новое увлечение, а она — бедная, несчастная, всю жизнь ему отдавшая...

— Давайте погадаем, — предложила я и протянула принесённый кубок с водой мадам де Клермон. Опустите в него кольцо.

Она растерялась, не зная, какое выбрать. Они все были одинаково массивными и как будто бы пережимали её пухлые пальцы.

— То, что вам муж дарил, — спохватилась я. Люди любят эффекты!

Она сняла кольцо и бережно опустила его в кубок. Магия магией, а вот шарлатанство — это целая наука! Благо, Эста её освоила с блеском. Если вымазать кубок изнутри тонким бесцветным слоем той мази, что я ей показала, можно спокойно наливать воду — никто ничего не заметит. Но опустите в эту воду золото и по воде расплзутся чёрные змеи.

Это не магия. Это ложь, но ложь — это искусство.

— Ох! — гостья вскочила и даже юбки подобрала, готовая, видимо, бежать. — Что же это? что?

— Приворот, — ответствовала я мрачно. — Ваша соперница к ведьме обратилась, да на вашего супруга навела заклятие.

Приворот мадам де Клермон устроил. Как и я она не желала мириться с возрастом, старением, и, в отличие от меня — с нелюбовью. Это ведьмы никого не любят, только себя, а простые женщины склонны к любви, и, если верить моим наблюдениям, к любви безнадёжной. Какой приворот? Соперницы лик я видела — без труда прочла его в глазах клиентки. Красива, молода, пышные волосы, тонкая талия...

Тут не приворот, тут банальность. Но мне не дадут монет за правду. Да и утешения не получают. А тут приворот! Да, всё он, проклятый.

— Сними его! — потребовала мадам де Клермон. В эту минуту она напоминала разъярённую львицу.

— Снять-то недолго, да только и новый навести тоже, — я искоса глянула на неё.

— Что же делать? — растерялась гостья.

— Защиту ставить нужно, вот и весь сказ. Но должна сказать — это дороже.

С дураков деньги не брать — грех. Деньги дуракам ни к чему — кто знает, куда они потратят? А так — мне на благое дело, на меня, любимую. Да и что тут сделать? Не я возьму, другая, половчее возьмёт. А я дело сделаю, ненадолго, конечно — мне постоянные клиенты нужны. Но через пару дней её муж вернётся в дом, ещё месяц-другой поживут в относительно худом мире, а дальше...

А дальше, уважаемая, записывайтесь ко мне на приём!

— Всё заплачу! — пообещала несчастная. — Только верни его.

Деньги ваши — дела наши! Когда-то мне было жаль своего времени. Но у меня его больше, чем у людей, почему бы и не развлечься? Эста тут, и мы вдвоём, под внимательно-благоговейным взглядом гостыи, крошим корешки и листья в котелок, долго и задумчиво варим, я даже ругаюсь на Эсту:

— Ну ты что, не видишь, почти закипел уже! Где же твои глаза, дурная?

Но это тоже всё часть плана. Ведьма должна быть ворчливой. Это тоже людям кто-то подсказал. Без ворчания не воспринимают!

— Простите, госпожа! — но Эста привыкла и отреагировала так, как полагается. Для людей полагается. Чтобы угодить людям вообще много чего нужно! И чего они такие въедливые? Магия без магии им не пой-

дёт, гадалка без хрустального шара тоже, и вообще — где ваш чёрный кот?

А у меня на котов аллергия. Пришлось свернуть кусок меха поплотнее, и на полку положить. В полумраке за спящего кота проходит. Иногда, правда, Эста через дорогу в лавке берёт на четверть часа кота, приносит его, выпускает и при клиенте ловит, а я ругаюсь:

— Подслушивал? Послушай, дорогой Баал, мы с тобой позже обсудим, у меня гости...

И пока обалдевшего от такого обращения кота уносят обратно, я продолжаю разговор с проникшимся ко мне доверием клиентом. А иначе никак!

У меня, вон, метла стоит. Я даже серебряной краской её прутья покрыла. А то людям втемяшили, что у ведьмы должна быть метла. А ею по дому мести неудобно.

А ещё, еслиходишь при клиенте в комнату, надо бросить на неё выразительный взгляд, чтоб клиент уж точно заметил.

Ну и расходников много — корешки, травы, флакончики, шерстяные и шелковые ленты — всё идет на псевдо-зелья и лже-амулеты. Не бывает настоящих амулетов в таком виде — это даже самая дурная ведьма знает. Амулет — это натуральное, от природы взятое — камень, прутик, нужным образом сложенный, зачерп воды из нужной реки...

Но людям и это вбили! Впрочем, платите, а я уж потрачу время на подобные мелочи. Как сейчас, например. Вот, всё готово, пожалуйста, мадам де Клермон, берите, только следуйте строго инструкции:

— Пузырёк закопайте в полночь, прямо в саду. Под вашими окнами. А вот этот узелок положите в постель своего супруга под подушку, но чтобы никто не видел. И тоже в полночь.

Люди любят полночь, они не знают, что самый мистический час — это три часа утра тридцать две минуты. Именно тогда приходит вся добрая и злая сила. да и не звучит «три тридцать два» так внушительно и страшно как «полночь».

Полночь — это выплунуть, хрипло ответить, а «три-тридцать два» — это несерьёзно. Ровно как и моё настоящее имя — Параскева Стойна. В это просто нельзя поверить, и продать это тоже нельзя. А «Кассандру» можно.

И легко, скажу честно.

— Спасибо тебе, — мадам уходит, оставив щедро набитый кошель на столе.

Люди! Ладно, не переживайте, мадам де Клермон, я всё сделаю, вот так рукою только поведу, вроде бы пальцы затекли, и глаза при-

крою. Со стороны выглядит просто — затекли руки да голова побаливает, а на деле — магия.

Так она и творится. Незаметно!

— Хорошо сработано! — Эста не выдержала, цокнула языком, когда я открыла глаза, и мир остался прежним. Мой мир, но для мадам де Клермон он уже менялся — её супруг, почувявший внезапную тоску по дому, спешил назад.

Она считала меня мошенницей, и была права. Но не до конца. Впрочем, пусть лучше так, чем знает правду. Да и поверит ли она в неё?

— Благодарю. Что у нас ещё?

— На сегодня мы ждём господи Клари, а также графа де Сен-Нектер... — поспешно принялась докладывать Эста.

Зачем идут к гадалке? Узнать будущее, убедиться в том, что их пожелания совпадают с тем, что она видит. Но это почти всегда не так. будущее не нарисовано в шаре или в картах, оно отражается в глазах и на ладонях.

Зачем идут к гадалке? Услышать подтверждения опасениям или радостям. А получив их... что ж, им всем нужна помощь. Им помощь. А мне — деньги. Для ведьмы гнаться за деньгами — это крайне странно, но что делать? я плохая ведьма, я не люблю изучать магию, мне достаточно того знания, что у меня есть. зато недостаточно роскоши, платьев, украшений. Я спонсирую театры и композиторов, через другие руки. Конечно. Я путешествую. Я резвлюсь, когда перестаю быть Кассандрой и становлюсь уже новой, третьей.

У меня есть дома и экипаж. У меня есть лошади. И всё это даёт мне магия. Или, вернее того, всё то, что люди желают видеть вместо неё и сама магия. Они платят за эффекты, за тени и звуки, которые скользят во время сеансов, за шёпоты и лживые эликсиры, которые не могут подействовать даже в параллельном мире.

И не действуют. Это я действую. Но людям этого не нужно знать. Они не верят правде — они платят за обман, и это значит, что они заслуживают обмана.

Сделать бы ещё что-то со своим настоящим отражением. Зеркало грязное, в нём не видно моего посеревшего лица, моей сдающей, уже неэластичной и не нежной кожи. Это вообще не видно людям. Но зеркало-то знает правду.

— Ещё заканчивается тимьян, мята и гвоздика, — продолжила Эста.

Всё это необходимо. Нужны запахи, нужна атмосфера тайны и загадочности. Всё это нужно людям и неважно им, что в первой, придет-

шей в этот мир магии, не было никакого запаха гвоздики. Была тень, вышедшая к первому костру первых же людей. Тень, пришедшая на запах впервые зажаренного мяса, честной добычи первых охотников.

Просто люди уже тогда не очень верили своим жрецам. Зачем магия, которая не видна? Сила должна внушать. Вот и началось — давайте выпьем из черепа врага во славу магии, давайте пустим кровь во славу силы, давайте принесём жертву...

И крепло кровавое человечество!

— Купить? — Эста прервала мои размышления.

Я взглянула на неё. Я её не слушала. Да и не должна была. О чём она там говорила?

— Пока он продаёт подешевле? — уточнила Эста, как будто цена меня ещё могла волновать.

— Купи, — разрешила я, сама не зная, на что соглашаюсь. Да и какое мне дело?

Дверной звонок прервал неловкий разговор. Эста унеслась вниз, выполнять свои обязанности, а я села к зеркалу. В зеркале была я. Настоящая я. Серая, измученная с чёрными глазами.

— Ну что ж ты такая-то? — возмутилась я отражению, и отражение показало мне язык, расхохоталось.

— Госпожа, к вам пришли, — Эста взглянула ко мне. — Господин не записан, но желает, чтобы вы сделали ему гадание.

Гадание? Это я могу. Пусть немного подождёт, мне нужно прийти в себя и я приду. За гадание можно хорошо содрать, надо только повнимательнее посмотреть на гостя.

— И ещё, — Эста просунулась в дверь, — его зовут Пьер де Клермон.

Как-как? Я чуть не поперхнулась. Пьер де Клермон? Это же супруг моей гостьи! Неужели пришёл узнавать чего? Ну ничего, сейчас я ему про расклад поведаю — скажу, что жена его обратилась к ведьме, приворотом держит...

Ох, сила, веселишь ты меня! да на одной этой парочке я могу сделать состояние.

— Господин де Клермон? — я вышла к нему.

Он отчаянно молодился. Но глаза выдают всё — весь груз прожитого, всю тяжесть лет.

— Это вы Кассандра? — уточнил он. Гость держался нервно, но пытался быть строгим.

— Да, я слушаю ваше дело.

— Это прозвучит глупо, но моя жена держит меня каким-то колдовством!

Деньгами она тебя держит, друг мой! Но колдовство объяснить тебе проще, чем твою же алчность.

— Это нередкий случай, — согласилась я, — если дело серьёзное, мы сейчас увидим всё на картах и тогда я помогу вам.

— Поможете? — в глазах надежда. — Понимаете, моя жена — самая настоящая ведьма. Она точно меня приворожила. Стоит мне встретить кого-то получше, стоит увлечься, как домой тянет против воли. Вот сижу здесь, и снова тянет.

Я та ведьма, друг мой.

— мы со всем разберемся, господин Клермон. У меня сегодня есть немного свободного времени. Эста, подай нам, пожалуйста, воды...

— Вина, — поправил гость.

Вина? Что ж, у меня и специальные обмазки для вина есть. будет казаться, что на дне бокала змеи. А при подаче и незаметны.

Эх, люди, не пейте и не ешьте там, где вы всего лишь ресурс и кошель с деньгами.

— Разберемся, — заверила я и улыбнулась. Верь мне, человечек. И ты, Эста, верь. Жаль, что вы, люди, храните в себе то, что мне так нужно. Ты ловка, Эста, но молода. Твоя молодость мне пригодится.

Я хоть и гадалка, но у меня тоже часы приёма. В остальное время я ведьма. Настоящая. Но ты пока не переживай, с тобой я разберусь чуть позже, приобщу к пользе, к своей пользе, ибо для ведьмы только её польза стоит выше любой другой.

А пока подай нам вина, Эста, видишь, господин де Клермон волнуется...

ОТРЕШЕНИЕ

— Вы ещё кто? — в женщине не было гнева, ведь для гнева нужны силы, а у неё этих сил не осталось уже давно. Глаза выцветшие, безучастные, в чертах лица усталость от жизни и сам тон голоса лишён интереса.

Хорошенькое, однако, дельце!

— Я из Агентства, меня зовут Ниса. Нам сообщили, что по этому адресу зарегистрирована сверхнормальная активность.

Если честно, такой активности в каждом доме вагон и малая тележка: звуки, скрежет, шелесты, незаметное перемещение предметов, но

люди редко ловят такие малозначимые знаки. Да и всегда можно сплести такие мелочи на волшебное «показалось!».

Но иногда активность переходит в стадию позаметнее и людей это уже начинает беспокоить, тут на всякое «кажется» и «почудилось» не спишешь. И если человек разумен и не лезет на форумы и по знакомым, а идёт к нам, то дело решается простым выходом кого-то из наших специалистов. Что нужно мёртвым? Чаще всего понять одну простую вещь — они мертвы. Иногда осознать, что смерть — их собственная вина, это что касается случаев самоисхода, а иногда они желают на что-то указать или не хотят расставаться с близкими.

Иной раз, конечно, бывают дела заковыристые, ведь перешедшие и потерявшиеся на пути перехода души не помнят значительных кусков своего прошлого, а некоторые и вовсе оказываются под тяжестью собственной ярости и страха, не находя в себе сил справиться с новым, уже вечным состоянием, но это редко. В основном рутина!

— Из Агентства...— у женщины опасно сверкнуло в глазах. Ненавистью сверкнуло. На удивление, значит, силы не находим, а вот на ярость пожалуйста?

Интересно!

— Да, из Агентства, — но мне интереснее мёртвые, а не живые. Живые могут себе помочь сами, а кто поможет тем, кто на пути или кто застрял?

— И кто вас вызвал? — её голос стал странным. — Неужели Том?

— Э...— вежливость предписала мне открыть вводную. Значилось в ней меньше обычного: адрес, строка «сверхнормальная активность» и имя того, кто вызвал. — Томас Рохо.

— Предатель! — в её глазах снова опасно сверкнуло.

Люди! Ну что же с вами такое?

— Мои услуги нужны или нет? — мне некогда было выяснять подобные мелочи о предательстве. Вернее, время было, но отсутствие желания лучше всего скрыть именно за неимением времени. Так учил меня мой наставник и шеф — Волак.

— Нет! — рявкнула женщина и вдруг обессилела, взгляд её остекленел, потерял осмысленность.

— Имейте в виду, что за вызов специалиста, даже если специалист не оказал услуги, всё равно необходимо...

— Ваши услуги нужны, — мужской голос напугал меня, я вздрогнула, дёрнулась и только после догадалась обернуться.

Он уже вошёл в комнату. Спокойствие давалось ему с трудом, но он пытался его хранить.

— Вы из Агентства? — спросил он, обращаясь ко мне.

— Да.

— Предатель! — женщина рванулась к вошедшему через всю комнату, явно намереваясь его прибить. Я благоразумно скользнула в сторону, и принялась равнодушно наблюдать, как она колотит его слабыми кулаками по груди, пытается задеть лицо. — Предатель! Он же наш сын! Мерзавец!

— Сара, нам нужна помощь... — Томас очень мягко попытался заговорить с нею, но она не слышала, не хотела слышать.

Я пыталась почувствовать хоть что-то, но не могла. Мне было скучно. И ещё тошно.

— Слушайте, — оставалось только сдерживать раздражение, которое копилось во мне каждый день заново, с первой утренней минуты, — давайте вы сначала определитесь — нужна вам помощь или нет, а потом уже будете вызывать специалистов?

Так общаться с клиентами нельзя — Волак пытается вбить мне это уже второй месяц. Но я не могу. Я помню, как он сам, пока был старшим специалистом, вёл себя на выездах, и как интересовался у очередного несчастного клиента с душливой приторностью в голосе:

— А зачем вам выгонять призраков? Вы же одиночка, у вас ни друзей, ни семьи...может подумаете?

Он издевался тогда, и я перенимала это. А сейчас что? почему всё изменилось? он стал шефом, а я старшим специалистом и мне нельзя теперь ехидничать и хамить? Почему? Как с людьми всё непонятно и сложно.

С живыми людьми.

— Разбирайтесь, я пришлю чек! — я пошла к дверям, нарочно громко и недовольно, чтобы эти людишки прочувствовали как они своими недомолвками и несогласованностью надоели мне!

— Пойдите! — это была Сара. Голос её окреп, и слёзы в нём звучали уже приглушённо. — Пожалуйста, пойдите.

Да определитесь вы!

— М? — я повернула голову.

— Я... — она не могла решиться. — Том, ты уверен?

— Он страдает здесь, — тихо ответил Том. — Ведь так?

— Ниса, да? — Сара отошла от него, приблизилась ко мне. Пришлось развернуться к ней лицом. — Скажите, душа, которая остаётся здесь, после...ну, после смерти, она страдает?

Нет, наслаждается! Ну что за вопрос? каждый должен находиться в своём состоянии! Плоть должна быть в мире живых, душа в мире мёртвых, а деньги в банке!

— Да, это так.

Она ждала подробностей, но вот только мне за них не платят — это раз. И второе... люди, зачем вам это? Вы думаете, что душа красивая? Я вас расстрою — душа уходит не всегда в красоты и покое, и если уходит она в болезни или в тяжбе с разумом, или в самоисходе — она всегда уродлива и похожа на плоть. Только плоть рано или поздно уйдёт в ничто, а душа...

Ну, если только мы не вмешаемся, конечно.

Сара глянула на Томаса, она искала в нём поддержки. Томас едва заметно кивнул:

— Уже почти год, Сара... пора ему идти.

Мне тоже было пора идти. Эти двое что, не могли раньше договориться?

— Хорошо, — она сделала над собой усилие. — Ниса, помогите, пожалуйста. В этой квартире наш сын. То есть... его душа.

Да ясно дело что душа! Что меня ещё может интересовать?

— Это его комната, — голос Сары снова потух. Она так и не решилась переступить через порог комнаты. А я пошла. Это комната уже не служит живым, она отдана мёртвому, но вот фокус — отдавая мёртвому часть ещё живого помещения, ты позволяешь ему распространяться. Поэтому в квартирах и домах, где живут очень активные сверхсилы люди часто болеют, склонны к бессонницам и неврозам, отражается это и на самом доме — появляются трещины, подтёки, которых не должно быть. Ну и по мелочам — цветы, например, болеют, останавливаются часы...

Здесь же была простая комната подростка. Компьютер, наушники, яркие плакаты, хаотичный беспорядок, героически скрытый «уборкой» — сгребанием вещей в один угол, и пыль, много пыли.

— Я сюда не захожу, — призналась Сара. — Он не любил, когда к нему входят без стука.

— Двери здесь хлопают? — спросила я, оглядывая комнату. Пыль, много пыли.

— Да, — ответил Том. Он приобнимал Сару, делился с ней спокойствием, — и свет моргает. И ещё тень...

Ну, это классика.

— И ещё мяч, — Сара подала глухой голос.

— Простите?

— Он футбол любил. И мяч теперь по ночам скачет, — она указала на лежащий прямо на кровати футбольный мяч.

Ладно, это уже не совсем классика.

— Сколько ему было? — не люблю вопросы. Не люблю живых. не люблю выяснять то, что могли бы выяснить и при взятии вызова!

Интересно, почему на моё хамство всем вокруг можно жаловаться, а мне на то, что сотрудники нашего же Агентства некомпетентны — нельзя? А ведь нельзя! Я пыталась, так Волак опять своё:

— Ниса, это просто недоразумение, которое не стоит твоего внимания!

Зато стоит моего времени.

— Генрик...— у Сары голос дрогнул. Она была готова заплакать. — Ему было пятнадцать. Он был таким хорошим мальчиком! Таким чувствительным!

Она всё-таки не выдержала, заплакала. Я с трудом подавила в себе желание закатыть глаза. Ладно, я профессионал.

— Сара, принесите мне, пожалуйста, воды, — попросила я, мысленно костеря весь род людской за нерешительность и слезливость.

Мне нужно было поговорить с Томасом. Он был мрачен и тяжёл. Она вышла, будто бы даже радуясь возможности оказаться подальше от комнаты.

— А теперь быстро, — я перешла на резкость, — как так вышло, что хороший и чувствительный мальчик Генрик пятнадцати лет отроду оказался в виде духа?

Томас опасливо выглянул в коридор, как будто желал убедиться, что Сара не слышит.

— Она не хотела признавать проблемы. А знаете как легко и быстро это бывает? Первый раз мы его поймали, было страшно — глаза стеклянные, не слышит, не реагирует. Сара его к частному врачу, чтобы характеристику не портить. Откачали. Правдами-неправдами пролечили, разговаривали, убеждали. Отпустило вроде. В футбольный клуб попросился, оценки снова улучшились, мыв нарадоваться не могли, решили что ошибка, ну, бывает — друзья, не та компания, интерес...

Том растерянно огляделся по сторонам, будто бы и сам удивляясь тому, что находится в комнате своего сына.

— А потом опять. Но уже насмерть. Может он и раньше начал, кто теперь...— Том махнул рукой, но его сбивчивая речь и без того сказала мне много.

Вернулась Сара, дрожащей рукой подала мне воду.

— Спасибо, — я выпила, хотя пить не хотелось. — Так, други мои недружные! Если вы хотите, чтобы я работала, то оставьте меня один на один с квартирой.

Звучит странно, понимаю, но таков уж наш мир — не надо вам, живым и слабым, видеть тени мёртвого мира.

— Совсем оставить? — растерялся Томас, и взгляд его метнулся по стенам, словно он искал что я могу украсть.

— Совсем, — подтвердила я. — Это обязательное условие.

Ненавижу эту минуту. Я люблю приходить, когда хозяев уже нет дома. Или когда они открывают дверь и тотчас исчезают. Но нет, всем же надо посомневаться!

— Надолго? — сомневался Том.

— Я позвоню как закончу, — пообещала я.

Том не сдвинулся с места. На помощь пришла Сара, хотя я этого и не ждала, я вообще от неё ничего не ждала, но, видимо, остатки разума ещё хранились в голове этой женщины вместе с разъедающим чувством вины: не заметила, не спасла!

Она потянула Томаса за рукав, и в квартире наступило долгожданное безлюдье!

Меловой треугольник на полу — первое условие. Он может быть неровным, но все его линии должны быть соединены, разрывов допускать нельзя. Рисовала я на пыльном полу, так что пришлось повозиться — в конце концов, я не нанималась делать тут уборку! Вокруг треугольника круг. На каждую вершину треугольника витую свечу алого цвета — цвет безвременно ушедших. Поверх меловых линий растёртый розмарин — для успокоения границ меж миром живых и мёртвых. От каждой свечи зажечь по нужной веточке: ромашка, кленовый лист, осина...

Прикрыть глаза, почувствовать тишину, не так почувствовать, как положено — слухом, а всей сутью почувствовать. Тишина она, знаете, как вода, также обволакивает и также утягивает. Тишина — это всем разрешённый омут, открытый, доступный, но из-за доступности своей совсем невостребованный.

Тишина внутри. Ползёт змеёй. Тишина мёртвых, тишина живых, тишина воды, тишина земли...

— Привет, Генрик, — открываю глаза, Генрик сидит здесь, около разделяющей нас границы мелово-розмариновой черты.

Хорошо что живые видят лишь тени! Неупокоенная душа далеко не всегда красива. Увидь Сара это — она бы сошла с ума. Язвы, которые не кровят, но из которых сочится темнота; пустота глазниц, серая прозрачность ещё целых кусков. Не потороплюсь — и вся душа станет язвой.

Он открывает рот — языка нет, но он и не нужен, чтобы говорить здесь. Да и во рту всё та же чернота...

— Ты слышишь?

— Кто вы? — шипит пустота, имеющая его облик.

— Ниса. Меня прислали твои родители.

Родители? Что-то смутное мелькает серостью в пустоте глазниц. Родители — это от жизни. А жизнь разъедает, ведь он уже не жив.

— Ты помнишь что-нибудь? Что-то о последнем дне? — спрашивать надо резко, чтобы душа не успела отвлечься.

— Последнем? — он не понимает.

— Ты умер, Генрик.

Он молчит. а затем вдруг ярость прошивает его тело новой волной сочащейся черноты:

— Я не мёртв!

Я слышу, как в реальном мире скачут предметы. Кажется, мяч прокатывается по полу, а может и не только прокатывается.

— Не мёртв! Не мёртв! — орёт Генрик и пальцы его, узловатые, язвенные пальцы старика рубят по полу, не имея возможности когда-либо его коснуться.

И скачут, скачут за чертой предметы.

— Успокоился? — интересуюсь я, когда Генрик ничком валится в границы, плачет, хнычет...

Я пытаюсь почуять хоть какое-то раздражение в его сторону — малец, истеричка, самоисходец по глупости, считай, но не могу. Он уже наказан отсутствием жизни. Он наказан падением в Ничто, и мне нужно его туда отвести.

Обмануть. Мало кто хочет в Ничто по доброй воле. Одни уходят туда по незнанию, другие не успевают обороняться, а третьих приходится обманывать. И я обману. Обману, чтобы душа обрела это самое Ничто в себе, в Ничто нет страданий, нет чернеющих язв, ничего нет. И боли тоже.

— Генрик, — я протягиваю руку через черту, я защищена, да и он сломан, что он мне сделает? Касаюсь призрачных серых волос, покрытых той же чернотой. — Генрик, зачем же ты так? мама тебя любит.

Мама по тебе скучает. Она не находит места. А папа не знает как и чем жить. Их дом пуст.

— Я не мёртв! — он уже не беснуется, просто тихо плачет. Пустые глазницы сочатся чернотой.

— Мёртв, Генрик. И твоё присутствие в доме пугает их. И ещё... губит.

Что хорошо — мёртвые не чувт лжи. Ложь — изобретение живых, с живыми она и остаётся.

— Что мне делать? — спрашивает Генрик, отрывая голову от пола. — Что мне делать? я не хочу...я хочу в колледж. Хочу играть в футбол.

Это невозможно. Каждый платит свою цену. У каждого свои ошибки. Но зачем я буду терзать душу? Солгать проще.

— Всё это будет, Генрик. Ты просто застрял здесь, а должен был уже уйти. В новый мир.

— В рай? — спрашивает он. В посмертии нет надежды, но он ещё пытается верить.

— Люди зовут его так, но они не знают всего смысла, — я качаю головой, — надо пройти через двери, и всё ещё можно будет исправить. И всё будет. И футбол, и колледж.

— И мама?

— И она, малыш.

Он уже не малыш. Давно. Но в посмертии, у черты, за которой Ничто, все немного дети. Потому что взрослых просто нет, душа не успевает повзрослеть, успевает только разочароваться и от разочарований постареть.

— Надо просто закрыть глаза, надо увидеть дверь, Генрик.

Я баюкаю мертвеца. Он бестелесный, но это не значит, что его можно сбросить со счетов. Пока нельзя. Пока он тут. Он ещё не верит.

— Закрывай глаза, там спокойно. Там будет футбол. Там будет мир. Там не будет грустно и скучно.

Там вообще никак не будет, но этого я тебе не скажу.

— Ниса? — Генрик зовёт меня. — Ты ангел?

Ага! Ангел, который пять лет без отпусков пашет в Агентстве и ненавидит всех коллег и клиентов.

— Ангел, малыш, только земной.

В небесные не взяли — милосердием не вышла.

Генрик улыбается и жутко чернятса его губы в очередном выплеске черноты через раны. Но лик его смиряется, розовеет и тяжелеет его голова. Раз-два-три...

Кончено. Всё кончено. Истаяло, ушло, и нет больше Генрика, ушёл его дух в ничто, да будет воля на то небесная, а не моя. Да будет ему покой. А моё дело сделано. Мне пора.

— Ну вы уж тут сами уберетесь, — ну а что? убираться я не нанималась, не переломятся вытереть меловые следы.

— Получилось? — робко спрашивает Томас, заглядывая через плечо Сары в комнату.

— Ну а то! Мы профессионалы вообще-то! — я почти обижаюсь, но вспоминаю, что люди меня не интересуют, поэтому гасну в своей несостоявшейся обиде. — Чек пришлю! Прощайте!

— Я вас провожу, — спохватывается Сара и нагоняет меня. Лицо тёмное от горя, но даже это не вызывает во мне сочувствия. Она живая, она везде может найти помощь, а мертвые? О них кто подумает?

Она касается моей руки:

— Спасибо вам, Ниса. Даже не знаю... не знаю, как я решилась. Это же так тяжело. Он мой сын, понимаете?

Я не спрашиваю у неё где она была весь этот год и почему при жизни Генрика не была так внимательна и заботлива.

Я не спрашиваю лишнего. От жизни живых я отрешена.

— Понимаю, — но ответить надо. Хотя бы дежурно. — Но мир мёртвых должен быть с мёртвыми.

— Он что-нибудь говорил обо мне? — она ищет во мне ответ, заглядывает в глаза преданной побитой собакой. — Он меня вспоминает?

Будь я добра, я бы дала ей добрый ответ. Но я не работаю на людей и стараюсь развязать мёртвых и упокоившихся от живых, беспоконных:

— Мёртвые вообще редко помнят близких. Абстрактные образы в самом лучшем случае. Это нормально.

Она разочарована. Сара хочет слышать, что её мальки её любит, прощает и ждёт её. Вот только всё это не имеет ко мне отношения. Ловите моменты с живыми, а мёртвых не троньте! Помните их, но не дразните.

— Мне просто очень тяжело, я постоянно плачу, — жалостливо объясняет она.

Я не выдерживаю:

— Я всегда считала, что живые плачут о себе, живых. ведь это они остаются без кого-то! Пока их близкие и друзья уходят и уже ничего не

чувствуют, оставшиеся жить горюют о себе. Ведь их же оставили! Их же предали! Они же теперь одни.

Осекаюсь, прежде, чем успеваю выпалить про эгоизм. Я и без того очень уж разошлась, ещё очередную жалобу на меня напишут, но так меня учил Волак, так я выдрессирована: слёзы о мёртвых — это жалость к себе, живым. И ещё страх о себе, живых, ведь каждому дана конечная точка, и это последнее, что уравнивает всех людей на земле.

Она одна. Родиться можно в разных условиях, но это всё равно не осознаётся. А смерть едина.

Сара молчит, она ошарашена. Наверное она, как и все мои клиенты, ждала утешения, вот только я не работаю утешителем. Я работаю с миром посмертия, а там слова — это всего лишь декор для одной и той же сцены.

— Чек вам пришлю, до свидания. Дальше я найду выход.

Случаи, случаи, сколько их? Одни заканчиваются премией, другие вздохом Волака:

— Ниса, ну во имя всего добродетельного! Ну что ж это такое?

Но он не наказывает. Кто ещё сделает такую работу лучше, чем я? только сам Волак. Но кто-то должен быть шефом, а кто-то должен ему подчиняться, иначе шеф без помощников перестает быть шефом. Вот он и терпит. За профессионализм. За муки, через которые прошло мое обучение, данные им же муки, обесточившие мои чувства к живым!

И только через долгие три недели всплывёт знакомое имя. И вводная снова будет коротка, о чём я власть выскажусь, прежде, чем сообщу — Томас Рохо. И адрес знаком.

И снова сверхлюдская активность. Сын? Да нет, не сын.

— Жена, — сообщит спохватившаяся и вспомнившая после моего выговора о том, как работать, Эйша, — Сара Элизабет Рохо-Фольборн. Самоисход. Сорок три года.

Не справилась, значит? Как человеку я ей не сочувствую. Живые могут отыскать помощь где угодно, проблема в том, что они не хотят. А вот её замученной душе я обязана — она теперь моя, и от неё я не могу отрешиться как от кого-то живого.

— Ну поехала я тогда, — останется только подняться, сообщить очевидное и выйти к служебной машине.

Она уже ждёт. Знакомый адрес и знакомая душа, которой я буду сочувствовать, пока не уведу в Ничто.

РУТИНА

Настроение мне испортили сразу.

Если честно, портить уже мало чего оставалось — утро и без того почудилось мне недобрым, а до того такой же зловещей тоской зияли ночь и вечер, но добили меня с порога:

— Можешь не раздеваться, у тебя вызов.

— Эйша, за что же ты меня так не любишь? — оставалось только вздохнуть, возмутиться и попытаться потянуть время.

Эйша — как всегда строгая, собранная, безукоризненная, взглянула на меня с тоской:

— Я тебя очень люблю, но что толку? Не я же тебя вызываю.

— Ну хоть кофе я выпить успею? — надежда во мне тлела.

Эйша прикинула, задумалась, и весь вид её стал вдохновенным, наконец, она сдалась:

— Ничто с тобою, Ниса! И мне налей, я тебе вводную как раз дам.

Никогда я не готовила кофе так медленно и с такой расстановкой. Ну не хотелось мне снова выгрести своё тело на растерзание дождя, который решил сопроводить себя таким ветром, что не помогал ни один зонт! А у меня вызов. Значит, придётся тащиться через безрадостную дождливую хмарь, молить всех богов на то, чтобы послали мне транспорт, однозначно промокнуть и приплыть в итоге непонятно куда.

Отличная перспектива!

— Тебя ждут Барнетты. Николас Барнетт и Мэри Барнетт.

— Ну и пусть ждут.

— Ниса! — Эйша была готова разозлиться. Вот чудачка! Сколько лет мы с ней вместе служим, а она всё ведётся на мои нелепые и неловкие шутки.

— Шучу, — надо ей всё же сказать об этом, сама она не догадается.

— Не одобряю! — фыркнула Эйша, но злиться перестала, потянула листы из чёрной тонкой папки. — Барнетты жалуются на то, что в их доме творятся необычные вещи. Прежде всего это, конечно, звуки — по ночам как будто бы тихий плач. Также в зеркалах были замечены тени, их чаще всего видела Мэри, и ещё перемещение предметов.

— Каких?

— Сначала по мелочи — телефон, зарядник, ключи. Самый показательный случай был почти сутки назад — на глазах Николаса и Мэри через всю гостиную пролетел стул.

— Пролетел? Как фея? — язык мой враг, знаю.

Эйша нахмурилась и подтолкнула ко мне листок. Там были напечатаны показания Барнеттов и действительно, оба говорили «пролетел».

— На крыльях! — мрачно заметила Эйша, — ага, как же...

Ну, ничего удивительного! В принципе, в каждом доме есть такие тени-звуки. А как иначе? Вы пробовали купить в древнем маленьком городе квартиру без этих теней и звуков? История прошлого и настоящего всегда оставляет следы. Да и нередко люди умирают прямо в своих домах, и не всегда их души уходят в срок. Если они ведут себя тихо и спокойно, мы даже можем об этом и не узнать, а вот если буянят...

Особенно мне нравятся те, кто начинают действовать самостоятельно и лезут за советами на форумы. Начитаются такие самовольцы советов и начинают пытаться с тенями «дружить», то мисочки им с молоком поставят, то печенье на стол. Но кого они так приветят — не представляю! Тараканов, что ли? Ни один дух — отпечаток души — не будет есть печенье или пить молоко, он просто не имеет возможности. Его сила идёт от остатков сознания, которое никак не может справиться с новым состоянием и боли, которая никак не может отпустить.

Не все перед смертью обретают покой. У кого-то остаются дела, у кого-то тревога за близких, а у кого-то совесть.

И что, скажите на милость, надо делать, обнаружив в своём доме непонятные явления? Идти к профессионалам, то есть к нам, а не на форум. Вы же не делаете себе операцию в домашних условиях? Так почему вы, сталкиваясь с отпечатками душ, тревожными и напуганными, решаете, что можете справиться с ними?

— Ты здесь? — Эйша вытащила меня из тяжёлых теней собственных размышлений.

— Стандарт, — я махнула рукой, — отправьте кого-нибудь вроде Элрика или Ханса. Что на меня собак вешать?

— Там душа... она не просто неуспокоенная, она заблудшая, — объяснила Эйша, немного смутившись.

Людам не понять. На смертном одре нет равенства. Покой и его отсутствие тоже свои категории имеет.

— Ну-ка?

— За пару месяцев до того, как Барнетты квартиру эту купили, там девчонка убилась. Совсем молодая.

Вот тебе и раз! Хуже не придумать — души из числа самоуходящих — это головная боль и работы на полдня.

— Чего случилось-то? Может того, болела? — надежды особой не было, но я должна была попробовать. Всё-таки, если человек совершал что-то от тяжёлой, разъедающей его изнутри болезни, оно и нам по-

проще упокоить его, проводить до нужных врат или заморозить, пока про него представители этих самых врат не вспомнят.

— Да если бы! — Эйша пришла в ярость и даже чашку отставила в сторону так, что плеснула кофе через край на столешницу. — В Джульетту решила поиграть! Парень её бросил, а она, дура несчастная, ничего лучше придумать и не смогла! Ну, родители поздно вернулись, а сделать ничего нельзя. Они, естественно, разбиты и совсем никакие, и квартиру спихнули, уже не глядя на цену, лишь бы подальше, не могли дома. А Барнетты купили, и вот, началось.

— Спасибо за испорченное утро! — я рывком поднялась из-за стола. — Дело мелочное, но надо гонять именно меня, да?

— Ни у Элрика, ни у Ханса, ни у Аманды такого опыта с самоисходами нет, — Эйша попыталась оправдаться.

— У меня тоже не было, — напомнила я. — Ну ничего, я понимаю, Нису не жаль. Её можно швырять на любую рутину, ей нормально.

Я встретила растерянный взгляд Эйши и утихла. Она не виновата. Это всё поганое утро, унылая работа, и никакой перспективы. Да, никакой. Годами я тешила себя надеждой, что всё ещё наладится, что я пойду от координатора душа первой категории до начальника отделения, а дальше, дальше...

И когда Волак вызвал меня, я полагала, что речь шла о повышении. В конце концов, у меня больше всех опыта и закрытых дел! Разве не я заслуживала этого?

— Тебя не любят коллеги, — сообщил мне Волак. — Я не могу позволить тебе занять это место. Ты груба с ними, ты не уважаешь их и постоянно указываешь на ошибки в самом ехидном виде.

Пока я молчала, всё ещё надеясь, что это шутка, он достал из ящика стола пачку бумаг, исписанных знакомыми почерками Аманды, Элрика и Ханса.

— Вот здесь, — сказал он, тыча в пачку бумаг пальцем, — служебные записки с жалобами на тебя и твоё поведение. Ты понимаешь, Ниса?

Понимаю. Но в чём я виновата? То, что они меня не любят — их дело. Но то, что они невнимательны и нетактичны к мёртвым, это дело уже нашего агентства. А эти, вся эта братия недоразвитых, утверждает, что я грублю? Да я не грублю, я напоминаю!

— Вы учили меня так же, — напомнила я, чувствуя, как голос срывается.

— Это было давно, а сейчас другие стандарты, — он даже отрицать не стал и взял первый лист. — От Ханса. Он пишет, что ты назвала его дураком при клиентах, и было это... три недели назад. Было?

— А кто он, если не дурак? — поинтересовалась я. — В семье Маллинсов семилетний ребёнок стал говорить взрослым о том, что видит на стенах множество глаз, которые никогда не спят и следят за ним. А Ханс сказал ребёнку, что он всё может выдумывать. Это при всём том, что у нас уже была вводная о том, что Маллинсы въехали в дом, построенный на месте братского захоронения. И я уже молчу, что выражать ребёнку откровенное недоверие с первой минуты — это означает запретить всякое его желание разговаривать с тобой.

— Но дураком называть его не следовало, — Волак покачал головой, — а вот Элрик пишет, что ты дала ему пощёчину. Было?

— Было, — отрицать не имело смысла. — Но это за дело. Честно!

— Ниса, — Волак отложил бумаги в сторону, и устало потёр переносицу, — ох, Ниса, ты хороший профессионал, но ты не умеешь ладить с коллегами! Они на тебя жалуются. Может ты и права, называя их дураками, бездарностями и лентяями...

— Они не желают лишнюю версию проверить! — возмутилась я.

— Может и права, — Волак чуть повысил голос, — но это не значит, что ты имеешь право так воздействовать на них. пиши жалобы, подавай рапорты...

— Я не доносчик.

— А надо! — рявкнул Волак. — Почему они на тебя взъелись? Из зависти? Или ты заносчива с ними? Я не знаю. Но выглядит так, что ты ни с кем не уживаешься в коллективе, и, хотя, по опыту работы тебе можно давно доверить повышение, я этого делать не буду. Наладь отношения с коллективом. Научи их себя уважать или бояться. Или научи их молчать. Или найди и воспитай новых... Ниса, я знаю твои амбиции, и ещё раз говорю, что ты профессионал, которого нам очень повезло приобрести. Но одно дело быть профессионалом и отвечать за себя и своё дело и другое — руководить и отвечать уже за всех. Работа с коллективом отличается от работы с мёртвыми. Научись справляться — поговорим. А пока забудь про повышение.

Так что нет у меня перспектив. Я не представляю, что делать. Я срываюсь.

— Прости, — Эйша смотрела на меня растерянно, и мне стало неловко. Она не виновата. Наверное. Но кто-то должен быть виноват! — Давай адрес, поеду.

Она кивнула и, стараясь не глядеть на меня, протянула мне лист с краткой информацией об адресе, призраке-девчонке и живой чете. Я попыталась ещё раз извиниться, уходя, но она заторопилась, заспешила и я решила не тратить время впустую.

Надоело, всё надоело. Ещё этот дождь!

Барнетты чуть ли не по стенке пластались, пока я ходила по комнатам. Скрижаль в моих руках посверкивала красным ровным светом — активность есть и немалая. Странно даже, что её производит один дух. Обычно такой ровный свет дают сразу две-три души.

— Ну, могу вас обрадовать — обратились вы по адресу, — сказала я, обращаясь к несчастным живым, — я помогу. Для нас это рутина.

Они облегчённо переглянулись.

— Вам есть куда пойти? — вообще-то это лишнее, но я не люблю работать, когда над моим плечом висят живые.

— Пойти? — они одинаково растерялись и их лица поглупели.

— Пара-тройка часов. Я могу позвонить вам, как закончу. То, что произойдёт, лучше не видеть живым.

Теперь одинаково пугаются. Ну что за люди? Можно подумать, если мы не будем обсуждать смерть и будем её бояться, она пройдёт мимо нашего дома! Её надо обсуждать, о ней надо говорить, чтобы не бояться, когда придёт час.

— Ну да. Мы могли бы поехать к Энни, — Мэри решила первая, — правда?

— А вы точно справитесь? — Николас пытался оставаться главным и уверенным. Учитывая, что цвет его лица был откровенно белым, и выдавал испуг, это было забавно.

В другой день я ответила бы спокойно, но сегодня всё шло не так. И даже то, что дождь почти стих за окном, меня не успокоило. Я всё равно успела промокнуть. А мне ещё возвращаться...

— Значит так, други мои сердечные, — я скрестила руки на груди и впилась взглядом в Николаса, — у меня дел много. Отвечать на ваши вопросы по десять раз я не намерена. Если вы нас вызвали и услышали, что я помогу, то я, верно, помогу, так?

Самое главное — это тон. Чем больше в нём раздражённого металла, тем лучше.

Они оба покраснели как школьники, смутились.

— Да я просто хотел уточнить... — забормотал Николас, но спорить больше не стал. Покорно и быстро он и Мэри оставили меня в своём

доме. Неразумно, конечно, с точки зрения обывателя, но они дошли до высшей точки испуга и потому, наскоро заперев всё ценное, умчали. Я обещала позвонить, как закончу — им хватило этого обещания, переспрашивать не рисковали.

Так. Теперь за дело. Ну почему, ответьте мне, я должна терпеть столько неудобств? Почему я не могу просто прийти в уже очищенную от всяких людишек квартиру и остаться один на один с метанием чьего-то отпечатка души? Почему надо брать вводную и на людей, уговаривать их?..

Ладно, дело, дело, дело! Оно рутинно, но и рутину надо выполнять на высшем уровне — в этом суть профессионализма!

Прежде всего — где? В вводной сказано, что это были таблетки. Значит, ванная или спальня? Или кухня. Откуда я знаю, где предыдущая семейка держала таблетки? Ладно, Ниса, сначала ванная.

Посверкивающий белизной кафель, два шкафчика, и очень маленькое тесное помещение, если подумать. Толком и не развернуться, чтобы не приложиться головой об раковину, трубу или веточку-сушилку.

Нет, вряд ли ванная.

Спальня? Да, тут теперь всё по-новому. Можно заменить вещи, но стены, полы — всё это помнит ноги и руки, дыхание предыдущих владельцев.

Я поднесла скрижаль к полу. Та заалела чуть сильнее, чем у входа. Да, это было здесь. Везение! Помню, как пришлось шататься по усадьбе — в ней было две дюжины комнат, и в каждой кто-то обитал. Вот было веселье! Я убила там два дня.

Но ладно — очаг есть. Теперь закрыть плотно шторы — не надо нам много света, ни к чему, и выбрать место.

Теперь круг — быстрый решительный росчерк мела. Круг может быть неровным, главное, чтобы не было в нём разрывов, для того проходят его дважды — по часовой стрелке, а потом против — по наведённой линии. В круге треугольник — на святую тройку — каждому по углу. А в центре проводник — то есть я.

Забавно, если подумать. По углам божественные сущности, круг — как защита от дурного, а в центре круга и треугольника грешный человек! Маленький и слабый, по сравнению с великими делами.

Во всём виноват человек — повсюду его лишь тень видна.

Но не время, Ниса, не время.

Паста из перемолотой дубовой коры, дикой гвоздики и лавра. Всё перемолото с водою и мёдом — моё небольшое усовершенствование традиционного набора для координатора душ. Может быть, следовало

поделиться с коллегами и этим составом, что безопаснее, и другими находками? Да, может быть. Но я не хочу. Они не ценят и не чтят мир по ту сторону, так зачем давать им лишние скважины? Если бы читали, уважали...

Свеча первая — в центр. По свече на каждый угол треугольника. Вокруг каждой начертить с помощью приготовленной вязкой ароматной пасты по кругу, заключая её, оберегая. Пальцем начертить треугольник на лбу. Я умею делать это без зеркала — сотни раз рисовала.

Тишину нарушает только треск пламени — свечи волнуются, подрагивают. Но ничего, ничего, мы сдюжим! Я закрываю глаза, чтобы уйти во внутренние тени. Меня много — я вижу себя как бы слоями — какая я для того или другого явления, какая в том или ином виде. Но это всё я. Все мы состоим из слоёв, и чем отчётливее представляешь, тем яснее зришь глубину той черты, что делит мир живых и мёртвых.

Открываю глаза. Полупрозрачная девушка, склонив голову, уже сидит около круга. Когда-то красивая, теперь её красота изъедена тоской. И я даже думать не хочу, что там осталось от её тела. Едва ли что-то большее, чем кусок ничтожной размокшей плоти.

— Ты слышишь меня? — самое главное — установить контакт.

Она смотрит на меня пустыми глазами. Глазницы всегда выдают мертвецов. Как бы они не были сильны, как бы крепко не стояли их отпечатки в мире живых, всё одно — глаза выдадут. У живых людей в глазах есть смысл, страх, испуг, цвет. У душ заблудших — ничего. Пустота, из которой они идут, в которую возвращаются.

— Ты слышишь меня? — повторяю негромко. Пламя свеч потрескивает.

— Да... — голос приглушён, как сквозь вату или одеяло. Она, кажется, сама удивляется тому, что говорит. Ей-то свой голос уже не услышать. Она слышит только меня в себе и свою ярость. и свой ужас.

— Как тебя зовут?

Она молчит, хмурится. Чаще всего души и не помнят имена. Смерть — это шок. А шок стирает память, и это очень интересно, на мой взгляд, что имя уходит чаще всего, словно оно не очень-то и значило. Остаются в памяти вкусы, запахи, понемногу истлевая, образы, страх, какая-то радость и безумие, а имя уходит, как и не было его.

Впрочем, если рассматривать смерть как рутину, то и в рутине нет имён. Тогда логично.

— Не знаю, — признаётся она неохотно и готова плакать. Пустые глазницы наполняются серой влагой.

— Ты помнишь что случилось?

Вопрос безнадежный, но нужный. Если помнит — это легче.

— Я упала. Потом встала...и осталась лежать.

Да, человек — это тоже треугольник. Только не святой, а самый обыкновенный — разум, тело, дух. Всё имеет на себе отпечатки друг друга. Так душа хранит облик тела и проблески разума, так тело формируется душой и мировоззрением, так и разум помнит тело, управляет им и влияет на душу.

Но когда приходит смерть — тело тлеет, разум выключается, а душа... зависит от души и обстоятельств. Эта заблудилась. Она не должна была умереть тогда, поэтому за ней не пришли хранители Подземных и небесных миров. Про неё ещё не внесено в их списки. Поэтому она здесь.

— Ты догадываешься о том, что случилось?

Она молчит. Она знает, поняла.

— Зачем ты пугаешь людей, что живут здесь? — я спрашиваю ласково, негромко, потому что знаю, как различается звук нашего и посмертного мира.

Она молчит и мне уже кажется, что я не услышу ответа, когда она срывается на крик, от которого гаснет разделяющая нас свеча. Благо, одна:

— Я к маме хочу! К маме!

Серость льётся из её глаз. Слёз нет, есть серость, проступающая через каждую трещину души. Эта серость — Ничто. Великое Ничто.

К маме! Надо же!

— Поздно уже хотеть, — зло замечаю я. Нельзя быть злой, но что я скажу? — Где голова-то твоя была прежде? теперь уж никак. уехала твоя мама. У неё жизнь разбилась. И у отца твоего тоже. Обратного не склеится.

Она рыдает. Серость истончает её лицо, шрамирует, дымится, испаряется.

— Люди, что здесь живут, не виноваты в том, что ты дура, — вот что хорошо с отпечатками душ — они жалобу не подадут. Некому! — Они не виноваты в том, что ты умерла, что ушла. Они хотят жить.

— Я тоже хочу!

— Они не виноваты в твоём решении.

— Я хочу назад! — она кричит, мечется у круга, наверное, желая схватить меня, вытащить, побить. Ей это не удастся. И покруче сущности пытались — не смогли, а уж ей-то! Так что наблюдаю с тоской и равнодушием.

Мне её жаль, но души не должны видеть нашего живого сострадания. Оно им как яд, которым приправлена самая желанная пища.

— Назад! Жить! — она оседает, снова напротив меня.

— Но эти люди не виноваты, — напоминаю я. надо упрячиться.

— А кто виноват? Кто? — она знает ответ, но боится его.

— Ну давай вместе посчитаем, — предлагаю я, — хочешь?

Она машет головой отчаянно и резко, и я даже думаю на мгновение, что голова отделится от тела.

— Не надо. Не надо считать.

— Нет, ну если ты не знаешь, то я знаю.

— Я тоже знаю.

Она не лжёт. Она всё сама знает. Но на себя злиться очень тяжело, и никуда ярость не уходит. Она смешивается с ужасом как вода с землёй и в итоге получается нечто грязное и вязкое.

— Помогите... — шелестит она. Свечи покорны её шелесту, подрагивают, но не затухают.

Глупая, глупая девочка. А зачем я ещё здесь? по протоколу полагаются вести беседы, усыплять словами и призывать к морали. По факту — это не работает. Пробовали призывать к морали душу какого-нибудь маньяка-безумца, который накрепко поселился в тюрьме или лечебнице? Он вас и слушать не станет, а вот убить попытается. Поэтому алгоритм алгоритмом, протокол протоколом, но лучше где-нибудь в сторонке, подальше от меня. я не виновата, что методы нам сочинили теоретики. Нет, я не спорю, хорошие, умные, спокойные, но теоретики! А я практик, координатор первой категории.

— Помогу. Закрой глаза, — обещаю я. паста из лавандового листа, воды, перетёртого серебряного порошка, мела, шалфея и розового масла у меня с собой. Всегда с собой. Даже когда я не на службе.

Она покоряется и захлапывает пустоту глазниц. Я касаюсь пасты рукой, не сводя с ней взгляда — не бунтует, нет? нет, тиха. Видимо, и сама утомилась.

Дальше самое опасное — вытащить руку за пределы круга. Тут и напасть могут. Но эта молодец, держится, даже когда моё тепло, живое тепло касается её неупокоенного посмертия. Только вздрагивает, когда я рисую ей на лбу знак.

— Спи! — толкнуть душу в круг легко, но вот выскочить при этом из него самой — это уже, граждане, сноровка!

Но дело сделано. Она бьётся, а свечи опаляют по очереди — и триугольник, в котором она занимает моё место и круг, и всю её несчастную душу. Нет, не жгут. Они подцепляют запах травы и воск, переме-

шиваются с начертанным на её лбу знаком. Они усыпляют её общей симфонией звука и запаха.

Спи, несчастная, пока про тебя не вспомнят те, кто заметно выше смертных, но заняты ровно той же бюрократией, что и они.

Спи, пока не придут.

Спи, не пугай людей, что не имеют к твоей глупости никакого отношения.

Спи, а я запишу в протоколе, что беседа была проведена и душа усмирилась. Все мы врём. Ну я, как профессионал первой категории, вру больше. Но я вру, а ты спи. Впрочем, это не сон. Это ближе к коме. Травы и связка с водой и серебром, да ещё специальным воском сдержат тебя в полуяви, и ты не заметишь, как пройдут месяцы, а может и годы...

Это будет твоей печатью, спи, а я пойду звонить этим, как их там? Ох, разная у нас рутина. У меня она ушла в живых.

Позвоню и уберу. Не надо им касаться моих знаков и кругов.

— Дело закрыто, отпечатку проведено строжайшее внушение, дух повержен, смущён, извиняется и обещает во имя искупления отгонять тараканов от живых! — самое главное — это тон. Неважно что ты говоришь, важно как ты это делаешь. Я говорю это так, что ни у кого не возникает сомнений, чем я, собственно, попотчевала душонку, что она утихла и смутилась?

Ну, кроме Волака, но он сам поставил мне методы, так что пусть не удивляется.

— А у них что, и тараканы были? — удивляется Эйша, уже торопливо вбивая данные от принесенного мной чека.

— душонка обещала привести, а так нет, никаких там тараканов.

Я усмехаюсь, падаю в кресло, не замечая ни Элрика, ни Ханса, ни Аманду. Они поглядывают на меня так странно, словно всерьёз думают, что я подбросила живым парочку тараканов под порог, когда ушла.

— К слову, о тараканах, — я удобнее устраиваюсь в кресле, теперь сверля взглядом троицу коллег, которая так услужливо строчит на меня жалобы. — Знаете, в чём их преимущество над людьми? Они выживут. Всегда выживут. Они маленькие и ничтожные, а ещё быстро размножаются и адаптируются к ядам.

На лицо Аманды приятно посмотреть! Видимо, она их боится. Другие просто недоумевают.

— Ну так вот... в этом их преимущество, — продолжаю я, пока настроение мне снова не испортили, — некоторые люди меня, однако, поражают тем, что мнят себя тараканами, полагая, что тоже переживут и адаптируются ко всему. Но тараканы — это дрянь и мерзость, которую надо уничтожать. А людей, которые творят свои дела, полагаясь на тараканью выживаемость, причислять к их кумирам и тоже уничтожать.

— Вы это к чему? — Ханс подаёт голос. Осмелел, похоже!

— А к тому, что ещё одна жалоба на меня, на мои слова, на моё поведение, и я буду каждого бить тапком. Или куплю ядовитый карандаш и выведу. Намёк ясен?

— Это угроза? — у Элрика белое лицо, но взгляд мрачный, тяжёлый.

— Это факт, дружище. Я работаю здесь дольше и, если будет надо, найму команду.

Договорить не удаётся. Снова пищит кнопка вызова у Эйши на столе. Она хватается трубку, слушает внимательно. По её лицу понимаю — снова дело! Ну что за день-то? Неужели опять ехать, опять разговаривать с людьми... что же за рутина такая? Почему этого нельзя как-то избежать?

Что мне расскажут люди из того, что я ещё не знаю?

Краем глаза вижу движением. Аманда потянулась к листку. Ох, Ничто, пусть это будет жалоба, а? если это её рутина, пусть пишет, надо же и мне на кого-то гнев срывать!

() «Мёртвые дома» откроются для читателей ориентировочно в начале сентября*

ЧЕРЕЗ ТИШИНУ

— Нет, ты скажи мне, почему надо было врать? — у Эды плохое настроение с самого утра, неудивительно то, что теперь она не считает нужным сдерживать своё раздражение. — Каждый раз одно и то же! Каждый! Куда торопятся? Ну остановись, прочти инструкцию, так нет! Спросишь — всё ли понятно? Всё-всё, только загружайте быстрее, а потом начинается...

Форас только морщится — к ворчанию Эды он привык. Да и права она — он тоже не понимал такого за душонками. Добро тогда ещё там, при жизни — тут понятно, жизнь коротка, не до инструкций всяких! Но после-то, после!

Куда спешить, если впереди вечность?

— Бесят, гады! — Эда расходится не на шутку. Её движения резчают, она стремительно проверяет свои карманы — всё ли взяла? Форасу от этого смешно — скорее вся Сеть рухнет, чем Эда забудет хоть один порт-ключ, так уж она устроена! Но он не смеётся и даже не улыбается — Эда сейчас не в том настроении, чтобы оценить собственную тревожность со снисходительным весельем. Она сейчас и порвать может.

Форасу не привыкать к её скандальности. Он просто научился не замечать её характера — он ценил её навыки. Также поступал и Центр, игнорируя нередкие служебные записки и рапорты о поведении Эды. Нет, она не была вредной и не цеплялась сама, но вокруг все как будто бы нарочно стремились обнаружить свою несостоятельность: операторы ленились очищать мусорные корзины Сети, осветители забывали о технике безопасности и не выключали ушедшую в Ничто душонку, да и сами душонки...

Ну прочти ты инструкцию, ну что ж такое-то! Семь страниц текста, это, конечно, страшно, но в сравнении с годами посмертия — это пустяки.

— Чего сидишь? — Эда всё ещё взбешена.

— Иду, — зато Форас в смирении.

Вдвоём вышли через ближайший коридор к точке входа. Синеватым серебром прохватило коридор от их шагов — как и всегда! Душонки волнуются.

— Вводную! — оператор попадаете Эде совершенно не вовремя. Она нависает над ним так яростно, что он почти вжимается в пол.

— А... э... — и оператор сегодня против Эды. Вместо того чтобы сообразить, что в его интересах начать шевелить всеми конечностями и коротко зачитать вводную, он экает и акает, глядя в злое лицо Эды.

— Чего «а»? понабрали кретинов! — гнев Эды закипает с новой силой.

Оператор, наконец, соображает и активирует на своём браслете нужное окошко. Мгновение загрузки и вот уже на Эду и Фораса смотрит лицо землистого цвета.

— Уэсли Андерсон. Тридцать четыре года. Причина смерти — сердечное заболевание...

— Да заткнись ты! — Эда отпихивает оператора. Всё, его время упущено, сейчас она сама ознакомится с досье. Форас тоже читает — для подстраховки.

Судьба как судьба — таких много. Родился Уэсли сразу же не самым здоровым ребёнком. Впрочем, сколько осталось их, здоровых? Пыльные

бури, а до того в три волны прошедшая война, прошлись по населению беспощадно. Если первое поколение ещё держалось за счёт прежних, здоровых предков, то дальше всё было хуже и хуже...

Чаще всего не выдерживали сердце, лёгкие или желудок. Форас знал, что в лазаретах врачи даже ставки делают, мол, кого будет больше в этом сезоне? Но не вымирало человечество — адаптировалось, проклятое, выводило своё же потомство в инкубационных условиях, и снова и снова оживало.

— Пара поколений и мы снова расцветём! — уверяли с синева экранов всёзнающие и всёведающие политики.

— Лет двадцать! — махали руками критики всего и вся.

— Никогда! — спорили то слабеющие, то набирающие силу в опасные смутные годы служители последней веры.

Форас такими вопросами не задавался — он жил, работал, проходил осмотры каждую неделю и радовался, что относительно здоров. Подводил желудок, но это ничего — ежедневный приём капсул позволял есть без рези в желудке и работать, работать...

А Уэсли Андерсон был болен сердцем. Ничего, и такое бывает. Ему ещё повезло — почему-то природа, обделив его в сердце, решила наградить его мозгами. Так что после окончания базовой учёбы, Андерсон оказался в числе инженеров по восстановлению кормовых культур. Форас тоже туда собирался когда-то — всё, что было связано с созданием и восстановлением в новых условиях старых культур прокормки, сулило хорошее жалование и сытость. Но он не прошёл — желающих было много, отбор был строг и Форас не набрал нужных баллов интеллекта и устойчивости.

А Уэсли прошёл. Что ж, тогда понятно, почему в его досье значились жена, двое детей и сам он после смерти был загружен в частную Сеть, а не в общую — деньги решили всё.

— Малахольная скотина! — Эда уже подбирает среди порт-ключей нужный, заодно и злится. Форас уже знает, не первый день на службе, что Эда злится в таких случаях не на клиента уже, в очередной раз нарушившего инструкцию, а на себя, да на жизнь свою — ей частная Сеть не светит, не скопила, всё почти жалование посылает домой, двум большим сёстрам. Куда уж тут о себе...

— Вот этот, — подсказывает Форас, перехватывая со связки Эды розовую пластинку.

Она награждает его таким взглядом, от которого Форасу хочется провалиться сквозь все существующие в мире полы. Но не дано!

Эда молча выдёргивает розовую пластинку, дверь перед нею уже мерцает знакомой синевой. Вместо скважины только — разрез. Как раз для пластинки. Эда уже проворачивает её.

— Время входа... — Оператор решает напомнить о себе, но осекается. Надо же, учится! В самом деле, зачем лишние слова? Про себя ведь можно проговорить, если очень уж надо.

— Держись меня! — командует Эда. Это привычно — она всегда идёт первая, сама встречает бесноватые душонки, которые вдруг захотели нарушить инструкцию или сошли с ума, но это не от храбрости, а от обречения — если она сгинет, её семье выплатят компенсацию, а ещё — её саму загрузят в частную Сеть.

Чернота коридора. Так странно войти в дверь, висящую посреди комнаты, за которой ничего и нет, которую можно обойти, и оказаться в длинном коридоре.

Держаться за Эдой? Легко. Форасу это привычно, да и не храбрец он, чтоб на рожон лезть. И не отчаянный — у него есть небольшое, но всё-таки наследство, да и здоровье позволяет жить почти свободно. Пара лет удачной службы и будет повышение, а там может и семью он умудрится завести.

Вернее — завести недолго, но содержать чем? Или искать здоровую...

— Уэсли? — Эда уже зовёт душонку. — Уэсли, ты здесь?

Чернота пропадает, заполняется алым, словно свет включили, вот только нет в Сети света — ни в частной, ни в общей.

— Уэсли! — Эда выдыхает с облегчением. Что ж, хоть эта душонка не попыталась сбежать и не потерялась в плетениях Сети.

Уэсли находится на полу, сидит, скрючившись, раскачивается взад-вперёд.

— Чего инструкцию не читаем? — Эда светит по углам фонариком, в красном свету ничего нет лишнего. Кресло, софа, книги, экран, постель... живи или существуй как угодно!

— Помогите...помогите мне! — Уэсли отнимает ладони от лица. Он не замечает Фораса, перед ним Эда — сетевик, спасение!

— Мне б кто помог! — она не медлит с грубостью. — Чего случилось?

— Не могу больше, — он хватается за плечи, раскачивается ещё сильнее. — Они приходят ко мне. Жена и дети, мои жена и дети. Понимаете?

Эда пожимает плечами — ей как-то плевать.

— Приходят, рассказывают о днях, о том, что у них нового. А я? Ни поговорить, никого нет даже для спора!

— Тоже им чего-нибудь нарасказывайте, — Эда не видит проблемы. — Частная Сеть позволяет текстовый контакт через экран. Вы, вон, читаете...

Она указывает на шкаф.

— Всё для вас же сделано, чего хлюздим-то? — она не понимает проблемы. Зато её понимает Форас.

— Вам тут тоскливо? — спрашивает он, опускаясь рядом с несчастной душонкой. — Ну поймите же, это нормально. Это долгие годы. Ва-ша семья после своей смерти, тоже будет присоединяться к вам.

Если им хватит денег на момент смерти. А так да — место припасено. И это ещё одна причина, по которой люди с доходом стараются завести семью — после смерти не будет одиноко в частной Сети. Некоторые, правда, совсем с ума сходили — уходили вместе, рвано и грубо, с шумом...

Таких Форас не понимал, но он и молод был и о тоске посмертия не знал.

— Соберись, душонка, — Эда и среди живых слова не выбирает, с чего выбирать их тут? — В инструкции было сказано, что истеричное состояние травмирует Сеть и тончит её. Чем больше хлюздишь, тем тоньше твои экраны, а на починку где средства? От семьи твоей средства. А ну как помрет из них кто? А? а папочка деньжата на свои истерики спустил, на починку...

Ужасные слова, но и такое Форас уже тоже знает. В инструкции сказано, что можно в частной Сети попасть в сон, уйти в состояние кокона, что психика не всегда справляется с новым состоянием и может быть спасена. Но нет, не читают, подписываются, подключаются, а потом начинается скулёж да истерика, как же так, в тоске-то!

— Они приходят всё реже, — шепчет несчастный, — они приходят реже.

— А чего им с тобой делать? — интересуется Эда. — И потом, оно всегда так. Скоро будут приходить только в твой день рождения и в день твоей смерти. А потом и вовсе в день смерти.

Уэсли не выдерживает, вскакивает, бросается на Эду. Он напуган, он тосклив, он изъеден скорбью и страданием о себе и об утерянной жизни. Он думал, что его поддержат, успокоят, но ошибся.

Может быть в жизни Уэсли Андерсон чего-то и значил, но в посмертии он такое же ничто, как и все.

Поэтому Эда ударяет его без всякой совести. Уэсли сгибается пополам. Тут ему больно, Сеть — как сосуд, вместо плоти.

— Заруби себе на носу, — советует Эда, у которой даже голос не поменялся, словно и не сделала она ничего резкого и грубого, — я таких как ты на завтрак ем. У тебя есть всё, существуй. Читай, спи, попроси кокон. Но не истери — нам твои истерики слушать недосуг. Чинить твою Сеть каждый раз тоже. И ещё раз ознакомься с инструкцией — пункт третий говорит о том, что сетевики, то есть такие как я, берем штрафы за ложные вызовы. У тебя не Сеть загнула, а ты растёкся, так что... штраф!

Со счёта семьи, конечно же.

— Также, в пункте седьмом сказано, что ты имеешь право подать прошение о подключении тебя к чату душонок.

У душонки даже землистость пропадает. Чат? Душонки?

— Читать надо! — злится Эда и швыряет извлечённый откуда-то буклет. — Всё не так одиноко будет! Блажь частной Сети — общий чат...

Она качает головой, осуждает. Форас знает о чём она думает — в прошлом году им срезали бюджет из-за того, что в чат пришлось принимать модератора этого самого чата, а то, понимаешь ли, взялись за оскорбления, всю Сеть загадили, та аж зависать начала.

Так что вход в чат теперь строго по часам, ограниченный, но всё же общение.

— Пошли! — бурчит Эда и снова перед нею дверь. Для Уэсли она незаметна и тому остаётся лишь с ужасом наблюдать за их растворением в коридоре.

Они снова вдвоём.

— Не жалей, — мрачно советует Эда, — никого из них не жалей. У них условия лучше, чем у многих из нас будут.

Форас кивает. Его небольшое наследство — его великая тайна, Эда, хоть и наставница ему, а всё же не знает. Да и не хочет он ей говорить об этом, нехорошо ему, пусть лучше думает, что они оба в равной нищете. А то как ей будет? Как она будет поучать его, вести по пути, возвращать, зная, что его возможности над её возможностями встали?

— У многих из частников хоромы, — продолжает Эда, — ты бы видел! дворцы! Шесть комнат, семь, собаки, кошечки...

Она и завидует и отвращена. Знает, что есть и общая Сеть, а там... там уж не обессудь, как переполнен порт по твоему подключению, так все душонки в корзину, на очистку.

И это ждёт Эду. Она морщится, каждый раз пытается не думать о том, что это её реальность, но реальность встаёт перед нею опять и снова, напоминает. Да как назло — постоянно в Общей сети полочки, то кто-то сбежать пытается, то кто-то из корзины вылезти хочет, потому что поленились чьи-то ручки её очистить.

Так и ходит Эда, с другими сетевиками ходит, зачищает. Всех в утиль — всё равно, кто считать будет?

— Большой штраф наложила? — спрашивает Форас. — Там двое детей...если он сердечник, то, может, и детям нужны лазареты и больницы, а тут штраф.

— А мне что? — удивляется Эда. Ей нет дела до таких мелочей, как чья-то жизнь. В конце концов, и собственной созданной семьи у неё нет — только сёстры. На них она заботу свою положила, а себя забыла. Может и хотела бы оставить такую дрянную, но как? Без её денег умрут, уйдут в общую Сеть, а там в мусорку. А так хоть как-то поживут ещё, хоть как-то не будет Эда одинока.

Грезилось ей в детстве — будет она заниматься восстановлением архитектуры, или нет — искусства. Но там платили мало, пришлось брать участь трудовой пчелы на плечи, на себе эту участь тянуть и не роптать на судьбу — ропот силы отнимает.

— И хуже бывает, — продолжает Эда, — некоторые душонки такие противные, что после смерти тянут от семьи всё. Последнее со счетов. Те даже отрекаются от родственников. Всё проще, чем узнать потом, что твой счет опустел!

Она смеётся — ей весело. Форасу тошно.

— Время выхода! — оператор приветствует их возвращение. Эда проворачивает обратно розовый порт-ключ. — Есть ещё одно дело. В общей Сети, в секторе передозировки, бунт.

— Снеси всех, — равнодушно отзывается Эда. — Все равно отбросы.

— Там шесть единиц, — замечает оператор. — Не много за раз?

Она пожимает плечами — ей немного, она всё равно их не считает за полновесную, хоть сколько-нибудь ценную массу. Ей легко принять такое решение.

— Передам, — сообщает оператор, — ещё два возмущения в частных. Один выход из кокона, другой скандалит...его жена, то есть, его живая жена хочет нового мужа в его частную сеть подключить. Деньги её, закон позволяет...

Эда хохочет. Ей смешно от этих людских проявлений — от бунтующих душонок, что не читают инструкции; от мужчин и женщин, под-

ключающих к частной сети своих жён и мужей почивших любовников и любовниц; от сыновей и дочерей, что отказываются тратить деньги родителей на содержание их в частных Сетях — дорого, дорого, пусть в общую идут; от старушек, что приходят в Центр с жалобами — обманули мошенники, обещали частную Сеть...

— При жизни-то? — глумится оператор.

Эда смеётся и злится. На себя и них. Они богаты и глупы, они бедны и жалки. Эда старается не думать о том, к кому принадлежит она, и снова и снова шагает через порт-ключи в сети — общая, частная, другая частная, снова общая. Целый день. И Форас с нею. Одно и то же её шипение:

— Держись за мной!

Одна и та же надежда — сегодня убьют, и будет компенсация и будет частная Сеть. Один и тот же выход:

— Время выхода...

Круговерть остывает только к вечеру, когда кровавый закат ласкает обожжённую трижды землю.

— На сегодня всё, — сообщает оператор, — ой, что было у сетевиков Эли и Нормы! Вы бы видели. Там от переизбытка чувств людоед пытался сожрать душонку. Ну, дело, конечно, в общей было...

Эда уже не смеётся, вздыхает, качает головой.

— Да я жалобу подам! — орёт из коридора Норма, — людоедскую душу с простыми держать? С ума сошли?

Это душа, что она может?

— На сегодня всё, — Эда тяжело опускается в кресло. Её браслет на левом запястье пульсирует красным — счёт пополняется, смена прошла, здравствуй деньги. У Фораса жалование два раза в месяц, ему легче, он один.

— Эда, — зовёт он, никак не решаясь уйти за дверь и оставить её одну, — могу я спросить?

Она кивает, валяй, мол, чего уж, но помни, что я твоё начальство.

— Твои сёстры... — как сложно выбрать слова! — может пора о себе подумать? Сколько ты в таком режиме протянешь?

Она знает это, всё хорошо знает. Сама думает, прикидывает, и пугается своих мыслей. В её душе странное чувство, будто её саму подключили к Сети разъедающего самоубийственного милосердия — когда всё другим, ничего о себе. Это её сестры, но и она не железная. Их две, она одна. И всех их ждёт общая Сеть. И ничего больше.

— Пошёл вон! — Эда швыряет, не глядя, в Фораса стакан. Она надеется попасть ему в голову и убить, но он уворачивается. Брызжет осколками несчастная посуда.

— До завтра, — прощается Форас. Он не удивлён. Он будет задавать этот вопрос и завтра, и послезавтра, и через два дня, и через три...

Каждый день их службы, не знающей выходных. Каждый день, когда Эда будет метаться по Сетям, выговаривать за непрочитанные инструкции и истерики, за капризы и бунты. Каждый день, пока Эда будет бороться — он будет задавать ей этот вопрос.

Потому что видел Форас её досье случайно, и значилось там тяжелое сердечное заболевание, которое Эда не замечала, лишь бы работать, работать до конца и не уйти прежде сестёр своих в общую Сеть, из которой путь один — переполнится порт-ключ, и в корзину.

А там Ничто. И нет души. Вообще нет. Одна тишина, где утоплены ничтожные, несчастные душонки, без числа — и все они в тишине, все через неё прошли и сгнули.

СТИХИ

Дмитрий Учитель

Днепр, Украина

МУСОРОВОЗ (2003)

Встаёт чуть свет,
Громыкает бронёй
Во дворе,

С открытым забралом
Спеша
К мусорным бакам

Один из многих,
Опоздавших на турнир.

А говорили:
Век рыцарей прошёл...

РЫНОК (2002)

эюд

Помнишь
придорожный рынок,
встречавший нас
взглядом
разгневанной кобры?

Он расправлял капюшон
и грозил нам раздвоенным жалом,
готовясь к прыжку.

Прошли годы.

Сгнили
его зубы
и высох яд...

Вот он —

В ногах
У вокзала-хозяина,
Свернулся клубком...

Спит
С глазами открытыми,
Не видя снов.

В ШКОЛЕ СЧАСТЬЯ (2008)

В школе Счастья длится перемена.
А в столовой — очередь стеной.
Здравствуй, быт, сомкнувшийся за мной:
Полуветхий, полусовременный,

Получуждый и полуродной.

Блѣклый кафель шаток и бугрист.

Мельтешат дежурные повсюду,
Разнося без устали посуду.

Не абориген и не турист,
Сяду рядом с сочником творожным —
Переждать привычно перемену.

На ладони одинокий грошик.
Желторѣбрый. Тѣртый. Неразменный.

СТАРЫЙ ДВОР (2000е)

В парке на слиянье рек —
Визг ребячий и стрижиный.
Стариком старорежимным
Смотрит двор очков поверх.

Он себя почти забыл,
Впалогрудый, тонкокожий,
Зарываясь, будто в ил,
В одеяло вязкой дрожи.

В окруженье сорных трав,
Не увенчан орденами,
Глохнет двор, забытый нами,
В плечи голову вобрав...

ИЗ РУК СЕВЕРА (2002)

На Ивана Купала
глаза закроешь
в воздушный поток
погрузишься

и вынырнешь где-нибудь в Швеции
между рассветом и кофе

чтобы взять из рук Севера

серебряную шкатулку

на дне которой лежит
цветок папоротника

УДАЧА (2000е)

Похожая на выдру

гардеробщица-удача,

Ворча с недосыпа

И держась за бок,

Идёт вешать

Номерки.

Народ прибывает и прибывает.

А вешалки кончились.

МАНДЕЛЬШТАМ (2002)

Когда тень века

 Стала чужой

 Во всех зеркалах

 И время закрыло за ним

 дверь,

Он знал,
 Что с этой минуты
 Они навсегда с ним —
 Земля багряных рассветов
 И ласточка взгляда,
 Низко над ней кружащая.

Иван Нечипорук

Горловка, Донбасс

НА ЗАРЕ

Смотри, какая чистая заря,
Какие облака парят над крышами!
Сочатся: пряный запах октября,
Оттенки мёда, меди, янтаря.
И тополя едва-едва колышутся.

Туман осел в низине луговой,
И счастье льётся с голосами птичьими.
Осенний город просто сам не свой
От Божьей красоты над головой,
Ликует, как дитя, забыв приличия.

НЕ РЕЗОН

(Горловский сонет)

Превращая стихи в согласованный шум,
Обречённо ищу подходящее слово.
Но душа, растерявшись, мне снова и снова,
Настоятельно шепчет, что я, мол, спешу.
А ноябрь сверлит спину мне взглядом суровым,
Я опять не от печки по жизни пляшу.

Заговаривать сны нынче вышел сезон,
Но шаманят ветра по шершавой бумаге.
Я хотел написать про линиялые флаги,

Но от этого страшный рождается звон...
Мне придётся забыть о вчерашней отваге,
Быть «героем не к месту» — уже не резон.

И слова улетают грачиною стаей,
Я вослед пепел старых тетрадей листаю.

НОЧЬ С АПРЕЛЯ НА МАЙ
(Горловский сонет)

Как в полусне сознание парит.
Всё врёт судьба, хоть вроде мягко стелет,
Я вне себя десятую неделю,
И к звёздам рвётся нерождённый крик...
Забычковав последний день апреля,
Я первый майский кофе заварил.

А город содрогается в ночи,
И остывает в чашечке эспрессо.
Там, над Глубокой дымная завеса
И воздух обречённостью горчит.
Моей весны безрадостная пьеса
Трепещет, словно язычок свечи...

Гул сотрясает небо без умолку,
И робкий май шагает по осколкам.

ЛИЦОМ К...

Город высится громадой
За согбенною спиной.
Я смотрю вперёд с отрадой,
Что исполнил всё как надо
В этой схватке жестяной...

В поле чистом, в поле сизом
Ветры травы теребят.
Жизнь застыла под девизом:

«Будь хоть Глебом, хоть Борисом —
Святополк найдёт тебя!»

ЦАРСТВО ПУГАНЫХ ФАЗАНОВ

Горемычная сентябрьская планета —
Поседевший от войны Донецкий Кряж!
Реки выпиты до дна, все песни спеты,
И, застывшие над головой ответы,
Не укладываются в хронометраж.

Это царство трижды пуганых фазанов
Не сдаётся. Этот край к тому привык,
Что не временем залечивают раны,
И историю назло эпохе бранной
Переписывает в новый чистовик.

ЕСЛИ МЫ ВЫЖИВЕМ

Если мы выживем в этом огне,
В этом густом удушающем дыме
И, вспоминая об этой весне,
Сможем ли мы укротить этот гнев?
Если Господь нас оставит живыми...

Сколько в сердцах накопили мы зла
В списках потерь без конца и без края?
Нас угнетали тревога и мгла,
Мы выгорали от боли дотла.
Рок выл над нами, как псина дурная.

Как это всё обнулить и забыть?
Нам говорили, что нужно быть выше.
Только обиды суровую нить,
Не оборвать, но и страшно хранить...
Если мы выживем, если мы выжи...

ЖУРАВЛИНЫЙ ГОРОД

А в небе птицы: клин за клином,
Строкой блокнотного листа...
Нас в этот город журавлиный
Вела дорога неспроста.
В лубочный край, почти былинный,
Где блики пляшут на крестах.

И солнце льёт тепло на крыши.
И здесь, не ведая войны,
Сентябрь покоем мирным дышит.
И вдохновения полны,
На этих улочках притихших
Мы грезим духом старины.

Талдом / Горловка

Ни предчувствий, ни наитий.
Задыхаясь в ложном быте,
Вскрикнуть хочется: «Держись!»
Через жернова событий
Нас прокручивает жизнь.

Но идём ветрам навстречу,
Позабыв, что время лечит,
Отгоняем липкий страх...
А идти-то нам далече —
Тяжек путь из праха в прах.

*И лишь твои слова неосторожные
Сидят занозами в душе моей.
Т. Гончарова*

Сердце, словно улей, растревожено,
Разум мыслит старыми клише.

Я — обиды главная мишень,
А твои слова неосторожные,
Как зарубки на моей душе.

Полон мир никчёмными обидами,
Им злопамятство вполне под стать,
Взять бы их, как тучи разогнать...
И сказать с вполне спокойным видом бы:
«Мне уже не больно», — лгать, так лгать!

Елизавете Х.

Какой пассаж! Над нами в небе синем
Сгущаются клочки косматой мглы,
И ветер шепчет родственное имя,
Но капли острые не по-июльски злы.

Ну нет зонта! Такая незадача...
Нас не спасает полиэтилен.
И златоглавая столица тихо плачет,
Листая день дождливых перемен.

Но мы уйдём, Москва нас не удержит,
И смоем дождь усталые следы.
Сквозь шум машин, трамвайно-гулкий скрежет,
Мы растворимся, улетим, как дым.

Я ступаю, спеша этот мир разглядеть.
В час предутренний дремлет аллея немая,
Высоко пролетают незримые стаи...
Осень пишет мне письма листвою по воде,
Я задумчиво эти посланья читаю.

Мне ли смену сезонов в хандре обвинять,
Наслаждаясь теплом, позолотой иконной?
И пусть улицы стелются тихо и сонно —

Снова братец сентябрь подгоняет меня
На подножку спешащего в осень вагона.

БЫТЬ РУССКИМ

*Быть сегодня русским — непросто...
Анна Лексина*

Светлане Ш.

Иди вперёд с открытым взором ясным,
Куда бы ни вела тебя стезя,
Будь русским там, где русским быть опасно,
Будь русским там, где русским быть нельзя!

И там, где пропасть пролегла раскола,
И там, где в спину целится небрат,
Будь русским и храни святое Слово,
Как веру и любовь в душе хранят.

РУССКАЯ ВЕСНА

Ю. Ю.

Когда раздался первый взрыв и плач,
Прекрасное сломалось в человеке.
И кровью налились степные реки,
И воздух фосфорный был пагубно горяч...
А ты, прикрикнув: «Подними мне веки!», —
Остался так же немощно незряч.

Я думал русский — это значит свой,
И как дитя надеялся и верил,
Что эти наши скорбные потери
Нам возместит духовное родство.
Но не было протестов и истерик,
Сочувствия и скорби! Ничего!

Владимиру С.

Время спустилось до сумерек августа
И растревожило в памяти сны...
Сумерки эти нам свыше даны,
Чтобы осмыслить наш путь разухабистый,
Словно сквозь призму всеобщей вины.

Доброе слово, из боли проросшее,
Станет предвестником песен и книг.
Освобождая свой день от вериг,
Верим, как дети, лишь только в хорошее,
И преломляем, как хлеб, светлый стих.

Время сфинксом терриконным
Стынет на семи ветрах.
Город мой почти иконный,
Новым светом обагрённый,
Воскресает по утрам,
Чтобы звук золотозвонный
Разлетался по дворам.

Полетят по небу знаки,
Руки-реки задрожат,
Город, отдирая накипь,
Не желая жить во мраке,
Верит в славный урожай...
Из воронок рвутся маки
В руки добрых горожан.

НЕ УНЫВАЯ

Облака смыкают своды,
А в судьбе моей прогал.
День грядущий предан, продан:

До весны всего полгода,
До неволи — полшага.

Но душа не унывает,
Торит тропку через гать.
И спешит судьба кривая,
Кесарево отдавая,
Богу Богово воздать.

ПОВЕСТЬ

Андрей Мансуров

Ташкент

ШЕСТАЯ ЭРА. Поверхность.

Долбанный трезубец опять запутался, и прочно застрял в ячеях чёртовой сетки на щите противника!

Роджер, оскалив зубы, изобразил на лице страшную гримасу, зарычал, вскинув левую руку в ложном замахе — словно собирается хлестнуть сетью по щели шлема. Противник отдёргнулся, автоматически отмахнувшись мечом. Роджер успел присесть, пружинисто согнув и приготовив мышцы ног. Затем, делая вид, что хочет сблизиться с мирмиллионом, сам вдруг отпрыгнул назад, что было сил вцепившись в чёртово древко.

Зазубренные лезвия-гарпуны оружия Роджера наконец высвободились, вырвав огромный клоч из защитного покрытия щита, и противник только чудом удержал сам щит, да и устоял на ногах: рывок оказался настолько силён, что мускулистое, остро пахнущее потом и пылью, мощное тело врага по инерции буквально пролетело мимо Роджера! Однако ударить пока не удалось: с...ный трезубец, будь он неладен, нужно вначале привести в «рабочее» состояние!

Роджер освободил левую руку просто: бросил на песок чёртову сеть. И пока враг пытался остановиться и разворачивался, рыча от злости, и наверняка думая, как бы добраться до Роджера половчее, дернул, обламывая и срывая решетчато-сетчатую хрень, засевавшую на трёх

зубьях его оружия: сволочи, вот уж постарались!.. Этот кусок решётки-сети оказался третьим здоровущим фрагментом из уже содранных им со щита противника.

Конечно, умно придумано: решётка-сеть из тонких кенафных верёвок, гибких прутьев ивы, и рыболовной лески почти ничего не весит, а цепляет крючья его оружия практически гарантированно, не давая добраться до хозяина щита. И Роджеру приходится постоянно думать, как бы снова не зацепиться, уже так, чтоб лишиться и трезубца: достаточно позволить вырвать его из своих рук, и противник просто переломит древко, сделав колющее оружие бесполезной коротенькой зубочисткой!

Это раздражает: возни много, толку мало.

Противник, однако, не дремал, и снова, даже не передохнув, кинулся на Роджера.

Ну и гад! Роджер увернулся от размашистого рубящего удара, который, придись в цель, словно гнилую тыкву раскроил бы его череп, вскинул руку, отбив подставленной медной накладкой-нарукавником на левом предплечье — колющий... Да что же это такое!

Он откинул ногой подальше оказавшийся наконец отодранным клочок сети-решётки, зарычал, словно в предвкушении, сделал ложный выпад. Противник на секунду отступил, но только, как оказалось, для того, чтоб кинуться на него с ещё большим остервенением!

Теперь пришлось бежать. Правда, недалеко, и небыстро: иначе бронированный идиот догадается, что Роджер легко перегонит при необходимости его увязающее в песке под тридцатью килограммами доспехов, тело. Чтоб остановиться, Роджер присел, и заставил тело почти завалиться назад, вырыв босыми ступнями две борозды в песчаном покрытии арены. При этом он матерился вполголоса и шипел: незащищённым ступням было горячо и больно.

Гад, продолжавший бежать прямо на него, на радостях даже зарорал — он-то был в сапогах! — и припустил вперёд ещё быстрее! Похоже, решил, что Роджер наконец устал уклоняться и драпать, осознал, что сопротивление бесполезно, и, смирившись с участью проигравшего, примет его «милосердный» роковой удар так, как положено: подставив незащищённую ничем, кроме потрескавшейся корки из пота и песка, грудь!

Ага, нашёл дурака!..

Роджер сделал вид, что собирается ударить всеми тремя остриями в прорезь шлема, противник поспешил спрятать голову за верхнюю кромку щита. Роджер не стал ничего выдумывать, или бросаться в

ближний бой, а просто пробежал мимо двигавшегося по инерции ещё некоторое время вперёд и явно озадаченного таким финтом врага, на бегу подхватив свою валявшуюся на песке сеть.

Вот теперь они почти на равных: предохранительные решётки на щите врага закончились! Ну, почти. Но те неаккуратно выглядящие обрывки и клочки, что там остались, теперь, скорее, мешают, чем помогают его противнику.

Сеть накинуть, конечно, оказалось не просто. Несколько ложных движений, и враг, отмахивающийся от его «оборудования» отблёскивающим на свету мощнейших софитов гладием, смог наконец нанести, как ему, наверное, показалось, такой удар, что выбил у Роджера из руки скатанную сейчас словно в валик, тряпочку. «Тряпочка» отлетела было на пару шагов, но затем, словно по мановению волшебной палочки, снова оказалась в руке Роджера: тот просто дёрнул за один из размахившихся тонких концов, который удерживал всё это время в кисти мизинцем и безымянным пальцем!

А вот теперь враг оказался настолько удивлён внезапным возвращением в руку хитро...опого «попрыгунчика» чёртовой сетки, которой по всем правилам полагалось отлететь на добрых двадцать шагов, что не успел взмахнуть мечом, когда валик из «тряпочки», оказавшийся на редкость увесистым, хлестнул его прямо по прорези в шлеме!

Роджер был уверен: песок, осевший на пропитавшихся потом веёвках, так и полетел в глаза врага!..

Мускулистый торс противника на долю секунды замер, пока его обладатель пытался решить, что делать дальше: то ли побыстрее отскочить, то ли — сразу попытаться протереть глаза и проморгаться. Пригнувшемуся Роджеру осталось лишь прыгнуть вперёд и на лету вонзить движением снизу — вверх своё оружие в незащищённую метровым щитом выставленную вперёд левую ляжку, оказавшуюся прямо перед ним.

Враг заорал — так, что в груди Роджера словно что-то оборвалось. Крик смертника.

Но пока расслабляться рано. Мирмиллион жив, только застыл в неловкой позе.

Приземлившемуся на спину Роджеру пришлось перекатиться, прищурившись, чтоб снова не нахватать песка глазами, затем быстро нырнуть вперёд, потянуться, и схватиться снова за нелепо торчащее параллельно арене древко. Он уже понял, что всё кончено. Но всё равно выдернул иззубренные гарпунные наконечники впившихся в плоть двух зубьев из мускулов бедра застывшего от болевого шока бедолаги. Раз-

давшийся после этого второй вопль, заглушивший отвратительный звук разрываемой плоти, был совсем уж отчаянным и жалобным.

Кем бы ни был его противник, но дураком-то он точно не был. Понимал, что проиграл. И сейчас, даже если Роджер не прикончит его сразу, вторым ударом, он и сам просто истечёт кровью... Но Роджер не стал добивать завалившегося на спину орущего и подвывающего врага, который даже отбросил бесполезные теперь щит и гладий, и зажимал дыры в ляжке обеими руками. Однако арена вокруг человека всё равно очень быстро окрасилась в алый цвет.

Прикусивший губу и набычившийся Роджер чуть отошел, пытаясь отдышаться. Отёр пот со лба, отплевался: проклятый вездесущий песок! Он осмотрел арену, принохался. Нет, показалось: остро пахло пылью, его потом, медью и... смертью.

Добивать врага Роджер не стал. Ему всегда казалось непорядочным бить того, кто и так проиграл. И сейчас беззащитен. И всё равно умрёт от потери крови.

Но что это?

Почему его противник словно замер в нелепой позе?! Почему голова, только что наклонённая к раненной ноге, вдруг вновь откинулась на песок?

И что это за... странный туман... Или не туман — навис над ристалищем?!

И почему так кружится голова и слипаются глаза?! Что за... Ведь не пахло?!

Ноги почему-то словно сами собой подкосились, и навстречу Роджеру внезапно ринулась поверхность арены!.. И вот он уже лежит, снова пытаясь выморгать брызнувший в глазницы от поднятых его телом и лицом крохотных фонтанчиков, песок!

Похоже, те, кто любовался ходом их схватки, решили, что достаточно: опять пустили, пусть и не пахнущий, но гарантированно обездвигивающий и усыпляющий га!..

— ...вообще ничего не значит! Он мог просто поопасаться, что если подойдёт поближе, то мирмиллион достанет его своим мечом! Ведь раненный мог и просто прикинуться обессилевшим и отчаявшимся!

— Хм-м... Логика, в такой точке зрения, конечно, есть. Вот только кое-что не вяжется с фактами. Меч его противник уже отбросил прочь, и тот оказался слишком далеко, чтоб схватить незаметно. Да и если хорошо вспомнить, этот Роджер и предыдущего спарринг-партнёра не добивал. Думаю, он и этого не стал бы. По-моему, он просто считает та-

кие действия нерациональными. И смотрит на ситуацию с позиции: «зачем добивать, если враг и сам достаточно быстро сдохнет?!»

— Да, я тоже заметила, что он не любит лишних движений. И действий. Реалист. И рационалист. Ну что, сразу перезагружаем?

— Да. Чтоб ему жизнь-то малиной не казалась. Погнали.

Этот противник Роджеру сразу не понравился.

Маленький, жилистый, очень вёрткий, и ничем, кроме двух хопшей не вооружённый и не защищённый — набедренная повязка, точно такая же, как у самого Роджера, в счёт уж точно не идёт! Значит, враг умеет отлично пользоваться обеими руками, и в обороне отсиживаться наверняка не будет. Сощуренные почти в щёлочку глаза глядят злобно и непреклонно. Такой не остановится, пока не убьёт Роджера. Или не погибнет сам.

А ещё Роджер почему-то чувствовал странную усталость — словно его тело не набралось, как это обычно бывало после очередного периода беспамятства, новых сил. В мышцах ног сидела странная дрожь — словно только что бегал по песку часа два. Да и пальцы рук, которыми он сжимал рукоять того оружия, которым его снабдили — длинного двуручного меча — катаны — так и норовили разжаться. Тело, правда, выглядело вымытым и ухоженным: ни песчинки, ни капельки пота.

В чём же дело?! Или твари, что постоянно стравливают его со всё новыми и новыми противниками, хотят посмотреть, как он справится, будучи уставшим, и вооружённым лишь одним, тяжёлым и длинным, оружием?

Да и ладно: плевать! Он отлично знает, что вечно никто жить не будет! И излишняя осторожность сродни глупости!

Поэтому он сегодня для разнообразия станет сражаться не «от обороны»! Потому что «выматывать» поджарого, лёгкого, и явно отменно себя чувствующего врага — глупо. Поскольку при этом сам Роджер вымотается куда сильнее и быстрее!

Роджер не стал издавать свой «фирменный» боевой клич, которым пару раз удавалось не то напугать, не то — удивить врага, а просто накинулся на того, вращая катаной так, что её лезвие слилось в сверкающий круг — он по себе знал, что такой блеск мешает сосредоточиться. Ага: вот враг и слегка опешил, отступает. Наверняка при этом думая, что столь быстро отнимающий силы порыв скоро пройдёт, и враг приостановится, чтоб отдохнуть, и станет доступен. Ну, пусть себе думает.

Теперь нужно продолжать махать, скалиться в угрожающей усмешке, и наступать.

Порядок — противник, стараясь синхронизировать движения рук с движениями ног, вынужден реагировать уже только на его удары, пока не помышляя о каких-то своих «контрвыпадах», и отступить: почти бегом и вприпрыжку! И — задом: боится, что в беге Роджер окажется быстрее! (Правильно боится: ноги Роджера куда длинней!)

Стало быть, стену Арены противник сейчас не может видеть, а только предполагает, где она находится: боковое зрение, каким бы изощрённым ни было, не позволяет видеть того, что находится за затылком, а уж следить, чтоб враг не мог ни на секунду отвлечься, чтоб сориентироваться — проблема Роджера. И она решена.

Один из хопшей вдруг жалобно звенькнул, столкнувшись с пятиметровой стальной стеной, ограждающей арену, и от удара чуть не вырвался из руки противника. Роджер нагло воспользовался ситуацией: попросту отрубил пытающуюся удержать рукоять, и на мгновение застывшую, кисть, а когда враг зашипел, выставив над собой второй египетский меч, нанёс весьма «подлый» удар снизу: в незащищённый живот! Плевать на то, что там кто подумает: не до реверансов, когда речь идёт о жизни!

После удара Роджер рывком выдернул меч. Отступил на миг, но тут же вновь шагнул вперёд, и сделал то, чего до этого никогда не делал: отрубил нагнувшуюся вниз оскалившуюся в жуткой гримасе голову!

Та откатилась недалеко: всего на шаг. Песок же!..

Сказать, почему он решил добить именно этого противника, он не смог бы и под присягой. Потому что и сам не очень понимал, что руководило его действиями.

Инстинкт?..

Проклятый серый туман из чёртового аэрозоля опять опустился на арену, скрывая матовой пеленой всё: и поверженного врага, заливавшего песок вытекающей толчками из обрубка шеи и руки, кровью, вонявшей медью, саму арену, и ослепительную яркость прожекторов наверху.

Роджер на этот раз поступил умней: не стал ждать, когда рухнет наземь, а сразу лёг сам, на спину. Правда, всё равно на всякий случай сжимая катану обеими кистями, и отодвинувшись подальше от отсечённой руки, так и сжимавшей хопеш.

На этот раз газ подали привычный — пованивающий.

Снова навалилась темнота...

— Неплохо.

— Да уж. Особенно, если учесть, что периода релаксации мы ему не дали, и восстановление находилось на отметке где-то в пятьдесят процентов. Ну что? Подходит нам?

— Думаю, подходит.

— Отлично. Значит, моем, даём выспаться, и переправляем на Уровень Це. Доложи Координаторше.

— Слушаюсь, мэ.

Чёртов ярко-красный кабриолет впереди вдруг завилял, дура, сидящая за рулём, с развевавшимися, словно пламя, рыжими волосами в прозрачном и ничего не скрывавшем топчике, ударила по тормозам, и по клаксону!

Роджер в последнюю секунду успел затормозить и объехать маленькую машинку, не наподдав той в зад так, чтоб вылетела влево, туда, где за перилами моста в пятидесяти метрах внизу, сверкала блёстками полуденного отражённого солнца вода Гудзон-ривер. Он успел заметить и причину, по которой сволочная идиотка дала по тормозам: на проезжую часть перед её машиной выскочила чья-то, вероятно, потерявшаяся, крохотная собачка-пикинес. Роджеру запомнились идиотские панталончики в кружавчиках, и широкий кожаный ремешок ярко-алого цвета с круглыми хромированными заклёпочками на шее пёсика. И ещё — выпученные круглые глаза-пуговицы.

После этого последовал страшный удар: это его Тойота-камри врезалась почти на полном ходу в толстые стальные трубы, торчавшие из полуприцепа грузовика, неспешно двигавшегося по крайней правой полосе.

Роджер ещё успел заметить какого-то парня в синем комбинезоне: вероятно, рабочего из бригады, обслуживающей стропку моста: сидя верхом на одном из толстенных канатов в десяти метрах над дорожным полотном, он пялился на Роджера, раскрыв рот в неслышимом крике...

Что-то врезалось Роджеру в грудь, да так, что затрещали ломаемые рёбра, ещё что-то ударило прямо в висок. В ушах возник жуткий грохот и гул, в глазах потемнело...

И он понял, что умер.

С криком он вскочил.

Нет, это просто всё тот же чёртов кошмар — он жив!..

Сволочной сон — снится здесь уже в пятый раз... Тут не то, что вспотеешь, а и описаешься со страху! Да и от боли: вспоминать — себе дороже...

Роджер снова лёг на своё жесткое ложе, поёрзал, пытаясь устроиться поудобней. Но чёртов стальной пол мягче не стал.

То, что он вообще начал просыпаться — несомненно результат того, что в шестьдесят два, спустя всего год после страшной аварии в которой выжил буквально чудом, да и встать с постели смог лишь через четыре месяца, решил-таки вложить деньги (Немаленькие, кстати!) в своё «воскрешение». Когда-нибудь в отдалённом будущем. Когда наука достигнет. Должного уровня.

Дал снять с себя психоматрицу.

Позволил сделать биопсию, терпел, пока из него добывали образцы спинного мозга, брали кровь, отделяли тоненькие цилиндрики мышц, набрали чуть ли не пинту крови... За те деньги, что уплатил, как он считал, они могли бы делать всё это и поаккуратней. Да и обезболить получше.

В больнице компании пришлось тогда пролежать целых три дня. Но потом ему сказали, что всё в порядке, и брать что-либо повторно не будут: всё их устраивает.

Осталось только снять саму мнемоматрицу: чтоб он помнил всё предыдущее...

Роджер был чертовски рад. Ведь сам «съём» происходил безболезненно. Он уже жалел, что связался с чёртовой компанией «Вечная жизнь». С другой стороны, денег у него было достаточно. Да и мало ли: вдруг и правда, случись (тьфу-тьфу!) что, входящее в «страховой случай» — оживят?!

И вот теперь он убедился воочию, что действительно. Оживили. Всё, как прописано в контракте: он в «расцвете сил».

Правда, вот как-то странно его «воссоздатели» используют его омоложенное тело. Впрочем, нет. Тело не омоложенное — оно просто новое. Клон, скорее всего. Выращенный из его же «образцов». Но то, что клон именно — его, сомнений не вызывает. Вон: даже родимые пятна на руках на своих привычных местах... Это они ближе к старости разрослись, и к ним добавились и просто коричневые — «старческие».

Но пенять на то, что его травят, словно зверя в клетке, как понял Роджер, некому! То ли сменилось правительство, то ли он не выплатил вовремя какую-нибудь страховку, то ли его просто куда-то контрабандно перепродали. И тут он — гладиатор.

Которого стравливают с другими, возможно, такими же, как он, гладиаторами-людьми. А до людей были животные: тигры, львы, леопарды... Даже крокодил.

А в самом начале — тесты. На сообразительность и интеллект.

Проклятье! Чего им от него надо?!

Неужели тот факт, что сам он, Роджер Тандерволд, шестидесяти двух лет (Вот уж поверишь в «магию» чёртовой науки!) погиб, или умер от старости — правда, и его «оригинальный носитель» не может отстаивать свои права через суд, и делает теперь его новое тело со старым сознанием — чьей-то игрушкой?!

Гладиатором на потребу извращённой публике?

Или уж — объектом для каких-то изощрённых опытов?..

То, что теперь от него потребуется нечто совсем другое, чем победить кого-то в схватке, Роджер понял сразу.

А ещё бы тут не понять!

Когда очнулся от очередного беспамятства и быстро (Уж этому — научился!) вскочил на ноги, пытаюсь сообразить, почему не дали оружия, всё и рассмотрел.

Он абсолютно наг — даже набедренной повязки, если эту чисто условную тряпочку можно было так называть, нет. Тело явно вымыто, и даже умщено какими-то благовониями — кожа прямо бархатистая, и приятно пахнет! Усталости как не бывало, словно только что проспал часов пятнадцать-двадцать. Ни песка, ни пространства Арены нет и в помине. Пол ровный, гладкий. Твёрдый. Белый. А чтоб уж сомнений в том, что от него сейчас потребуется, не оставалось никаких — вот оно.

Великолепнейшее тело. На огромной — с добрых шесть квадратных метров! — кровати. А больше ничего в огромной же, с добрую четверть чёртовой Арены, комнате, нет!

Только он, белая комната, постель, и женщина. На постели.

Женщина не спит. (Вот уж он удивился бы!) Смотрит на него. Выражение этого взгляда он описал бы как... Вождедеющее. Да, точно: именно этого от него и ждудт!

Хм-м... Странно. Возможно, конечно, что необузданный секс и является следующим испытанием, но...

Но пока он не обьщедт всю чёртову кровать, не посмотрит за подушками, под матрацем, и вообще — везде, где возможно (Вдруд в стенах — имеются какие-то замаскированные ниши. С ожидающими, что он поддастся на зов того, что восприяло сейчас между ног, и свалядет беспечного идиота, сволочами?!) скрываются убийцы, или оружие, он им, этим самым чёртовым сексом, пусть и с раскрасавицей, и «мечтой всех его юношеских фантазий» — не займётся! Как бы призывно она не глядела на него. И как бы капризно не заламывала бровь и хитро не улыбалась!..

Но вот комната обыскана, даже простукана, ничего не найдено, и пытаться сопротивляться позывам похоти смысла, вроде, больше ника-

кого нет... Тем более, что женщина — действительно: божественно сложена. И лицо... Такие, наверное, и служили образцами всем этим скульпторам да художникам, лепивших или рисовавших чёртовых древне-греческих Богинь.

Тонкая, подчёркнутая изящной перетяжкой, талия. Небольшие и аккуратные груди. Чувственные, по контрасту с талией — массивные, бёдра. С шелковисто-гладкой, атласной, чуть тронутой здоровым загаром, кожей. Блинн...

Ладно, пусть думают, что хотят. (А они, проклятушие наблюдатели, наверняка подумают!) Но он поступит так, как считает нужным!..

— Неплохо. Пошёл, так сказать, на поводу своей похоти — но — с оглядкой!

— Ага. И — поступил умно. Когда обыскал её. И перетащил «девушку» на пол. (Бедная Координаторша!) Потому что как ...опой чуял: оттуда ей до припрятанной иглы с ядом не дотянуться!

— Да, инстинкты у него на уровне. Но, знаешь, я удивлена. Тем, что он-таки въехал ей в челюсть, когда стала сопротивляться. Я почему-то считала, что чёртов Роджер женщину бить не станет!

— Ну, мало ли чего ты там считала... Да и, если честно, я Анне и сама всегда мечтала. В челюсть. Так что спасибо этому Роджеру — вот уж порадовал! Хе-хе. Ладно, газ сработал. Оба спят. И спермоприёмник полон. Давай нашу любимую начальницу — в медотсек, пока семя свежее, а чёртова перестраховщика и юмориста Роджера — дальше.

Длинный коридор.

Роджер не совсем понял, как очутился здесь: похоже, снова потерял сознание прямо там, на женщине. Но — выполнив то, что было положено «выполнить». С честью!

Ну, во-всяком случае, почти очнувшись после хука в челюсть партнёрша очень даже натурально стонала и содрогалась в конвульсиях оргазма: приятно! Осознавать, что справился и с этим «поединком». Или — тестом. И то, что пришлось слегка «вразумить» непокорную, и никак не желавшую слезать с мягкого матраца женщину, его нисколько не смущало. Он — главный! Поэтому сделает всё так, как хочет — ну, вернее, хотел! — сам!

Встать на ноги и оглядеться удалось лишь после некоторой передышки на одном колене: голову буквально вело — она кружилась. Да и сознание мутилось. Переборщили они там с усыпляющим сегодня, что ли?..

Но что же это за коридор? И почему тот его конец, ближе к которому он очнулся, оказался глухим? Роджер не придумал ничего лучше,

как подняться-таки на ноги и быстро доковылять до отдалённого противоположного конца, придерживаясь рукой за стену.

Так. Дверь. Открывается простой поворачивающейся ручкой. Он и открыл её.

Хм-м... Комната. Пустая. Странная. Ни следа привычной белой краски ни на полу, ни на стенах, ни на потолке... Сами пол, потолок и стены — голый металл. В угрожающе выглядящих сиренево-голубых разводах... Ловушка? Вряд ли. Ловушку можно было бы устроить и посложней. А если б его и правда хотели убить — он бы просто не проснулся в очередной раз!

Значит — просто очередное испытание. Вперёд.

Он вошёл. Дверь медленно, явно толкаемая пружиной, закрылась. Щёлкнул замок — солидно так щёлкнул: не иначе, как запоры тут с надёжной подстраховочкой. Но...

Но тут же открылась другая дверь, в противоположном торце квадратного помещения. Роджер хмыкнул. Не заколебавшись ни на миг, вышел.

Хм-м. Ещё один коридор. А дверь за его спиной закрылась. Сама. Щелчок. Но...

Что это за странный гул и шипение донесли из-за закрывшейся двери?!

Могучие, и басовитые — как от водопада Ниагара-фоллз! Непонятно. Но очень уж похоже на гул и рёв мощного потока не воды, а — пламени! Роджер приложил ухо, чтоб убедиться. Да, верно: именно так и гудит пламя, мощно вырываясь из форсунок! Да и дверь — потеплела, откуда-то, вероятно, из тонких щелей по периметру, остро запахло нагретым металлом...

Дезинфекция после его прохода? Вот уж — хм-хм...

Странно всё это.

Но деваться некуда — нужно пройти очередной тест. И выжить.

Каких только он здесь, в этом странном месте, проверок уже не проходил!

Лабиринты. Многоуровневые, и с ловушками. Светлые, и во мраке «ночи».

Комнаты с логическими задачами. (О, да: он отлично понимал условия задач, которые обычно имелись на листке с Заданием при каждом столе.) Сборно-разборные звёзды, кубики с разноцветными гранями, трансформеры-механизмы: чего только он не складывал, переставлял, состыковывал из непортящихся деталей — вероятно, из сверхпрочных металлов!

Бег по псевдопустыням, саваннам, джунглям. И даже северной тундре. Сражения с животными — тиграми, гиенами, волками. А затем и — с не то — монстрами, не то — мутантами, явно выведенными кем-то искусственно. Хорошо хоть, адекватным оружием его снабжать не забывали — не то, что сейчас.

Хуже всего, конечно, оказались последние несколько дней. (Дней? Может, часов — только с перерывом на те краткие мгновения, что требовалось его натренировавшемуся телу для полного восстановления сил?!) Когда биться пришлось с... Людьми.

Он, правда, вынужден был признать определённую логику и последовательность в действиях тех, кто его таким образом «испытывал»: задания шли от простого к сложному.

И каждый следующий противник-враг был всё опасней. И сильней. И умней.

Но что же... Ждёт его теперь — после «проверки» на «мужскую состоятельность»?!

Дверь в торце второго коридора открылась так же — простой ручкой.

Он оказался в ещё одном коридоре: широком, не менее пяти шагов, и длинном: конца в обе стороны не увидеть за плавным изгибом стен! А может, так происходило из-за странного света, словно бы не столько освещавшего, сколько скрывавшего стены и пространство внутри беложемчужного и как бы матового, тоннеля? Чуть ярче, конечно, чем в камере, где его содержали между тестами и сражениями. Но гораздо слабее, чем тот слепящий свет, что заливал обычно Арену.

Над головой внезапно что-то щёлкнуло — он невольно вздрогнул и присел, приняв боевую стойку для рукопашной. Но ничего не произошло.

А, нет, произошло: мягкий женский голос из-за круглой сетки на потолке, находящейся возле одного из длинных плоских светильников, сказал:

— Роджер. Повернись налево. И иди по коридору, пока не увидишь дверь с надписью на табличке «Администратор». Войди туда.

Смысла не поступить так, как порекомендовали, а сделать с точностью до наоборот, Роджер не видел. Поэтому повернулся налево и двинулся.

Двери тут, действительно, имелись. Буквально через каждые пять шагов в стене располагались белые прямоугольные входы куда-то. Возможно — действительно в каюты. На дверях имелись нащёлки с чем-

то вроде пазов под ключи — явно замков! — и ручки. Таблички на уровне чуть ниже его глаз тоже имелись.

И чего только на них не было написано: «Главный психолог», «Главный анестезиолог», «Заместитель главного хирурга», «Управляющий складом», «Главный инженер холодильного оборудования», «Заместитель главного механика», и прочее в таком же роде. Табличка с надписью «Администратор» нашлась всё же раньше, чем Роджер начал терять терпение: ближе к концу этого крыла, который уже был отлично виден — как глухая и невыразительная стена, перекрывающая коридор.

Роджер подошёл и повернул ручку. Дверь открылась.

Роджер вошёл. Дверь за собой прикрыл.

Невыразительная комната. Пять на пять шагов. На полу — тонкий пластиковый ковёр. С простым геометрическим узором. Белые стены, на потолке — белый матовый плафон светильника. Из мебели — один простой пластиковый стол, да три стула.

Спартанская прямо тебе простота...

У стены — три шкафа. Нет, не шкафа: скорее, просто вместилища для хранения чего-то, уж больно напоминающего флэшки: вон они, навалены в пластиковых прозрачных кубиках кювет, с подписанными бирками на передней стенке: «2451», «2452», и так далее — явно по годам. Во втором вместилище кюветы с флэшками шли по разделам: «История», «Реактор», «Двигатели», «Оранжерея», «Антенны», и ещё — всего не меньше пятидесяти. В некоторых кюветах флэшек было много, навалено буквально горой, в других — не более десятка. Странно. Третий шкаф не порадовал: кюветы оказались подписаны шифром — с буквенными и цифровыми значками. Секретные материалы?..

Хм-м...

Вряд ли. Иначе его сюда не направили бы.

Роджер развернулся к той стороне комнаты, что располагалась напротив входной двери. Подошёл ближе. Точно!

В стене имелся ещё один дверной проём: сразу и не заметишь — настолько тонкими оказались линии, оконтуривающие его. А это что — сбоку? Похоже на клавишу. Роджер нажал. Дверь, пшикнув пневмозатворами, ушла вглубь и в сторону. Он вошёл.

На потолке зажёгся плафон: похоже, сработал фотоэлемент.

Вот оно как. Комната небольшая, но обставленная куда уютней: псевдоокно со стереофотографией лесной опушки. Декорировано изящными драпировочками: тут тебе и тюлевые, и плотные шторы-занавеси. Шкаф: этот — уже настоящий, старинный, из ДСП, обитого

шпоном. На полках стоят... Книги?! Гос-споди! (Прости, что помянул все!)

Кто сейчас, если идёт и правда, как он видел — 2459 год, может позволить себе иметь книги? Да и кто станет читать их, зная, какой невосполнимый вред здоровью наносит невидимая и невесомая целлюлозная пыль, постоянно сыплющаяся и взлетающая с их ветхих страниц при любом их перевороте?! Впрочем, хозяин коллекции опасных раритетов явно знает об этом свойстве книг: шкаф спереди закрыт толстыми и явно герметичными стеклянными перегородками-панелями.

А вот и доминирующая составляющая небольшой комнаты: огромная, двуспальная, и занимающая весь центр комнатки, кровать. Над ней — два светильника-бра, по бокам — тумбочки. Тумбочки умилили Роджера: классика! Уютно, ничего не скажешь.

Пол в этой комнате оказался покрыт реально пушистым и явно призванным создавать уют и расслабление, ковром. Тому, кто живёт здесь, должно быть приятно стоять и ходить по нему босыми ступнями. И этот ковёр — с рисунками и орнаментами. Роджер отлично помнил такие. В той части памяти, что отвечала за «общее устройство Мира». Нежно-коричневые и песочные тона взор ласкают и успокаивают.

Недурно. Особенно, если учесть, что в стальной коробке три на три на три, где его содержали между «использованиями», не то что кровати — лежака приличного не было. И спать приходилось прямо на полу, только отодвинувшись подальше от санитарного отверстия, из которого вечно воняло чем-то тухлым, и горелым — пластмассой, что ли. И мочой.

Роджер не придумал ничего лучше, как обследовать ещё раз все стены спальни.

Ничего.

Вышел в первую комнату. Ага, есть!

Ещё более тонкие нити контуров скрывали две каморки: одну с ванной и душем, другую — с унитазом и... Тем, что Роджер принял за биде!

Надо же! Здесь обитает и женщина! Неужели у Администратора есть жена? Любовница? И не андроидная кукла для плотских утех, а настоящая?! Или...

Жуткая мысль заставила Роджера содрогнуться: а ну как Администратор и есть — эта самая женщина?! Он, кинув взгляд на унитаз ещё раз, получил полное подтверждение: сиденье-то... не поднято! Так обычно бывает, только если им постоянно...

Чёрт возьми.

Во что это его теперь угораздило?!..

Проснулся Роджер от шума: в соседней комнате явственно раздавался стук каблуков по пластиковому, и поэтому тонкому, ковру. Он было подумал, что нужно встать, но потом передумал: зачем? Если его притащили сюда как раз для того, что он заподозрил, то тут ему самое и место: «использовать» его явно будут на этой самой кровати!

Стук каблуков приблизился к двери, замок щёлкнул, дверь отошла.

Появившуюся в проёме женщину никто не назвал бы привлекательной. Нет, она была и стройна, и подтянута: не больше шестидесяти килограмм. Но вот лицо...

Веяло от него какой-то суровой непреклонной решимостью, и... Да: пожалуй, можно назвать это — Чувством Долга. С большой буквы. Хотя сами черты казались и правильными, а глаза — большими и ясными, грозный, словно осуждающий, взгляд портил всё. Хотелось или вытянуться в струнку по стойке смирно, и отдать честь, или...

Банально сбежать.

Бежать Роджеру было некуда, поэтому он просто остался лежать, спокойно рассматривая женщину. А неплохо она одета. Со вкусом.

Хотя прикид и сугубо «деловой»: блестящие лайкровые колготки, чёрная строгая миди-юбка чуть повыше колена, и белая блузка-кофта не позволили бы усомниться, что перед ним Администратор собственной персоной, даже если б на левой стороне груди не имелось соответствующего бейджика. Жаль, с такого расстояния нельзя было прочесть имени.

Женщине на вид можно было с равным успехом дать от тридцати до пятидесяти, но Роджер, подумав, склонился всё же к первой цифре: преждевременно наметившиеся на лице морщины не дополнялись таковыми на шее и ниже. Значит — возникли от забот, а не от возраста. Похоже, должность-то... Накладывает ответственность.

Женщина чуть поморщилась, понимая, что её рассматривают, словно племенную лошадь. Спросила:

— Ты ел?

Голос, в-принципе, приятный. Но вот тон... Не вопрошающий, а, скорее, вот именно — командно-приказной. Суровый. Привыкший повелевать и наказывать. (Да и допрашивать провинившихся, случись такие, наверное, помогает!) Роджер сразу почувствовал себя по-идиотски: словно он — отказывающийся раскаяться и отречься от скверны своих глупых убеждений еретик, а женщина — Главный Инквизитор.

Но ответить надо:

— Нет.

— Тогда вставай. Нужно поужинать.

Он поднялся, даже не пытаясь прикрыть наготу. Напротив: постался упругие мышцы живота, груди, и крепкие бицепсы выставить напоказ. Женщина криво усмехнулась, действительно оглядев его от длинных стройных ног до мощной шеи, покачав головой. И сразу стала куда больше похожа на живое и чувствующее существо:

— Красавец, знаю. Брюки и трусы — в шкафу. Не нашёл? Или не захотел надеть?

Роджер решил ответить правду:

— Не нашёл.

— А, понятно. Тогда смотри: шкаф с одеждой здесь. И открывается вот так. — она подошла к проёму у «окна», и провела рукой вдоль стены.

Открылась незаметная до сих пор створка, и показались полки с аккуратно разложенной одеждой и бельём.

Роджер подошёл. Только встав рядом с женщиной, он понял, что она невысока, можно даже сказать, маленькая: ему по плечо, не выше метр шестьдесят без каблучков изящных туфелек на невысоком каблучке. Это открытие удивило его, поскольку в форме она смотрелась чертовски солидно и впечатляюще. Зато теперь оказалось возможным прочесть и имя на бейджике: Диана.

— Смотри: вот это будет твоя полка. Всё, что понравится — одевай.

Роджер сгрёб пачку одежды, что лежала, выделяясь по сравнению с остальными кучками, небольшой высотой. Перенёс на постель. Разложил. Хмыкнул: тут оказались и брюки, и рубаша, и майки с трусами, и носки. Всё — мужское.

Значит, готовилась.

Да и ладно. Если всё у них будет так, как он подумал — он... Не против!

Он натянул армейскую стандартную футболку защитной расцветки, трусы и камуфляжные армейские же брюки. Женщина, пока он разбирал бельё, молчала, и стояла, не без интереса наблюдая за его нарочито неторопливыми действиями. И только когда он взглянул ей в глаза, прокомментировала:

— Всё верно. Спокойный, собранный, рационалистичный. Словом, мой идеал. — и, поскольку Роджер промолчал, глядя на неё, продолжила, — Ладно, клади всё остальное на место, и идём кушать.

В большой комнате, в одной из её боковых стен, оказался откидной стол и линия экспресс-доставки. Роджер подтащил от рабочего стола два стула: один напротив другого.

Встал за её стулом, когда она присела, пододвинул. Диана хмыкнула:

- А приятно, когда за тобой ухаживают. Спасибо, Роджер.
- Пожалуйста, Диана. Приятного аппетита.
- И тебе.

Больше никто из них ничего не сказал до тех пор, пока они не «разобрались» с едой: на первое оказалось что-то вроде зелёного борща с какой-то кисловатой травкой, а на второе — бифштекс. С отварным картофелем и зелёным горошком на гарнир.

Роджер не без удовольствия съел мясо, удивляясь, насколько оно нежно и хорошо прожарено. Подобрал с пластика тарелки соус и подливу последним кусочком отрубного хлеба, с довольным видом откинулся на спинку стула: вкусно! Не то, что белковые палочки, которыми его кормили там, в камере, и которые по вкусу напоминали самый обычный мел, пропитанный подсолнечным маслом. А сейчас Роджер чувствовал себя сытым. И отдохнуть успел неплохо. К дальнейшим «приключениям» «готов»!

Но женщина не спешила переходить к главному делу, как, по-идее, полагалось бы после трапезы. Вместо этого решила пояснить:

— Бифштекс, разумеется, не натуральный. Заменитель мяса, соя, костная мука, ароматизаторы и загустители... И всё такое прочее.

— Всё равно — отличный вкус. И пахнет божественно. Да и насыщает неплохо. Не то, что белковые палочки там. У меня.

При упоминании места, где, как наверняка знала женщина, его содержали, он удивился: её уши покраснели! Впрочем, с собой она справилась легко, и даже взглянула ему в глаза вполне дружелюбно. Сказала:

— Спрашивай. Ты же наверняка хочешь узнать, почему тебя не... Утилизировали.

— Ну, то, что меня должны были, как ты изящно выразилась, «утилизировать», мне стало понятно после того, как там, за стальной дверью, зашипели горелки. А то, что спасла меня именно ты, я понял по голосу. Он у тебя вполне приятный, несмотря на стальные начальственные нотки. И узнаваемый. А спросить я хотел вот о чём: когда ты... Как бы это поизящней... натешись со мной, меня всё равно...

Утилизируют?

Диана всё же вспыхнула — на этот раз краска затопила всё лицо и перешла на шею, за которую она вдруг схватилась рукой — словно женщине стало трудно дышать. Когда снова взглянула ему в лицо, в глазах стояли слёзы:

— Я... Прости. Наверное... — она моргнула раз, и другой, — Боюсь, я не смогу сохранить тебе жизнь, как бы мне не хотелось! Мне всё равно придётся. Да, отправить тебя на... утилизацию. Потому что через три недели будет очередная повальная чистка и проверка, и тебя так и так обнаружат!

Роджер не стал показывать, что разочарован или обижен:

— Понятно. И... Сколько их, несчастных секс-игрушек, было до меня?

— Никого! Нисколько их не было! — женщина действительно рассердилась, закусив губу. С гневным взглядом она напомнила какую-нибудь древнюю фурию. Но молнии её взор метал недолго: похоже, спохватилась, что по должности не положено проявлять столь открыто эмоции, и даже улыбнулась почти нормально, а не наиграно, как вначале, — Ты у меня — первый!

— А... Что же надоумило тебя, уважаемая спасительница, оставить меня... Для себя?

— Если честно, ты... Хм-м... Ну, понравился мне. Ты — рационалист. Как и я сама. Но ты можешь быть и поразительно смел и азартен! Как я сама могу только... Мечтать.

Да и лицо твоё... Вполне приятно. А кроме того, я, как пятое по рангу лицо на Станции, тоже имею кое-какие привилегии. И своё представление о субординации: чего можно, а чего нельзя высшему Персоналу Станции.

Почему эта с-сучка, Координаторша, может заводить любовников, а я — нет?!

— Ага. То есть то, что я пока остался жив — свидетельство и твоего благорасположения, и твоего... Статуса?

— Ну... В какой-то степени — да. И того, и того. — она отвела взгляд. Роджер легко догадался, почему женщина так смущается и сердится, несмотря на этот самый «Статус». Всё-таки женщина — всегда женщина. Какой бы властью её не обличили, и как бы тщательно она не пыталась контролировать свои эмоции. Им-то как раз — не прикажешь!.. Даже если их почти незаметно нетренированному наблюдателю, вроде подчинённых, Роджер-то — тренированный! Он научился читать микроимику тела и лица ещё тогда — в той жизни. Оказалось очень полезно. И для работы, и в «быту».

Ну а главное — вряд ли то, что ему сейчас втюхивают про «спасение» — правда. Скорее, заготовленная и отрепетированная Легенда. И именно от осознания того, что она ему её «втюхивает», женщине и не комфортно.

Но чего же от него хотят кроме?.. Или — больше ничего, но — что-бы много!..

Роджер долго и пристально глядел в красивые, большие, и сейчас чуть покрасневшие глаза. Вздыхнул. Сказал:

— Ладно. Настаивать не буду. Не хочешь — не говори.

— Чёрт! Ты... Ещё и умён и хитёр. Когда догадался?

— Когда ты открыла дверь в спальню. Несмотря на всю твою «сдержанную деловитость», еле слышный вздох облегчения у тебя вырвался.

Женщина невольно покачала головой и дёрнула плечиком:

— Зар-раза ты, Роджер. Циничен. И наблюдателен.

— Что есть, то есть. Без этого не выжил бы.

Он ласкал её неторопливо, с чувством, с толком, с расстановкой.

Знал, что не должен пока ни пугать излишним напором, ни изображать «мечтательного и романтического воздыхателя». А вот именно — умудрённого и опытного любовника. Профессионала.

Когда они вылезли из ванны, где он долго и тщательно намыливал а затем и смывал пену с её поджарого и стройного тела, заодно оглаживая и массируя то, что полагалось оглаживать и массировать, она уже только молча моргала, учащённо дыша: явно не могла дождаться!..

Роджер постарался даму не разочаровать: всё для этого у него имелось. В «рабочем» состоянии.

Разумеется, делать это с ней было и приятней, и спокойней, чем с подсадной уткой.

Ну, он и расстарался. Как говорится, раз уж ему всё равно умирать, (А он, собственно, в этом и не сомневался — ведь не мог же он в самом деле рассчитывать всегда побеждать всё более и более сильных противников!) грех не воспользоваться.

Тем более, что он и сам получал вполне адекватное удовольствие. Поэтому к жарким поцелуям и ритмичным движениям он вскоре подбавил и нешуточного напора, стиснув ладонями так, что она чуть вскрикнула, упругие груди, навалился уже всем весом, и даже зарычал: ему всё это тоже нравилось!

Диана задыхалась, часто-часто, прерывисто. Затем забилась, закричала: тоненько, жалобно — и её тело изогнулось дугой! Роджер поспешил подsunуть под талию руку, а затем — и подушку. Но не остановился. Только чуть сменил направление движений.

Не прошло и минуты, как женщина снова завопила: уже в полный голос, мышцы напряглись, и судороги мощного оргазма чуть не сбросили Роджера с её тела.

Надо же. Она не играет — так симулировать нельзя.

Роджер, конечно, испытал вполне простительное чувство удовлетворения — нет, он не сомневался, конечно, что как самец он вполне состоятелен и «породист» — восемь дюймов всё-таки! — но никакое очередное подтверждение не бывает в таком деле лишним.

Он решил себя пока до логического финала не доводить — её оргазм сейчас важнее его. А его лишние движения могут только испортить «девушке» праздник. Особенно не хотелось бы этого, если он у неё действительно — первый.

Он нежно отстранился, прилёг рядом.

Диана застонала, развернулась к нему лицом. Он смотрел на неё не отрываясь.

Да, глаза у неё очень красивые. Большие и густо-зелёные. И сейчас, с расширившимся почти во всю радужку зрачком, и словно тронутые поволокой, смотрятся бесподобно. Он мягко провёл ладонью по её шелковистым и всё ещё влажным после ванны волосам. Провёл кончиками пальцев и по нежной коже щеки. Улыбнулся. Открыто и искренне. Разлепил высохшие губы:

— У тебя очень красивые глаза. Выразительные. Ты можешь не надевать маску: я вижу, что ты очень чувственна. И ранима. Как тебе удаётся скрывать это там, на работе?

Она поморгала. Вздохнула. Но голос прозвучал спокойно и мягко:

— Там — мне легко. Скрывать это. Ведь вокруг — одни эти с-сучки. И ни одного мужчины. Вот и приходится тоже... Изображать. С-сучку. Чтоб не выделяться.

— Странно. Я и раньше догадывался, конечно, что что-то не так с этим миром. Раз меня, как крысу, гоняют по лабиринтам, проверяют на сообразительность, да стравливают с бойцами-гладиаторами. Которые всё сильней и проворней. А это вы, амазонки недоделанные, так отбираете себе на потеху «элитных самцов».

Диана вспыхнула. И на какое-то время потупилась. Полные чувственные губки надулись. Но она нашла в себе силы снова взглянуть ему в глаза:

— Нет. Всё не так. Думаю, ничего не случится, если я скажу тебе правду. Мы так отбираем элитного... Не самца-трахателя. А просто — донора спермы.

Сперму эту замораживают. В жидком азоте. И потом этой спермой «осеменяют» носительниц. Разумеется, здоровых и молодых. Избранных в производительницы потомства, и прошедших все положенные медицинские тесты и проверки.

Роджер криво усмехнулся, откинувшись на подушку:

— Понятно. То есть, всё у вас происходит примерно так же, как во времена примитивного сельского хозяйства. Три века назад, в моё время, по такой методике осеменяли коров. Бык должен быть призывной и матёрый. Так?

— Ну... Аналогия уместна, (Какой же ты пошлый циник!) — она хмыкнула, покачав головкой, на лице появилась невесёлая, но — улыбка, — А поскольку мы законодательно запретили мужчин, вот и приходится... Идти на хитрости. Для вот того, чем мы только что...

— Это — как так? В-смысле — почему вы «запретили» мужчин?

— Ну, это-то понять тебе будет нетрудно. Ты же ещё и рационалист. Это ведь вы, мужчины, развязали последнюю, и самую страшную и разрушительную, войну. Из-за которой мы не сможем жить на планете ещё как минимум двести лет.

Роджер намотал на ус. Но решил всё-таки уточнить:

— Так мы сейчас — не на Земле?

— Нет, конечно. (Как это ты до сих пор не догадался. А, знаю: гравитация поддерживается такая же, как там, внизу. Чтоб не отвыкали мышцы!) Мы — на Станции, которая вращается, конечно, вокруг Земли. На геостационарной орбите, над всем тем наследием, что осталось на более низких орбитах — спутниками связи и военными. Которые с оружием. И над облаком космического мусора. Так что мы сейчас — в восьмидесяти шести тысячах километрах над поверхностью. И регулярно посылаем туда зонды. Для контроля уровня радиации. И температуры.

— А что там — с температурой?

— Всё ещё ниже ноля. Даже на экваторе.

— А как — океаны? Замёрзли?

— Ну... Нет, конечно. Замёрзла только часть океанов. Те районы, что возле полюсов — ну, немного выходя за сороковые широты. А так-то... Шторма, конечно, там сейчас ужасные. И тучи. С ливнями и снегом. Но на суше ещё хуже. Кое-где толщина снежного покрова доходит до пяти метров... Слышал же, наверное, про «ядерную зиму»?

Роджер в своё время чего только не слышал. И чего только не обнаруживал в своей «памяти». (Какое счастье, что потеряно при снятии матрицы, вроде, совсем немного! Причём в-основном такого, что относилось к последним годам жизни. Поэтому всё, чему научился в школе, и в Университете Джона Гопкинса, помнил отлично.) Спросил:

— Стало быть, намечаете всё-таки возврат назад, на «альма матер»?

— Разумеется. Нам так и так придётся. Поскольку никакие наши здешние оранжереи, парники, и теплицы не дают в нужных объёмах «натурпродукта». Да и полноценность нашего рациона... Ну, там, микроэлементы, энзимы, соли всяких разных металлов... Оставляет желать. Вот и выходим из положения, применяя замкнутый кругооборот веществ. Что выросло — съели, а что... э-э... выделили — на перебраживание, а затем — переработку калифорнийскими червями в компост. На котором снова растёт. Благо, оранжереи-теплицы у нас получают солнца вполне. Достаточно.

— Понятно. А мясо? Мы же ели — мясо?

— Я же тебе про мясо уже рассказала. Никакое оно не мясо.

— Точно. И что? Совсем натурального нет?

— Ну почему же. Там, в первой оранжерее, «пасётся» и стадо кур. Вот их, родных, мы — ну не все, конечно, а только руководящие работники! — и потребляем.

— Стало быть, повезло мне. С тобой. Глядишь, и жаренной ножкой угостишь. Если постарюсь. — он скосил глаза вниз.

— Пошляк.

— Ты это уже...

— Знаю. Но в определённом смысле — да. Повезло тебе. Потому что обычно тех, кто из доноров спермы прошёл все тесты, был признан подходящим, и сделал своё дело, утилизируют сразу. Чтоб не тратить лишних продуктов и кислорода на их содержание.

Роджеру захотелось спросить о... Но спросил он о другом:

— А откуда, кстати, вы берёте весь нужный кислород?

— Вот с этим, кстати, (А ты зришь, как я уже отмечала, в корень!) проблема. Ты прав: теплица-оранжерея не столько даёт кислород, сколько съедает его — что бы там ни талдычили древние экологи про то, что растения его выделяют. То, что они выделяют, они же сами на самом деле и потребляют. Ночью. И никакая хлорелла не восполняет всего.

Поэтому примерно раз в три-четыре месяца нам приходится посылать на планету большую транспортную ракету. Она, к сожалению, тоже недостаточно большая — не может загрузить за раз больше двухсот тонн воды. Но мы её, в-смысле, воду, тут с помощью электролиза разлагаем на кислород и водород. Заодно и соль выделяем — нужную для пищи.

Кислородом, после долгого карантина, и окончательной очистки от радионуклидов с помощью фильтров, дышим. Ну а водород — сжигаем в энергоустановке. Потому что не всё нужное нам электричество дают

солнечные батареи. Ведь со временем их КПД падает, а новых мы сделать не можем. Нет промышленной базы. Да и специалистов.

— Стало быть, вам нужно продержаться тут, на орбите, ещё двести лет. — это был не столько вопрос, сколько утверждение. Она кивнула:

— Как минимум. Пока фон не спадёт до нормы. И не исчезнет снежный покров. И почва не оттаёт на нужную глубину. И зёрна злаков, которые тут у нас хранятся в жидком азоте, станет можно высадить.

— Понятно. — Роджер сделал вид, что «лекция» по выживанию обитательниц Станции слегка утомила его, и даже позволил себе прикрыть ладонью якобы подавленный зевок, — А сейчас мы чем займёмся?

— Ну... Если честно, я ещё не совсем отошла от... — Диана, мило выпучив губки, тоже взглянула вниз, туда, где одеяло прикрывало её бёдра и животик, — Всё-таки ты у меня — первый! Поэтому думаю, будет лучше, если мы просто поспим. Чтоб отдохнуть. А то у меня шевелятся — только пальцы. Ну, и немного — язык и мозги.

Роджер ухмыльнулся широко и открыто:

— Да уж, острячка ты моя доморощенная. Отдохнуть — нужно. Чтоб набраться новых сил перед трудовыми буднями.

— Точно.

Ощущать, как головка с высохшими пушистыми после мытья волосами мирно прикорнула у него на плече где-то возле подмышки, было приятно. Так же, как и чувствовать нежное тепло, идущее от мягкой ляжки, покоящейся сейчас на его усталых чреслах. Однако вот думы о своём будущем вовсе умиротворяющими и милыми назвать было ну никак нельзя.

Роджер, расслабив тело, которое как-то само укачало и усыпило еле слышно сопящую ему в грудь партнёршу, рассудку расслабляться не позволял. Жить почему-то хотелось.

Может, нужно рассматривать то, что с ним случилось, просто как ещё один тест? На выживаемость. Что, если попробовать «приручить» облечённую высокой властью женщину, и попытаться уговорить её помочь ему? Сбежать. Когда там, интересно, очередной рейс «за водой»? Или...

Или на корабль, забирающий воду, пробраться окажется совсем уж невозможно? Да и существует, конечно, вероятность того, что в тех местах, где эта посуда сядет, жить или высадиться будет нереально. Поэтому в первую очередь нужно разузнать. Всё, что возможно разузнать. О месте посадки. О дате. О планете. О тех местах, что там, внизу, в восьмидесяти шести тысячах кэмэ, сохранились лучше всего. Или

оказались не столь сильно заражены. Ну, и, разумеется, переохлаждены.

Затем. Нужно ещё разузнать о его «статусе» здесь.

Может, Диана приврала? И на самом деле представительницы эшелонов высшей власти регулярно что-то вот этакое и проделывают? Ну как же: «прелести натурального секса» — не просто образное выражение. А и правда — неплохая встряска иммунной системы, нервов. Отличная зарядка для тела. Да и просто — приятны: он смеет надеяться, что и другие «элитные самцы» не ударяли лицом в грязь в этом плане: «элитные» же!

Отборные, то есть.

Интересно: может ли такая как Диана — забеременеть?

И если забеременеет — не повлияет ли это на её... Статус? Социальное положение в иерархии Руководства колонии, живущей на Станции? Могут ли её повысить? Понизить? Или вообще — деклассировать и низвести до положения низшего персонала?

А ещё Роджера интересовало — КТО ОН?!

Он сам.

Как и почему он оказался здесь? В этом месте. В этом теле.

Он отлично помнил, что раньше его мозг принадлежал кое-кому другому.

И настоящему ему, Роджеру Тандерволду, инженеру-строителю, пусть в юности и увлекавшемуся айкидо и йогой, было на момент снятия матрицы с мозга — шестьдесят два года.

И тело его в этом возрасте имело солидный пивной животик, возникший отнюдь не на пустом месте, а в связи с хорошим, благодаря высокой зарплате, питанием. И питьём. А весило оно, это тело, более ста десяти килограмм. А уж о накачанных мышцах и поджарой фигуре, каковая сейчас наблюдалась у его нынешнего, чужого, молодого и явно не старше двадцати лет, тела, речь не шла даже в случае применения тренажёрного зала или массажей со всякими прочими процедурами для «нормализации» «физической формы». И кое-каких «странностей» только клонированием объяснить уж точно нельзя. Да, вот они — бородавки. Но!

Куда делись метр девяносто один — роста?! И почему не растут усы и борода?!..

Нет, он отлично помнил, как очнулся однажды здесь, в камерке с низким потолком, и размером три на три шага, как вскочил с пола, как тыркался во все углы, думая, что это друзья расстарались: к его Дню Рождения сделали вот такой вот сюрприз, подшутили, якобы «наказав»

за слегка — или уж не слегка! — нездоровый образ жизни, и ограничив его «сексуальную свободу».

Но эта мысль быстро прошла, когда на потолке зажётся тусклый светильник, и он смог рассмотреть своё нынешнее тело, прикрытое одной набедренной повязкой в виде простой полосы грязно-серой обветшавшей материи — явно старой и истрёпанной половой тряпки! (Унизительно — что одели даже не в обноски, а в!..)

Тело на ощупь казалось молодым, кожа и мышцы — упругими. И весило это новое тело явно не более семидесяти кило. (А сам-то он в свои двадцать был — на добрых десять-пятнадцать — побольше!..) А рост тело имело лишь под метр восемьдесят — куда ниже того, что было! Зато вот мускулы рук и ног выглядели впечатляюще.

Но вот как оказалось возможным вселить его сохранённый Разум в это не совсем, конечно, чужое, и молодое, и подправленное, тело, Роджер пока никакого представления не имел.

А больше всего недоумевал — кому и зачем это понадобилось?! Особенно с учётом всех идиотских тестов и испытаний, что выпали на его долю до того, как начались бои.

Недоумение, правда, длилось недолго: как раз до поединка с первым человеком, на который его выгнал раздражённо-лающий женский голос с потолка, и почти ставшие привычными разряды электрического тока, бьющего в пятки из пола. По коридору к арене его гнала какая-то механическая тележка с манипуляторами. Что в её четырёх конечностях зажаты боевые электрические плётки, Роджер тоже усвоил быстро.

Первого противника Роджер запомнил хорошо: коренастый крепыш с него ростом, но как раз с таким телосложением, как было у него до... Преображения. То есть — без особых мышц, и с небольшим животиком. А поскольку мужчина, вооружённый саблей в стиле древних монголотатар и крохотным щитом шутить явно не собирался, и сразу накинулся, вопя, и располосовал живот и руку Роджера порезами и царапинами от острейшего лезвия, пришлось «засучить рукава», взяться за катану, что оказалась тогда в его распоряжении, да и разрубить голову обидчика на две неравные половины...

После этого Роджеру пришлось заснуть «принудительно» в первый раз: он тогда и не понял, что это — действие усыпляющего газа. Подстраховочка, так сказать, устроителей «гладиаторских боёв». От бунта победителя.

Но потом, очнувшись вновь в своём закутке, он был удивлён: обнаружил, что наиболее глубокие разрезы на теле аккуратно зашиты, а царапины чем-то заживляющим заботливо смазаны.

Догадаться, что предстоят новые сражения, оказалось нетрудно.

Как и понять, что если хочет пожить подольше — нужно не тянуть кота за ..., и не рефлексировать, а убивать врага. Не допуская даже мысли о том, что этот враг — «тоже человек»!

Цели его «воссоздания» в «подкорректированном» виде он тоже вычислил довольно быстро: чтоб лучше сражался. И обладал большими возможностями.

Отдыхать ему тогда, и приходить в себя, позволили около трёх дней. Как понял Роджер, отнюдь не из человеколюбия. А просто для того, чтоб хорошо зажили раны, и он мог полноценно пользоваться телом в последующих битвах.

А всего таких битв, с противниками-людьми, или для разнообразия с животными в виде пантеры, леопарда, и львицы, (очень, нужно признать, свирепой и умелой!) оказалось двенадцать.

И последний противник, как тоже понял Роджер, в свою очередь вышел победителем — уже в своей «Олимпийской серии».

Недаром же оказался столь шустрым, расчётливым и умелым.

Ладно, узнать то, как он попал в это тело сейчас, в связи с чётко обозначенной Дианой позицией насчёт его дальнейшего возможного существования, представляется не столь существенным. Куда важней вопрос, как ему это новое, прекрасное и молодое, тело — спасти. Потому что его «пользовательница», похоже, ничего не приукрасила: он действительно должен был пойти на «утилизацию». После того, как выдал положенную порцию. Семени. И пусть на его взгляд это — излишняя роскошь: получить со столь тщательно отобранного бойца и производителя лишь одну, первую, порцию этой самой спермы, местных руководителей, а точнее — руководительниц, его частное мнение в вопросе о сохранении его жизни вряд ли впечатлит.

Поскольку методика за прошедшие триста лет явно отработана.

А кроме того, он и правда не знает, на скольких «носительницах», и за какой срок его семя распределят. (Верно: ведь здесь, на Станции, число живущих не может быть особенно большим — вот именно: ресурсы! Пища, кислород, вода... А уж число «избранных» производительниц так и вообще — наверняка лишь какие-то проценты от общего числа обитательниц.) Кто знает — может, такой порции хватает лет на десять? Двадцать? Сто? Где-то он читал, что количество сперматозоидов

у «активного» производителя семени может доходить до восьми-десяти миллионов...

Однако раз уж его спасли, и он выжил, глупо не подумать о том, почему местное руководство не учло все плюсы от сохранения таких как он: постоянная возможность «естественного» оплодотворения, прелесть «естественного» секса, с автоматической регуляцией гормонального баланса «обработанных» им, и предохранение от всего остального негатива — в виде депрессий и головных болей. Да и мыслят мужчины куда рациональней.

Стоп. Вот оно!

Вероятней всего те «производители», которых, возможно, хотели сохранить до него, как раз и пытались.

Повлиять на решения руководства. Навязать своё, рационалистическое, видение ситуации. Может, даже пробовали поднять что-то вроде бунта?.. Хм-хм... Зная мужчин, последний вариант представляется как раз самым...

Тогда становится понятно, почему здесь ввели такие жёсткие правила и законы.

Во избежание, так сказать. Повторения ситуации с планетой.

Чёрт! Облажались они там, на Земле, значит. «Сильная» половина человечества.

Обидно. С другой стороны мнение женщин по поводу того, кто виноват в гибели планеты и цивилизации, не лишено прагматичности. Всё вполне логично: кто же ещё служит в Армии, Флоте и Авиации?! Мужчины. Кто агрессивен, и вечно бряцает оружием? Солдаты. Кто всем рулит и заправляет? Политики.

А кто нажал на красную кнопку? Президент.

Наверняка — мужчина. Иначе, если б это сделала женщина, и свалить вину оказалось бы не на кого. А так...

Очень удобно: во всём виноваты эти самовлюблённые и тупые козлы. Мужики.

И вот он — в самом сердце, так сказать, новой цивилизации. Построенной на совершенно иных основополагающих принципах. Моногамии.

И всем вокруг заправляют женщины. Амазонки.

Новые амазонки.

Когда-то он даже читал фантастический рассказ, который, кстати, так и назывался. Или это был фильм?.. Да и в древности... Точно: было такое племя. С ним ещё воевали какие-то древне-римские греки. Или — греческие герои... Геракл, что ли?.. Неважно.

А важно, что воспроизводились эти амазонки как раз с помощью мужчин. Из соседнего племени. Насколько он помнит — добровольцев. Которые приходили совокупляться на определённое место, и — только раз в год. И к которым потом, чтоб не убивать, относили родившихся мальчиков.

А нынешние дамы, стало быть, опыт предшественниц учли. И «размножаются» только с помощью спермы «отборных» самцов-производителей. Не добровольцев.

Проклятье!

Ситуация парадоксальная, и если посмотреть непредвзято — где-то даже смешная. Но ему почему-то не смешно. Да и усомниться в реальности происходящего невозможно!

Остаётся только думать. И смотреть, насколько эта... Диана... Способна поддаться на его «чары». И пытаться вычислить, может ли она ради него и всего того, что он может дать ей, отказаться от льгот и преимуществ своей должности. И забыть о Долге перед соплеменницами...

Где-то в этом месте своих рассуждений он и уснул.

Утром Диана растолкала его:

— Вставай! Нам нужно позавтракать, и я уйду на работу. Дверь не открывай никому! Что бы ни случилось! А я приду — открою ключом. Сама.

Роджер покивал, соображая, кто тут может к нему прийти в гости. Хе-хе...

На завтрак оказалась каша — на вкус она, конечно, походила на овсяную, но он понял, что всё же — не овсяную, а только — вот именно — похожую. Подсознание, которое теперь отлично знало, что «натурпродуктов» на космическом корабле быть не может, придирчиво выискивало отличия: и комочки-то зёрен ему не такие, и вкус... Не тот.

Тосты со сливочным маслом, впрочем, от обычных практически не отличались: наладили они тут, что ли, промышленное выращивание пшеницы для выпечки хлеба?

Как ни странно, за завтраком почти не разговаривали. Только обменивались взглядами.

Роджер старался глядеть на партнёршу как кот на сметану, а она...

Она почему-то отводила глаза, и улыбалась... Как-то затравленно.

Ну не должна женщина, получившая вчера всё, что положено получить — улыбаться и глядеть на своего мужчину — вот так!

Когда дверь за ней закрылась, Роджер окончательно понял, что проиграл.

Проиграл, ещё не начав кампанию по «приручению» девушки.

В чём же дело? Что он сделал не так?! Может, нужно было растолкать её и среди ночи?!.. Или — утром продолжить «приручение»?!

Подумав, он приступил к тщательному и методичному обыску.

И нашёл ответ. В спальне.

В третьем из стальных шкафов, на полке, где хранились прокладки и нижнее бельё в виде трусиков, за упаковками стерильных бинтов, он и нашёл его. Фалоимитатор.

Размер поразил Роджера: а дама-то предпочитает... Не мелочиться! Возможно, поэтому его старания и не увенчались «полным успехом»: чёртова хреновина с приспособлением для вибрации оказалась на добрый дюйм длиннее, чем у него. Да и толще.

Всё ясно. Рассчитывать, что ему удастся «подсадить» именно эту даму на его «натурпродукт», нереально.

Так что? Ему придётся подыскать другую обличённую властью, и жаждущую предаться прелестям «естественного» секса, начальницу?

Но как это сделать?

А точнее — как ему сделать это так, чтоб его не обнаружила первая же встречная амазонка, и не подняла тревогу, в результате которой его так и так отправили бы на утилизацию?! А Диану — на уборку туалетов до конца жизни?

Нет, он не сердился на «умыкнувшую» его женщину. Он — реалист. И отлично понимает: той просто хотелось... Попробовать. Хоть раз в жизни. Того, чего у обитательниц Станции не было более трёх веков.

И теперь, попробовав, и слегка разочаровавшись, она просто сдаст его.

Возможно, даже уже сегодня.

Он вернулся в большую комнату. Продолжил обыск. Но ничего существенного больше не нашёл.

Ни того, что могло бы пригодиться как оружие, ни инструментов, ни запчастей.

А обследовав комнату тщательней, обнаружил, что его опасения насчёт контроля персонала подтвердились: пусть в углах комнат и не было видеокамер, за решётками вентиляции в обеих комнатах и ванне имелись чёрные штуковинки с проводками, уж больно похожие на чувствительные микрофоны.

Понятно. Стало быть, Служба Внутренней Безопасности имеется и в «идеальном» Обществе. Которое в такой степени идеально и совершенно, что не доверяет даже своим руководящим членам настолько, что цинично, и без зазрения совести вторгается в их частную жизнь и

личное пространство. Стало быть, их вчерашние «охи-вздохи», да и разговоры, местное подразделение секретной службы отлично слышало. И сейчас может просто прийти и арестовать его. Впрочем, зачем его арестовывать: отправят сразу на чёртову утилизацию — как пить дать!

Он сел на один из стульев. Лицо наверняка покраснело, и под кожей щёк ходят желваки. Да и кулаки сжимаются — словно сами собой.

Но об этом хотя бы никто не узнает. Да и лицу можно позволить грызть губы, и подводить глаза к потолку, и скалиться: никто его не видит. А мимических проявлений в микрофоны, какими бы чувствительными не были, не слышно.

В дверь аккуратно и тихо постучали.

Он невольно вздрогнул. На цыпочках подошёл поближе, приложил ухо к двери.

Стук раздался снова: на этот раз чуть громче. Он удивился: ухо, приложенное к двери, различило и тихий шепот:

— Роджер! Роджер, если хочешь жить — открой дверь!

Голос оказался незнакомый, но куда более живой, чем у администраторши.

Роджер подмигнул сам себе, ехидно улыбаясь.

Он уже примерно представлял, что ему сейчас предстоит!

Рассудив, что он не против, и терять-то особенно нечего, мягко, чтоб не щёлкать, открыл замок.

Молодую женщину, почти девушку, миловидной ну никак назвать было нельзя.

Лицо пересекал глубокий и словно набухший по бокам разреза шрам, идущий со лба на подбородок, деля безобразным рубцом правую щёку, и делая верхнюю губу похожей на заячью. Поражала и странная бледность кожи: женщина казалась буквально зелёной. Зато миниатюрная фигурка выглядела великолепно: точёная талия, крутые бёдра, очень длинные относительно тела, ноги. Грудь... Тоже наличествовала. Хоть и первого размера, но очень пикантно пучившаяся на соответственных местах комбинезона маленькими сосками. Пропорциональная и сексапильная фигурка: ничего не скажешь! Хоть и невысокая: едва ему по плечо — даже ниже Дианы. Такая весит, наверное, не больше сорока пяти. Что не мешало её отлично подогнанному комбезу подчёркивать вполне выдающиеся достоинства. В тех местах, где им полагалось быть.

А главное, что сразу понравилось Роджеру — так это то, что на куклобиоробота для раздачи команд эта девушка похожа уж точно не бы-

ла! На лице её вспыхивали самые разные эмоции: гнев, волнение, страх. И явно — желание что-то сделать. Побыстрее.

Убедившись, что Роджер её осмотрел, женщина кивком пригласила его в коридор.

Роджер вышел, оставив, однако, дверь приоткрытой: мало ли! Вдруг придётся там снова прятаться? Спасаясь от этой... Гости. Или той же Службы Безопасности.

Женщина вытащила из-за спины левую руку. Там оказалось нечто, очень даже похожее на оружие: на древний УЗИ.

Роджер почуял, как его глаза прищурились, и руки напряглись, готовясь выбить оружие, если дуло будет направлено на него. Но он заставил себя пока замереть.

— Это — автоматический пистолет. — девушка сунула УЗИ Роджеру в руки, — Может стрелять и одиночными и очередями. Вот: переключатель. А это — предохранитель. А вот и запасная обойма. — он кивнул, и спрятал обойму в свободный карман — он так и вышел как был: в одних штанах и футболке. И босиком.

— Если хочешь жить, идём. — её шёпот казался напряжённым. — Расскажу всё по дороге. А то — сам уже всё понимаешь: прослушка! А в коридоре её нет.

Роджер не колебался: так рисковать может только женщина, отлично знающая, чего хочет, всё спланировавшая, и твёрдо уверенная в своих действиях.

Сказал лишь:

— Погоди. Я одену обувь.

Обувь он одел. А заодно метнулся к шкафу, и сделал кое-что ещё — благо, это заняло не более двух секунд.

Пока они быстро шли по пустому широкому коридору, он спросил только одно:

— Почему в коридоре никого нет?

— Все на работе. Занимаются своим делом. Сейчас — середина первой вахты. На это я и рассчитывала. Ну и ещё, конечно, на то, что сейчас все двери жилых кают заблокированы, а дежурный офицер Службы Безопасности лежит связанная в туалете. С кляпом во рту.

Роджер впечатлился, но виду не подал: пока что его дело — исполнять команды. Потому что он не владеет ситуацией. А девушка — владеет.

Они дошли до конца коридора, и женщина кивком головы показала Роджеру, чтоб он следовал за ней. Сама же нырнула ногами вперёд в

колодец-тоннель, открывшийся при нажатии кнопки в стене, и ведущий вниз и вверх.

— Если что — притормаживай прямо локтями и ногами!

Роджер не замедлил послушаться.

Через минуту плавного спуска он оказался на одном из нижних уровней, о назначении которого догадался сразу: палуба спасательных и десантных кораблей. Именно их горбатые, и мало изменившиеся за триста лет силуэты и торчали тут повсеместно, стройными рядами. Женщина, хмурившаяся, и, казалось, что-то нехорошее предвкушавшая, сидя за одним из массивных корпусов, сделала ему жест рукой. Он подполз. Выглянул.

Ага, понятно. Действительно: хорошего тут мало.

— Это — наш единственный сейчас шанс. Подготовленный на экстренный случай и полностью заправленный горючим, спасательный бот. На остальные горючего уже не хватает. Вон те три дуры, — кивок головой, — охрана. Они ничего спрашивать не будут, а сразу начнут в нас стрелять. Поэтому уж будь любезен: не сюсюкайся с ними, а просто — пали! Целься прямо в грудь!

Им ничего не сделается! Ну, кроме, может, потери сознания: они — в жилетах!

А уж вывести бот в космос и потом приземлиться — моя проблема.

Задача понятна?

Роджер кивнул.

«Дуры» действительно вскинули пушки и попытались в него пострелять.

Пришлось продемонстрировать, что не зря существует поговорка о мужском инстинкте к любому оружию: он потратил ровно три пули, и вся троица грохнулась на палубу, не потеряв, впрочем, как он надеялся, сознания. Но не оставляя попыток встать, или попытаться снова прицелиться, пусть и лёжа. Он поразился: отдача его крошечного оружия была чудовищной, но и действие пуль, попадавших в тела, оказалось реально убийственным: плотные и явно мускулистые женщины отлетали буквально на два-три шага — словно их лягнула лошадь! Даже удивительно, как от такого удара эти амазонки ещё оставались в сознании! Особо тренированные и противоударные они тут все, что ли?! Ладно, некогда спрашивать! Нужно работать!

Роджер наступил на руку, пытавшуюся приподнять что-то вроде такого же как у него, автомата, и вырвал оружие из кисти женщины, казавшейся постарше и глядевшей особенно злобно. Не иначе, как начальница поста. Затем присел на колено, и вырубил вредную охранни-

цу весьма приличным ударом в челюсть. Ему хотелось гарантий полной безопасности...

Двух остальных «добила» его напарница, просто въехав со всего маху кованным носком полусапога — тоже в челюсти упавших. Она-то не «миндальничала»!

— Я уже говорила. Они — в бронжилетах. Компенсирующих. Поэтому и не «вырубилась». Но нам нужно как-то обездвигнуть их, пока не уберёмся отсюда. Со Станции.

Роджер снова кивнул.

Синтетический прочнейший шнур нашёлся в подсумке «злойной» женщины.

Роджер её же ножом разрезал его на шесть частей, и тщательно скрутил руки и ноги «вырубленных». Он теперь тоже не разводил сантиментов, и вязал туго: как объяснила его напарница, сюда скоро всё равно прибегут по тревоге — взвод дежурных от СБ, и бригада техников: после старта бота на контрольной панели в рубке сработает сигнализация.

— А что там у нас с видеонаблюдением из рубки? За внутренним пространством?

— А с этим у нас всё отлично, — его напарница, обыскивающая охранниц и перекладывавшая всё экспроприированное в сумку, тоже снятую с одной из женщин, подмигнула, — Всё посдыхало ещё восемьдесят лет назад!

— Ты-то откуда об этом знаешь?

— Ещё бы мне не знать. Я сейчас — исполняющая обязанности начальника отдела технического обеспечения. Вот и воспользовалась служебным положением: зашла в дежурку к эсвэбэшникам, якобы потрепаться о работе микрофонов, а потом, когда по звукам поняла, что ты микрофоны нашёл, позвала их начальницу в туалет. Якобы посплетничать о нашей Главной. Ну, о начальнице Станции. И Координаторше. А там — въехала ей электрошокером в задницу, и тоже, как ты — в челюсть. А верёвка-то у меня была приготовлена заранее.

Вот в одной из кабинок она сейчас, надеюсь, и отдыхает.

Пока женщина рассказывала, посмеиваясь, и похмыкивая, они закончили свои дела. Роджер встал. Напарница тоже.

— Ну что, «элитный» самец? Готов к бегу на родимую праматерь Землю?

— Ну — так! Вперёд?

— Вперёд. — Впрочем, энтузиазма в голосе своей спасительницы Роджер не слышал.

А если честно, то и сам его не особо испытывал.

Но не оставаться же действительно здесь, в ожидании вот именно — «утилизации»?!

Потому что в том, что с ним рано или поздно отчаянные и фанатичные амазонки из СВБ справятся, он не сомневался.

Потому что убивать их он не... Вот именно.

Управлять ботом-челноком его напарница явно умела не слишком хорошо. И, похоже, училась этому делу по книгам типа «Руководства для начинающего пилота», или «методическим указаниям по пилотированию спасательного оборудования». Поэтому трясло и болтало их в первую минуту ощутимо. Роджер порадовался, что ел давно: иначе вся хорошая пища, съеденная на завтрак оказалась бы... Утрачена.

Осмотреться здесь у него особо возможности и времени не было, но из-за простоты конструкции и осматривать-то было почти нечего: вот именно — простота и функциональность. Как на типично военной посудине. Везде торчали неприкрытые декоративными панелями лонжероны-стрингеры, проходили трубопроводы, и кабели электропроводки, и вся внутренность бота чертовски напоминала устройство древних подводных лодок: узкий и вытянутый цилиндр. Только вот на подлодках нужно было противостоять внешнему давлению, а тут — не дать воздуху уйти наружу — в космос...

Внутри царила полутьма, и гулкость тесного пространства наполняли атмосферой напряжённой деятельности лишь сервомеханизмы: подвываниями и пощёлкиваниями, да поскрипывали от перегрузок шпангоуты и обшивка. А освещали внутреннее пространство мертвящим голубоватым светом только приборы. Романтика, будь она неладна!

Сидя в кресле второго пилота, Роджер не вмешивался, и действия напарницы никак не комментировал — понимал, что будет только мешать и отвлекать. Однако женщина, часто на него поглядывавшая искоса, заговорила сама:

— Не бойся — не отвлечёшь и не помешаешь. Поскольку я отключила автопилот, и сама только иногда поддаю газу — чтоб чёртова бандура летела побыстрее. И маневрирую. Это уже — чтоб понепредсказуемей.

— А почему она должна лететь побыстрее и понепредсказуемей?

— А потому, что я так думаю, наше бегство в любом случае уже обнаружали, и сейчас отслеживают радаром. И уже наводят на нас противометеоритные пушки. Так что нам наша... э-э... непредсказуемая и «вихляющаяся» траектория очень даже не мешает.

Как бы подтверждая её слова, мимо просверкало нечто, принятое Роджером за метеор — огненный шнур-поток. Пронёсся он, а вернее — просто возник, словно от пасса невидимого фокусника размером с пол-вселенной, всего в паре сотен метров, или даже ближе — оценить расстояние здесь, в космической пустоте, без ориентиров, оказалось невозможно. Но то, что такой луч при попадании наделает им проблем, Роджер смекнул быстро.

Напарница снова с усилием потянула рули управления на себя, смещая кораблик в ту сторону, где только что сверкнула игла разряда. Роджера вдавило в кресло:

— Держись дорогой! Сейчас мы совершим манёвр под названием «брошенный камушек»!

— Что... ещё... за «брошенный камушек»? — говорить оказалось тяжело.

— Да просто название такое. По аналогии. — по женщине незаметно было, чтоб она страдала от перегрузки. Тоже тренированная, что ли? — Правда вот, никто из нас, в двенадцатом поколении живших не на земле, никогда этого не видел. Ни открытой воды, ни камушков. А так, они там, в учебниках, пишут, что если плоский камень бросить под небольшим углом к этой самой открытой воде, он отскочит, и будет прыгать, словно попрыгунчик, пока не затормозится. — его пилотша теперь быстро и уверенно щёлкала какими-то тумблерами над головой, и нажимала клавиши на пульте перед собой, но основное её внимание было сосредоточено на рулях и педали газа.

Роджер подумал, что для человека, первый раз угнавшего незнакомое транспортное средство, она, возможно, забывшись, как-то уж слишком... Уверенно действует — даже не смотрит на надписи у тумблеров! Но свои сомнения он попридержал — именно от навыков и инстинктов его напарницы сейчас и зависит их жизнь! Она, кинув на него краткий взор, и убедившись, что он слушает, продолжила:

— Так вот. Если войти в атмосферу планеты слишком быстро и под неправильным углом — нас просто отбросит от неё. Вот примерно так!

Роджера вдавило в кресло ещё сильнее, в ушах застучала прилившая кровь, затем произошло обратное — жуткая сила попыталась выбросить его из кресла, и если б не крестообразно застёгнутые ремни, он точно врезался бы головой в огромный обзорный экран, полукругом изгибавшийся перед ними.

— Ага. Сработало. Нас отбросило. — казалось, что его тоже чуть задохнувшаяся напарница вполне довольна тем, что вход в атмосферу и посадка не получились.

Роджер, ощутивший себя так, словно желудок придавил сердце, старался отдышаться. Но вот спустя десяток секунд всё вернулось на место, и ему больше не кажется, что он стоит на голове. Он смог выдать:

— Ты, вроде, собиралась приземляться.

— Конечно! Но не здесь же?!

— Почему?

— Как — почему?! А-а, ну да. Откуда же тебе знать. Короче: мы сделали вид, что собираемся войти в атмосферу планеты здесь. Телескопы и датчики на Станции это чётко зафиксируют. Поэтому нас начнут искать на этой стороне — той, что обращена к Станции. А мы просто облетим планету, и войдём с той, теневой сейчас, стороны. Найдут они нас, конечно, всё равно найдут. Хотя бы металлодетектором. Но мы получим некоторую фору. Думаю, примерно с месяц. Максимум — два. И сможем успеть привыкнуть, обжиться, и отойти от бота достаточно далеко.

— Мысль понятна. Но... Там же везде, вроде, снега и льды? Ну, на поверхности. И мы так и так будем заметны, как слоны среди кур.

— Хе-хе, мой плохо информированный будущий любовник, муж, и господин — хе-хе! Похоже, эту незатейливую сказочку тебе навесила неподражаемая Диана?

— Ну... да. А что — дело обстоит не так?

— Лучше назовём это — не совсем так. Большая часть поверхности у полюсов и в средних широтах, действительно — снежно-ледяная пустыня. И океан свободен от чёртовых айсбергов только до примерно сороковых широт. Но в области экватора на континентах уже есть огромные — нет, правда: огромные! — проплешины оттаявшей земли. В принципе, думаю, там земледелие уже возможно. — напарница уверенной рукой ввела корабль в зону тени. И вот они пересекли терминатор: словно кто-то выключил свет!

Вокруг мгновенно наступила кромешная тьма, словно они оказались в заднице у сотни афроамериканцев! Лишь призрачное мерцание лампочек светодиодов кое-где на пульте, экран с точечками звёзд, да подсветка нескольких рычагов и кнопок перед его напарницей не давали совсем уж погрузиться в чёрное «ничто».

Роджер поразился: какие они, оказывается, яркие! Звёзды.

Женщина, которая не то — страдала от клаустрофобии, не то — её просто раздражали пронзительно светившие огоньки на лобовом экране, включила внутреннее освещение рубки. С видимым облегчением вздохнула:

— Ну вот, вроде, смылись. Большому радару и пушкам мы теперь недоступны, а зонды летают куда медленней — догнать точно не смогут. А нам теперь нужно добраться до экваториальной области Америки. Там-то нас точно искать будут в последнюю очередь. Наверняка подумают, что мы захотим расположиться в Африке: там полно мест, где можно спрятаться в джунглях, и уже почти тепло: всего минус два ночью, и до плюс пятнадцати днём! И радиационный фон уже почти вернулся к норме.

Конечно, подумал Роджер, фон там должен вернуться к норме. Потому что какому идиоту пришло бы в голову бомбить — Африку?! Сроду там не было ни ракетных баз, ни промышленности...

— А что — там... В Америке?

— Нормально. Пусть немного попрохладней, да и фон пока выше довоенной нормы раза в три, но тоже есть джунгли. И прогалины. И — самое главное! — я кое-что нашла, когда просматривала материалы с зондов. Карстовые провалы. С пещерами. И густыми зарослями на плоском (Ну, сравнительно!) дне. Где мы сможем спрятать наш бот, и какое-то время скрываться и сами. Потому что на поверхности, ты прав, нас будут искать в первую очередь. И тепловизорами, и сканнерами движения, и детекторами запахов, и прочим арсеналом, ещё не сдохшим от старости на нашей милой Станции. Нет, ты не думай: у них сохранились и квадрокоптеры, и зонды во вполне рабочем состоянии! Уж я-то, как отвечающая за техническое обеспечение, знаю не понаслышке — сама поспособствовала!

Роджер глянул на неё вопросительно. Женщина покачала головой:

— Нет. Испортить или вывести из строя не было времени. Потому что если б я задержалась с твоим спасением ещё хоть на полчаса — утилизировали бы тебя как миленького, мужчина моей мечты!

— Ну спасибо! — Роджер и сам покачал головой, — Уж постараюсь тебя не разочаровать, о моя юная и отчаянная возлюбленная!

Женщина хихикнула. Потом снова глянула на него — уже совсем с другим выражением:

— Смотри-ка! А ты, оказывается, с юмором. Ну повезло нам. С твоим юмором и моей задницей у нас точно получится. Возродить человечество!

Внезапно рубку наполнили странный шелест, и треск. Затем прорезался и чей-то голос — женский, разумеется! — с командными интонациями и ощутимым раздражением:

— Внимание! Внимание! Спасательный бот ноль три дробь четырнадцать. Предлагаю лицам, незаконно похитившим данное транспортное

средство немедленно вернуться на Станцию и добровольно сдать представителям СВБ. В этом случае наказание будет минимальным: разжалование до ранга разнорабочих. Если же вы проигнорируете этот приказ, то этим просто отсрочите своё наказание. Куда более суровое. И после поимки вы можете быть... — девушка в кресле пилота вытянула руку, и с видимым удовольствием что-то нажала. Голос смолк. Напарница Роджера сказала:

— А неприятный у неё голос, да? В-смысле, у Координаторши.

— Так это была Координаторша? Хм. Весьма раздражительная особа. Похоже, любит командовать. И явно не привыкла, чтоб ей перечили.

— Вот уж точно. Но надо признать: дисциплину она поддерживает железную. Наверное, такая была в старой, довоенной, армии. Да, собственно, и все наши Координаторши так делают. Держат бразды правления, так сказать, железной рукой! И в смысле достойно наказывать виновных, за ними и правда — не заржавеет. Это естественно, и вполне понятно: иначе мы бы не могли продержаться так долго. Там, на Станции.

— Кстати, об этом самом наказании... Если мы сами не вернёмся, она, когда поймает, прикажет нас расстрелять?

— Ну... Если и правда поймает, то — да, примерно так. Только вначале ещё будет допрашивать. С применением ужасных пыток. В наказание остальных. И чтоб вывести.

— Чего же это, интересно, она собирается у нас выведывать?

— Наши коварные планы. По ре-заселению Земли. Именно — нашими потомками.

Роджер откинулся глубже в кресло, и непринуждённо рассмеялся. Ему почему-то стало гораздо легче, и он действительно почувал в себе силы вот именно — возродить человечество! И заселить Землю. Их с этой юмористкой потомками.

Напарница, направившая наконец нос бота вниз, почти, как Роджеру казалось, в центр огромного шара, присоединилась к его смеху. И слушать этот смех оказалось очень приятно: он реально напоминал перезвон хрустальных колокольчиков.

Роджер наконец решил. Потому что они, наконец-то, похоже, в относительной безопасности. И им ничто не грозит. Ну, хотя бы в ближайшие часы. Он спросил:

— Скажи, о моя верная подруга и спасительница, мать наших будущих детей. — тут он с высокопарно-восхищённого сменил тон на обычный, — Тебя как зовут-то?

— Пенелопа. Пенелопа меня зовут, о мой муж и господин, Роджер. Родоначальник и Вождь нового рода человеческого.

— Очень приятно. Вот и познакомились. И готовы к новой и очень ответственной миссии.

— Точно! Точно.

Приземление прошло с проблемами и трудностями.

Около четверти часа ушло на поиски намеченного Пенелопой плато с карстовыми провалами-изолятами в районе, где, как она объяснила, «раньше базировались какие-то майя!».

— Проклятье. Я могла бы поспорить, что эти сволочи должны быть где-то здесь...

Но вот они и над нужным районом: сканнеры и тепловизоры бота, конечно, куда слабее тех, что на зондах, как объяснила женщина, но вполне годятся для определения. Пригодности места посадки.

Первый карстовый провал, к которому они подлетели, кормой опираясь на струи огня, показался Пенелопе при непосредственном осмотре через наружные видеокamеры неподходящим — слишком большой. Да и дно — почти лысое. Незаросшее. Второй — напротив, был слишком узкий и извилистый, похожий, скорее, на долину пересохшей реки.

Зато третий, с высоты не слишком бросающийся в глаза из-за громящихся вокруг и внутри поваленных и торчащих во все стороны стволов, вроде, подошёл.

Спускались медленно. Роджер, следивший за тем, что показывали задние обзорные экраны, корректировал командами направление, Пенелопа регулировала скорость спуска газом и рулями. И вот их посуди-на всеми шестью посадочными опорами пружинисто ударила по дну похожей на гигантский стадион впадины, где уж точно — триста лет не ступала нога человека. Роджер вздохнул с видимым облегчением: всё, вроде, нормально. Они живы, бот цел. Напарница утёрла обильный пот со лба прямо рукавом комбеза:

— Ф-фу-у... Поздравляю. Мы сели.

— А что? Были какие-то сомнения насчёт этого?

— Ну, понятное дело. До этого же я пилотировала и сажала только на тренажёре! Так что жду положенных аплодисментов!

Роджер пооткрывал и позакрывал рот. Потом решил, что лучше он промолчит.

Пенелопа фыркнула:

— Раньше надо было бояться. И возмущаться тоже смысла не вижу — приземлились же. А сейчас нечего расслаживаться да прохлаждаться. Нужно как можно скорее натянуть термоплёнку — пластиковый «ме-

шок» с угловыми микроотражательными призмами. Чтоб не вынюхали газоанализатором, и не нашли радаром. А затем — и маск-сеть.

— А от металлодетектора чем мы?..

— А вот от него — ничем. И никак. Одна надежда: тут, рядом, есть отличные скалы с месторождением чего-то-там магнитного — я проверяла. Так что могут и не найти, подумав, что просто выход породы. Ладно, поехали. В-смысле — вставай, и пошли в трюм.

Термоплёнка оказалась огромным полотнищем действительно плёнки — вроде полиэтиленовой. Только пожётче, и приятного глазу зелёного цвета: как словоохотливо объяснила повеселевшая Пенелопа, «для маскировки — хорошо!». Роджер не считал, что это хорошо, потому что предвидел сложности с накидыванием и натаскиванием этой громадины на торчащий, словно десятиметровый штырь, бот-челнок.

Однако проблема решилась просто: Пенелопа на его замечание, почесав затылок, и буркнув: «Ты прав. И как это я сама...», прошла в рубку, и включила автоспуск. Пневматика привода опор засопела, заскрипела, и зашипела, и Роджеру пришлось схватиться за какой-то кронштейн, чтоб устоять, потому что их посудинка начала заваливаться на бок, и, хотя и делала это плавно, он испытал несколько неприятных моментов.

Но вскоре пол оказался там, где до этого была одна из стен, и они смогли прямо по ней ходить. Пенелопа, выглядящая теперь куда мрачнее, вернулась из рубки с двумя шприцами, наполненными прозрачной жидкостью:

— Хорошо, что напомнил. Ну-ка, напарничек-муженёк, поворачивайся задом. И снимай штаны.

Роджер не помнил, чтоб что-нибудь подобное упоминал, но попробовал отшутиться, подмигнув:

— Это — предложение?

— Нет. Это — приказ. Потому что без универсальной вакцины нам сейчас — никуда. Потому что если здесь кто из бацилл-вирусов-бактерий и выжил, то уж не сомневайся: мутировал так, что мало не покажется!

Роджер с показным смирением и вздохом сделал так, как ему приказали. Впрыснутая хреновина оказалась чертовски болезненной. Или это его «медработник» неумело ввёл жидкость. Или неудачно выбрал место. На теле.

— Терпи. Я, понятное дело, больше по ремонту механизмов. Но и первую помощь, если что — оказать могу запросто.

— Ладно. А теперь поворачивайся и снимай ты. Я в прошлой жизни уколы милым девушкам в... э-э... основание ноги — делал.

Пенелопа хмыкнула, дёрнув точёным плечиком:

— Ну надо же. Твой-то... Оригинал... Похоже, времени не терял.

Роджер, опустившийся на колено, отметил себе этот момент, но спрашивать пока ничего не стал, сосредоточившись на чётком определении места на симпатичной упругой попке, оказавшейся перед ним, и не торопясь всадил иглу точно куда надо. Медленно нажал поршень. Пенелопа, надо отдать ей должное, даже не поморщилась.

И только когда он выдернул иглу, проворчала, качая головой:

— Твоя правда. Не больно.

— Мы спиртом протирать не будем?

— Это ещё зачем? Там, в вакцине, уже всё что нужно — есть.

— А-а, понятно. И сколько нам теперь нужно ждать, пока она?..

— Пока сработает? Да нисколько. Кровь разносит всё это дело по организму за пару минут. Как раз успеем нацепить оружие, броневые да термопластины, и вытащить чёртову плёнку из трюма!

— А оружие-то нам сейчас на фига?

— Ну как же! А монстры-мутанты? Злобная и кровожадная фауна? Да и обитатели подземелий... Тут, насколько помню, даже дождевые черви — в метр длиной, и с руку толщиной! Я видела фотографии. А уж зубки у них... Позавидовала бы любая акула!

Роджер сглотнул. Но плёнку вынуть из ящика и подтащить к люку помог. Пенелопа щёлкнула клавишей огромного, почти во всю ширину корпуса, люка. Тот медленно, с шипением, откинулся. Внешний край пандуса лёг на почву. Роджер порадовался, что и это, оказывается, продумано: кто бы ни находился в боте, будь то отряд космодесанта, или толпа пионеров-первопроходцев, выйти и выгрузить громоздкое оборудование, если таковое имелось бы — без проблем!

Единственное, что напрягало — чернильная темень снаружи. Облачное марево, как понял Роджер, мешало проникновению к ним даже света звёзд. Пенелопа крикнула:

— Чёрт! И как это я... Подожди: сейчас внешние прожектора включу.

— А нас... Не найдут по ним?

— Вот уж вряд ли! Для этого нужно совсем уж о...ренительное невезение! Но долго рассиживаться при внешнем освещении всё равно не стоит. Потасили!

Снаружи их никто не ждал. Так что нервно сжимавший рукоять своего УЗИ Роджер закинул его на спину, и двинулся вперёд по пандусу

первым, таща за собой тяжеленное полотнище. Сапоги гроыхали по металлу. Пенелопа придерживала сзади, помогая. Роджер, ступив на землю «обетованную», сделавшую неприятно и демаскирующее грохотавшие до этого шаги бесшумными, не удержался:

— Всего один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего че...

— Сделай одолжение, заткнись. — Пенелопа отдувалась, ноша явно оказалась неудобной и тяжёлой, — Хватит цитировать заплесневелые перлы первопридурков.

— Понял. Молчу. Но надо же было что-то подобающее ляпнуть. Всё-таки мы — первые. За триста-то лет. А, возможно, и вообще — «родоначальники». Адам, так сказать, и Ева.

— Ладно уж, родоначальник ты мой разговорчивый. И любитель красивых высокопарных фраз. (Напоминаешь ты мне наших активисток из отдела Пропаганды и агитации.) Давай, тащи эту штуку вон туда, где поровней: нужно вначале расправить и расстелить.

На то, чтоб расстелить плёнку на поверхности земли, предварительно порубив какие-то голые кустики и тошенькие стволики зачахших деревьев имеющимися в боекомплекте бота мачете, ушло с полчаса. Внешние прожектора светили вовсе не так «предательски», как он было подумал, и свет давали, скорее, рассеянный. Но видно всё окружавшее было неплохо.

Роджер поразился: оглядевшись как следует, он увидел вовсе не то, что привык обозначать словом «джунгли». Нет, здесь не было ничего — вот именно — зелёного! Но подумав, он понял, что так, собственно, и должно быть: за триста-то лет, да на пятидесятиградусном морозе... Все давно посдыхало. Точнее, посдыхало то, что принадлежало к царству флоры. А вот фауна... С ней ещё предстоит.

Ладно, главное — пока никто на них не нападает, и это радует.

Можно спокойно и обстоятельно замаскироваться.

Больше часа ушло на то, чтоб протащить плёнку поверх посуды, и накрыть бот.

Роджер к концу этого времени вспотел как мышь, и ободрал все руки. Он, конечно, примерно представлял, кому достанутся все трудности и шишки, и оказался прав: именно ему пришлось залезать на ещё не вполне остывший корпус, и мачете, оказавшимся в багажном отсеке, рубить стволы и лианы, мешавшие затащить тяжеленную ткань с просвечивающими сквозь полупрозрачную поверхность плёнки искорками действительно крохотных впечатанных уголков — а умно придумано! —

наверх, а затем и спущенные вниз концы закреплять. «Подстраховочка от ветра», как объяснила его напарница.

Однако когда плёнка оказалась натянута, даже он признал: если не знать, что под ней космический корабль, ни за что не догадаешься — даже с десяти шагов!

Пластиковый чехол универсальной серо-зелёно-коричневой маскировочной расцветки затащить сверху антирадарной плёнки оказалось куда легче: он почти ничего не весил. Зато, как сказала не без гордости Пенелопа, «Теперь нас ни визуально, ни радаром, ни тепловизором, ни даже градом с дождём не проймёшь!» Вымотанный, будто пять часов кряду отбивался от львов-тигров, Роджер только кивнул: на разговоры сил уже не было.

Однако именно он предложил навалить сверху ещё и срубленных веток и лиан: чтоб всё выглядело, как девственные и неповреждённые джунгли, которые их бот неплохо опалил и переломал при спуске и последующей посадке на ноги-колонны, да и опускании с них. Пенелопа согласилась, что так будет, конечно, надёжней.

Работали, не покладая рук, ещё два часа. Но уж сделали всё на совесть: обгорелые серые и чёрные стволы и кусты убрали, новых сверху понапристраивали. Теперь и следа от их кораблика на поверхности сельвы, имевшейся на дне провала, не было. Роджер буркнул:

— Эх, мне бы сейчас — хотя бы белковых палочек. А то я из-за коекого пропустил обед.

— Ну, знаешь!.. Я его, можно сказать, из лап смерти!.. А он — только о еде может!..

— Хватит. — он прервал её жестом, — Ситуация ясна. Ты и сама устала и голодна. Юмор вообще не воспринимаешь.

— Ах, так это был юмор?! А почему тогда никто не смеётся?!

— Ну, наверное, как я уже и сказал, от голода. И холода. И, конечно, нервного напряжения!

Если на замечание насчёт «нервного напряжения» его напарница отреагировала сердитым дёрганьем плечиком, то на слова о холоде ей возразить было уж точно нечего. Холод, действительно, начал пробираться чуть не до костей — Роджер, несмотря на то, что сразу одел универсальный комбез и пару утеплённых армейских полусапог, нашедшихся в багажнике, и подошедших, как ни странно, ему по размеру, ёжился и поводил плечами всё чаще. Там, на Станции, ему тестов и проверок на «хладостойчивость» никто не делал. К счастью. Но если так пойдёт и дальше, придётся носить и кальсоны и тёплую фуфайку...

— Хм-м... Насчёт холода ты, конечно, прав. — она поёжилась и сама, оглядевшись так, словно только сейчас всё окружающее увидела, — Когда не работаешь, всё мёрзнет. Ну, я уж сказала — около минус пяти ночью.

— А как там с рассветом?

— А нормально с рассветом. Часа через два как раз наступит. Вон: видишь, на востоке чуть сереет?

— Точно. — Роджер и сам заметил чуть посветлевшую темноту на восточной кромке скал, оконтуривавших гигантский колодец-стадион, в котором они теперь находились, там, куда указывал палец напарницы, — Хорошо, что успели. И постарались от души.

— Да. Будем надеяться на лучшее.

— Будем. Так как насчёт — поесть?

— Вот прагматик ...ренов. Ладно — идём. В боте должно быть пайков на две недели. На десятерых. Хватит тебе на пока?

— Ну... На «пока» — хватит. Надеюсь. А потом и зверушку какую-нибудь завалим. Да поджарим. Или спечём. (Дров-то вокруг — море!) А вот сварить, с картошечкой да морковью, какой бульончик — точно не удастся. Ты же наверняка кастрюлю захватить забыла?

Ответом было только очередное возмущённое фырканье.

Паёк оказался ничего себе — пусть по вкусу и сильно напоминал всё те же белковые палочки, но насытил неплохо.

— Рассчитан на тяжёлую работу тех, кто спасся бы на таком боте. Содержит всё необходимое. — как ему с понятной гордостью за разработавших это пресное на вкус чудо экспертов-гастрономов, сообщила Пенелопа.

— Я рад, конечно. Особенно тому, что он «содержит». Теперь вот... Ладно, спрошу проще: тут туалет-то есть? На боте. И ванна.

— О, да. Есть. Он — вон в том отсеке. Но вот насчёт ванны... — она криво усмехнулась. — Только раковина. И душ. С поддоном.

— Отлично. Ну, я пошёл.

После того, как Роджер сделал всё, что хотел, он залез на свинство, которое его напарница остроумно поддоном. Больше, конечно, это хромированное изделие напоминало простой носовой платок с чуть загнутыми краями: да и вообще поместиться на крошечном пространстве Роджеру удалось с трудом, и он оббил себе все локти, пытаясь отдрать пот и пыль, превратившуюся от пота в грязь. Но смыть всё это с тела душем на гибкой кишке удалось неплохо. Мыло так и вообще — вышло отлично.

Роджер повздыхал. Интересно, насколько тут, в баках бота, хватит воды? И не глупо ли он делает, тратя её на помывку? Ведь пачкаться наверняка предстоит ещё много раз.

Когда вылез из крохотной кабинки душевой, обнаружил, что соседняя занята — Пенелопа тоже, похоже, ощутила последствия приёма пищи. Роджер покашлял.

— Я немного занята. — тон Пенелопы после его второго покашливания был весьма недовольным. Похоже, он мешал «сосредоточиться».

— Я понимаю. Однако вопрос важный. Насколько нам хватит воды? И не глупо ли я поступил, истратив часть её на мытьё.

— А-а, вон ты о чём. Нет, вода, которой ты мылся — всё равно не питьевая. Она техническая. Хоть и пресная. Служит для охлаждения движков и силовых агрегатов. И её там всего тонна. А вот питьевой — только полтонны. Вернее, четыреста сорок литров.

— Ага. Ну, значит, живём. — и точно. Он сразу подумал, что вода как-то странно... Пахнет — словно с реактивами. Вероятней всего — добавки, чтоб не откладывались в трубах соли.

Он прошёл в крохотную рубку, и стал последовательно открывать дверцы всех имевшихся там шкафов и ёмкостей, постепенно продвигаясь к выходному люку трюма. Делал он так на всякий случай: все ящики и шкафчики были подписаны, но — мало ли... Всегда полезно знать, насколько содержимое соответствует анонсам на надписях.

То, что он искал, обнаружилось в трюме, в весьма объёмистом ящике: несколько синтетических упругих матрацев, и тёплых, синтетических же, одеял. Разумеется, цвета хаки. Простынь спасающимся на боте явно не полагалось. Очевидно, кто-то посчитал, что это уж будет слишком роскошно. И будет способствовать утрате «боевого духа».

Он расстелил матрацы в рубке. К тому моменту, когда из кабинки душа вышла, словно пеннорожденная Афродита, его напарница, вытиравшая волосы непонятно откуда взявшимся полотенцем, он уже лежал, подсунув под голову ещё один сложенный вдвое и расстеленный поперёк, матрац — подушек не нашлось.

— Надо же. А ты — не промах у меня. Что-что, а постель обнаружил сразу.

— О, да. Куда ж без неё, без постели! В списке наших приоритетов она всегда — номер уан! Собственно, я старался не столько для себя, сколько для тебя, моя радость. Ну, приди же, приди в мои объятия! — он, как бы в страстном порыве, протянул руки.

Пенелопа невесело усмехнулась:

— Ты ещё можешь думать о сексе?

— Тебе ответить — как? Честно или дипломатично?

— Достаточно, можешь не продолжать. Я и сама мечтаю только расположить телогоризонтально, да спать. Утомилась что-то с непривычки. Такой нагрузки ни на одном тренажёре не получишь. Да и... По-нервничала я, если честно.

— Пожалуй. Так — что? Караульного оставлять не будем?

— Зачем это?

— Ну... На тот случай, если нас найдут.

— Не будем.

— Почему?

— Бессмысленно. Если нас найдут — или сразу жахнут из лазерной пушки, и испаримся мы к такой-то матери... Или применят ЗГ — звуковой генератор. Тогда бот останется цел, а мы перед смертью помучаемся: кровь потечёт из глаз и ушей, да и вообще из всех дыр и отверстий... А боевой зонд-беспилотник мы с нашим-то зрением в небе всё равно не увидим. И приборов, чтоб его засечь, на нашем боте не предусмотрено.

— Понял. Должен сказать, что умеешь ты при случае вселить оптимизма... И веры в светлое будущее. Ладно, иди уж сюда. — он, притворно вздохнув, приподнял одеяло, подвинувшись с нагретого места. Чёртовы шпангоуты, впившиеся в рёбра холодными острыми краями, тут же заставили его чуть сместиться обратно. Ровного места на — не то борту, не то — палубе, даже чтоб прилечь, имелось минимум. Впрочем, вряд ли кто-то из проектировщиков рассчитывал на то, что в боте будут ещё и ночевать. Но от мысли расставлять где-то снаружи найденную в одном из ящиков-шкафов палатку, Роджер сразу отказался.

Пенелопа мягко вдвинулась в нагретое им пространство, вначале, вроде, смущаясь, а затем и прижавшись вдруг порывисто всем телом! До него донеслось что-то вроде чуть слышного не то — стоны, не то — рычания. Тело девушки затряслось. Но Роджер просто промолчал, постаравшись только понежней и покрепче прижать свою измочаленную, но чистенькую и приятно пахнущую лавандой напарницу (Не иначе, как он не заметил спрятанный где-то в крошечной ванной флакон с шампунем!) к себе.

Вскоре девушка перебралась к нему на грудь, и сотрясающие стройное миниатюрное тело рыдания начали затихать. Она глубоко вздохнула. Поводила пальчиком по густым волосам на его груди. Спросила чуть слышно:

— Считаешь меня дурой?

— Вовсе нет. Я бы тоже расстроился, если бы пришлось вдруг поменять весь уклад своей жизни, сытой, обустроенной, и комфортной, на пещеру первобытного человека. Сырую, холодную и неудобную. А именно так нам и предстоит, похоже, жить в первое время. — он старался говорить спокойно, ещё и мягко проводя ладонью по мускулистой спине, и по чуть выступающему позвоночнику, — А, может, и не в первое. Ведь как бы мы ни старались, обучить наших детей нормально, всему, что знаем, и что положено знать человеку техногенной эры, мы не сможем. Значит, они поневоле скатятся до того уровня жизни, какой мы сможем им тут предложить. Охота. Собираательство. Рыбалка. Костёр, который нужно всегда поддерживать. Шкуры вместо комбинезонов...

— Ты очень логично рассуждаешь. Я смотрела, разумеется, кто твой носитель. Роджер Тандреволд, инженер-строитель. Шестьдесят два года на момент снятия мнемоматрицы. Но сейчас, когда ты в молодом теле, что ты чувствуешь? Что думаешь на самом деле?

— О чём? О чём я должен думать? — он постарался спросить спокойно, но вот чего сейчас, когда вдруг опять всплыла щекотливая тема его «переселённой» души, там, в этой самой душе, не было, так это как раз — спокойствия!

— Ну... Обо всём. О Станции. О войне. О... Нас с тобой. Что с нами будет?

— Ладно. Приляг-ка, — он нежно притянул её вскинувшуюся и глядящую на него пылающими широко распахнутыми глазами головку снова к себе на грудь. — Что я думаю о Станции, сейчас не столь важно. Потому что ты знаешь — я рационалист. И отлично понимаю, что тебя беспокоит в первую очередь. Буду ли я с тобой, буду ли я тебя любить, буду ли я любить наших детей.

Отвечаю: буду.

Теперь о войне. Сказать честно — я про неё узнал впервые только там, на Станции. Вероятно это оттого, что мнемоматрицу с меня сняли до того, как она произошла. Но того факта, что вы живёте вне Земли уже триста лет, мне сейчас для оценки ситуации вполне достаточно. Выводы-то я делать умею.

Ну а о нас с тобой...

Ты мне понравилась. И не потому, что рискуя всем, спасла мне жизнь. А хваткой и собранностью. Целеустремлённостью. Готовностью отрезать пути назад. Из нас выйдет, я ...адницей чую, — она невесело хмыкнула на его попытку пошутить, — отличная команда.

И семья.

Мы же не будем, надеюсь, развлекаться скандалами да разборками в стиле «кто она, эта другая стерва, с которой ты мне наставил рога?!»?

А если серьёзно, то что с нами будет, я, конечно, тоже хотел бы знать. Но как говорится — человек предполагает, а Господь — располагает.

Поэтому постараемся всё сделать для того, чтоб нас не нашли, и будем — ты уж извини! — рожать как можно больше детей. И стараться обеспечить их нормальным питанием и воспитанием. И учить выживать здесь. — он надеялся, что его спокойный и монотонный голос звучит достаточно правдиво. Сам он ситуацию видел, конечно, несколько по-другому... Но поговорить об этом честно и прямо время ещё не пришло!

— А ты молодец. — она не поворачивала и не поднимала головы, расслабившись, и сейчас словно растекшись по его телу. Голос уже не дрожал от слёз, — Умеешь подбодрить трясущуюся от страха и сомнений девушку в трудный момент. И чуткий и понимающий. Секса от меня не требуешь.

— Солнышко моё наивное, — он усмехнулся в усы. — Что бы там ты не услышала и не вычитала о мужчинах, из ваших обучающих программ и в Архивах и библиотеках, оно не всегда соответствует. Потому что есть мужчины, а есть — мужчины. Да даже один и тот же мужчина, просто, например, взятый в разном возрасте, имеет и разные приоритеты!

В двадцать лет — перетрахать, например, всех доступных баб. В тридцать — заработать все доступные деньги. В сорок... Ну, в сорок мужчина как раз и начинает приходить, так сказать, в себя. Жить по-настоящему. Переоценивает, вот именно, ценности. Понимает, что на самом деле важно, а что... Словом, — он сглотнул, потому что воспоминания о Натали, Мэри и Сарочке, жгли, словно огнём. — мужчина только к пятидесяти становится более-менее зрелым. И умудрённым. Да и то — не каждый.

— Я знаю. Наши предки, те, первые, кто основал нашу Общину, при эвакуации выбрали матрицы только таких, зрелых и «состоявшихся», мужчин. Собственно, в Хранилище других и не было — чтоб попасть туда, нужно же было доказать. Что мужчина не страдает физическими и умственными расстройствами. Может обеспечить себя и семью. Не склонен к алкоголизму, суициду, экстремизму, идиотизму или ещё каким комплексам или излишествам... Да и деньги, насколько знаю, заплатить немалые. Уже одно это сразу отсекало тех, кто... Легкомыслен и недалёковиден.

Так что пусть ты и не совсем такой, как кажешься, но всё равно приятно. Ощущать себя — в объятиях такого... телом молодого, а душой — зрелого и опытного... Мужчины.

— Ну спасибо. — он прижал её к себе чуть сильнее, затем вновь ослабил руки. Женщина уже «вписалась» в его тело так, словно всегда была его составной частью. Или он просто привык? Как, вероятно, рано или поздно привык бы к любой, кто захотел бы с ним?.. Он решительно отогнал от себя эту мысль. — Ты тоже. Умеешь. Вселить в меня мужество. Дать надежду. И уверенность в завтрашнем дне. Потому что без тебя, без Женщины с большой буквы, без матери наших будущих детей, всё, что бы я ни сделал, не имело бы смысла. И я это отлично понимаю.

Да и ты тоже — ты же умна.

— Ага. — в тоне её не чувствовалось особого энтузиазма. — И «красива». Но ты, скотина похотливая, небось, всё равно вспоминаешь и о Диане.

Он рассмеялся. Просто и весело.

— Пенелопа. Ты — бессовестная свинья. А ведь та Пенелопа, твоя тёзка, которая жила в древности, отличалась именно замечательным умом и рационалистичностью. Поэтому напому тебе на всякий случай ещё раз. До того, как меня спасла ты, от смерти меня спасла и Диана. Разумеется, я ей благодарен. Хотя бы за это.

— И ты хочешь сказать, что секс с ней тебе не понравился.

— Почему же. Понравился. Но могу тебе сказать конкретно: думаю, она спасла меня не для секса. А в гораздо большей степени — для престижа. Чтоб показать, подчеркнуть перед окружающими коллегами, свой исключительный начальственный Статус. Продемонстрировать, так сказать, своё превосходство над ними. Конечно, она не собиралась играть со мной долго. Ей, если честно, и одного раза хватило. И я не удивился бы, если б она и сдала меня сама.

— Ну, то, что ты умный и наблюдательный, я знала и так. Ты прав: это она тебя и сдала. Не напрямую, конечно, а косвенно: словно специально делала двойные заказы ужина и завтрака. Такое не может не насторожить наших работников камбуза. А те, соответственно, сигнализируют СВБ. Конечно, они тебя тут же вычислили. Переключили, и подключили дополнительные мощности на микрофоны. И услышали.

— Ну, видишь? Так что особых поводов любить нашу милую Диану у меня нет. Можешь не ревновать.

— Ревновать?! — она чуть дёрнулась, но потом снова легла спокойно, — Надо же... Пожалуй, ты прав. Теперь я понимаю, что значит это

слово в отношении чувств к мужчине. Ну так вот знай: никому я тебя не отдам, умный ты мой и прагматично-циничный.

Твоим телом и разумом я хочу распоряжаться только сама!

— Договорились. — он позволил довольной улыбке расплзтись по лицу, — Сама. А сейчас давай завершим этот интереснейший разговор, и постараемся всё-таки отдохнуть.

Дел на завтра — вернее, уже на сегодня! — море!

Выспаться им всё равно не удалось.

Проснулись от чудовищных толчков: весь модуль бота сотрясался так, словно по нему ходят слоны. Ну, или динозавры пытаются играть их корабликом в футбол!

Пенелопа метнулась к пульту, и включила внешние камеры обзора. Пришлось включить и прожектора, потому что во мраке уже снова наступивших вечерних сумерек разглядеть, что происходит вокруг, оказалось невозможным.

Роджер подошёл к пульту не торопясь. Вчера он имел возможность рассмотреть конструкцию и материалы, из которых был сделан их кораблик, подробно. И не сомневался, что ничто из живого не сможет причинить ему особого вреда. Но то, что предстало их взору, удивило и его.

Вначале испугавшиеся было света мощных прожекторов, а сейчас убедившиеся, что вреда от них нет, они возвращались. Странные существа. Явно — мутанты.

Выглядели они словно комодские вараны, только двигались куда как шустрей, и в длину достигали, наверное, добрых десяти шагов! Плотные и длинные приземистые чёрные туши, весившие, похоже, не меньше тонны-полутора каждая, снова стали тереться о борта и тыкаться в них. А длинные пасти с высывающимся всё время раздвоенным языком и острыми клинообразными зубами так и норовили что-нибудь от нового и непонятного чужака откусить. Вдоль спин проходили гребни — совсем как у динозавров, которых Роджер видал в каком-то музее, а лапы заканчивались толстыми и явно прочными когтями. Зубы не вызывали столько уважения — по сравнению с когтями они казались мелкими и словно несерьёзными.

— Проклятые твари. Они, похоже, добрались до запасной наружной антенны: вон, потащили! — действительно, Роджер увидел, как два сцепившихся мордами ящера поволокли куда-то в сторону что-то круглое, с тянущимся за ним кабелем. Быстро, впрочем, оторвавшимся.

— Смотри-ка, вот наглецы. Так нас и на винтики разберут. — Роджер не торопясь натянул полусапоги.

— Ну, до этого, думаю, далеко. Обшивка бота — из стали всё-таки. Но вот потеря периферийной наружной арматуры... Светит. А там — камеры, прожектора... — она прикусила губу, затем, словно что-то решив, вскинулась:

— Ладно. Надо бы гадов поубивать.

— Нет, не надо. Лучше просто отогнать.

— Ну, можно и так. Возьми, наверное, большую пушку. — карабин, возникший словно ниоткуда, уже оказался у неё в руках.

— Нет. Я лучше возьму ракетницу. А разрывные пули нам ещё пригодятся.

— Ты прав. Сигнальными ракетами мы тут никому ничего сигнализировать уж точно не... Но пушку тоже возьми — мало ли!

— Ладно, — он пожал плечами, — А где они у нас? В-смысле, ракетницы?

— В первом нижнем ящике у выходного люка. Слева. Там на нём так и написано.

Роджер нашёл ракетницу и пять запасных зарядов легко. Один патрон сразу вставил в оружие. Остальные рассовал по карманам наспех натянутого комбеза. Нажал кнопку люка. Когда пандус опустился, выбрался наружу, даже не подумав закинуть за спину протягиваемый ему карабин с разрывными — Пенелопа сделала сердитую гримасу, но ничего не сказала — он приложил палец к губам.

Роджер передёрнул плечами — минус пять, будь они неладны, в одном комбезе прохладно. Значит, чтоб не замёрзнуть, нужно подвигаться. Для начала — увидеть проблему, так сказать, воочию. Ну, она должна быть большая и сильная — мимо не пройдёшь.

И правда, с этим проблем не возникло: вот и задница первой твари-ящера.

Нет, стрелять осветительной ракетой в такую бронированную, и явно прочную шкуру с костяными пластинами, смысла уж точно нет. Не пробьёт, а отскочит. И толку не будет.

Роджер, уже не таясь, подошёл ближе, и изо всех сил пнул в бок трущегося о корпус бота монстра носком армейского полусапога. Знал, что там — стальная накладка.

Сработало. Ящер замер на мгновенье, а затем начал медленно разворачивать почти двухметровую морду с открывшейся от такой наглости пастью — посмотреть, что это там за блоха посмела отвлечь его от очень важного дела по уничтожению чужой собственности. Роджер

долго ждать не стал: когда развёрстая пасть оказалась в трёх шагах, выстрелил прямо туда.

Эффект сказался сразу: сполохи огня из захлопнувшейся было, и тут же снова распахнутой пасти, шипение магниевого заряда, и утробный вой из обожжённой глотки сказали ему, что тактика выбрана правильная. Ящер подпрыгнул, словно ужаленная оводом за круп лошадь, взревел, и, тряся головой, ринулся прочь, шумно ломая кусты и подлесок.

Однако остаться гордым победителем на покинутом врагом поле боя пока не светило: на Роджера уже бежали, переваливаясь, и нагло облизываясь, две новые твари. Он перезарядил. Прицелился.

Первую угостил прямо в глаз — огромный, чуть ли не с яблоко!

Глаз вытек сразу. Утробно взревевшая тварь замотала башкой, завертелась на месте, словно собака, гонящаяся за своим хвостом! Но Роджеру опять не удалось насладиться лаврами победителя: чтоб перезарядить снова, пришлось быстро нырнуть за корпус, а затем и побегать вокруг бота, пока его пыталась догнать и укусить третья, самая шустрая из напавших, пресмыкающаяся скотина.

Её пришлось подпустить поближе, пару раз увернуться, отступая, от клацающих челюстей, и тоже пнуть: уже в верхнюю челюсть. А то тварь никак не желала подставлять ни глаз, ни нёба, ни ещё каких уязвимых частей тела.

Пинок пришёлся удачно: в ноздрю. Монстр чуть опешил, затем отреагировал наконец как положено: сердито заревел, и раззявил во всю ширину и высоту двухметровый ротик, в точности напоминавший крокодилиий. Роджер второго шанса ждать не стал: выстрелил прямо в открывшуюся, и просматривавшуюся чуть ли не до хвоста, утробу.

Конвульсии оказались чертовски сильными: удар четырёхметрового хвоста точно переломил бы ему ноги, словно спички, если б он не догадался укрыться за одной из упиравшихся в землю опор бота. Та даже ощутимо спружинила, к счастью, не погнувшись, но мощно загудев: «Бам-м-м!» Роджеру показалось, что эхо прокатилось по всей их яме, но он порадовался: ажурная решётчатая конструкция выдержала и устояла, а вот хвост после удара как-то куце обвис — сломался, что ли?..

Тварь, таща за собой волочащийся по земле хвост, поковыляла прочь, обиженно подвивая, тряся башкой, и пытаясь отплеиваться.

Роджер тоже сплюнул. Окинул взглядом поле боя: наконец-то! Порядок, вроде. Оба накинутые маскполотнища не пострадали. Осталось только найти антенну, которую первые два скота уволокли наверняка

недалеко, убедившись в её несъедобности, и присобачить тарелку назад, к корпусу. Впрочем, это не горит.

Сейчас ему куда актуальней согреться, чтоб не простыть, и позавтракать. А точнее — поужинать.

Он вернулся к пандусу, зашёл, нажал кнопку запираания. Покачал головой.

Ценные и явно понадобившиеся бы в будущем разрывные пули сохранены. Да и как бы они с Пенелопой потом избавлялись от разлагающихся тяжёлых трупов, на которые наверняка сбежались бы все местные падалышки?!

От которых в свою очередь тоже наверняка нужно было бы отбиваться.

Нет, они — вернее, он! — придумал правильно: просто отогнать.

Ну, вот и первая, пусть и маленькая, победа над местной «природой»!

На то человек ей и — Царь!..

Оказавшись снова внутри, и услышав за спиной щелчок закрывшегося пандуса, Роджер постоял в раздумьи. Как бы новым взглядом окинул всё, что их здесь окружало. Тёмное цилиндрическое пространство. Шпангоуты, приборы, бесконечные ряды встроённых ящиков. С чётко наведёнными по трафарету надписями: «Ракетницы». «Скафандры». «Комбинезоны». «Обувь». «Запасные обоймы к оружию». «Шанцевый инструмент».

Всего таких ящиков было около пятидесяти, и в них, как он убедился, но ещё не запомнил, где что лежит, можно было найти практически всё, что могло понадобиться спасшимся в первую неделю, случись им и правда оказаться на Земле: в пустыне ли, на леднике, или в тайге.

Это не могло Роджера не напрягать. Уж слишком тут всё... Подготовлено.

Причём явно — на основе каких-то прецедентов. Может, всё же стоит спросить Пенелопу — не пытался ли уже до них кто-нибудь вернуться на праматерь человечества, да обосноваться?..

Нет, пока, наверное, не стоит. Спрашивать. Хотя... Что ему терять-то?

Но вот заняться кое-каким расследованием — надо. Прямо сейчас. Потому что ему чертовски хочется узнать: как же эти козлы — облечённые властью мужики из правительства! — допустили, чтоб война-таки произошла.

А сильнее всего он хотел узнать, как и откуда и появились чёртовы амазонки. И узнать побыстрее. А ещё — почему с ними никто так и не сладил! И для этого ему нужно...

— Милая, у нас есть тут, на борту, компьютер?

— Конечно! — собственно, вид его напарницы не располагал к разговору: она казалась отнюдь не «милой», а сердитой и чем-то недовольной. Но Роджер проигнорировал: он будет поступать так, как считает нужным. «Разборки» и претензии — позже! — Иначе мы просто не сели бы. А зачем он тебе, да ещё именно сейчас?

— Хочу просмотреть кое-какие флэшки.

— Нет у меня никаких флэшек! — Ого! Чего это она так вскинулась?!

— Флэшки есть у меня, — он сунул руку в карман, и показал ей пригоршню, затем показал и те, что имелись и во втором кармане, — Позаимствовал на прощанье. У Дианы в шкафу.

— Ах, вот как! Ты, оказывается, ещё и воришка?!

— Называй как хочешь. Но мне показалось интересным и полезным, — он подчеркнул последнее слово, — узнать, что тут у вас, и как, происходило. Может, были какие предыдущие... Попытки? Заселиться?

Пенелопа фыркнула:

— Ага, два раза! Что за чушь?! Мы же — не идиотки! Кому бы это, и зачем, могло понадобиться — сунуться сюда, пока фон держится выше нормы? С гарантией обрекая себя на верную и мучительную смерть?!

— Э-э, остынь, ласточка моя сердитая. Может, ты про такие попытки просто не знала. Вдруг они — вне твоего «Статуса доступа»? А вот у Администраторши-то архивы наверняка... Засекреченные. Удалённые из станционных ресурсов, и от общего доступа. Полные. Может, ей они достались по наследству. — Роджеру показалась несколько наигранной её попытка уйти от прямого вопроса. Но он решил, что когда придёт время, она расскажет, что знает, и сама.

— Хм-м... А ведь верно: что-то такое есть в твоих словах. Какая-то сермяжная правда. К полным архивам у нас... Допускают, разумеется, не всех! Да и то, даже руководящий персонал связан ограничениями: не ко всем файлам, а только к таким, которые касаются непосредственно каких-то общественных, бытовых участков Станции. Учебных методических материалов. И областей работы. Разумеется, и механизмов жизнеобеспечения — уж мне-то, как технику, приходилось...

Ладно, иди сюда.

Подключились, и первую флэшку из раздела «История», датированную, как сказала Пенелопа, прошлым годом, вставили в комп легко.

Только вот радоваться оказалось рано: на экране всплыла надпись: «Введите пароль». Роджер сплюнул, и мысленно выругался: подобрать шифр из шести цифр или букв — работёнка на пару месяцев! А у них сейчас есть более насущные проблемы!

Но задачу решила Пенелопа: поколдовав над клавиатурой, она всего с третьей попытки взломала шифр, и на экране засветилось: «Добро пожаловать, Мария!»

Роджер почесал в затылке:

— Кто это — Мария?

— Самая первая назначенная Советом Станции Администраторша. Она давно умерла. Но про неё-то знают все. Вот я и набрала её дату рождения. Предварительно, правда, попробовала даты твоей, — она дёрнула плечиком, — Дианы, и Розы — она была до Дианы.

— А почему Совет решил, что вам, спустя двести с чем-то там лет жизни на Станции, нужна именно Администраторша?

— Ну, как же! Не может же Координаторша реально заниматься всем! Для этого ни у кого просто не хватит компетенции. И времени. Вот Совет и решил лет семьдесят назад спихнуть хотя бы проблемы с материальным обеспечением — на Комендантшу, а проблемы с персоналом — на Администраторшу.

— Логичное решение... Ладно, раз уж мы вошли — приступим.

— Приступим. А что ты хотел бы узнать?

— Ну как — что?! Как и когда вы, независимые во всех отношениях, умные и находчивые, решили жить сами по себе, а от козлов-мужиков — отделаться!

— Ха! Не нужно иронизировать. Мы — такие и есть. Но!

Никогда ты ничего такого тут не найдёшь! Это — только в засекреченных файлах. Которые хранятся только в спецсекторе Главного Компьютера. Доступ к ним есть только у членов Совета и Координаторши. А тут могут быть только ведомости да акты — сколько и когда специалист обучено для мастерских, для оранжереи, для камбуза, для обслуживания двигателей. И кого когда уволили, перевели на другую должность, кому назначили взыскание, или наказание, и за что... Ну — кадровая политика Станции!

— Ладно, посмотрим. — Роджер не хотел показать, насколько он разочарован, и решил для порядка всё же ознакомиться, — Открывай оглавление.

— Чего?

— Меню, говорю, давай.

— А-а, так бы сразу и... Вот оно. — на экране возникли подзаголовки содержимого флэшки. Роджер прищурился. Ну-ка, ну-ка... «Выпуск начального курса 2457 года».

— Что это? — он, не стесняясь, просто ткнул пальцем.

— Это — список фамилий тех курсантов, кто закончил начальное обучение, и был аттестован Комиссией, как усвоивший этот курс. И которых теперь можно распределять по спецпредметам. Ну, тем, где им предстоит научиться будущей профессии.

— Открой-ка.

— Да пожалуйста.

Список с двадцатью семью фамилиями и именами ничего Роджеру не сказал.

Правда, напротив каждой значилось что-то вроде: «Склонность к шитью и ремонту одежды», или «Проявила себя при моделировании пищевых рационов», или «Пассивна, мышление неадекватно. Абсолютно не подходит для сложной технической работы». Он снова ткнул пальцем:

— Что вот это значит? Приговор к назначению на низшую должность? Девушка — тупа и ленива?

— Ну... Типа, да. То есть — только самая простая работа. Где требуется АйКью не выше восьмидесяти. Вроде подсобной рабочей. Или грузчицы. Или уборщицы, или помощника помощника кока. Годящейся только для чистки картофеля, и мытья посуды.

— А у вас и настоящий картофель есть?! — Роджер и правда — удивился.

— Есть. Оранжереи дают до тонны в месяц.

— Хм-м... Маловато для прокорма трёхсот с... Сколько вас там?

— На самом деле — пятьсот восемьдесят три. И картофель — не для «прокорма», он — от цинги!

— Точно. — Роджер вспомнил. Что сырой картофель и правда — предотвращает. — А что ещё у вас растёт? Там, в оранжерее?

— Ну... Томаты. Соя. Арахис. Пшеница, конечно. Кукуруза. Морковь. Лук. Да всё! Всё у нас растёт.

— Странно. И где же это «всё» помещается? Чтоб вырастить пшеницы на прокорм шестисот девочек, нужно по моим прикидкам как минимум гектар сто!

— Нет. В нашей оранжерее — всего десять га. Но просто пшеница, да и все растения у нас — особо выведенные. Один колосок, например, даёт в год чуть ли не полкило зерна. Вот раз в три месяца подсобницы оранжереи то, что уже созрело, и собирают.

— Вручную?!
— Вручную. Чтоб не повредить ствол. И не допустить потерь.
— Небось, и выглядит эта пшеница — как дерево?! — Роджер пред- ставил себе эту картину.

— Да, как маленькое такое, по плечо, дерево. Многолетнее.

— Ладно, понял. Закрой этот чёртов список, верни меню. Открой-ка мне теперь вот это. — он ткнул во «Взыскания и кадровые изменения статуса основного персонала за 2457», — Кстати, что такое — «основ- ного»?

— Это значит — из низшего и среднего звеньев. То есть — простые рабочие, и младшие техники и инженеры. — выплыла таблица.

Ого! Год-то — всего один! И обитательниц Станции в «трудоспособ- ном» возрасте явно не больше четырёхсот-пятисот, с учётом юных де- вочек и тех, кому далеко за... (Вот интересно: есть ли здесь «пенсионе- ры» — то есть те, кто может уже не работать?..) А в появившемся пе- речне насчитывалось двадцать две страницы!

Роджер стал читать мелкий текст в графе «История прецедента» подряд. Поглядывал и в графу «Предпринятые меры воздействия».

«13 мая. Стандартным тестом на хроматографе выявлено, что глав- ный агроном сектора Джи оранжереи Штефани Бёхлер забыла доба- вить в январе 2457 в гидропонный состав для кустов арахиса соли маг- ния. В результате чего урожай оказался меньше расчётного на сорок два процента, и пищевая ценность продукта упала на пять пунктов. По- гибло шесть кустов, сорок восемь потеряли половину и более листовен- ного покрова, прежде чем была выявлена причина. (...) Произведены следующие кадровые перестановки: главного агронома сектора Джи оранжереи Штефани Бёхлер понизить до должности подсобной рабо- чей в машинном отделении, на её место назначить заместителя главно- го агронома секции Джи, Николь Фэссель.»

«18 мая. В результате драки в столовой, спровоцированной стар- шим лаборантом отдела биоконтроля Марией Эйди, рассечена губа, и сломаны два ребра у заместителя Администратора, Лауры Стадлобер, и вывихнута челюсть у младшего помощника Координатора, Астрид Якоб- сен. Нанесены травмы разной степени тяжести двум сотрудницам СВБ, Норе Колдуэлл, и Паулине Хиггинс. Виновная приговорена к пятидеся- ти плетям, пяти суткам карцера, и переведена на должность младшей ассенизаторши».

Роджер опять ткнул пальцем:

— Что за драка? Из-за чего?

— А-а, это Мария высказала им, что Координаторша готова заморить всех голодом, и калорийность и без того скудного пайка минимальна, а себе она, небось, заказывает еду в комнату. И жрёт там от пуза деликатесы, оставшиеся со времён войны. Ну, помощница и заместительница стали защищать да заступаться, но эта коза ничего не хотела слушать. А женщина она здоровая, и упрямая. Если чего втемяшила в голову — уж не выбьешь. Да и СВБ она никогда не боялась. Вот, слово за слово, они и сцепились, словно коты по весне.

Роджер посопел. Но ничего не сказал. Вместо этого стал читать дальше.

«29 июля. Обнаружено младшей уборщицей Ванессой Пуаро, что компостная жидкость из бродильной цистерны номер пять проела дно, и просочилась на палубу Це, залив пять кают по левому борту, номера сто два — сто шесть, и полностью выведя из строя всю электропроводку этих помещений. Устранение аварии заняло три дня. Потеряно полторы тонны жидкости. Запах полностью не устранён. Главный техник оранжереи, Соня Хенни, понижена до заместителя главного техника, её заместитель, Розалинда Хименес, назначена Главным техником оранжереи.»

— А почему эту, — Роджер ткнул в фамилию, — Соню, не понизили до «разнорабочей»?

— Комиссия установила, что дно разъело просто от ветхости металла резервуара. Её вины не было. Разве только то, что вовремя не засекла протечки.

— Ух ты. Какие вы там демократично-справедливые.

— Хватит прикалывать. Координаторша старается невинных — не наказывать.

— А как же тогда — вот это? — Роджер ткнул в следующую запись.

— Так, что тут... А, ты про это: «При замене вентиля в системе подачи воды в жилые помещения подсобные рабочие Берта Иверсен и Хасима Омурра забыли про указание помощника главного Инженера водоснабжения Люси Видаль, перекрыть заглушки в секциях Дэ и Эр, в результате чего оказалось потеряно до полутонны питьевой очищенной воды...» Хм. Ну, подумаешь — сто плетей. Да, высекли их так, что неделю ходить не могли... Так это же — вода! Питьевая! Знаешь, как трудно её делать?! А без неё на Станции — кранты!

— Слушай, я смотрю, у вас тут каждую вторую провинившуюся или лопухнувшуюся, — Роджер указал дальше по списку, — порют, как си-

доровых коз! А судя по списку только за один — один! — год — есть за что. Так что: «телесные наказания» — норма? Вашего быта?

— Ну... Да. Порют, конечно, не по голой... — она осторожно погладила себя, словно её обуревали воспоминания, — заднице, а — в комбинезоне. Тонком: чтоб кожа... оставалась целой. Причём порют всегда — в Зале для собраний. Прилюдно. Присутствовать должно всё взрослое население. Так что воздействие на провинившуюся не только физическое, но и моральное. Позору не оберёшься: все потом пальцем тычут. И сидеть во время еды в общей столовой... Хм.

Роджер промолчал, но Пенелопе мысленно посочувствовал. Однако от основной работы его слова напарницы не отвлекли: он продолжал вести пальцем вниз по экрану, зачитывая уже только отдельные фразы формулировок из «истории прецедента»:

— «Забыла включить резервный...». «Перепутала полярность». «Не затянула надёжно гайкой гроверную шайбу...». «Проспала». Через минуту его прорвало:

— Слушай, ...ерня какая-то получается. Как вы вообще Станцию не упорили полностью до сих пор?! У «непредвзятого» наблюдателя может сложиться мнение, что у вас там на должностях младшего, да и среднего техперсонала сидят сплошь — безответственные овцы, или круглые идиотки. Это что — и правда так? Или всё-таки — через одну?

Пенелопа надулась:

— Сам ты — идиот! Баран. Девочки и так из кожи вон лезут, чтоб всё там, на Станции, работало, и мы могли прожить ещё хотя бы сто лет... Они не виноваты, что технические дисциплины, и все эти чёртовы механизмы и приборы такие сложные. А Станция старенькая, и текущий ремонт требуется постоянно. Но все эти сложности и проблемы с оборудованием мы преодолеваем. Просто...

Просто навыки высококвалифицированного ремонтника, и так называемое «чутьё» к техническим дисциплинам и машинам даются нам не столь легко, как...

— Ну, договаривай. Не столь легко, как нам, мужчинам?

— Ага. Хи-итрый, да? Я скажу так, а ты скажешь: «Вот! Не надо было нас, умных и склонных как раз к технике, уничтожать, словно чумных псов»!

— А что — надо было?

— Надо! — в её голосе слышалась столь железобетонная уверенность, что у Роджера не осталось сомнений: девушке с детства промывали мозги! И промывали — на совесть.

А ещё ему стало кристально ясно, что никакого «спасения» не было. А был только коварный, и хорошо продуманный план. В главных целях которого он, конечно, пока уверен не был. Но догадаться особого труда не составляло. Он же — циник и прагматик.

Ладно. Он снова наматывает это себе на ус, но пока ничего ей не скажет. Потому что сейчас куда важнее то, что текущие цели и задачи у них пока вполне общие: посмотреть, как тут и что. И прикинуть, как бы выжить на планете-праматери.

Ну а сейчас можно смело оказавшиеся действительно неинтересными и бесполезными флэшки по «истории» отставить в сторону.

Ничего реально важного про «блеск и нищету» мужчин он так не узнает.

Он вытащил флэшки из другого кармана:

— Так. «Навигация». Может, ещё скажешь, что вы куда-то на Станции — слетали?

— Нет. Но орбиту постоянно корректируем.

— Понятненько... Как считаешь — стоит смотреть?

— Думаю, смысла нет. Станция-то — на месте.

Он хмыкнул снова. Сунул флэшку в карман. Вдохнул:

— Всё равно не понимаю.

— Чего же это?

— Как вы действительно — выжили. За триста-то лет... А чинить или даже заменять наверняка нужно было многое.

— Да, многое. Но тут у нас есть «секретное оружие» предтеч. Нам в наследие достался Главный Компьютер, у которого есть программа общей диагностики Станции. Он подключён ко всем внутренним датчикам и анализаторам. Вот он-то (Верней — она. Мы называем её — «Мать»!) и подсказывает нам, что нужно срочно заменить, а что — ещё подождёт. Обычно она оказывается права.

— Надо же. Удобно. И, конечно, её придумали и запустили вы, женщины?

Ответом ему было очередное возмущённое фырканье. Роджер режюмировал:

— Ладно, хватит копаться в документальных источниках, у нас снаружи — необследованная и вожделенная Терра Нова. Но вначале — поесть бы.

На этот раз она ничего не сказала. Но уж посмотрела.

На завтрак, который правильнее было бы назвать всё-таки ужином, ничего нового Пенелопа выдумывать не стала:

— Ешь, что дают, и не выступай. Поймаешь и убьёшь какую съедобную дичь — я её, так и быть, приготовлю. А пока не поймал — жуй концентраты.

Роджер, собственно, так и делал, недоумевая, почему напарница всё ещё сердится. Вроде, он всё сделал, как надо, без надобности не рисковал, с тварями «разобрался»...

Чего — не так?!

Придётся спросить. Потому что если она слишком долго будет копить это в себе — хорошо оно не кончится. Он знал это не понаслышке — всё та же Натали... И Римма.

— Ничего я не сержусь. — на его прямой вопрос женщина возмущённо дёрнула плечом, показывая, что слова разительно расходятся с фактами. Потом, помолчав, смилостивилась, — Нет, сержусь. Ты обещал, что будешь моим мужем и защитником. А сам — что? Полез драться чуть не в рукопашную с гигантской ящерицей, да так, словно всю жизнь только этим и занимался, и игнорируя жуткий факт, что она тягелей тебя в двадцать раз! А если бы ты погиб?!

— С чего бы это я погиб? — Роджер выразил недоумение традиционно: почесав в затылке, — Тварюга, конечно, была — ну, вернее — были! — здоровые. Но жутко глупые. С интеллектом вот именно — ящерицы. Ну, или курицы, с которыми они, если не ошибаюсь, в родстве.

— Да плевать мне на их интеллект, будь он неладен! И на родственников их! Я-то о тебе думала! А если б ты споткнулся? Или рядом не оказалось опоры?! Или... Ну, там, тварюг, скажем, оказалось бы больше?! Ты-то, ты-то сам — тоже вёл себя как безмозглая и наглая скотина: пинал их почём зря! Ногами! А у них — вон: зубы, когти!..

А если б тебя чем-нибудь достали?!

Роджер вздохнул. Он всё понял.

Напарница, как заправская жена (Уж у него-то имелся в этом плане опыт!) беспокоится на самом деле вовсе не о нём. А уже — о себе, о своей безопасности. И комфортном обустроенном существовании. Своём, и своих будущих детей. Ведь погибни Роджер, или стань нетрудоспособным в случае, например, банального перелома — и кто тогда будет кормить и защищать остальных членов семьи?!

Мышление рационалистки. Собственницы. Каковыми и являются все женщины.

С другой стороны — если уж слишком истово «беречься», так ему тогда и из бота лучше не выходить.

— Дорогая, прости. Согласен: я вёл себя излишне... Храбро. Можно даже сказать — вызывающе. Обещаю: впредь буду осмотрительней! Ящеров больше пинать не буду, и опору, за которую можно было бы в случае чего — спрятаться, всегда буду носить с собой. На все наши охоты и разведки.

Пенелопа почему-то долго молчала, а уж взглядом — словно пыталась прожечь в нём дырку. Затем смилостивилась:

— Ладно, твоя взяла. Ворчать больше не буду. Я не настолько дура, чтоб не понимать: рисковать нам так и так придётся, раз уж мы вынуждены жить здесь. И монстров тут наверняка встретим и пострашней. Но... Ты не мог бы разделяваться с ними как-то...

— Понежней?

— Нет, балда ты такая! — его треснули, и отнюдь не шуточно, по затылку миниатюрной ладошкой, — Не нежней, а понадёжней! Уж так, чтоб мало не показалось. И — из безопасного укрытия! И — главное! — без дурацкой бравады! Я и так, без дурацких пинков, заценила, какой ты у меня храбрый!

Роджер понял, конечно, справедливость упрёка. Женщина права: пиная тварюг, он вот именно: больше рисовался. А ведь можно было и просто палкой кинуть! А ну как реакция и движения оказались бы быстрее? Тогда и точно: ему что-то могли и повредить!

— Хорошо. Согласен больше незнакомых тварюг не пинать, и раздетым из бота не выходить. — он взялся руками за своё любимое место, и закончил мысль, — Чтоб самый сейчас нужный нашей семье орган — не отморозить!

Почему-то на него посмотрели вовсе не так, как он ожидал.

Не-ет, в глазах Пенелопы вовсе не было веселья от его невинной, как он посчитал, шулки. А имелось там нечто совсем другое. И оно очень быстро прорезалось в конкретные приказы:

— Хватит мне зубы заговаривать. И отлынивать. Выспался? Выспался. Книжку почитал? Почитал. Любимую девушку спас? Спас. Ну-ка, снимай чёртов комбез!..

Через час, измочалив напарницу до испарины, впрочем, и сам задохнувшись, Роджер вынужден был признать: Пенелопа достойная партнёрша! И, хотя других мужчин у неё уж точно не было, вытворяет в постели такое, (Не иначе, где-то вычитала, или какую порно-хронику просмотрела!) чего обременённая «начальственными» комплексами и соображениями престижа Диана себе уж точно никогда бы не позволила.

И от этого его «мужское» естество получает море наслаждения!

А ещё бы! Когда мужчина ощущает, чего хочет его партнёрша, и может ей это дать — это и называется, насколько он понимает ситуацию, «полной гармонией».

Он с удовлетворением констатировал, что лицом в грязь явно не ударил: у Пенелопы было пять пиков, а у него — два. И последний как раз совпал с её: самым бурным, и мощным: они раскачивали бот, кажется, даже активней чёртовых ящеров!..

После того, как он осторожно вышел из её огненно-горячей кошечки, и прилёг сбоку, заботливо прикрыв партнёршу тёплым одеялом, она пробормотала только:

— Что-то я как-то... Вымоталась. Ничего, если я посплю ещё?

— Конечно, малышка. — у Роджера защемило сердце от её беззащитно-умиротворённого, и в то же время такого «уютно-домашнего» вида, — Я покараулю. И на хозяйстве тут побуду. Спи.

Пенелопа действительно быстро уснула, свернувшись калачиком, и мирно посапывая в кулачок.

Роджер, понимавший, что про разведку, да ещё в темноте, речи уже быть не может, маялся. Лёжа рядом, он, однако не спешил прижаться животом к её тёплой спине, как у них автоматически получилось в предыдущую ночёвку — вернее, днёвку.

Мысли в голову лезли всякие. Преимущественно очень тревожащие.

Во-первых, ему очень не нравилось то, как они спрятали и укрыли бот.

Ведь и ежу ясно: в первую очередь женщины там, на Станции, пошлют зонды именно в такие места: те, где есть естественные, так сказать, укрытия. Пещеры. Карстовые провалы с их обычным прилегающим лабиринтом проходов-тоннелей. (А ведь они даже ещё не вылезали на разведку во все эти, пока только в теории имеющиеся, проходы!) Джунгли, расположенные в районах экватора. Ведь именно здесь намечающееся потепление даёт возможность семенам, сохранившим всхожесть после трёхсот лет вынужденной зимовки, вновь возродить этот, сейчас ломкий, серый, пожухлый и мёртвый, лес.

Ну и, разумеется, руины древних городов. В которых, вероятно, могло сохраниться хоть что-нибудь полезное или съедобное, и на которые, если честно, он и сам точил зубы.

Во-вторых Роджер был недоволен тем, что они не разведали ничего, что было бы «восполнимым» ресурсом: вода, еда... (Точнее, они пока вообще ничего не разведали!..) Пока что базироваться приходилось лишь на то, что имелось в боте: НЗ, вода, оружие с боезапасом и зап-

частями. Они ведь даже на пятьдесят шагов ещё не отходили от бота, и не знали: есть ли поблизости какой-нибудь родник или ручей, и водятся ли здесь съедобные тварюшки поменьше, и с более тонкой шкурой, и съедобным мясом. А не таким, явно вонючим, жёстким и жилистым, как у их недавних гостей.

Ну и, в-третьих, конечно, его беспокоило то, что он никогда раньше сам родов не принимал.

Нет: он однажды даже присутствовал по просьбе очередной бывшей супруги на её родах, но — только как наблюдатель. И переволновался тогда так, что толком и не помнил, как всё это происходило!

Но сейчас...

Впрочем, рано ещё об этом беспокоиться. Решать проблемы лучше непосредственно по мере их возникновения — иначе можно просто спятить, если всё время беспокоиться сразу обо всём. Вначале нужно хотя бы чтоб Пенелопа действительно — забеременела. Ну а потом — ещё и прожить, продержаться эти девять месяцев...

Что они будут есть? Что — пить? Что одевать? И — главное! — где жить?

Если остаться жить в защищённом, (Конечно: с металлическими-то бортами!) боте, слишком велик риск, что рано или поздно их обнаружат и накроют чёртовы амазонки со Станции. Которые тёплых чувств к ним уж точно — не питают.

А с другой — если удалиться слишком уж далеко, нужно ну очень хорошую пещеру найти. И ещё заделать вход в неё: так, чтоб ни ящеры, ни ещё какие здешние милые зверушки не могли пролезть, проползти, или вломиться.

Нет, он не сомневался, конечно, что его партнёрша, жена, напарница, и мать его будущих детей, очень умна, вынослива и тренирована, и наверняка во всех его начинаниях ему поможет. Но нельзя же, в самом деле, подставлять её, таская повсюду с собой, и подвергая риску внезапного нападения всех тех монстров-с-которыми-они-ещё-даже-не-встретились. Особенно сложно и опасно это будет, когда Пенелопа и правда — забеременеет. Тогда ей как раз лучше всего вот именно — сидеть в самом защищённом, и обеспеченном уже пищей и водой, тёплом и удобном, убежище.

Стало быть, такое убежище нужно или оборудовать, или вот этот бот... Как-то понадежней укрыть. Перетащить, что ли, куда-нибудь в пещеру? Закопать?..

А как?

С этими, и сотней других тревожащих его прагматичную натуру вопросов, Роджер и уснул.

Пробуждение оказалось приятным.

В тесной кабине для разнообразия пахло чем-то очень вкусным!

Роджер обнаружил, что Пенелопа уже встала, влезла в комбез, и поджаривает что-то шкворчащее на небольшой сковородке, на откинутой панели портативной плиты.

— Доброе утро! — она мило улыбнулась, на секунду оторвав глаза от содержимого сковороды, — рада, что ты проснулся сам. А то всё равно пришлось бы будить, чтоб мы поели. Пока свежее и горячее!

— Доброе утро. — он поднялся на ноги, сладко и с расстановкой потянулся, словно довольный кот, — И что же это у нас там такое, что так восхитительно пахнет?

— Мясо. К сожалению — эрзац. Хотя то, что в аварийном НЗ оказались полуфабрикаты хотя бы таких стейков — удивительно. Ну, я добавила воды, как написано в инструкции, они расправились в стандартные котлеты. Вот теперь ещё и обжариваю — для аппетита. Хотя можно было съесть и так: тут написано, что порошковые заготовки уже полностью готовы к употреблению.

— М-м... Пахнет действительно — изумительно. Особенно с учётом того, что меня после «воскрешения» в новом теле, стейками, да ещё «обжаренными для аппетита», ещё никто не баловал. Слюнки так и потекли! Вот, глотаю. — он, конечно, нагло врал, сделав вид, что забыл про ужин у леди Дианы. Но подумал, что Пенелопе его комплименты будут приятны.

И точно — она улыбнулась:

— Отлично. Рада, что ты слюнки глотаешь. Зубные щётки — в шкафчике в ванне. Моя — розовая.

В крохотной камерке ошибиться с поиском казалось невозможным: всё функционально и на виду. Щётки Роджер действительно нашёл в надписанном шкафчике. Себе выбрал цвета хаки. Но зубную пасту взял ту, что уже лежала на полочке перед зеркальцем, и оказалась начатой, и даже тюбик был снаружи влажным — Пенелопа уж точно решила не пренебрегать средствами личной гигиены, и не более нескольких минут назад умылась и почистилась. Молодец. Любопытно: здесь и правда имелось десять щёток.

На стандартное отделение пехотного взвода?

Собственно, он так и предполагал, что всё это, включая и саму Станцию — сделано военными. И — для военных.

Интересно всё же — как получилось, что всему наследовали чёртовы амазонки?

Ничего: он узнает. Но для этого придётся, похоже, вернуться на Станцию, и поработать с «Матерью».

А что? Почему бы и нет?

В правдивость того, что ему наплели Диана и Пенелопа, он уже не верил.

За завтраком не разговаривали. Наслаждались «приёмом пищи».

Роджер блаженно щурился, раз за разом запуская зубы в весьма удачную, хоть и немного подгоревшую, имитацию котлеты. При этом ещё и нагло причмокивал, и только что не чавкал. Пенелопа проворчала:

— Хватит! Не нужно мне показывать, что ты доволен моими кулинарными способностями. Если честно — кухарка я никакая. И душа не лежала, и повара у нас для готовки есть. Дипломированные. Ну, вернее, были — вряд ли мы вернёмся на Станцию.

— Пожалуй. Разве что ну очень попросят. — он хохотнул, — А ещё я предлагаю, раз мы сегодня ничем, вроде, особо спешным не заняты, сходить наконец на разведку. Нужно же узнать, что тут и как. Чем можно разжиться в смысле еды. Воды. И крова. Не век же нам и нашим детям жить в боте?

— Да уж. Да и печка скоро сдохнет — заряда аккумуляторов осталось процентов восемьдесят. А потом придётся разводить костры. Прямо здесь, внутри.

— Не думаю, что это хорошая мысль. Угорим.

— А если — пробить дыру в корпусе и вывести трубу-дымоход?

— Хм-м... Неплохая идея. Но всё же пока лучше бот не трогать. Мало ли. Вдруг придётся снова им воспользоваться?

— Ага, смешно. Это для бегства на «запасную точку», что ли — в Австралию? — она не скрывала иронии, — Тогда про печку лучше сразу забыть — аккумуляторов через пару-тройку дней уже еле-еле хватит на запуск движков. Да и горючего... Только на три часа полёта.

— Кстати, что ты там говорила насчёт того, что горючее на Станции закончилось?

— Да, именно это я и говорила. Дело в том, что пока шли эти самые триста лет, много уходило на маневрирование. Ну, чтоб удержаться на орбите. А ещё — ты, конечно, был прав, когда спрашивал, не пробовал ли кто-нибудь до нас... Да, однажды кое-кому из начальства пришла умная мысль, что показатели, которые передают зонды — не-

верны. Вот и отправили отряд. Уже не вернувшийся. И переболевший всеми этими... Лучевой. Нью-испанским гриппом. Супермалярией. Какой-то там холерой и эболой... Жаль их. Ну, тех, кто на своей шкуре проверял условия жизни.

— Погибли. — Роджер нахмурился, и не столько спрашивал, сколько утверждал.

— Да. Две девушки — от воспаления лёгких, потому что подцепили в лёгкие чего-то такого, что не лечилось никакими бортовыми лекарствами — скорее всего, боевым штаммом сибирской язвы. Ещё одна подцепила лихорадку, и тоже ничто из лекарств не помогло. Это мы условно называем эту болезнь — малярией. А на самом деле точно не знаем. А остальные шестеро — пострадали от холеры, эболы и чего-то ещё. Ну, а умерли — от радиации, поскольку прожили всё-таки подольше.

Я слушала записи — они передавали данные по радио. Омерзительно. Кожа, по их словам, слезала прямо пластами, тело шло как бы волдырями — с белёсой жижей гноя. Постоянный понос. В конце у некоторых не было сил даже отползти от ямы. Которую вырыли под временный туалет. Волосы выпали. И зубы... Бр-р!.. — Пенелопу передёрнуло.

— И... Давно это было?

— Да. Сто семнадцать лет назад первый раз. И семьдесят четыре — второй.

— И — что? Ну, во второй.

— Воспаление лёгких никто не подцепил. Малярии тоже. Потому что наши снабдили их вакциной — ну, той самой, — она глазами указала на их задницы, — В смысле же радиации — почти всё то же самое. Только прожили эти несчастные подольше. Не сорок девять дней, а четыре с половиной месяца.

— Жаль девочек. А что же — начальство? Больше не решалось на спуски?

— На высадки не решалось. А на спуски... Ну, я же тебе говорила — каждые три-четыре месяца года приходится летать за водой. Для кислорода.

— Точно. Помню. А вы не боитесь, что цистерна подберёт и притащит на борту этих самых... Бацилл-микробов?

— Ну уж нет! Она-то проходит по прилёте дезинфекцию и карантин... А воду цистерна набирает, зависнув над центром Тихого океана — там бацилл, вроде, нет. Да и воду мы, конечно, обрабатываем.

— Понятно. Неплохо для «не склонных к технике». Но... Насколько ещё хватит горячего для этой цистерны?

— Ну, для модуля-цистерны-то — надолго. Он же работает на ядерном топливе. Беспилотная — никто на ней не летает живую. Это только для вот таких, пассажирских и спасательных, ботах, ещё нужно химическое горючее. Ах, да — забыла сказать, куда делась основная часть этого химического топлива. Мы раньше держали боты так, как предписывала инструкция — на поверхности Станции. И состыкованы они были с ней только переходными рукавами. А недавно — ну как недавно: пять лет назад! — проклятуший метеоритный поток, не помню названия, кажется, Плеяды! — поперепортил всё, что у нас имелось снаружи Станции. Снёс антенны. Видеокамеры. Ну, и боты побомбил — хуже, чем получилось бы артиллерией врага. Вот там-то я и получила... — она невольно погладила себя по изуродованной щеке, — Тогда-то большая часть нашего химического и пропала. Вытекла, испарилась. Да и, если честно, мы и саму Станцию тогда спасли каким-то чудом. Некоторые помещения на нижних палубах до сих пор опечатаны — дыры в корпусе не заварены, и вакуум там не ликвидирован. И много девочек тогда... Вот нас и осталось всего пятьсот с небольшим. И может, именно поэтому Совет решил, что нам надо срочно... — она опять прикусила губу. Но Роджер сказал только:

— Мои соболезнования. По поводу погибших.

Смотри-ка, подумал Роджер, а весело, оказывается, проходят будни несчастных амазонок. А он-то думал, что работёнка у них — не бей лежачего. Сиди себе, да поплёвывай в подволок, пока ждёшь. Чтoб радиация спала. Ан — нет. Но...

— Словом, мы до сих пор не вполне оправились от этого потока. Хорошо хоть, оранжереи почти не пострадали — без нашего сада-огорода нам пришлось бы туго.

— Понятно. Но как — с «рабочими руками»? Как вы поддерживаете свою... э-э... — он замялся, чтоб не оскорбить чувства напарницы, — популяцию?

— Роджер. Хватит. Не нужно изображать политкорректность. Скажи проще — численность. Поддерживаем просто. Регулярно, вот как в этот раз, «размораживаем» несколько имеющихся здесь отобранных Комиссией тел мужчин-клонов. (Я знаю, ты давно понял, что твоё тело — клон. Модифицированный. Замороженный и содержащийся в анабиозе. В криокамерах. Кажется, это сделали те, кто работал в компании «Вечная жизнь» — для своих клиентов. Как они попали к нам на Станцию с Земли, я знаю только по рассказам. Похоже, те, кто привёз их сюда, думали, что такими мужчинами, возможно, будет заселяться возрождённая и очистившаяся Земля. Но мы решили по-другому.)

Это Координаторша и Верховный Совет решают, какие из матричных записей памяти оживлять каждый конкретный раз. Мы обычно добиваемся разнообразия... э-э... семенного материала. После чего их в их же клоны и вселяют. Для гарантии «приживания».

Затем... Ну, ты уж знаешь, что — затем.

Гоняем этих «добровольцев», словно крыс по лабиринтам. Даём задачки решать. Выбираем самого умного и самого сильного. Затем стравливаем между собой. Кто победил — тот, стало быть, и — достойнейший. Чтоб передать свои — ну, вернее, носителя! — гены дальше. Через нас. Ну а дальше — ты уже преодолел.

Координаторша сама, лично, даёт себя изнасиловать. (Чтоб вставить ей куда положено семяприёмник, так, как положено, уходит часов пять. И это — весьма неприятная процедура.) Затем, убедившись, что этот семяприёмник полон, она перекрывает клапан. Осеменителя нейтрализует. Проще говоря — убивает. Отравленной иглой.

Роджера передёрнуло. Кажется, он побледнел. И на лице явно какое-то нехорошее выражение проступило — Пенелопа замолчала, и нахмурилась. Затем мягко положила крохотную ладонь ему на руку:

— Прости. Я не хотела. Но ты же сам спросил...

— Да, я сам. Спросил. — Роджер заставил желваки прекратить ходить под кожей лица, и мышцы руки — разжать посиневший кулак, что лежал сейчас перед ним на столе. Продышался. Взглянул Пенелопе в глаза:

— Не обращай внимания. Я — старый допотопный брюзга. Сторонник традиционализма. Меня немного... шокирует. Использование победившего мужчины только в качестве «элитного» одноразового самца. Это, это... Так нерационально. Расточительно — тратить двадцать клонов мужчин, чтоб отобрать только одного. Которого затем тоже — ликвидировать. Неужели у вас тут никаких бунтов контингента, ратовавшего бы за «естественный секс» раньше не случилось?!

— Случалось, конечно. Только — не контингента. А как раз — оживлённых мужчин! Лет двести сорок назад — случился первый. Когда победивший всех мужчина совратил Председателя Совета, и удрал с ней на челноке в неизвестном направлении. Но — явно не на Землю, потому что там тогда уж точно ничто не выжило бы. Мы, кстати, так и не нашли их, но пищи и кислорода у них было на пять лет.

Вот, чтоб предотвратить подобное, женщин-доноров стали использовать только проверенных и самых сознательных. А потом — так и вообще — лишь с Координаторшей! Координаторшу стали избирать не столько за организаторские способности (Хотя, конечно, учитывалось и

это!) а за внешнюю красоту. Неотразимость. Чтоб, стало быть, самец испытывал как можно большую степень похоти. Соответственно, и качество полового акта повысилось бы! И ещё донора стали снабжать иглой с ядом. (Но ты оказался всё-таки умным: стащил бедную даму за ногу прямо на пол! Ха-ха...)

Второй... Про второй лучше не вспоминать: мужчина смог как-то свратить сразу пятерых работниц СВБ, и они стали отстреливаться. Было много жертв среди ни в чём не повинных простых работниц, которые защищали палубу с десантными ботами...

А третий, и последний побег — вернее, попытка! — случилась восемнадцать лет назад. Я её даже смутно помню — мне было шесть. Мужчина не стал заниматься «оплодотворением», а сразу захватил Координаторшу в заложницы, и угрожал, что свернёт ей шею, если его не выпустят... Ну, его выпустили, конечно. Из комнаты. А потом просто пустили в коридор газ. Строители Станции как знали — провели магистральи везде...

— И что — мужчина?

— Ну... Всё равно сдал семя. Хоть для этого его и пришлось приколоть.

— Могу себе представить. — Роджер криво усмехнулся, покачал головой. — Смотрю, не много у вас тут причин любить нашего брата. Самца. Вам это, наверное, с детства втемяшивают? Как то, что дважды два — четыре?

— Точно. И это сидит вот тут, — она постучала по лбу, — И если даже такой подход удастся хоть чуть-чуть изменить, это будет только со временем. И — вот из-за такого «самца» как ты: я сразу поняла, что такая прожжённая и цинично-расчётливая скотина будет отличным отцом для наших детей.

— Это что — комплимент? — Роджер поймал себя на том, что её шрам и искажённые из-за него черты лица уже вовсе не вызывают ощущения жалости или настороженности. Да и фигурка у неё — закаешься! А уж на ощупь!..

Привык. Привязался? Пожалуй.

Да это и вполне понятно: ведь она — вылитый он. По мировоззрению и темпераменту. Спокойная. Рассудительная. С юмором. Словом — прелесть!

— Ну... Да.

— Вот спасибо. — Роджер не придумал ничего лучше, как покудахтать, изображая наигранный смех. — Считаю что я — польщён. И тем, что ты наплевала на всё, что тебе «вбивали» педагоги в детстве, тоже

впечатлѐн. Вижу, не больно-то тебе нравилось там, на Станции... И ты не в восторге от однополого социума. И самоудовлетворения.

Но секса сейчас — не будет. Мы идѐм на разведку!

Пенелопа сделала вид, что прекратила авансы и нежные взгляды. Рассмеялась.

— Если ты подумал, что я разочарована — так нет. Я лишь утвердилась во мнении, что ты — расчетливая и прагматичная...

— Замолчи. А то отшлѐпаю. И сладкого на десерт не дам!

Снаружи всё равно было очень холодно — несмотря на то, что стояло позднее утро, температура в их «колодце» не поднялась пока выше плюс одного. Но они подготовились: надели по два комплекта нижнего белья, и комбинезоны оснастили нашедшимися к счастью, по версии Пенелопы, (Или кем-то заботливо приготовленными для такого случая, по невысказанной версии Роджера.) термопластинами. Пусть идти так было тяжелей, зато гибкие плоскости из многослойной алюмо-фольги с синтипоновой прокладкой отлично сохраняли тепло на животе и спине, и почти ничего не весили. Роджер щѐлкнул клавишей наружного управления пандусом-дверью, проследив, как люк неторопливо закрылся, заперев трюм:

— Не хотелось бы, чтоб в наше отсутствие какая-нибудь шустрая скотина залезла сюда. И что-нибудь внутри испортила.

— Э-э, ерунда. Всё равно нам придётся рано или поздно убраться отсюда. Не нужно слишком уж привыкать и привязываться к боту.

— Согласен, свалить придётся. Но согласись и ты — глупо отказываться от удобств, которые у нас есть сейчас, из-за той мысли, что нам так и так придётся привыкать к спартанским условиям. Придётся, конечно. Но, думаю, лучше всё-таки заняться этим попозже. Когда хоть как-то адаптируемся. И разведаем.

— Ладно, разведаем, так разведаем. Потопали, муж мой и командир. Куда?

— Думаю, для начала — к вон той стене. — он указал на ближайшую отвесную скалу, что возвышалась на добрую сотню метров над их головами, и до которой, как казалось, было не больше трёхсот шагов.

— К стене — так к стене, поняла. Выдвигаемся, стало быть. — Пенелопа поправила автомат, что торчал на груди на ремне, да а сам Роджер невольно дотронулся до гранатомѐта за спиной — тот, естественно, оказался на месте. — Думаю, ты хочешь для начала проверить «периметр».

— Точно. Обойдём, если удастся, нашу «милую яму» по окружности. Хотя бы для того, чтоб посмотреть, откуда понабежало столько чёртовых ящериц.

Они двинулись сквозь иссохшие стволы вымерзших пальм и побегов банана, и каких-то акаций, стараясь обходить наиболее толстые, и упавшие стволы. Иней на тех, что были в тени, да и на земле, ещё не растаял, и приходилось внимательно смотреть под ноги, чтоб не оскользаться. Роджер проворчал:

— Старайся не спотыкаться и не падать — колючки!

Пенелопа вдруг спросила:

— А почему ты думаешь, что ящерицы — понабежали?

— Это дотумкать было нетрудно. Чтоб прокормить достаточно большую популяцию таких тварей не хватит никакого «внутреннего» ресурса мяса. А траву эти гады явно не жрут. Вот и выходит, что они — именно понабежали. И регулярно везде тут шныряют. Как раз в поисках — не появился ли, и не размножился ли тут кто. Думаю, не ошибусь, если предположу, что в стенах нашей воронки мы найдём ходы и лазы.

Пенелопа фыркнула:

— Умный, да? Я ж тебе говорила: воронка — карстовая. Конечно, тут есть и ходы, и лазы, и ямы, и провалы. Со своим микромиром.

— Ага, помню. Этакий, так сказать, микрооазис. Экзотическая мини-вселенная.

— Да. — в голосе Пенелопы прозвучал вызов — в ответ на его ироничный тон, — Оазис! И мы, если забыл, как раз поэтому и здесь!

— Помню и это. — он, кряхтя, перелез через поваленный ствол, поддал ей руку, — Если, конечно абстрагироваться от мысли, что в оазисах пальмы хотя бы зелёные. Собственно, травой и фруктами питаться пока так и так невозможно, даже если б они были и живы — радиация. А вот животные... Их здесь пока что-то не видать. В-смысле, не таких, как наши кожисто-щитковые друзья, а из тех, кого можно было бы кушать. А мы-то на это где-то подсознательно так надеемся... Мы же (в-смысле — гомосапиенсы) — хищники!

— Вымерзло-то оно вымерзло... Кстати, раз уж ты у меня такой умный — не можешь ли сказать, почему тут все пальмы стоят без крон, а с деревьев словно посбивало ветки? Идём, словно по кладбищу: между не то — столбов-надолбов, не то — остовов.

— Ну, это просто. И вовсе не от ударной волны, как ты могла бы подумать. Всё это, все возможные сценарии и риски, уже много раз проигрывалось ещё при мне: ну, все последствия ядерной зимы.

— И что?

— А то. Снег. — видя, что она обернулась к нему, явно в недоумении, он пояснил, — Снегу, говорю, много выпадало. Особенно в первые годы, когда практически вся влага в атмосфере вымерзла, и превратилась в кристаллы. Вот и нападало. На кроны. На ветки. Конечно, они и обломались! Кстати: по «кладбищу» мы так и так идём. Все эти растения, и даже лианы — мертвей мёртвого.

— А... Что с животными? Думаешь, они тоже?..

— Возможно. Думаю, те, кто населял этот изолят до войны, в любом случае мертвы. Но их-то точно лежать не оставили. Выживших падальщиков, вроде банальных муравьёв, клещей, крыс, да наших любимых варанов-крокодилов наверняка много. Кстати: думаю, что из всех живых мы встретим, кроме любимых пресмыкающихся, именно муравьёв и крыс. Они во-первых умные, а во-вторых — могут легко пережить до пяти тысяч рентген... Не то, что мы. На нас и тот радиационный фон, который сейчас здесь, скажется.

Ну, лет этак через двадцать.

— Тьфу ты, напугал! — она сплунула, затем вдруг резко дёрнувшись, остановилась. — Что это?!

— Это — яма. Как ты любишь выражаться — карстовый провал. В провале. Ну правильно — как-то откуда должна была стечь вся та вода, что образовалась от таяния местного снега!

— Уж больно правильные и ровные стены... — Пенелопа и он стояли теперь на кромке трёхметровой ямы, достигавшей побольше чем пятиметровой глубины, и Роджер не смог отказать себе в удовольствии тоже плюнуть — вниз. Он проследил, как его плевок пролетел над воронкообразным углублением в центре, и врезался во что-то, похожее на давно засохшее пятно крови, одно из тех, что оказались разбросаны по всему дну.

— Думаешь, это — кровь? — Пенелопа зябко поёжилась.

— Вряд ли. Чья это может быть кровь? Да и смыло бы давно всю кровь теми же дождями да снегами. Нет, это — явно что-то геологическое. Выход, скажем, особо рыхлых скальных пород — другого цвета. Или уж тогда остатки лишайника какого... Ладно, потопали дальше. Не век же нам тут пялиться в глубины местного унитаза. Желательно закончить хоть какую-то разведку до темноты. А то как понабегут наши кожисто-щитковые друзья...

— Проклятье! Вот уж подходящая компания для первых переселенцев! Впрочем, от перспективки встретить крыс и муравьёв-термитов я тоже не в восторге.

— Не парься. Термиты в этих широтах не водятся. А муравьи если и сохранились, так спят — у них не принято ползать при температуре ниже нуля. Да и невозможно кушать их, если и найдём — муравьиная кислота, всё-таки. А вот крыс есть вполне можно. И очень даже запросто. Я до того, как... — он постучал пальцем по голове, — попал сюда, успел прочесть много книг. В том числе об одном канадском натуралисте, который целых полтора года жил в тундре, изучая жизнь северных волков. Так вот он в целях эксперимента питался тем же, чем и те, кого изучал. Волки, стало быть.

— Оленями, что ли?

— Ха-ха. Если б так, мне бы не запомнилось. Нет, не оленями. А леммингами. На самом деле летом, когда волки живут не стаями, а семейными, так сказать, парами, и растят народившееся поколение, они и сами питаются, и волчат кормят именно леммингами. А тех вокруг до фи́га. В-смысле, в тундре.

Пардон — вернее, было до фи́га. Как и волков. И оленей. До войны. Но суть не в этом. А в том, что нам особенно выбирать или выдрючиваться явно не придётся. Будем есть то, что съедобно. И выжило. Ну, из того, что найдём. Единственное, что меня беспокоит, так это то, что в мясе мало витаминов. У нас может начаться цинга.

— А-а, поняла. Но там, в боте, имеется целый ящик. С витаминами.

— Нет, я не о таких, синтетических, говорю. А о таких, что есть в свежих овощах-фруктах. То есть — в растениях. Кстати, от цинги лучше всего спасает простая картошка.

— Вот чего нет, того — нет. — Перелопа приостановилась, чтоб отбросить назад прилипшие на лбу волосы, — Не догадалась захватить — уж прости! — она развела руками в притворном раскаянии, — И здесь вряд ли найдём. Всё-таки — триста лет морозов, это — триста лет морозов.

— Плохо. Ладно, присматривай за нашим правым флангом, и тылом. — он показал рукой её сектор, — Я возьму на себя левый фланг и фронт.

— Есть, сэр! — она даже честь отдала так, как положено в армии. Действительно, что ли, документальных фильмов насмотрелась? Про армию, да про сексуальные развлечения...

Ладно, не важно. И иронизирует она сейчас потому, что хочет скрыть свой испуг. Да Роджер, если честно, и сам настороженно смотрел сейчас в глубину одного из тоннелей в скале в добрых два его роста высотой, зияющего чернотой прямо напротив того места, где они вышли из зарослей. До тоннеля было не более десяти шагов, и тянуло

оттуда явственным холодком и странным запахом. А всего таких тоннелей имелось в грязно-белой стене, отвесно нависавшей над поверхностью дна их воронки, несколько десятков: виднелись и более широкие, в пору хоть на грузовике заезжай, (Роджер почему-то сразу представил, как они на катках из брёвен затаскивают бот в самое большое отверстие!) но были и небольшие: только-только пролезть кому-то вроде варана. Или крысы.

Впрочем, похоже, чёртовых тоннелей было здесь гораздо, гораздо больше, но обзор в обе стороны скрывали всё те же лысые остовы и торчащие и наваленные стволы.

Радуюсь, что никакого подлеска или кустов не сохранилось, (Иначе продвигаться было бы куда трудней!) Роджер не торопясь подошёл к отверстию неправильной формы. Принюхался. Опустился на колени, внимательно осмотрел грунт, направив на него налобный фонарь. Поднял с земли нечто, похожее на чешуйку слюды.

— Наши друзья приползли отсюда. И, боюсь, действительно шныряют тут достаточно регулярно. Смотри: они протоптали целую тропинку. Мы, собственно, по ней и пришли.

— Да?! А я и не заметила.

— Зато я заметил. Когда кто-то где-то регулярно ходит, следы обязательно остаются.

— Научишь?

— Само-собой. От этого ведь зависит и твоё, и наших детей, выживание...

— Хорошо. А что — это? — Пенелопа указала на то, что он держал.

— А это — чешуя. Они же линяют, как нормальные ящерицы.

— А чем пахнет?

— А пахнет плесенью. И ещё — грибами. Не удивлюсь, если эти паршивцы выжили. В-смысле, грибы. Они же могут жить и в Арктике и в Антарктике. Давай посмотрим.

В глубине лаза, на отдалении от входа примерно в сто шагов, на стенах действительно обнаружили грибы. По цвету они почти не отличались от этих самых стен, и переливались в свете их фонарей всеми оттенками серо-белого. Правда вот, аппетита крохотные шляпки с ноготь размером, почему-то не вызывали. И на вид казались ядовитыми.

Пенелопа буркнула:

— Вот уж чего бы я хотела попробовать в последнюю очередь, так это ядовитых грибочков. Я предпочитаю смерть в бою — хотя бы быстро и без мучений.

— Вот мы какие храбрые... Но не печалься — всему своё время. Придётся только немного подождать. Уж бой-то нам точно светит. Не с варанами, так ещё с какой-нибудь местной мерзостью, освоившей эту экологическую нишу с её пищевыми ресурсами... Вон: видишь, снизу эти чёртовы грибы обгрызаны! Или обглоданы — как правильно сказать-то?

— Ух ты, точно! Обглоданы. Мыши?

— Скорее — крысы.

— Но... Почему эти грибы — все серые?

— Н-да, многокрасочной палитрой им не похвастать. Но всё в мире рационалистично. Значит, такой цвет помогает им эффективней всего усваивать то дохленькое освещение, что доходит досюда. Впрочем, тьфу ты — о чём это я: у них же нет хлорофилла. Они просто своими выделениями из корневой системы — мицелия! — растворяют, и пожирают субстрат. То есть — вот эту известковую скалу.

— Немного же им достаётся, ничего не скажешь. — презрения в голосе Пенелопы не уловил бы только ручеек талой воды, сочившийся по одной из стен. — Да и кушать их... Бр-р! Наверное, они и невкусные!

— Не нужно так к ним относиться. Вкус пищи — это сейчас последнее, что нас интересует. Мы ищем всё потенциально съедобное. Грибы — это прекрасно. Особенно, как мы убедились — съедобные. Вот теперь я уверен, что мы с голоду-то — не умрём. Даже если не завалим какую-нибудь местную крысу. Кстати, ну-ка потише. — Роджер снова поправил сам себя, разворачиваясь к глубине тоннеля, откуда донеслись подозрительные звуки, одной рукой доставая из кобуры на поясе УЗИ, другой одновременно мягко задвигая Пенелопу себе за спину.

Пенелопа говорить ничего не стала, а тоже приготовила оружие, озабочено всматриваясь в еле заметное блёклое отверстие входа у них за спинами — похоже, её тянуло вовсе не принимать тот самый «бой», а очень быстро свалить отсюда к такой-то матери.

— Тоннель сзади свободен. Если что — пути отступления есть.

А молодец. Возможно, с такой разумной, хваткой, и деловой напарницей у них и правда получится. Заселить Землю.

Получилось же у Адама?

Крысы и выглядели как крысы.

Небольшие — они-то почему-то от радиации не выросли так радикально, как вараны, но у Роджера сейчас не было времени рассуждать о перипетиях местной эволюции! — и на вид противные и злющие. Серо-бурые. С огромными, свирепо и выпукло поплёскивающими чёрными глазищами, и длиннющими, чуть ли не в фут, усами-вибриссами. На

людей шли неторопливо, словно ощущали свою силу, и понимали, что тем деваться теперь просто некуда. Роджер позволил телу расслабиться, а затем снова чуть напрягся: стрелять придётся быстро и метко. Не оборачиваясь, он скомандовал:

— Я начну. Твоя задача: не дать раненым уйти! Туда, в глубину!

За спиной раздалось подтверждающее «угу!». Луч её налобного фонаря стал шире и мощней: отрегулировала. Хорошо. Молодец она у него. Не выделяется своими советами и комментариями, а выполняет.

Роджер неторопливо опустился на пол, и залёг, уперев приклад в каменный пол. Целиться сразу стало удобней: видеть, руки всё же подрагивали!

Подпустив крыс на пять шагов, Роджер щёлкнул переводчиком огня, и принялся стрелять одиночными. В первых трёх крыс попал без проблем, остальные заматались, затрудняя задачу. Но тут в дело вступила Пенелопа: она, присев на колено, чётко перекрывала сектор, не позволяя крысам драпануть назад. Палила напарница короткими очередями, и было похоже, что уж стрельбищами на полигоне в своё время не пренебрегала!

Когда двигавшихся на полу не осталось, и сполохи от их выстрелов прекратились, Роджер буркнул:

— Хорошо, что эти штуки с глушителями, а то бы точно оглохли.

— С-сколько их было?

— Думаю, не больше двадцати — двадцати пяти. Одна семья. Клан. Они, похоже, теперь так и охотятся: отрядами.

— Ладно, мы с-справились. — оглянувшись, он обнаружил, что его «бравую» напарницу буквально трясёт, — Чт-то д-дальше?

— Дальше я тебя должен обнять, приласкать и согреть, вселяя своим бодрым видом и тоном уверенность, а телом — даря тепло. — он подошёл, и на краткий миг так и сделал, продолжив уже совсем другим тоном, — А на самом деле нам нужно как можно скорее собрать все эти трупы, донести до бота, разделать, и запихать тушки в холодильник.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что мы всё-таки будем их?!..

— Вот именно. Нам сейчас не до выпендрона, как я уже сказал. Привередливых гурманов нам тут уж точно изображать не придётся — дай Бог хотя бы нашим внукам дожить до пищевого, как говорится, избытия. Но если хочешь, первую крысу я приготовлю сам. — глядя, как по её лицу расплзается гримаса, он поспешил добавить, — И опробую, конечно, тоже сам. Вдруг они ядовитые. (Грибы же жрут!) Так что если сдохну, похоронишь.

— Ну и шуточки у тебя!..

— Дебильные. Согласен. Ладно, пришла в себя? За дело!

Закидать трупики размером с небольшого сурка в пластиковый контейнер с особо тонкими стенками, что хранился в сложенном виде в набедренном кармане его комбеза, оказалось нетрудно. А вот со следами крови на серой поверхности пола, что выделялись отсветами и полосами в лучах пробивавшегося сюда света, поделаться уже ничего было нельзя — они недвусмысленно выдавали место боя.

— Проклятье. Ну да ладно: наши друзья вараны всё это подлизуют, и тоннель снова будет как новенький!

— Ты шутишь?

— Вот уж нет. Единственное, что здесь и сейчас выдаёт живых существ — это их запах, и кровь из ран. Естественный отбор наверняка постарался. За триста-то лет.

— Понятно. Так что — с... трупиками?

— А что — с трупиками? Помогай давай: тащить нужно так, чтоб не прорвать пластик, то есть — волочить по полу нельзя. Да и для варанов нельзя оставалось следы или борозды. Поэтому перемещать эти пятнадцать с чем-то кило придётся по воздуху.

Хватайся-ка вон за то конец.

Пока дотащили неудобный, и так и норвящий вырваться из пальцев, скользкий мешок, с них сошло буквально семь потов. Роджер вспоминал странную серебристую как бы сеть на потолке тоннеля, и радовался, что не в этот раз пришлось выяснять, что это такое. С гигантскими пауками он сейчас вовсе не горел желанием встретиться — с крысами бы разобраться. Пыхтя и потея, он матерился про себя, а Пенелопа — уже вслух:

— Чтоб им провалиться, тварям ...реновым! Б...! Такие мелкие, а такие тяжёлые!..

— А, ничего. Ладно, останавливаемся здесь. Жаль, нельзя их раздевать там, у нас внутри — а то вонять будет так, что жить не сможем. Ну, дня через три, я имею в виду. — он поправился, видя её недоумённый взгляд, — Неси с бота ещё плёнки, и не забудь кирку и лопату — шанцевый у нас в порядке, я уж смотрел. А я пока наточу нож.

Нож точить он, конечно, не стал, а занялся пока сортировкой. Вскоро подошла и Пенелопа.

Кусок плёнки Роджер расстелил в доброй сотне шагов от их «дома», и сверхострому десантному ножу, который он отобрал ещё у давешней сердитой охранницы бота, пришлось действительно поработать. К концу экзекуции, когда горка внутренностей, голов, и шкурок дости-

гала чуть ли не его колена, позеленевшая и помрачневшая Пенелопа, помогавшая в основном тем, что держала тушки, чтоб не скользили, пока он разделял их на одном из упавших стволов, и высказывавшая разные пожелания и комментарии в их адрес, сделала совсем уж кислую мину:

— Роджер! Как ты это сделал? Я хочу сказать — как тебя не стошнило?

Роджер оказался действительно огоршен:

— А почему это меня должно было стошнить?! Для охотника разделка добычи — вполне обычный, и даже обязательный ритуал. Почётный, можно сказать. Ну, для нормального охотника, а не такого, который заплатил колоссальные бабки, выстрелил в слона или там, тигра, сфотографировался на его фоне для выпендрона перед друзьями, поставив ногу на голову или бивень, и на этом успокоился. Поскольку всё остальное, типа вырубания бивней для развешивания над камином, или сдирания шкуры для подстилки в кабинете, доделывают наёмные проводники, шерпы, и прочие егеря природного заповедника.

— Да, это-то я понимаю, — она дёрнула плечом, — Я про то, что тут столько кровищи, кишков этих сизых и скользких... Хвосты, вонючая шерсть эта поганая... Ф-фу.

Не мерзко?

Он посмотрел на неё. Вздохнул:

— Мерзко. Но есть-то нам надо? А это — мясо. Настоящее, а не какой-то там тухлый эрзац. Тут — всё натуральное. Протеин. Белок. Жиры. — он утёр пот со лба тыльной стороной предплечья, — Ладно, мы закончили. Теперь давай-ка я вырою яму поглубже, да закопаем всю эту требуху. Нам нельзя допустить, чтоб она воняла, и кто-нибудь захотел разрыть.

Копание ямы, пусть и в почве-перегное, что имелась на дне их «колодца» оказалось задачей не из лёгких. Во-первых, под более-менее оттаявшим слоем у поверхности, вскоре встретился промёрзший за три века слой — чуть ли не вечной мерзлоты. Правда, его преодолели с помощью кирки за час — Пенелопа решила было не отставать, и тоже минуты три махала орудием землекопа. После чего сказала:

— Я выдохлась. Да и о ребёнке надо подумать. — после чего огладила себя по животу, и присела шагах в пяти на одном из поваленных стволов.

Роджер усмехнулся:

— Подумать-то, конечно, надо. А как ты узнала? Две полоски, что ли, вылезли?

— Ты это о чём?

— А, ну да, откуда же вам бедолагам об этом... — он рассказал, какими методами проверки на «залёт» пользовались женщины его времени. Пенелопа фыркнула:

— Вот уж — старьё какое! Сейчас на Станции могут на сканнере определить уже на третий день!

— Ну, положим, сканнера у нас нет. А вот определить... Не раньше, чем на десятую-двенадцатую неделю. Когда начнёт подташнивать. И воротить от запахов.

— А-а, ну это-то я знаю. Проходили в школе. На начальном этапе, так сказать.

— О! Заинтриговала. А у вас есть и школа? И, небось, что-то вроде детсадов?

— Нет, скорее — яслей. Там всех младенцев из одной партии воспитывают и обучают вместе. Ну, примерно до пяти лет. Потом — уже по специализации. Ну, ты же видел в «Истории», которую... э-э... позаимствовал у любимой Дианы. Кто-то больше тяготеет к технике, поэтому вот таких как я — и ведут и учат как инженерный персонал: физика, математика, механика, геометрия да сопротивление материалов всякое...

А кто больше ориентирован на какие-то общие... Ну, типа, как их раньше называли, гуманитарные, предметы — тех и направляют. В медицину. Кулинарию. Швейный цех. Оранжевую... Ну, и, само-собой — рожать!

— Погоди-ка, — Роджер, сделав перерыв в махании и долбёжке, выпрямился, кое-что дотумкав, — Так тебе, как работнику инженерной службы, рожать — что? Не светило?!

— Нет. Такое — для избранных! Тех, кто физически здоров. Пропорционально сложен. Красив. — от Роджера не укрылось, как остренькое плечико под комбинезоном дёрнулось, — И не заморачивается глубокомысленными размышлениями. Да всякими нравственными терзаниями.

— Что?! — после последних слов у Роджера сама-собой отвалилась челюсть, и пришлось хлопнуть по ней рукой, чтоб встала на место. — Уж не хочешь ли ты сказать, что в матери, так сказать, производительницы — отбирают самых... Здоровых и тупых?!

— Именно так. Считается, что моральная устойчивость и физическое здоровье носительницы будущего члена нашего сообщества имеют приоритет над интеллектуальностью, склонностью к технике, и разным творческими порывами, и всяким «умным» специализациям.

— Чёрт. Теперь понятно, почему вам нужен именно интеллектуальный и здоровый «самец-производитель». Для компенсации, так сказать! Ха! — Роджер покачал головой, стараясь только не заржать в голос, — А не было опасений, что в результате такого «искусственного отбора» родятся через одну — умные, но «обременённые». Терзаниями. А другая половина — окажется тупорылыми и совершенно беспомощными, ничего не умеющими и не желающими, козлами?

— Во-первых, не козлами, а «козами». У нас тщательно контролируют пол будущего члена нашего социума. И всех мальчиков просто ликвидируют. Ещё на стадии трёх-четырёхнедельного плода. (Зачем тратить силы и жизненные соки матери на того, кого всё равно утилизируют после рождения?! После соответствующей паузы для отдыха таких носительниц просто осеменяют повторно!) А во-вторых, социальную политику руководства я тебе растолковать не могу. Поскольку не посвящена. Статусом не доросла! Да я и особо никогда не интересовалась... — она закусила губу и нахмурилась, — Хотя...

Если подойти непредвзято, то примерно так у нас дело, похоже, и обстоит!

— Ага, понятно. — Роджер взмахнул было киркой, но снова приостановился, — У нас есть возможность отсюда, с бота, связаться напрямую с... «Матерью»?

— Нет.

— Проклятье. Ладно, не суть. То, как будут выживать идиотки там, наверху, — он кивнул головой, — меня уже не беспокоит. Меня больше волнует, как мы будем воспитывать. Так что? Будем нашим малышам пропагандировать прелести однополого Социума?

— Н-нет... — было заметно, что она не совсем искренна, — Думаю, будем проповедовать ценности, имевшиеся до войны. Традиционные. Женщина и... мужчина — Семья!

— Ну, то-то. Ладно, уже хочется, если честно, согреться и поесть. Но придётся всё же это дело — он обвёл рукой кучу требухи, — зарыть. Как положено.

Углубившись ещё на штык, Роджер обнаружил в почве странные отверстия. Норы, что ли?! А похожи. Правда вот, определить, кто их понарыл, не удалось: ни один «копатель» не оказался настолько глуп, чтоб вывалиться в вырытую им яму. Да и ладно.

Груды требухи зарыли на глубине почти двух метров — насколько Роджер помнил, такое расстояние от поверхности считалось во всех отношениях безопасным, а уже в метре под промёрзшим слоем снова оказался вполне нормальный рыхлый чернозём. Роджер предпочёл за-

сыпать неаппетитно выглядящую кучу вначале мягкой сравнительно землёй, регулярно спускаясь вниз, и утапывая её, а сверху ямы прибреж как раз те куски и глыбы из среднего слоя, что были заморожены.

— Нормально. Сейчас они чуть оттают, и потом ночью снова прихватятся — словно кирпичи на цементе. А мы их ещё и польём для этого: вон из той лужи. Тогда уж точно ни наши любимые вараны, ни ещё кто, не разроют.

— Логично. А в чём воду будем носить?

— Да хотя бы в пластиковом мешке.

— А-а, точно. Его же можно сложить. — Пенелопа, на ходу складывая полотнище в подобие ёмкости, быстро направилась к небольшому озерцу, судя по-всему образовавшемуся давно: на пологих берегах даже имелись следы от отложившихся солей. Напарница Роджеру попала действительно вполне ушлая и практичная, поэтому догадалась вначале полотнище в воде отмыть и прополоскать.

Зачерпнуть воду оказалось нетрудно: достаточно было просто правильно кусок пластика сложить. Роджер, уже отряхнувший комья и пыль с комбеза, подошёл помочь.

Донесли литров двадцать быстро, вылили равномерно.

— Порядок. Что там у нас с закатом? — Роджер знал, что то, что в их яме наступили густые сумерки, вовсе не значит, что зашло за горизонт и солнце там, на поверхности.

— Если верить хронометру, полчаса.

— Отлично. Управились, стало быть, чётко. Давай-ка теперь пообливаемся, чтоб смыть с комбезов грязь — а то уж больно жалко трать нашу. Пусть и техническую.

Они «обливались» минут пять. Грязь смывалась отлично — не иначе, как наружное покрытие комбезов было из чего-то вроде тефлона.

— Ну, потопали. Мяса у нас на пару-тройку дней хватит, можно отдохнуть. А потом можно и ещё на кого-нибудь поохотиться. Так что предлагаю поужинать, да порассказывать друг другу сказки. Ну, вроде тех, которыми вас потчевали в начальном.

Да и в постельку.

Его окинули взглядом, который в его время называли «рублём подарить».

Неужели его снова ждёт что-то вроде «я устала», или «голова болит»?!

Стоило тогда из-за такой хренотени просыпаться снова спустя триста лет?!

Готовить чёртовых крыс оказалось несложно.

Роджер сам отобрал пару, что собирался поджарить на ужин, остальные тушки аккуратно уложил в холодильнике — Пенелопа морщилась, но смирилась: понимала, что в их положении особо привередничать да выбирать не приходится. Роджер буркнул:

— Ну? Понятно, почему мы грамотно поступили, что не стали заваливать варана-переростка? Он бы всё равно сюда не влез! Морозильная камера у нас — как раз только-только на тридцать-сорок крыс.

Пенелопа не смогла удержаться от ехидной шпильки:

— Это всё ты виноват. Всё рассчитал. Если б камера у нас была побольше, ты и крыс пригласил бы побольше!

— А я смотрю, ты всё любишь, чтоб было — побольше! — он подмигнул ей, облизав губы. Пенелопа вспыхнула. Он усмехнулся: какая у него «скромно-стыдливая» девушка! Но сейчас — не время. Нужно и правда — опробовать. Крыс.

Роджер, пока резал две самые крупные выбранные тушки ломтями, морщился: под острейшим и прочнейшим ножом хрустело, и сопротивлялось — мелких костей попадалось много. Да и ладно: время на аккуратную еду, вроде, есть. Никто их в шею не гонит, можно поосторожничать при жевании, выплёвывая или вынимая изо рта эти самые мелкие кости.

Крыс он приготовил на сковороде, обжаривая за неимением другого, на машинном масле из запасной канистры. Благо, масло оказалось высшей пробы и очистки.

Послить и посыпать перцем, нашедшимся, как ни странно, в НЗ, он ломтики тоже не забыл — румяная корочка на готовых бифштексах даже на вид оказалась весьма аппетитна. Запах — Роджер назвал бы его приятнейшим из до сих пор унюханных в этом мире эрзацев и заменителей! — наполнил кабину бота, но вот против него даже Пенелопа не стала протестовать. Проветрить во-всяком случае, не предложила. Что же до вкуса...

Роджер уплетал за обе щёки, стараясь только не причмокивать — вот это действительно было — мясо! А не какой-то, пусть и «навороченный и продвинутый», и «максимально близкий к естественному», заменитель! Единственное, что раздражало — что мелких и чертовски острых косточек действительно оказалось до фи́га: рёбра, конечности и прочее такое... Но к концу еды он приспособился обгрызать мясо с таких костей в два движения. Кучка костей между ним и Пенелопой заняла целую пластиковую тарелку.

Женщина ела медленней, и заметно было, что ей это отнюдь не столь приятно, как Роджеру. Когда остался последний кусок, сказала:

— Роджер. Может, съешь его за меня? А то мне что-то...

Роджер, давно обративший внимание на её подозрительно позеленевшее лицо, вскочил на ноги, и сунул Пенелопе под нос склянку с мазью от аллергии:

— Ну-ка, быстро занюхай!

На «занюхивание» ушло добрых полминуты. После чего цвет лица Пенелопы вернулся к своему естественному состоянию. Ну, почти вернулся. Женщина выдохнула, поморгав:

— Ф-фу-у... Прости. Просто как-то вдруг представила, как эти крысы жрут всякую падаль, и даже, наверное, и друг друга, когда зимой жрать нечего... И что-то повело меня.

— Ага. Но я у тебя циничный и прагматичный. Не позволил избавиться от калорийной и полезной белковой пищи, и не дал ей таким образом пропасть.

На него снова посмотрели. Но ничего не сказали. Роджер закончил свою мысль сам:

— Сам знаю. Омерзительно. И непривычно. Разум требует съесть, потому что деваться некуда — выживать нужно, а бессовестное подсознание инстинктивно вопит: «Гадость! Мерзость! Нужно вырвать!». Но, как я уже говорил, и наверняка повторю ещё примерно восемь тысяч сто сорок два раза: нам тут выбирать и привередничать особо не придётся. Это уж точно. Так что держи свои инстинкты и рефлексy в желёзной узде самоконтроля. И рационализма.

— Чёрт... Хорошо излагаешь. А что это ты мне дал, чтоб занюхать?

— Да это просто мазь от аллергической сыпи... Я, когда мы разбили нашу аптечку, понюхал её. И сразу понял — пригодится. И даже представлял, для чего.

— Скотина прагматичная. Хамло. Не дал девушке... Облегчиться.

— «Облегчаться» нужно теперь только с того, — он показал глазами, — конца! С «правильного»! Да и то — осторожно. А то туалетной бумаги у нас — не больше чем на месяц.

— Ну так!.. А чего б ты хотел? Это же — спасательный бот. Рассчитанный на десять человек. На две недели. А потом должен подлететь спасательный корабль, да спасти. Всех. — видно было, как энтузиазм буквально с каждым словом уходит из Пенелопы.

— Не нужно расстраиваться. — но он и сам чувствовал, как под кожей лица опять заходили желваки, — Никто нас не спасёт. Кроме нас самих. Но я надеюсь, что глупая бравада и угар восторгов от осознания «свободы» скоро пройдут. И шаблоны втемяшенных стереотипов поведения и обучения спадут, словно шелуха, с нашего закованного в шоры

привычек, разума. Потому что всё окружающее непривычно не только тебе. Но и мне!

Но мы втянемся. В долгий и нудный марафон по выживанию.

Грязный, да. Невероятно тяжёлый чисто физически. Да и морально... — он хмыкнул, увидев, как Пенелопа передёрнула плечами, — Но! Терпение и труд всё перетрут. Знаю, звучит занудно, и банально. Но ведь деваться-то нам просто некуда.

Само-собой, понадобится время. Много времени. Поверь: штурмом тут и не пахнет — нет, в нашей ситуации нам придётся долго и кропотливо работать, и бороться. И с собой, и со всем окружающим. И заниматься, скорее, планомерной осадой крепости. Под названием «природа».

— Я... Умом понимаю, конечно, что ты прав. Кроме того, ты и старше, и... умнее. Ты пытаешься вселить в меня веру в наши силы. И оптимизм. Но сейчас, когда всё это — не теория, и не радужные мечты, и мы действительно — только вдвоём... На враждебной и неприспособленной планете... Нет: это я к ней — неприспособленна. Ты-то... — она вздохнула, — Жил здесь. Ну, хотя бы твой разум жил. А вот мне всё — внове. Приходится и мёрзнуть, и пахать, как лошадь, и охотиться, и на самом деле есть всю эту... — она не договорила, но Роджер и так знал, что она хотела сказать «гадость», — Нет, я не так себе это представляла!

— Ха! — он приобнял её, и нежно похлопал ладонью по мускулистой тоненькой спине, а затем и по округлым полушариям внизу, — Можно подумать, я себе это «так» представлял!

— А как? Как ты представлял?

— Как? Хм-м... Если честно — то, то, что я очнулся вообще в чужом, пусть и молодом, и как потом выяснилось, всё же — моём, теле, меня сильно напрягло. Нет, не до такой, конечно, степени, чтоб прямо вот спятить... Но где-то близко. Я понял, конечно, что мнемоматрицу снимали с меня не зря. Только всё время ждал, когда же я смогу снова вернуться... — он невольно сглотнул, — К нормальной жизни.

Той, которая у нас — ну, у меня! — была до войны. Я считал, что все эти дебилные тесты, лабиринты и задачки на сообразительность, которым меня вначале подвергли — это просто проверка. Чтоб выяснить, сохранились ли все те знания и навыки, что были у меня до...

Как я ошибался.

Потому что — вместо возвращения домой!..

Вот когда меня, словно цепного пса, стали стравливать с животными, а потом и с другими бойцами-людьми... Я подумал, что моя «оценка

ситуации» была, мягко говоря, ошибочной — меня воскресили явно не для того, чтоб я кайфовал в своё удовольствие.

А для работы.

И я подумал, что выжить нужно. Любой ценой. Хотя бы — назло тем тварям, что проводят надо мной такие сволочные эксперименты.

— А... отомстить? Не хочется?

— Отомстить? Нет, пожалуй. Ведь теперь, когда я знаю, понимаю, почему и как вы поступаете с «отборными» производителями, я не могу особо на вас — ну, вернее, на девочек там, на Станции! — обижаться. Понимаю, что они руководствовались своими, вполне конкретными и разумными (Ну, по их мнению!) доводами и рассуждениями. И, конечно, прецедентами. С «бунтовщиками». Так что — нет. «Отмщать» я не собираюсь никому.

А вот выжить вопреки всему, и населить Землю нашими потомками — с моим большим удовольствием! Вот именно — назло идиоткам, оставшимся там, на Станции!

— Рационалист. — она покачала головой. Выражения на её лице он не понял: это могло быть и презрение, и восхищение.

— Да. Стараюсь, по-крайней мере. А ещё я чертовски рад и счастлив, что упирался. И нисколько не стыдно, что поступал с противниками подло. Хитрил, изворачивался. Иногда и бил в спину. Кидал песком в глаза. Да мало ли!.. Словом, делал всё, чтоб выжить. Потому что понимаю: никому другому такой шанс Судьба во второй раз не даст! Ведь тот, первый, в-смысле, «исходный» я — наверняка погиб. А я этот — с новым телом, и моими старыми знаниями — идеальный кандидат. На основание династии.

Ну что? Новую библию будем сочинять? И назовём первых людей — Пенелопа и Роджер.

— «И было лет Роджера, когда он умер — девятьсот девяносто. И родил он сынов и дочерей. И заселили они землю, которую Господь дал им во владение!..»

Роджер решил, что не надо его девушке сейчас цитировать Священное Писание. Заняться составлением летописей и легенд можно и позже. А пока он не придумал ничего лучше, как запечатать пухлые губки нежным поцелуем, прерывая ироничный спич...

Проснулся среди ночи — не от звуков внутри бота, к которым уже привык: ворчание клапанов подачи воздуха, жужжание вентиляторов климатизатора, попискивание датчика углекислого газа, и других техногенных шумов. И не от того, что смутные мысли беспокоили. Нет — он почуял. Снаружи что-то происходит!

Что-то нехорошее, и угрожающее их жизням! Но что?!

Ведь не доносится ни звука?!

Он старался не двигаться, и только тихо лежал, прислушиваясь, и оглядывая придирчиво все углы трюма бота, стараясь вертеть головой так, чтоб головка с разметавшимися по его телу волосами не соскользнула с его груди.

Нет, это — точно снаружи.

Пенелопа, сопение которой вдруг изменилось и прекратилось, подвинулась, прошептала ему прямо в ухо:

— Что происходит? Ты что-то услышал? Почуял?

Роджер внутренне усмехнулся: вот они уже и совсем как настоящие муж и жена, прожившие душа в душу лет сорок: чуют друг друга даже во сне! А ведь прошло не больше трёх дней, как они вместе! Да и любили друг друга всего два раза. Правда — каких раза!.. Но нужно ответить, а то маленькое тело у него под боком всё напряглось, готовое бежать, или стрелять, или ещё как-то реагировать на опасность! Которую, похоже, действительно почуяла его изощрённая ...адница.

— Я видел у нас в боксе со строительным оборудованием — огнемёт. — он старался шептать одними губами, так, чтоб не отдавалось в груди эхо от его зычного, в-общем-то, голоса, — Он работает?

— Не знаю. Но должен по-идее, я и мои девочки проверяем такое оборудование регулярно.

— Отлично. Сползай туда, — он махнул рукой, — и открывай люк, когда скажу!

А молодец она у него. Не стала ни протестовать, ни сыпать дурацкими вопросами.

Роджер прополз до нужного бокса, напрягся, открыл дверцу так, чтоб не скрипнула. Всё верно: вот он, огнемёт. Портативный.

Он проверил заряд — на максимуме. Снял с предохранителя. Отрегулировал на малую мощность. Встал перед люком, уперевшись как следует в палубу босыми ногами.

— Давай!

Люк открылся довольно быстро: секунд за пять. Роджер прыгнул во тьму, освещаемую только его налобным прожектором, сидящим на пластиковом кольце, обнимавшим всю голову. Пока летел, заметил кое-что странное и действительно страшное: слева, там, откуда чёртовы ящеры сорвали давешнюю антенну, возвышалась странная массивная фигура: ого!

Фигура вскинулась, и встала на задние лапы! Обалдеть! Вот это — рост!..

Тварь между тем раскрыла в злобном оскале огромную — любая акула позавидовала бы! — пасть! Роджер не стал ждать, пока его достанут зубы, или мощные передние лапы с огромными, словно у гризли, лезвиями когтей, отвсечивающих в свете луны тускло-жёлтым, а выпалил со всей дури прямо в центр силуэта!

Огнёмёт, как оказалось, работал. К счастью. Вот только особо насладиться этим фактом не удалось. Потому что когда факел, похожий на огненный бутон, раскрылся, ударив монстра в середину туловища, и заставив вспыхнуть густую белёсую, словно брюхо дохлой рыбы, шерсть на животе, Роджеру в уши ударил жуткий по громкости вопль: тварюгу обожгло, похоже, так, что мало не показалось! Пламя явно не только напугало, но и пробрало нападавшего от души! В воздухе отвратительно завоняло палёной шерстью.

Тварь проявила редкую догадливость: не прошло и секунды, как примерно пятиметровый в длину монстр хлопнулся на брюхо, сбив часть пламени, а затем вскочил, и со всего духу ломанул сквозь частокол голых и поваленных стволов, прочь: во мрак ночи, подвывая и рыча. Но Роджеру особо радоваться не пришлось: подозрительные звуки за спиной заставили его срочно развернуться, и пальнуть в ещё одну громадину, пытавшуюся незаметно (Ха-ха!) подкрасться сзади.

Этой опалило морду. Длиннющие вибриссы, напоминавшие крысиные, только куда длинней и толще, мгновенно вспыхнули и опали, словно осенние листья с деревьев. Воя, и теребя нос лапами, странная фигура тоже бросилась со всех ног прочь — в сторону, противоположную той, куда удрала первая тварюга. Напоминала она ему кого-то очень знакомого. Но — кого?..

Поле боя осталось за Роджером. Однако радости он не испытывал: твари большие, и могли «работать» тут достаточно давно: мало ли чего успели понатворить?!

Однако вначале пришлось вернуться на борт, и одеться. А главное — обуться, поскольку теперь можно было не бояться грохота каблуксов по пандусу. Пенелопа спросила только одно:

— Сам — цел?

— Угу. — Роджер только пытаюсь попасть в штанину комбеза ногами, обратил внимание, что она лезет плохо: дрожит, как лист на ветру, да и тело трясёт явно не только от холода, — А что? В камеры не глядела?

— Глядела. Да только не видно там ни ...на без прожекторов. Но включить боялась. Чтoб не спугнуть.

— Правильно сделала. Докладываю результаты, госпожа верховный главнокомандующий. Противник в панике бежал, поле боя за на-

ми, наши доблестные войска ведут наступление и преследование по всем фронтам.

— Спасибо за попытку морально приободрить меня. (Ух ты — я и не заметила, когда приучилась выражаться в стиле твоего дебильного казённого юмора!) Кто это был?

— Хм-м... Когда ты так ставишь вопрос, я начинаю и сам думать: чёрт. А что это, и правда, было?

— А серьёзно?

— А серьёзно, я думаю, — Роджер мысленным взором ещё раз охватил омерзительную и странно безглазую треугольную морду-пасть с непомерно громадными усиками-вибриссами, захлопнувшую прямо перед ним метровую воронку рта с острейшими мелкими зубами, — что это были кроты. Семья кротов. Самец, стало быть, и его самка.

— А почему ты решил, что тебе понадобится именно огнемёт?

— Ну... Как бы это попроще... — он закончил одеваться, выдохнул, посмотрел на руки. Они послушно перестали дрожать. Ну, почти перестали. Он снял со стены, вынув из державок, мощный карабин с разрывными, — Снаружи было уж слишком тихо. А поскольку это я копал промёрзшую землю, то и обратил внимание, что, когда скребёшь этот самый промёрзший слой, всё вокруг словно сотрясается. Ну, как при небольшом землетрясении. Вот я и почувал. Спинай через матрац. Это самое сотрясение. Вроде бы.

Мысли возникли самые элементарные: кто-то очень большой и хитрый пытается подкопаться под наш бот, чтоб завалить его в глубокую яму. Чтоб уже там его, или его содержимое, без посторонних глаз и ртов, в тишине и спокойствии, сожрать.

— Красиво излагаешь, я уж отмечала. Прошёл курс риторики?

— Нет. Курс выживания в экстремальных ситуациях.

— Шутишь как всегда?

— Нет. Я ведь работал в том числе и на буровых платформах, ну, тех, которые ставили на шельфе. А там в курс обучения входило и спасение при экстремальных обстоятельствах. В условиях шторма. Из-под воды — при затоплении. Из тонущего вертолёта. От пожара. И даже эвакуация при нападении террористов. Словом — практически занятиями я не пренебрегал: как чувал. Что могут пригодиться. Ладно, одевайся и сама.

Нужно посмотреть, насколько наши новые друзья преуспели в своих попытках.

«Друзья» «преуспели» весьма неплохо.

Под всей носовой частью бота яма была вырыта на глубину не менее четырёх метров. Свежие и отблёскивающие льдинками комья земли высились двухметровыми отвалами по обе стороны кораблика, почти погребя под собой ближайšie стволы и пеньки чащобы. Роджер поразился: всё казалось сделано аккуратно и с расчетом: чтоб закапывать было быстрее и удобней. Гады.

— Обалдеть. — в голосе Пенелопы чувствовался неподдельный ужас, — А хорошо, что они не догадались начать с кормы — мы тогда и выйти-то не смогли бы!..

— Точно. — Роджер не стал уточнять, что вероятней всего они не то что выйти, а и просто выжить не смогли бы: ещё бы! С почти метровым слоем земли над головой! И люком, впирающимся в промёрзлую землю!

— Ну, муж мой, опора моя и надежда, что делать-то будем?

— Станный вопрос. Ты что, забыла, где у нас хранятся лопаты?

— Блинн... Проклятушие твари. Вот уж поработали от души... — теперь в тоне женщины преобладали здоровый пессимизм и злость. А ещё бы!

Закапывать предстоит явно долго!

Закапывали до рассвета.

Роджер, конечно, впахивал как конь. Но и на долю Пенелопы пришлось никак не меньше пяти-шести кубометров.

Когда яма оказалась засыпана, и они остановились, утирая пот со лбов, и разминая затекшие поясницы, Пенелопа мрачно буркнула:

— Проклятье. Устала. Да и ты выглядишь похлеще, чем после очередного боя.

— Ну и ладно. Главное — живы. И целы. Ну, сравнительно. Сейчас снова обмоемся в любимом озере. А потом и нормально помоемся. Поедим. А потом и в постельку: отсыпаться. И отъедаться: крыс у нас хватит ещё дней на пять. — он нагло подмигнул.

Пенелопа вскинулась:

— Ты хочешь сказать, что ещё способен на секс?!

— Нет. Расслабься. Это была только дурацкая шутка. — Роджер, помассировав снова дико ломящую поясницу, подумал, что и правда: секс сейчас — последнее в списках его приоритетов. Да и ладно: никто их в шею не гонит с «приятным досугом». Человек предполагает — Господь располагает. Никуда ведь не денешься от реальных фактов и обстоятельств. И, похоже, такие обстоятельства у них здесь будут складываться весьма часто. Так что работа сейчас — на первом месте. А приятные развлечения — на последнем.

Они же — «первые люди на Земле»! И в первую очередь обязаны исполнить Долг перед возрождаемым Человечеством! То есть — банально выжить.

За завтраком, уже после мытья, которое совсем разморило Роджера, и явно нисколько не взбудрило и его напарницу, они помалкивали. Поскольку Роджер оказался не в силах готовить, пришлось жевать НЗ: концентраты и консервы.

Пенелопа закончила есть первой. Откинулась на табурете так, чтоб опереться спиной на переборку:

— Уф-ф... Вот теперь я понимаю, что такое — настоящее мясо. Если б закапывать яму пришлось на таких, — она кивнула на столики, — харчах, точно не справилась бы.

— Справилась бы. Для себя ведь старались. — Роджер кушал аккуратно, методично, и тщательно пережёвывая то, что полагалось пережёвывать. И даже пальцы облизал, — Нам очень повезло. Что не встретили этих тварюг раньше. В-смысле, не провалились в одну из их действующих ям-ловушек, которых тут наверняка понатыкано.

— Каких ещё ям-ловушек? — заметно было, что Пенелопа насторожилась.

— Да таких, как пещерные люди ставили на мамонтов. Или тигров. Глубокая яма, метра в четыре-пять. А сверху — только тонкий слой почвы. Мы же видели. Уже сработавшую. — Пенелопа опять побледнела, но ничего не сказала. Роджер продолжил мысль, — Думаю, чёртовы кроты так отлавливают чёртовых варанов.

— Вот умеешь же ты вселить бодрость и оптимизм в свою девушку!..

— Ну... Стараюсь. Делаю, что могу. С другой стороны и вараны сюда явно неспроста наведываются. Не было бы тут чего, как ты изящно выражаешься, «пожрать», не совались бы небось. Наверняка мы ещё не все звенья местной «пищевой цепи» обнаружили!

— Вот уж не горю желанием...

— Разумеется. Не сейчас. Сейчас единственное, что нам надо — здоровый и крепкий сон. Ложись. Первая вахта — моя.

Роджер честно отстоял пять часов, добросовестно «бдя», и не забывая оглядывать «периметр» через видеокамеры с термовизором, одну из которых они установили на самой верхней точке корпуса. Затем растолкал Пенелопу:

— Хватит наслаждаться объятиями Морфея. Я тоже спать хочу.

— Ладно уж. Подожди только — я схожу куда надо, да ополосну лицо.

Как прошла её вахта, Роджер не знал: отключился сразу после того, как голова опустилась на подобие подушки — они свернули валиком один из запасных комбезов, и затолкали в чехол от автомата — так спать было, конечно, удобней, чем на упаковке гигиенических салфеток.

Его, конечно, мучили кошмары, а один раз даже показалось, что Пенелопа с кем-то разговаривает, причём — шёпотом, и явно злясь, но стоило перевернуться на другой бок, и лечь поудобней, как это ощущение пропало.

Разбудил его снова вкусный запах. Ага: его жёнушка научилась, похоже, нарезать и обжаривать крыс сама! Впрочем, вставать на ноги Роджер не спешил. Взъерошил короткие волосы на макушке, развернулся лицом к плите. Сказал:

— Кстати, я вот подумал... У нас есть, чем стричь волосы?

Пенелопа отвела на секунду внимательный взор от сковородки:

— С чего это ты спрашиваешь про волосы?

— Да понимаешь, какое дело. У нормального мужика волосы растут очень быстро. И если не состригать, и не брить, через три-четыре месяца я превращусь в настоящего пещерного троглодита. И буду некрасивый.

Пенелопа рассмеялась:

— Вот уж не в красоте твоё главное достоинство!..

— Я знаю. — он «скромно» улыбнулся, — Но не хотелось бы ходить как неряха. Да и мало ли: вдруг здесь где-нибудь можно набраться бекасов. — на её непонимающий взгляд он пояснил, — Ну, вшей. Например, у тех же кротов.

— Успокойся. Я смогу тебя, если что, обкорнать. У нас есть лазерный пистолет. На малой мощности он отлично режет тонкую органику.

— Ага. Уже неплохо. Только вот я не люблю подгоревшие или секущиеся кончики.

Пенелопа снова кинула на него взор, полный огня:

— Молчи уж, молодящийся шестидесятилетний старикашка. Отравивший себе шикарную молодуху. Чего ты там можешь знать про уход за волосами!..

— Ха! Да всё! Всё я могу знать про уход за волосами. Моя вторая бывшая работала парикмахершей. В каком-то там навороченном и элитном салоне. С интернета скачивала себе и учебники и пособия всякие. И рекомендации. По уходу.

— Не впечатлил. Я к трёхсотлетним старухам не ревную.

— Да и правильно. Я и сам с ней прожил всего года три... Ну, что там — крысы?

— Готовы. Только, — она чуть прикусила губу, переворачивая что-то на сковороде с помощью большого охотничьего ножа, — не получилось у меня так аппетитно, как у тебя.

— Да и ладно. Всё равно же — съедим!

Действительно — съели. Сегодня его девушка ела даже ещё быстрее его. Роджеру пару раз даже пришлось попенять:

— Не жуй так быстро — мало ли! Мелкие...

— Да, знаю! Я наострилась их прощупывать заранее — пальцами!

— А, вот так... Логичный подход. Надо попробовать.

Роджер, правда, на этом методе не остановился. Ему не понравилось, что кусок после «прощупывания» выглядит не как кусок мяса, а как истрёпанная старая тряпка. Ну и ладно. У каждого — свои предпочтения. В области гастрономии и эстетики.

— Ну — что? Сегодня можем продолжить разведку?

— Можем. Что там у нас с солнцем?

— Не вышло. Сегодня — тучи.

— Блинн... Да и ладно: рассеянный свет даже лучше для наших целей. Не будет контрастных теней.

— Сильно сказал. «Контрастных теней». Теперь скажи, что твоя третья работала в фотостудии.

— Нет, в бухгалтерии. Третью брал специально — с таким расчётом, чтоб не страдала. Избытком воображения, да разными «творческими порывами». Хотел создать, наконец, нормальную, уравновешенную и спокойную, семью. Наивно, да?

Пенелопа снова фыркнула, дёрнув плечом так, что оттуда даже соскочил комбез, который она как раз одевала:

— Пошляк. Незачем напоминать мне лишний раз, что у тебя было полно баб. И так мы — в курсе.

Тут она почему-то опять прикусила губу, но Роджер тоже — опять не стал заострять, сразу переведя разговор:

— Я сегодня гранатомёт не возьму. Потому что огнёмёт и легче и эффективней. Для отпугивания. А ты потащишь УЗИ.

Однако на ус себе он странное поведение и слова напарницы наматал.

Что это — неужели она... Снова проговорилась?!

Обход «периметра» решили теперь начать с противоположного края «своей ямы».

Пробраться сквозь уже привычный частокол торчащих стволов и пенек оказалось нетрудно, и чувствовали они себя почти как «дома» — обламывали то, что мешало, рубили мачете сохранившиеся торчащими палки и сучья, ворчали, ругались почти вслух.

Пробираться пришлось долго: до дальнего, южного, края оказалось почти полтора километра. Так что с неизбежным перелезанием через поваленные стволы и обходом подозрительных мест ушло больше часа.

«Подозрительные» места Роджер научился выделять быстро: расположение ям-ловушек от кротов-охотников отличалось стандартным, если так можно сказать, исполнением: только наподобии полянок, и — только с ровной, словно специально расчищенной, площадкой сверху. Роджер усмехнулся:

— Похоже и правда: никого умней варанов здесь не ошивается. Только совсем уж тупые не догадались бы, что тут, раз расчищено — что-то не так...

— Зато обо что угодно готова спорить, что эти тщательно взлелеянные «крышки» ничем не пахнут! А вараны явно ориентируются на запах.

— Точно. Более того: скажу тебе, что они и видят-то плохо. Да и глаза у них расположены низко над землёй. Нет перспективы, кругозора, оценки, как говорится, с высоты. Так что повторю — только на безмозглых. Пресмыкающихся.

— А что — пресмыкающиеся? — она спросила так, словно ей было за этих самых пресмыкающихся обидно. Будто он покусился на их добродетели и достоинства.

— Они — потому и пресмыкающиеся. — он подумал, что ни этологию, ни общую биологию она явно не проходила в должном объёме, — Отличаются. Хотя бы устройством мозга. (Мало там коры!) Поэтому эти зверушки страдают примитивностью мышления, да ещё с преобладанием стереотипов поведения, рефлексов, и образом жизни, базирующемся больше на инстинктах. Ну, типичные представители — динозавры. Помнишь, те громадные и зубастые, вроде наших, местных, ящерицы? Которые вымерли.

— Ага, вот как, стало быть. — она запыхалась, и была рада приостановиться для разговора, — А как насчёт их пищевых приоритетов?

— Тут придётся тебя огорчить. Только мясо. Так что бди внимательней: нам должен попасться некто, кого они тут приходят сожрать!

— Уж постараюсь. — нет, она за ящеров точно обиделась. Или просто устала. Или...

Роджер проглотил готовый сорваться с губ вопрос — про то, когда у его девушки начнутся «эти дела». Когда начнутся — он и сам узнает! И поймёт. Было ли странное поведение и непонятные обиды «предменструальным синдромом».

Они двинулись дальше, радуясь, радуясь, что впереди, всего в пятидесяти шагах, виднеется, наконец, стена «ямы». А вот кротовин-проходов, или дыр, или просто — ниш, в ней не наблюдалось. Роджер, собственно, не удивился: этот край ямы-изолята — верхний. И дренажа для отвода талой воды тут может и не быть — она прекрасно стечёт куда надо и по поверхности. С другой стороны — совсем без воды тоже нельзя. Иначе здесь ничего не росло бы: раньше катаклизма, и не будет — позже. Ну, когда изолят окажется достаточно прогрет.

— Пенелопа.

— Что?

— Вот мы высадились в той половине планеты, которая от Станции на противоположной стороне. Южной экватора. Отлично, конечно. А какое здесь сейчас время года?

— Зима. Вроде. Поскольку не знаю, имеет ли значение этот факт для зон возле экватора.

— Имеет. Правда, всё-таки не столь большое, конечно, как в более высоких широтах. Но раз зима — здесь скоро будет теплее. Ну, в нашей яме. По-идее.

— Хорошо бы. Правда, сейчас я и так вся взмылилась, а тут ещё и мачете это чёртово... — Пенелопа три раза подряд пыталась справиться с какой-то непокорно-упругой веткой, но та каждый раз возвращалась в исходное положение, напоследок хлестнув женщину по лицу, — Вот ведь сволочь! Не рубит ни хрена!

— Это — не мачете виновато. Просто ты не совсем правильно выбираешь точку удара. Бери ближе к основному стволу, и руби — вдоль этого ствола. Тогда прогибаться не будет.

— Ага. Ты прав. Так лучше. — ветка, наконец, перерубилась, повиснув на тоненькой полоске коры, но проход освободив, — Ну что? Двинемся вдоль стены?

— Да. Думаю, к обеду как раз доберёмся до «крысиной» норы, и закончим на сегодня. А завтра — обойдём ту сторону окружности нашей ямы. — он кивнул головой.

— Ваш план, господин майор, устраивает. Начинаем фазу «А». — она облизала губы, затем вытерла лоб рукавом комбеза, — Чёрт. Никогда бы не поверила, что будет так жарко.

— Попей воды из фляги. Только — мелкими, очень мелкими глоточками. И высуну язык. Собаки всегда так делают, чтоб усилить теплоотдачу организма. Ну, вернее, делали. Пока водились. — он не торопясь двинулся вперёд, на неё даже не оглядываясь: хватало и других потенциально опасных моментов прямо по курсу, — За тобой как всегда — тыл и правый фланг.

— Вот спасибо, так спасибо. Значит, на твой взгляд — я — не полезной собаки?!

Он остановился. Повернулся к ней, постаравшись сделать взгляд максимально нейтральным. Спросил:

— У тебя когда в последний раз были месячные?

Вопрос явно поставил Пенелопу на какой-то миг в тупик. Затем она сообразила:

— А-а, думаешь, у меня ПМС, раз я «кидаюсь» и ворчу?! Был скотина прагматичная, скотина и остался.

— А что? Разве ты не придираешься сегодня по пустякам, и не пытаешься спровоцировать скандал на ровном месте? Вот, скажем, вопрос про собак и полезность... Тебе как ответить — честно или дипломатично?

Пенелопа прикусила изуродованную верхнюю губу — Роджера резануло по сердцу от её растеряннно-беззащитного вида — и на какой-то миг отвела взгляд в сторону. Роджер буквально видел, как вертятся шарик в её маленькой головке. Вертятся на форсаже.

Проследить и вычислить ход её мыслей было нетрудно. Тем более, что цепочка рассуждений очень быстро закончилась на итоговом выводе. А именно таком: «Нужно сделать всё, как было. Чтоб этот гад успокоился и не догадался!» И вот её ротик открылся:

— Милый. Прости меня пожалуйста. Это не ПМС. Мне до следующей раза больше недели. Я просто... Волнуюсь очень. Сержусь. Сама, правда, не знаю на что. — она глупо хихикнула. — И ещё мне непривычна вот именно — спартанская простота нашего быта. Вся наша чёртова кабина словно насквозь провоняла потом и калённым маслом, я вся липкая и вонючая от собственного пота и пыли, а мыться нужно всего двумя литрами воды! Это, это...

— Ах, ты бы хотела, конечно, персональную пещеру с кондиционером, ванну с горячей водой, и огромный плазменный телевизор на стене. И чтоб там шли мелодраматические латиноамериканские сериалы, а ты бы только посуду загружала в посудомоечную машину, да кнопки нажимала на панели автоповара и стиральной машины? Да палочки подкидывала в костёр, чтоб очаг не погас?

— Н-нет... И не нужно так иронизировать. — она снова посмотрела в сторону, — Я прекрасно помню, что это я тебя сдёрнула. С тёплой и мягкой постели Администраторши. Я, конечно, спасла тебе жизнь... Но — старалась-то... Больше для себя! И я знаю, что ты сейчас тоже стараешься. Сделать так, чтоб мы и правда — выжили. Я... Буду молчать.

Он не посчитал нужным подтвердить то, что она сказала — уже понял, что по части рационализма и прагматизма она ему несколько не уступает. Когда способна мыслить логично.

Но это же — женщина!!! А у каждой женщины такие моменты логичного мышления можно пересчитать по пальцам одной руки... В остальное же время...

Как говорится — туши свет, бросай гранату. Зато вот по части изворотливости, им, женщинам, равных нет. Поэтому она сейчас так легко подобрала нужные слова и объяснения. Но он не собирается устраивать дознание, и обличать, и разоблачать подлый План.

Ещё не время.

Поэтому вместо ответа он только кивнул:

— Извинения приняты. А теперь, солнышко моё ненаглядное, постарайся шуметь поменьше — я видел впереди уж больно подозрительное пустое пространство.

— Поняла. Затыкаюсь. — она сделала жест, словно застёгивает рот застёжкой-молнией.

Он хмыкнул:

— Ставлю на три секунды.

— Что — ставишь?!

— Условный доллар. На то, что обещания хватит ровно на три секунды. И вот он у меня в кармане — виртуальный доллар.

— Кобель ...ренов! — теперь её тон и взор лучился неподдельным восхищением, — Подловил-таки!

Очевидно, она считала это — ругательством. Этаким мужским эквивалентом выражения «С-сучка с...аная!». Но поскольку даже ругательства в её исполнении звучали не как оскорбления, а, скорее, как признание его достоинств, он только ухмыльнулся:

— И я тебя люблю. Ладно, выдвигаемся.

Подозрительно ровное пространство действительно выглядело очень подозрительно. Во-первых, хотя бы тем, что до сих пор они здесь столь большой — с доброе футбольное поле! — прогалины, почти полностью очищенной от поваленных стволов, не видели.

Из-за спины Роджера донеслись треск и шипение: это Пенелопа наступила на хрустнувшую ветку. Но Роджер не обернулся, а поднял руку в предупреждающем жесте:

— Стой там. Не приближайся.

Сам же очень медленно и осторожно двинулся к куче земли, видневшейся в паре десятков шагов — такие же, примерно ему по колено, кучки, были здесь, на прогалине, навалены везде, буквально через каждые три-четыре шага. Огнемёт Роджер снял и положил наземь, поближе к Пенелопе, буркнув только: «Пригляди. Если что — прикройвай!» После чего передвинул любимый УЗИ на грудь, и даже снял с предохранителя.

Однако стрелять пока не пришлось: к кучке он подобрался без проблем.

А вот её осмотр заставил его действительно напрячься, и побыстрее, аккуратно ступая по своим следам, вернуться назад — к кромке того, что осталось от джунглей, и где его с опасливым нетерпением поджидала напарница.

— Ну, что там?

— Ладно, можешь перейти на нормальный тон. — он больше не видел смысла говорить шёпотом. — Те, кто оставили эти кучи, слухом не сильны. Зато сильны чувством вибрации. Но здесь, среди массы не-сгнивших пока корней, да ещё за слоем «вечной мерзлоты», они, я думаю, нам не опасны.

— Что?! О ком ты говоришь?! Кто там?!

— Дождевые черви.

— Кто-о?!

— Черви, говорю. Дождевые. Ну, или очень близкие им по виду, твари. Подземные. Кучки состоят из характерных только для них шаровидных сегментов. Ну, почва, прошедшая через пищеварительный тракт, и выделившаяся с того, — он снова кивком указал, — конца. С остатками, так сказать, пищеварительных ферментов и слизи. Хотя таких больших «фекальных» шариков я отродясь не видал. Не удивлюсь, если сами черви — метров по пять-шесть длиной. Да и толщиной, наверное, соответствуют. Чего ты на меня моргаешь? Ты же сама говорила, что видела этих червей?!

— Э-э... Да, видела. Но ты говоришь, эти — пять-шесть метров. А я то видела — всего лишь метровых. Ну, примерно в руку толщиной.

— Нет. Судя по всё тем же кучкам, тут метром не отделаешься. Но — тише. — он присел сам, заметив движение в подлеске, и сделал жест напарнице, — Сейчас, похоже, состоится охота. Кое-кого на кое-кого.

Ну-ка, ложись. Да-да, прямо сюда. — он указал на неопрятно выглядящую, а точнее — просто грязную яму у основания одного из оставшихся пока стоящими, стволов, — Глянь-ка туда: во-он, видишь?

— Да. Да, вижу. — Пенелопа даже не брякнув какую-нибудь глупость, типа того, что «опять потом комбез стирать в луже», медленно и без резких движений опустилась вниз, и вскоре Роджер и сам прилёт рядом, не забыв предварительно внимательно оглядеться. Но в тылу пока было «чисто». Отлично. Надеемся...

Пятиметровый варан между тем то ли храбро, то ли — глупо забрёл уже почти прямо в самое сердце прогалины, тычась рылом в каждую из встреченных по дороге кучек. Варан почему-то был один, и не похоже было, что он и сам хорошо понимает, что он тут делает, и чего собирается достичь. Но Роджер подумал, что это сугубо его личное, субъективное и предвзятое, мнение. И вовсе незачем приписывать животным чувства и эмоции, свойственные только человеку. Антропоцентризм, так сказать.

Варан между тем начал принохиваться, и вдруг с азартом принялся передними лапами разрывать одну из кучек, выглядящих потемней — очевидно, свежую: сырую.

Тут-то всё и началось!

Земля под ящером буквально вскипела!

Вверх вокруг варана взлетели фонтаны трухи и чернозёма, и откуда не возьмись из-под земли повыскочили огромные, толщиной с человеческое бедро, чёрные, и очень подвижные не то — шланги, не то — трубы! Один из «шлангов» оказался развёрнут к ним передним концом, (Ну, не называть же это место — лицом или даже мордой!) и Роджера проняло: острые зубки, натканные правильным кольцом по периметру почти полуметровой раззявленной пасти, впечатляли! К таким невольно проникнешься уважением!

Пенелопу, похоже, тоже потрясло: её крепкие пальцы так и вцепились Роджеру в предплечье, и он невольно подумал, что там наверняка останется синяк! Или пять. Ну и ладно — главное, чтоб она не кричала, и не привлекла таким образом тех десятерых или больше ящеров, что сейчас ломанули из подлеска со всех лап к месту сражения!

— Похоже, они только этого и ждали! Ловля, так сказать, «на живца»! — он приблизил губы к её уху, и старался только говорить на выдохе, без басовитых обертонов. — А что — грамотно. И рационалистично. Такую же тактику применяют обычно и крысы: заставляют сожрать приманку с возможным ядом — самую низшую по иерархии особь. И если та не подохнет, едят уже всей семьёй. Готов поспорить, эта пяти-

метровая монстра — самая слабая. И находится на последних ступенях иерархии стада варанов. Конечно, мало шансов, что эта особь выживет... Но если что — думаю, они съедят и её.

Зато вот добытых на такую наживку червяков всё племя будет жрать добрый месяц. Причём — без ограничений. Так сказать — от пуза! Туши не испортятся: заташат в холодные пещеры. Там, небось, и живут эти гады...

— Роджер. Как ты можешь на это смотреть?! — в глазах Пенелопы, когда она наконец подняла их от земли, застыли боль и жалость.

— Станный вопрос. А как же я смотрел на выпущенные кишки и отрубленные конечности всех моих противников там, на Арене?! — он кивнул головой за спину, — Так что посмотреть мне — можно. И нужно. Хотя бы для того, чтоб знать, какими приёмами они тут предпочитают убивать несчастных червяков, и прочих врагов!

Червяков между тем, и правда, убивали. Но не всех, разумеется, а лишь тех двоих, что в пылу азарта позабыв об осторожности, всё-таки пытались затащить под землю отчаянно орущего и упиравшегося варана, размером только вдвое им уступавшего, и пропустивших из-за этих стараний начало атаки. Теперь же, когда кольцо из двенадцати — Роджер пересчитал! — восьмиметровых сухопутных крокодилов сомкнуло кольцо вокруг жертв, отрезав пути к спасительным дыркам-норам, положение бедолаг стало заведомо проигрышным: противопоставить зубам и когтям бронированных нападавших они могли лишь зубки в пасть! Но этого явно оказалось недостаточно.

И вскоре трупы буквально на куски разорванных десятиметровых червей споро и деловито тащили к дębям на опушке прогалины, оставив выбирать своими силами несчастную «наживку» с полностью откушенной задней лапой, и перебитой передней. Однако Роджер вынужден был констатировать, что дух коллективизма всё же свойственен стае варанов: двое из собратьев проковыляли неспешно к раненному собрату. Но вовсе не для того, чтоб, как он посчитал, прикончить и тоже сожрать, а для того, чтоб, двигаясь сзади, и внимательно поглядывая по сторонам, прикрывать его медленное и мучительное отступление от новых поползновений червей.

А грамотно. Потери минимальны, а еды теперь чёртовым пресмыкающимся хватит надолго. Возможно, что на обильной диете и пострадавший оклемается. Хотя бы частично. Хотя... Роджер смутно помнил, что регенерация — то есть, отращивание новых конечностей взамен утраченных — свойственна как раз ящерицам. Зря, получается, он их...

— Зря ты назвал их тупыми пресмыкающимися. — ну вот. Они уже и мыслят почти параллельно! — Оказывается, они могут охотиться стаями. Организованно. С продуманным планом. Как львы. Как волки. Или гиены.

— Признаю: был неправ. Впрочем, это их наверняка «изменившиеся внешние обстоятельства» заставили отказаться от привычного собственного им поведения. Думаю я и вот о чём: в ближайшие две-три недели мы в этот район нашей ямы — ни ногой!

Не знаю, как ты, а я всё, что хотел узнать — узнал.

На боте всё было привычно. Мерно гудели дежурные механизмы, шумел вентилятор отопительной системы... Благодать, казалось бы!..

Но Роджер всё не мог успокоиться, и мерил крохотное пространство нервными порывистыми шагами. Пенелопа не мешала, а только иногда поглядывала, полёживая себе на их импровизированной постели, и почёсывая туго набитый очередной крысой животик. Приготовил её Роджер, и даже сам себе порадовался: а неплохой из него мог бы получиться кулинар!.. Ну, там, в той жизни...

— Может, хватит зря расходовать драгоценные калории, и пора заняться более приятным и полезным делом?

Он оглянулся на неё. Нет, таких авансов не заметить, конечно, невозможно... Да и пикантно-точёные ножки, что она приоткрывала сейчас, неторопливо стаскивая с них казённое зелёное одеяло, могли бы завести и импотента... А эти глубокие, в поллица, томно прикрытые глаза с хитринкой, чуть искоса мечущие на него... Эротизм в его вещественном воплощении!

Он сглотнул ставшую почему-то вязкой слюну.

Всё, вроде, у них так. Ему спасли жизнь, умыкнули, если можно так сказать, на «необитаемый остров» в виде целой, и сейчас находящейся в их безраздельном владении, планеты. Его приглашают. Продолжить благородное дело по восстановлению человечества. Какого же ...я ему неймётся?!

Он знает, какого.

Но не время сейчас проявлять свои знания. Выпячивать догадки. И задавать простой исполнительнице неудобные вопросы.

Не-ет, он должен, если и правда хочет получить ответы, найти другой вариант, кроме расспросов своей напарницы!

А пока действительно — хватит дурью маяться, девушка ждёт.

Как написано в каком-то из русских романов, «Барышня легли и просят!»

«Барышню» свою сегодня Роджер реально зат...ахал.

То ли от того зрелища, что им выпало сегодня увидеть, то ли от натурального мяса, то ли — от внутренней неудовлетворённости, но Роджер по выражению Пенелопы, «свирепствовал», как никогда. Буквально до позднего вечера. За что удостоился очередного — не то — комплимента, не то — ругательства: «Кобелина призовой!..»

Пенелопа даже отказалась от ужина. Но Роджер всё равно приготовил себе полкрысы — знал, что восполнить потерю сил нужно. Завтра им предстоит обход другой половины изолята. Мало ли! Готовым нужно быть ко всему. И если бы из каких-то неведомых глубин их ямы, или проломов в её периметре полезли мамонты и шерстистые (Как дань глобальному похолоданию!) носороги, он не удивился бы. Но вот с разделкой туш...

Да, здесь ему нужно что-то придумать. Потому что холодильник у них действительно маленький — примерно на пятьдесят литров. А туша даже варана по самым скромным прикидкам — килограмм триста. Не влезет. Да и кроты, попадись они снова им на пути, весьма аппетитны, если правильно их разделать. Но тянут уже на добрых полтонны. И мясо крота наверняка уж повкусней, чем жилистое и вонючее мясо пресмыкающихся — теплокровные же. Вроде даже — млекопитающие. Что же делать?

Может, стоит хранить мясо в типа погребе — скажем, выкопав в грунте яму с горизонтальной полкой там, где проходит как бы слой вечной мерзлоты? Хм-м... Вряд ли. Разроют те же вараны. Или кроты. Или ещё кто-нибудь, не слишком нуждающийся в свете солнца, кто исхитрился выжить здесь под почвой, схоронившись от заморозков и крошечной тьмы первых нескольких лет ядерной зимы.

Тогда, может, соорудить какой-нибудь лабаз на высоких шестах — как делают (ну, делали) охотники сибирской тайги? Тоже — нет. Ведь днём — температура плюсовая. Лучи солнца будут нагревать крышу, и, соответственно, и мясо. Оно протухнет или прогоркнет.

Проклятье. Вот блин: они, вроде, нашли, кого могут тут заготавливать и кушать, так теперь получается — им негде хранить запасы мяса. Вот хорошо было древним пещерным троглодитам: завалили того же мамонта, да сразу сожрали — столько, сколько в пузо влезло! И ещё три дня так жрали. А оставшееся недоеденным да требуху — просто выкидывали, не парясь с сохранением: на фига, если мамонтов вокруг — не считано-немеряно?!

В их случае так не получится. Потому что изолят — крохотный. Здесь и вараны, и кроты, и даже крысы и черви — наверняка и считаны

и меряны. Популяции не могут быть слишком большими — иначе они просто вымерли бы, сожрав все ресурсы пищи...

Значит, нужно убивать местную живность — с расчетом. Или уж тогда базироваться на тех тварях, что сохранились где-то снаружи. Правда, Пенелопа сказала, что там шишь кто сохранился... Нужно бы посмотреть записи на флэшках, оставшихся там, на Станции, да в памяти «Матери». Уж там-то должно быть всё конкретно и документально: кто где повымер, кто где сохранился. Может, где-то есть ещё выжившие растения. Или хотя бы их семена? Потому что без растительной поверхностной биомассы не будет травоядных: сусликов, мышей, или привычных зебр-антилоп. И, соответственно — хищников. Порвётся пищевая цепочка. Вот уж постарался человек...

Правда, Роджер слышал или читал где-то, что таких, глобальных, катастроф, с тотальным вымиранием девяноста процентов видов, случилось на памяти Земли — четыре или пять. Одна такая, самая, конечно, известная — случилась семьдесят пять миллионов лет назад — когда в Мексиканский залив грохнулся чудовищный булыжник-астероид. И динозавры вымерли. А млекопитающие, имевшие тогда размеры как у мыши — выжили. Именно потому — что были крохотными. И смогли найти, чем прокормиться...

А, может, таких «глобальных» вымираний-катастроф было и больше. Однако не хотелось думать, что в хотя бы некоторых виновато, вот именно — очередное человечество, добравшееся до ядерной энергии, и в очередной раз решившее доказать самому себе, что ядерная зима ему нипочём.

А вот — почём.

Что он сейчас здесь и наблюдает.

И его прямая и непосредственная задача — ликвидировать последствия недавней катастрофы, открыв своими потомками Шестую Эру жизни на планете Земля...

Ладно, хватит о грустном. Нужно спать. Хотя бы для того, чтоб завтра, с новыми силами и надеждами, продолжить обход выделенной ему ямы.

Чтоб и правда — возродить чёртово человечество в шестой, или какой там, раз...

Он поёрзал, устраиваясь поудобней. Головка Пенелопы чуть сдвинулась, и он снова замер, придерживая её ладонью: пусть себе спит. Она сегодня «ухайдакана» от души. А у него на груди, судя по-всему, ей очень даже комфортно. И ему это, если честно, нравится — девушка почти ничего не весит, приятна на ощупь, да и доверяет ему. Когда

расслаблена сном, и мирно посапывает ему в ключицу или ухо — мягкая и тёплая. Хотя не самом деле жилистая, и, как он имел возможность убедиться, сильная и выносливая.

Идеальная боевая подруга.

Даже слишком идеальная.

С этой мыслью он и заснул.

Про то, что наступило утро, ему опять сказал запах.

Потому что шкворчания масла на сковородке он как всегда не ушлял за жужжанием на повышенных оборотах вентилятора климатизатора: тот всю старался, бедолага, отсосать дым и чад. Пахли жаренные крысы, по мнению Роджера, вполне ничего себе! Так что он поторопился встать, и приветствовать жену нежным поцелуем в шейку. Та дёрнула плечиком:

— Хватит! Не пристаивайся! И не нужно этих нежных поглаживаний моей истерзанной груди — вчера, небось, тискал совсем по-другому, сексуальный террорист! Кобель бессовестный! Использовал меня, как хотел... Ну хватит, говорю — а то я ведь могу и пойти на поводу своей похоти. А мясо сгорит. Иди уже мойся — через пять минут как раз хотела тебя будить.

На то, чтоб умыться и почистить зубы Роджер старался теперь расходовать не больше стакана воды: они оба отлично понимали, что экономить надо. Спасательный бот пока служил им отличной базой, и его ресурсы нужно было растянуть на как можно больший срок. А уж потом...

Вот об этом «потом» им и нужно сейчас, после завтрака, побеспокоиться.

После еды, ковыряя в зубах кончиком тонкого крысиного рёбрышка, Роджер решил спросить:

— Ты идти-то... сможешь? Поскольку я прекрасно понимаю, что вёл себя вчера как последняя свинья. Ты должна себя чувствовать так, словно по тебе танк проехал.

— Я знаю, что такое танк. Видела, правда, только на картинках. Но сравнение подходящее. Да и то, что ты — похотливая и азартная скотина, я подтверждаю. Но я — в порядке. Ну, относительно.

Так что если будем идти не слишком быстро, я не против. Прогулки. Только, если можно, без таких эксцессов, как вчера. Я не в настроении изображать валькирию. Или землекопа.

— Договорились. Стрельбу и сложности переговоров с местной биотой я беру на себя. А ты просто идёшь сзади, посвистываешь, поплёвы-

ваешь, любишься видами девственной природы, и даешь подышать свежим воздухом нашему будущему сыну.

— Что такое биота?

— Ну, как бы это попроще... Словом, это одно из старых названий для всего того, что здесь обитает. Флоры-фауны, другими словами.

— Умный, да? Я тоже училась. Уж как-нибудь соображу, что «биота» и «сообщество проживающих в одном месте видов» — синонимы.

— Вот и отлично. Я так рад, что у моего будущего сына — пардон, сыновей и дочерей! — будет строгая и сообразительная мать!

На это Пенелопа как обычно только фыркнула, и одарила его традиционно обозначаемым как «рублём подарить», взглядом.

Роджер уже к такому привык. Даже и ухом не повёл.

Сегодня они вышли пораньше, в десять по бортовому, и солнце ещё не успело показаться над кромкой стены их ямы. Поэтому стоял неприятный холодок. На почве и стволах снова лежал тонкий слой инея.

— Ничего, пока будем идти — согреемся.

— Тебе легко говорить, — Пенелопа поправляла снова пристроенные на груди и спине прокладки для тепла, — А у меня масса тела куда меньше. И слой жира под кожей гораздо тоньше. Мне ещё холодно! И бегать, или ломиться сквозь эти дебри, словно спятивший носорог, чтоб «согреться движением» и вспотеть, мне вовсе не улыбается!

— Договорились. Я буду идти помедленней. Посматривай. За тобой — как всегда.

— Помню я. Тыл и правый фланг.

— Ну, двинули.

— Ха! А раньше ты пижонил, и говорил как в армии: «выдвигаемся»! — иронии в тоне не заметил бы только мамонт. Которого они ещё не встретили.

— Это я не пижонил. Потому что работал я и на армию. Строил им стационарные бараки. В пустыне, на полигоне.

— Да зна... — она вдруг оборвала сама себя, и закончила совсем не теми словами, которые явно собиралась произнести, — Знаю я, что термин «выдвигаемся» применяют не только в армии. Наши дуры, которые числятся в подразделении Службы Внутренней Безопасности, тоже так говорят. Когда собираются сделать какую-нибудь гадость.

— Да? Интересно. Кстати: ты мне никогда не рассказывала про вас, так сказать, общестанционный, быт. Просветишь?

— Обязательно. Но давай как-нибудь потом — оно же не горит? Да и сейчас имеет для нас чисто академический интерес... А то сейчас мы

с нашим трёпом — во-первых шумим, а во-вторых — отвлекаемся. От насущной задачи.

— Справедливо. — он кивнул, хотя ему-то их общение внимательно смотреть под ноги и вокруг вовсе не мешало. Отметил он и то, как ловко она опять ушла от разговора, — Ну, выдвигаемся.

Она снова фыркнула.

Начать решили снова с того края, где находилась «крысиная» пещера.

По проторенной тропке дошли быстро — буквально за несколько минут. Дыры и норы в стене уже не выглядели угрожающими. Пугает ведь только неизвестность. А они уже почти знали, чего, кого, и откуда тут можно ожидать.

— Ладно, вот она стена. — Роджер похлопал рукой по шершавой и покрытой чем-то вроде лишайника поверхности, махнул рукой, — Нам, стало быть, туда. Двигаемся медленно, смотрим под ноги, и по сторонам. Молчим. Если чего заметишь — похлопай меня по спине.

— Хорошо. — она даже не выступала, как наверняка сделала бы вчера, и Роджер подумал, что что-то не так. За один день — вернее, за одну ночь! — «необъяснимое раздражение» не проходит. Так что вариантов всего два. Или его девушка что-то задумала, или...

Вот именно: или — её кто-то...

Отчитал. И проинструктировал.

Ничего. Придёт время — и он всё узнает. А пока — за дело. Ему так и так нужно выяснить, что здесь и как.

И действительно ли его будущие дети смогут здесь жить.

Возле самой стены оказалось не так много торчащих стволов, как в глубине ямы, да и почва здесь оказалась как бы слегка повыше, чем в остальном пространстве ямы. Роджер объяснил это себе как результат действия водных потоков, стекавших по стенам, и отсутствию смываемого ими в центр ямы плодородного слоя: они с Пенелопой шли сейчас почти по голым камням, иногда даже приходилось придерживаться рукой за саму стену, чтоб не грохнуться на осклизлых серо-белых обломках, не то вывалившихся из стены, не то — появившихся во время процессов, благодаря которым этот изолят и возник.

Роджер действительно старался идти помедленней, чтоб его напарница успевала за ним. Она успевала. Но — снова удивительно! — ничего не говорила и не комментировала.

«Бдил» вперёд Роджер очень внимательно, не забывал глядеть и под ноги, но хотя бы здесь всё было однозначно: в известняке яму-ло-

вуху не больно-то спрячешь! Так что он полностью переключился на осмотр по фронту. И вскоре и правда кое-что обнаружил.

Он поднял руку со сжатым кулаком. Шаги за спиной, до этого весьма шумные и не слишком-то даже стремившиеся стать потише, мгновенно прекратились. Он обернулся:

— Ты пониже меня. Тебе, наверное, пока не видно?

— Нет. А что мне должно быть видно? — она тоже говорила шёпотом. И даже попробовала заглянуть вперёд из-за его спины, приподнявшись на цыпочки. Хе-хе. Куда уж ей с её метр-пятьдесят-пять!

— Залезь-ка вот сюда. — он показал на огромный валун, и подал руку, — Посмотри: во-он там, между вон тем корявым стволом, и стеной... — теперь он указал пальцем, отодвинувшись, — Да-да, в просвете. У самой стены. Теперь видишь?

— Да. Вижу. Какая странная штуковина. Как будто насыпь в карьере. Но что это?

— Насыпь-то она насыпь. По сути. Но где ты видела насыпь из обломков, почвы, и стволов? Да ещё сформированную как конус? Нет, больше это похоже на самый обычный муравейник. Если только обычным можно назвать муравейник в пять метров высотой.

— А... Почему тогда не видно муравьёв? — Пенелопа слезла с валуна. Подошла ближе к просвету, чтоб рассмотреть получше открывшийся пологий и собранный из стволов, обломков известняка, земли, и разной трухи, холм. Сам Роджер ходы-лазы в поверхности, и саму конструкцию строения успел рассмотреть достаточно хорошо. И понимал, что для такого монументального строительства муравьёв, и правда, должно быть много. И размер самих насекомых должен быть... Весьма приличным. Скажем — с крысу!

— А не видно их потому, что холодно. Эти тварюшки имеют дурацкую привычку выползать только тогда, когда вокруг тепло. Ну — насекомые же. Температура крови напрямую зависит от температуры окружающей среды. Соответственно, и активность. Думаю, их кучу достаточно прогреет только к обеду. Впрочем, для совсем уж глубинных слоёв это, конечно, не имеет значения. Там, ниже трёх-четырёх метров от поверхности, всегда царит местная среднегодовая температура. Ну, для экваториальной зоны.

Пенелопа посмотрела на него.

Он пожал плечами:

— Я не ходячий справочник, точно не помню. Но думаю — не ниже плюс пятнадцать. Но всё равно они наверняка не вылезают, пока снаружи настолько холодно, что можно замёрзнуть.

— Значит, мы сейчас можем беспрепятственно осмотреть их логово?

— Вот уж нет! — он показал пальцем, — Видишь, вон там, нет, ещё правее? — он убедился, что теперь она смотрит в нужном направлении. — Часовой. Думаю, с другой стороны кучи есть и другие. Блюдут, так сказать. Во все стороны. Никто и ничто движущееся не останется незамеченным. И если нас увидят, могут и в погоню пуститься. Добыча же!

— Так что? Мы пойдём назад?

— Думаю, да. Так будет лучше хотя бы для того, чтоб не оставлять здесь много пахучих следов. Насекомые же — нюхачи. И им даже важнее запах добычи, чем её визуальное обнаружение. А ещё у них есть тупая и порочная привычка набрасываться на эту добычу всем скопом, жалить, рвать и кусать, и не отступать, и не считаться с потерями, пока жертва не будет обездвижена и расчленена. Так что если не хочешь, чтоб нас покусали и расчленили, давай-ка, пяться.

Пенелопа, конечно, пятиться не стала, но обратно по их же следам шла весьма резво. При этом даже не ворчала как обычно, и не отпускала ехидных комментариев в стиле «какой он умный». И, похоже, даже забыла про то, что не хочет потеть! Впрочем, через несколько десятков шагов Роджер её остановил:

— Нет. Я передумал. Сейчас мы пойдём вот туда, — он жестом указал прямо вглубь зарослей, — и попробуем просто обойти наших друзей. Нам нужно всё-таки осмотреть середину нашего изолята. А то с той стороны нам не дали сделать это — черви-ящеры. С этой — мурашки... Так дело не пойдёт. Нам здесь жить.

— Мысль понятна, — Пенелопа снова не возразила на предложение, похоже, её и саму томила неизвестность, — Но сможем ли мы обойти их так, чтоб нас не засекли?

— Конечно. Кроме того, как я понял, в нашей яме есть места, куда муравьи предпочитают не соваться. Например — наш конец ямы. Будем надеяться, что середина ямы в эти места тоже входит.

— Ага. Я рада, что хоть ты «понял». (Объяснишь, чего ты там понял — в следующий раз. А сейчас я не в настрое.) А ещё будем надеяться, что там, в середине, ещё кого-нибудь, да пострашней мурашиков, не живёт. А так-то конечно: почему бы им туда, да и к любимым червям, раз уж на то пошло, не сунуться?

— Логично. — Роджер кивнул, показывая, что согласен с доводами, — Но пока не увидим и не узнаем конкретно — не будем знать, так ли это. Ну что? Продолжим обход?

— Э-э, чего ж нам в нашем положении бояться?! Обратного-то пути нет! Значит, будем и дальше рыскать, словно сбрендившие таксы, по нашей яме. Попёрлись.

В центре ямы обнаружилось то, что Роджер смутно подозревал с самого начала: небольшое озерцо. Не больше сотни шагов в диаметре. Сейчас оно, правда, было покрыто у самой кромки воды тончайшим слоем льда, но к обеду эта корочка без сомнения растает.

Роджер достал из набедренного кармана портативный анализатор, который изучил и сунул в карман комбеза ещё в самом начале, сразу-после приземления. Опустил в воду:

— Ну-ка, посмотрим. — взгляд на то, что написал в окошечке встроенный микрочип, не порадовал, — Я так и думал. Слишком много карбонатов. Что вполне понятно — карст же. Стало быть — супержёсткая. Дальше. С солями кальция полегче. Не более двух на литр. Калий, магний... Многовато. Что странно — откуда они здесь: в дождевой или талой воде солей, по идее, быть не должно. Ладно. Главное — пить можно. Но! Только прокипятив. Мне вовсе не улыбается, чтоб у меня в сосудах тела откладывались разные корочки магниевых и калиевых солей. У нас здесь докторов нет. Лечить атеросклероз не у кого. Да и банальный понос не хотелось бы подцепить из-за местных бацилл-бактерий. Я, конечно, свято верую в эффективность сделанной нам прививки, однако бережённому Бог бережёт!

Пенелопа тяжело вздохнула. Очевидно, это должно было значить, что она сыта по горло его «тупым и плоским» юмором.

Роджер двинулся по кромке почти круглого озера. Его напарница, тихо побряхтывая, и сердито сопя, последовала за ним. Они всё ещё старались не шуметь, и двигаться медленно. Но из чащи никто не показывался. Впрочем, тишина, стоявшая вокруг, не позволяла расслабиться: имелось в ней нечто настораживающее...

Проклятые инстинкты. Их-то не призовёшь к порядку. Да и хорошо.

Глядишь — и выжить удастся. С ними. С инстинктами-то.

Затянувшееся молчание прервала женщина:

— Роджер. У меня не выходят из головы чёртовы мураши. Раз они отгрохали себе такой холмище, значит — находят здесь чего пожрать. Вопрос только — чего?!

— Не парься. Не думаю, что это обязательно — какая-то мясная добыча. Муравьи, если вспомнишь учебники биологии, — Пенелопа на этот раз для разнообразия не фыркнула как обычно, а зарычала, — отличные не только охотники, но и фермеры. Они пережёвывают какие-

то там листья в субстрат, и на нём выращивают грибы. Там, в глубине муравейника. Где всегда тепло.

— Ага, отлично. Я рада за них. Только вот... Где они листья-то берут?!

— А ...рен его знает. Сам недоумеваю. Хотя пара-тройка мыслию меня имеется.

— Поделишься?

— Да. Вот мне, например, бросилось в глаза, что муравейник прямо-таки примыкает к стене. Стало быть, в ней — наверняка есть куча отверстий, ведущих вглубь скал. А там, как мы уже видели в «крысячей» норе, могут расти и лишайники, и другие грибы, и... Клещи там всякие, тараканы. Тараканы, если не знаешь — могут вообще выдерживать до десяти тысяч рентген. Так что как одно из звеньев пищевой цепи — заслуживают. Если не уважения, так хотя бы признания. Да мало ли чего ещё тут живёт. Жаль, что мы не учёные с целым арсеналом чувствительных приборов — быстро просветили бы всю почву до дна ямы, например, гамма-сканнером, да всё узнали... Но раз есть муравейник, стало быть есть и пища, которую муравьи едят. Правда, это не значит, что она съедобна для нас!

Говорю же: биомасса, которую используют для поддержания популяции и жизни муравьи, тут может быть весьма разнообразна. И помимо традиционных листьев и лишайников с грибами её тут может иметься до фи́га.

— Я счастлива. За биомассу. Но сможем ли, и правда — мы чего-нибудь из неё съесть?

Роджер, отметив, что вчерашнее раздражение к его напарнице вернулось, и не помог никакой самоконтроль, пожал плечами:

— А ...рен её знает. Поживём, походим, осмотримся, авось и узнаем!

Пенелопа буркнула:

— Лишь бы нам самим к этому моменту не стать чьим-то обедом. Или ужином.

— Да не должны, вроде. Оружия у нас достаточно. И патронов пока тоже. Мы же — экономные, мать его... Вот приготовь, кстати. Пушку. С такой гадиной мы здесь ещё не сталкивались!

«Гадина» и правда, выглядела странно. Приземистая, шумная, и чертовски, если использовать это мягкое слово, «пахучая» — запах чего-то вроде уксуса, или муравьиной кислоты, доносился и за пятьдесят шагов. Правда, ветер был как раз в их сторону.

В профиль зверушка напоминала половинку сферы, широкой частью — книзу, а поскольку ног заметно не было, казалось, что какой-то шутник отрезал кусок чудовищного футбольного мяча, да и тащит на верёвочке через джунгли...

Впрочем, передний конец от заднего всё же отличался: там высовался из-под подобия панциря гибкий и что-то сейчас вынюхивающий прямо перед собой, нос, напоминавший хобот слона. Больше всего штуковина была похожа на муравьеда, однако оказалась вся покрыта не густой шерстью, как помнил про этих животных Роджер, а тонкими и грохотавшими при каждом шаге, не то — костяными, не то — кожистыми, но сильно задубевшими узкими пластинами, очень острыми на концах.

А с учётом того, что в холке громадина достигала двух с лишним метров, и сильно напоминала ещё и древнего стегозавра, не отнестись уважительно к такому созданию мог бы только идиот. Ну, или носорог. Соответствующих размеров. Роджер буркнул, быстро отступая в чащу:

— Скорей, скорей! Если вынюхает нас — придётся точно — бегать!

— Кто это?!

— Кто-кто... Ночной кошмар несчастных мурашиков. Муравьед!

— А я-то думала, они покрыты шерстью... — Пенелопа, тем не менее, очень быстро «отступала», похоже, вовсе не обрадованная перспективой, обрисованной Роджером. Затем ей в голову пришла мысль:

— Слушай! У нас же полно оружия! У тебя и УЗИ, и гранатомёт. У меня — помповый винчестер с разрывными. Какого же ...я мы каждый раз, как видим огромную тварюгу — сваливаем?! Или «отпугиваем»?!

— Объясню ещё раз. Для особо непонятливых. — Роджер повернулся к женщине, поскольку они уже скрылись в подлеске, и сейчас, за стволами, увидеть их было куда трудней, — Мы ящеров убивали?

— Н-нет...

— А дождевых червей?

— Тоже нет.

— А кротов?

— Опять нет!

— А почему, как думаешь?

— Ну... Кротов и ящеров, положим, мы всё равно не смогли бы съесть так, чтоб большая часть мяса не пропала. А останки и кровь воняли бы у бота. Привлекая к нам остальных местных хищников. Ну, это ты мне так объяснил. А червей не трогали... Наверное, потому, что зрять их как-то... Не хотелось! Уж больно неаппетитные.

— Логично, конечно. Для женщины. — она снова возмущённо вскинулась, явно собираясь сказать очередную гадость или глупость, Роджер сдержал её жестом, приложив палец к губам, — Ч-ш-ш-ш... Слух у муравьеда наверняка получше зрения. Тише. Дослушай. Мы не убивали всех этих с виду агрессивных и смертоносных зверушек потому, что мы — не в Голливудском фантастическом боевике, или фильме ужасов.

Это только там, для вящего сочувствия и душевного трепета зрителя, все герои стреляют во всё движущееся и недвижимое, большое и малое. Хлещет кровь, зубатые и когтистые тела красиво дёргаются, агонизируя... Словом — человек — царь Природы!

Так вот: всё это — полная хрень.

Потому что баланс в Природе поддерживается очень просто. И без искромётных спецэффектов. Хищник убивает ровно столько, сколько может съесть. А то львы-леопарды-гиены давно поистребили бы всех антилоп-газелей-зебр. И им стало бы нечего жратеньки. И они окоурились бы от элементарного голода. Культурно по-научному это называется — подорвали бы свою кормовую базу. Антилопы и зебры съедают столько травы, сколько выросло. Травы же вырастает столько, сколько те же антилопы и зебры — удобрили. Ну, своим навозом. Вот популяция и не может слишком уж разрастись.

Это место — наш будущий дом. Все эти зверушки — наши будущие домашние животные. Питомцы. Страшная или противная внешность, или попытка укусить — не повод для убийства. Ты же не будешь, скажем, убивать всех кур только потому, что петух тебя больно клюнул, или дамы из его гарема нагадили в твою клумбу с георгинами? Потому что тогда некому будет нести тебе яйца. Ты и барана не будешь резать потому, что он сослепу наступил тебе копытом на ногу. Или, приняв за другого барана-самца, боднул в ...опу!

Короче: нам здесь выделяться, доказывая, что человек всех круче и сильнее — нельзя. Потому что чёртов биотоп, а проще говоря, местные кормовые цепочки, явно сформированы. Давно. И баланс налажен. Незачем лишний раз раскачивать лодку. Да и о наших детях нужно подумать: если мы растратим — а мы растратим! — все патроны, придётся переходить на старые добрые копья и луки со стрелами! А учить наших детей я в первую очередь собираюсь вовсе не стрелять во всё, что можно легко убить или съесть.

А — думать. И — прятаться!

«Смертельная схватка» с любым зверем — это крайность. И если уж убивать кого — так только для еды! Всем племенем. Потому что куда лучше биотоп не подавлять, и не разбазаривать бездумно, а разум-

но использовать. Чтоб комплекса «спортивной охоты» и ненужного кровопролития избежать. Тогда и проблем будет меньше. И в изоляте нашем можно будет прожить подольше. Это уж потом, когда «размножимся» и обоснуемся капитально, можно будет вылезать наружу. И осматриваться уже там.

А пока — просто прячемся. И местных монстров и врагов стараемся не убивать.

— Блин. Какая-то у тебя... Трусливая политика! Мы же легко можем их всех!..

— Ага. Мы, конечно, легко и быстро всех местных хищников можем ликвидировать. Как в своё — вернее, моё! — время Китай, всех воробьёв перебил, под лозунгом «спасём урожай от нахлебников!», не понимая, что воробьи жрут не столько зерно, сколько насекомых, питающихся этим самым зерном, а заодно и портящих этого зерна в десять раз больше, чем сожрали. И ещё птички питаются побегам и зёрнами сорняков. Которые начинают расти бесконтрольно и неограниченно на пахотных землях, напрочь заглушая ту же пшеницу. Китайцам потом пришлось завозить этих «вредных» птичек за валюту. Из России и Индии.

Самый хрестоматийный, конечно, пример безмозглого вмешательства в то, чего не понимаешь, — «святая» Инквизиция. В средние века она провозгласила всех чёрных кошек исчадьями ада и носителями всяких чёрных дел. И чёртовы фанатики и дураки тогда кошек в Европе почти поголовно истребили — и чёрных и нечёрных. И что? Расплодившиеся бесконтрольно крысы разнесли по городам и сёлам чуму. И вымерло две трети населения. Этой самой Европы.

Ну, или как в конце двадцатого века было в Канаде — там так называемая «спортивная охота» привела к почти полному истреблению волков. В результате чего экземпляры, которые эти волки «отбраковывали», забывая старых, больных, и генетически неполноценных, стали оставаться в стадах карибу. Ну, то есть — местных оленей. О финале догадываешься?

— Да. Да. — на лице его напарницы почти явственно сквозила гримаска скуки и желание побыстрее оказаться в тишине. Но Роджер мог быть и сознательно жесток:

— Сама знаешь: в двадцать первом веке избалованные медициной женщины сами даже рожать не могли. Не говоря уж об антибиотиках, которые людей, конечно, лечили, но и одновременно стимулировали появление новых, чрезвычайно устойчивых к ним, штаммов гриппа и прочих бактериальных прелестей. Так что чёртовы карибу пострадали

от этих самых болезней. Потому что расплодившиеся, словно лемминги, стада жвачных, сожрали летом всю траву, а зимой повымерзли. Почти поголовно. От тесноты. И эпидемий каких-то новомодных, да и старых болячек, которые и переносили «отбраковываемые» волками экземпляры.

Но Правительство срочно выделило деньги на целую программу. По спасению. Егеря стали подкармливать выживших оленей завозимым сеном. Солью. Дорого, но подействовало.

Только вот для полного восстановления популяции пришлось ждать пятьдесят лет. И завозить волков. Пока не восстановилась и своя популяция этих хищников. Их удалось-таки спасти, вовремя запретив охоту. И завеза из Сибири. За валюту.

Видишь, как дорого может обходиться головоупяство? И бесконтрольная пальба во всё, агрессивно и противно выглядящее? Ну, всё ещё хочешь доказать местным гадам, что мы тут самые крутые?

— Слушай. Раньше я говорила, что ты умный. — он подбоченился. Однако она поспешила вылить ушат ледяной воды на его самооценку, — А сейчас скажу — какой ты нудный. Хуже наших преподавателей. Можно было обойтись без лекции по общей экологии?

— Можно. Но так — веселей!

На него в который раз посмотрели. Покусили губы. Затем всё же сказали:

— Твой тупой юмор, если честно, тоже подзадолбал.

— Каюсь, есть грех. Но — без него уж никуда! Он, так сказать, неотъемлемая часть этого, — он постучал по виску. — мозга. Поэтому нравится тебе или не нравится — а руководствоваться при принятии важных и жизнеобразующих решений я буду, советуясь с ним. — он снова постучал, — И если я решил, что мы пока не освоимся, никого без разбору и надобности убивать не будем, мы так и поступим. А сейчас тихо и незаметно свалим, стараясь не оставлять следов. — но подозрительные звуки заставили его наконец оглянуться, и поправиться, — Э-э, чёрт! Уже не удастся. Проклятая тварь унюхала-таки нас! Туда! Ходу, ходу!..

Они ломанули через джунгли мёртвых стволов, да так, что только пятки сверкали. Пенелопа, задыхаясь, но попеняла:

— Как-то странно ты назвал эту «милую» зверушку... пф-пф... «неотъемлемого члена» пищевой цепи!.. А до этого — ф-фу... только что не целовать его собирался!

«Милая» зверушка, подвывая и фыркая, неслась по их следу, разбрасывая вокруг себя стволы, попадавшие на пути, и явно горя желанием познакомиться поближе.

— Странно... — Роджер тоже запыхался, но бежал легко. — Ведь эта штука ест, вроде, только муравьёв! У неё, насколько я помню, и зубов-то нормальных нет! Какого ... ра ей надо от нас?!

— Это же ты у нас умный!.. Пф-пф... Ты и думай!

— Ладно, я подумал. Разворачиваемся, обходим гада по дуге, и бежим снова к озеру. Нажми-ка на акселератор, надо бы прибавить ходу!

Пенелопа явно возмутилась, но возражать не стала.

Поэтому они сделали большой круг, стараясь только оставаться невидимыми, и ломанули теперь в обратном направлении — снова к озерцу! Добежали, когда муравьед ещё сопел и трещал сухими стволами где-то вдалеке. Роджер жестом указал, что делать.

Они вбежали по щиколотку в воду, и обежали по периметру озера на его противоположный конец. Бежать оказалось довольно трудно: ил, оказавшийся на дне вместо песка, здорово задерживал: сапоги в нём вязли. Но они успели сделать почти половину круга, и спрятаться в подлеске на другом берегу, когда их преследователь подбежал к воде.

Тем, что следы оборвались столь подло и однозначно, он явно оказался недоволен. И какое-то время ещё топтался по кромке пляжа, рыская маленькой головой во все стороны, иногда фыркая и возмущённо подрёвывая. Но вот он убедился окончательно в бесплодности попыток найти источник запаха, и ушёл в чащу — теперь обошлось без треска.

Пенелопа буркнула:

— Вот настырная скотина.

— Ага. И чего ему от нас надо было? Ведь он — не хищник. Ну, в привычном понимании этого слова.

— Собственно, я не про него.

— А-а, понял. Это ты так комментируешь моё упорное нежелание кого-нибудь из местных мясообладателей таки-грохнуть.

— Точно.

— Ну так фиг же вам, девушка. Пока не доедите крыс — свежатинки вам не будет.

Пенелопа так ткнула его локтём под рёбра, что за шутовское «приветствие» это мог бы принять только совсем уж полный кретин.

В боте всё было как всегда.

Хотя нет: кое-что изменилось. Температура оказалась ниже, чем обычно. Роджер проверил: всё правильно. Это он сам, в целях эконо-

мии запасов энергии, поставил климатизатор, пока их не было, на плюс десять.

Пенелопа проворчала:

— Проклятье! Даже дома не отогрешься как положено. Потому что «экономный» муж решил сэкономить. На здоровьи жены. А вот если я замёрзну и простужусь — то придётся тратить драгоценные и невосполнимые таблеточки из аптечки!

— Фиг тебе — простудиться. Ты же «привитая». А чтоб ты согрелась, ласточка моя ненаглядная, я намерен применить совсем другие методы. Ну, и на плюс семнадцать сейчас снова поставлю.

— Свинья. Нет: монстр. Деспот. Ещё и занудный. А уж велеречивый... Ладно, сегодня, чур, готовишь ты. А то я чего-то подустала...

Роджер не возражал. Достал и отделил от кучи тушек очередных двух крыс. Нарубил и нарезал на ломти. Поставил сковороду на плитку, прикидывая, что масло уходит как-то уж слишком быстро. Если так пойдёт и дальше, скоро придётся-таки завалить кого-нибудь из местных жиро— и мясоносителей. Хотя бы для того, чтоб было на чём жарить.

Крысы получились прожаренные. Вкусные. Но Пенелопа кривила носик, кушая их:

— Уже надоели. Мы не могли бы... разнообразить наше меню?

— Могли бы. Вон: паёк НЗ.

— Ешь его сам! Я про ящериц. ...рен с ним: я согласна и на жёсткое и жилистое мясо, только чтоб оно было другое.

— Хм-м... Я работаю над этим вопросом. Дело в том, что нам так и так придётся скоро поохотиться. Только пока не знаю, на кого. Но на такого зверя, чтоб был жирным. Нам готовить, в-смысле, жарить — не на чем. А кастрюлю ты, как я уже говорил...

— Да уж, прости! Не догадалась! Вот в следующий раз — обязательно! — она раздражённо оскалилась, — Ты — что?! Правда — идиот, или умело прикидываешься?! Говорю ему как человеку — не было времени почти ни на что, так хотела его вырвать из лап чудовищной смерти, а он мне теперь устраивает! Разборки из-за того, что не взяла, понимаешь, с камбуза кастрюлю!.. Нудит и нудит, словно склеротик: кастрюлю ему, да кастрюлю!..

— Прости, солнышко. Виноват. Ну вот такой я мелочный, скрупулёзный и занудный. Но ты можешь отомстить мне! Вот сегодня возьми — и не дай мне ничего! Сошлись, как вы обычно делаете, на то, что обиделась. Или — что голова болит. Или устала.

На него в который раз посмотрели. Взгляд Роджера удивил. А ответ ещё больше:

— Да, я обижена. Я, можно сказать, в ярости! И чтоб загладить свою вину, вам, призовой элитный самец, придётся сегодня поработать — так уж поработать!..

Через пару часов, когда они уже помылись и лежали, полностью вымотанные, но умиротворённые и помирившиеся, на своих матрацах, Роджер позволил себе проворчать:

— Придётся, наверное, завалить-таки муравьеда. Раз он жрёт мурашей, то наверняка — не один. А с семьёй. Нужно найти их, и выбрать какого-нибудь... Старого.

— Ну уж нет! Я хочу нормальное мясо, а не такое, чтоб зубы обломать!

Роджер, про себя отмечая, что лишь совсем недавно она была готова на «любое, только другое» мясо, предпочёл промолчать.

Пенелопа снова пристроилась у него на груди, поёрзав, и разместившись так, как уже привыкла: основную массу тела распределив по его чреслам. Вскоре он почувствовал, как её тело привычно расслабилось, и девушка довольно вздохнула. Проворчала:

— Хоть ты и скотина призовая, и зануда редкая, но как печка очень даже хорош. Пока не найдём подходящую пещеру с костром для нашего племени, буду греться об тебя.

— Договорились. — он чуть подождал. Спросил мягко и нарочито небрежно:

— Ну что? На настоящем-то мужчине спать небось куда удобней, чем на манекене?

— Понятное дело! — она вздохнула. Вдруг её дыхание прервалось. Во время возникшей паузы он почувал, как вновь обрели упругость и твёрдость её мышцы, и вот перед его лицом вскинулась лохматая головка. Расширившиеся глаза с почти чёрным зрачком настороженно впились в его:

— Давно догадался?!

Он криво усмехнулся:

— Да, почитай, с самого начала!

— А... Как?!..

— Как вычислил? Да вас, конспираторш хреновых, вычислить — пару раз плюнуть! Чего стоит хотя бы брехня о том, как ты, с твоими сорока килограммами, справилась с начальницей Службы Безопасности. Которая наверняка покрупнее чуть не вдвое, и тренируется каждый день часа по три... А спасательный бот? Слишком ценное оборудова-

ние, чтоб его гробить. Я никогда не поверю, что ты не практиковалась часами, чтоб научиться его нормально водить. И что он — единственный оставшийся. Да и сейчас... Нас, надеюсь, прослушивают и просматривают?

— Нет. В смысле — только прослушивают. Видео действительно сохло.

— Ну и то приятно. Всё-таки — не совсем сами по себе. А под приглядом. Почти как нашкодившие детишки в детсаду. — он подумал, что от зрелища их «ретивых» игрищ кому-то из наблюдательниц, если б таковые случились, и правда могло бы стать дико. И завидно. Удивительно только, как его милая партнёрша сумела настолько отключиться от мысли, что за ними приглядывают, что получала реальные оргазмы. Такое не симулируешь!.. Впрочем, и в этом деле она наверняка тоже... Тренировалась и готовилась. — Ну а очередное подтверждение я получил только что.

Да оно и понятно: с чего бы это тебе, якобы в «первый» раз увидевшей, и получившей в своё безраздельное владение мужчину, объект, к которому в вас, амазонках недоделанных, с детства воспитывают неприязнь и презрение, уже успеть так привыкнуть спать на его могучей груди? Ведь если б было и правда — так, ты, скорее всего, просто отказалась бы. Ну, или фыркала бы и ёрзала. Ворчала, что тебе жёстко, и жарко. Да мало ли... И спала бы сама, демонстрируя независимость и самодостаточность, отвернувшись к стене. А ты...

Нет, такое достигается только тренировкой! Или уж — хотя бы пятью годами брака. Честно скажи: долго привыкала?

— Д-да. Месяцев пять. — Пенелопу передёрнуло, — И ты, конечно прав. Манекен... Не слишком приятное ложе. Как и гипновнушения.

— Ладно, я не в претензии. И я не соврал тогда. Ты мне и правда нравишься. Только ответь мне сейчас, когда мы ещё в безопасности. Ну, сравнительной.

Ты как бы предпочла — чтоб мы, бросив всё, что нельзя унести на себе, сбежали в местные джунгли, и вели действительно первобытный образ жизни? Или всё-таки... — он спокойно смотрел ей в бегающие глаза.

Пенелопа прикусила губу. Затем всё же разрыдалась:

— Нет! Конечно нет! — она снова прилегла, прильнула, щедро поливая его грудь холодной влагой, так и льющейся из прекрасных глаз, и обняв так, словно он — неколебимый утёс в бушующем океане, — Ты и сам всё отлично понимаешь!.. Я... Хотела бы, конечно, вернуться на Станцию! В тепло, в привычную уютность. В свою каюту. К удобному, и

как ты сказал тогда, налаженному быту. К нормальной еде. И душу, где не нужно экономить каждый грамм воды. К тому же «технической», вонючей и холодной.

— Ну хорошо. Мы скажем им об этом. Предположим, ты вернёшься. А я? Что будет со мной? Меня утилизируют?

Ответ раздался совсем не оттуда, откуда Роджер ждал. Он прозвучал из динамика трансляции с подволка бота:

— Нет. Столь ценный экземпляр, к тому же доказавший нам, что у него гибкий и прагматичный интеллект, утилизировать глупо. Это если мягко говорить.

— Добрый вечер. Координаторша, это вы? — Роджеру показался знакомым голос.

— Да. Здравствуй, Роджер. Меня зовут Анна.

— Приятно познакомиться, Анна. Вы уж простите, что так въехал вам тогда в челюсть... — Роджеру и правда было стыдно. Но только — самую малость. Ведь если то, что он подумал о яде было правдой...

— Я не в обиде. — она и правда, рассмеялась — легко и просто, — Да и яд был... Настоящий. Так что ты тогда просто — в очередной раз выжил.

— Рад, что не разочаровал. Но сейчас... Это, как я понимаю, и была моя — верней, наша, — он глянул в настороженные глаза, затем снова поднял взгляд к подволку, откуда доносился вполне доброжелательный грудной голос, — основная миссия? Проверить Землю на пригодность для...

— Да. Для ре-заселения.

— И... как?

— Ответ отрицательный. Счётчик у вас на борту показывает, что вы за четыре дня нахватали столько радиации, что через примерно год наберёте и смертельную дозу. Так что если ты, и правда, хочешь жить — собирайтесь, и улетайте оттуда. Да и то: придётся недели две вам посидеть в карантине. А только потом я тебя, козла призового, выпущу «порезвиться». В наш станционный огород с капустой.

— Анна. — Роджер продолжал разговаривать с Координаторшей, обращаясь к подволку, поскольку считал, что на боте именно там лучше всего прятать и микрофоны, чтоб им не мешал звук шагов, стук и гул механизмов, и прочие неизбежные посторонние шумы, — Можете сказать честно? Сколько их было? До меня?

— Двенадцать. Но на базе твоего тела и мозга — лишь один. Он был самым первым, и продержался на поверхности всего шесть дней. У его «походной» жены начались эти дела, и он отправился наружу один.

Некому было прикрыть его тыл. Вот его и задушил, прыгнув из засады, и обвив кольцами, двадцатиметровый монстр: боа-констриктор. Назвать эту гадину обычным удавом я при всём желании не могу. Я видела запись. Да и ты посмотришь её, когда вернётесь: тогда видео у нас ещё было. Посмотришь и на других тамошних тварей. Они вполне под стать — одни трёхметровые гориллы чего стоят...

Собственно, поэтому мы и избегаем пока Африки. И Индии.

— Понял. Спасибо за простой и честный ответ. Кстати, хотел спросить: мы разговариваем... Через спутник-ретранслятор?

— Нет. Через простой атмосферный зонд. Он сопровождал ваш бот всю посадочную траекторию, и висит над вами с момента посадки.

Роджер прикусил губу. Понятненько. Значит, его надежды на то, что их хотя бы не с самого начала прослушивают, не оправдались. Вот и получается: сколько сил потратили зря. На укрытие плёнками и маскировку... Он вздохнул. Спросил:

— Анна. Я понимаю, что сейчас не время и не место, но всё же хотелось бы знать... Вы и правда — размораживаете нас, мужчин, в основном для... Осеменения? Или больше всё же — для разведкипланеты?

— Вот уж нет. Только «осеменение!» — в голосе Анны снова послышался смехок, — Это было бы слишком... Расточительно. Нет, мы, конечно, размораживаем одновременно от пятнадцати до двадцати экземпляров. Можем себе позволить — гибернатор тут рассчитан на восемь тысяч самцов. Затем заставляем очухавшихся пройти стандартные тесты и полосу препятствий. Потом — схватки. Нужно же проверить и физические и умственные кондиции.

— Погодите-ка... То есть — мужчина может и не... Очухаться?

— Да, может. Примерно один из тридцати пяти-сорока не выживает при разморозке.

— Понятно. И что же — после... Схваток?

— Да то, что ты, — снова смехок, — проделал со мной. Да, один оставшийся победитель даёт нам сперму, которую мы извлекаем из спермоприёмника и замораживаем. И, если уж совсем честно, нам накопленной спермы хватило бы уже лет этак на тысячу.

Но ведь ты уже всё и сам понял. Да, пусть это и подло и прагматично, но основная ваша — ну, мужская! — миссия, это — показать, пригодна ли уже Земля к нашему тотальному исходу. Возвращению в Землю, так сказать, обетованную.

А вы — наша лакмусовая бумага. Показатель. Потому что мы — точно слабее вас, мужчин. И мы — не охотницы. То есть — у нас таких,

заложенных самой Природой, инстинктов, нет. У нас другая специфика психики. И вот: ты в очередной, тринадцатый, раз доказал, что заселяться ещё рано. Стало быть, сэкономил нам силы, ресурсы, и предохранил от излишнего риска, а, возможно, и смерти. Разведчиц. Потому что то, что тебе рассказала Пенелопа о погибших доброволицах — правда.

Роджер не мог не признать рационалистичность такого подхода — после того, как он «сдал» сперму, они там, на Станции, и правда, не много бы потеряли, погибни он!:

— Я понял. Разумно, да. Раз уж вы считаете, что все беды проистекают от того, что правили всеми Правительствами мужчины, и они же — источник вечной агрессии и войн, такое решение напрашивается само собой. Рискнуть человеком второго сорта, чтоб сберечь драгоценные жизни девушек.

— Рада, что ты понимаешь это. Впрочем, я как раз удивилась бы, будь иначе. Ты же у нас — прагматик номер Один! Как и «племенной», элитный, самец. Хоть и «человек второго», — она хмыкнула, — «сорта». Готовься: после карантина женщин у тебя будет столько... Сколько захочешь осеменить! Естественным, так сказать, путём. Правда-правда.

— Спасибо на добром слове. — Роджера передёрнуло так, что Пенелопа возмущённо вцепилась в его бицепсы, чуть не слетев, и сердито рыкнула. Пришлось приобнять её снова за гибкую талию, и опять нежно погладить и похлопать по спине, — Ладно. Раз убивать меня пока не планируется, я думаю, об остальном мы ещё успеем поговорить. В любом случае вы меня знаете. Глупостей делать не собираюсь.

— Вот и отлично. — всё же ему почудилось некое облегчение в тоне Анны, — Ждём вас в любое время. Как соберётесь — так и прилетайте.

— Ага. Ну, спокойной ночи, Анна!

— Спокойной ночи, Роджер.

Щёлкнуло. Вероятно, это Анна отключила динамик трансляции.

Но Роджер был уверен, что микрофоны в боте никто не отключит. Мало ли!..

Как ни странно, они с Пенелопой произошедшее почти не обсуждали. Роджер и так узнал всё, что хотел, а его «походной жене», похоже, было стыдно и неудобно. Единственное, о чём она спросила, закусив на этот раз нижнюю губу, было:

— Сердишься на меня?

Он, нисколько не покривив душой, улыбнулся:

— Нет! — чувствуя, что она не довольна его кратким ответом, и вряд ли ему удалось убедить её в том, что он и правда — не сердится, он с расстановкой пояснил, — Более того: я и на Анну не сержусь. Как и на тех, первых, кто придумал этот коварный план.

Она пошевелилась, словно хотела что-то спросить, но он продолжил:

— А неплохой план, должен признать. Циничный, и грамотный. Использовать того, кто пусть и считается низшим, второсортным, существом, но обладает нужными «инстинктами». Русские называют это «загрести жар чужими руками». Или, по-другому, «заставлять кого-то таскать каштаны из огня». В мою эпоху так использовали собак. Чтоб вынюхать и вспугнуть дичь для охотника. Найти наркотики на таможне. Или — взрывчатые вещества. Да мало ли!.. План, говорю, продуманный.

И если б его разрабатывал я, примерно так бы и поступил: вначале сделать вид, что подопытного спасла для себя первая женщина: чтоб ему казалось, что смерть миновала только чудом, и он должен теперь проявить себя во всей красе любовника — ну, чтоб пожить подольше. Для начала — пусть и в качестве сексуальной игрушки.

Затем его должна спасти, уже от этой унижительной роли, вторая женщина — спасти уже для того, чтоб создать Семью. Якобы. А поскольку на Станции им не спрятаться, приходится бежать на Землю — единственное место, где он, последний мужчина на всю Солнечную систему, ещё может надеяться избежать утилизации. И продолжить свой род. Это тоже грамотно: первичный и основной инстинкт требует от настоящего мужчины именно этого: продлить свой род! То есть — передать потомкам-самцам именно свои гены.

А поскольку получается, что на Земле рассчитывать кроме самого себя ему не на кого, подопытный и должен: сам сделать всё, чтоб выжить. И всё узнать про планету, где якобы жить его детям...

Вот этот момент — насчёт выращивания тут, на заражённой пока планете детей — конечно, спорный... Потому что любой мужчина захочет, конечно, чтоб им было хорошо, и уж расстарается. Нет, спорный он не в этом смысле, а в том, что делать упор именно на детях, которых пока всё равно опасно рожать и выращивать здесь, и было самым... э-э... подлым моментом плана. Но, как говорится, стыд глаза не выест, а результат нужно получить. Пожертвовав, если придётся, и самим подопытным — его не жалко. Поскольку в иерархии Сообщества амазонок он занимает примерно такое же место, как занимали негры у нас в Америке до отмены рабства.

Тут я, конечно, попенял бы вашему ведомству пропаганды: глупо представлять нас, мужчин, так однобоко и примитивно. Гитлер уже пытался представить так — евреев. Как второсортных, и ущербных и нравственно и физически, выроdkов. А наша, штатовская, пропаганда — русских. Они, дескать, все агрессивные, неадекватные, и пьяницы. А китайцы — мурашики-трудоголики. Эстонцы — тормоза. А Индусы — грязно...опые идиоты и лентяи. Годные только мелодрамы с песнями и танцами снимать. А итальянцы — любвеобильные макаронники.

Ни к чему хорошему такая политика не ведёт: презирать тех, кто живёт просто по-другому, руководствуясь своим разумом и своими традициями уклада жизни — глупо.

Но не буду сейчас втуне разбрасывать перед тобой перлы моего красноречия: то, что вдолбили с младенческих лет, не переделать никакими доводами разума! — он легонько постучал ей в висок кончиком указательного пальца. Пенелопа предпочла промолчать. Роджер подумал, что он и правда: зануда. Зачем ей вся эта мораль?! Она хочет лишь одного: вернуться в тёплый и уютный мирок Станции! Пора заканчивать с нотациями:

— Ладно, всё уже сделано. Понять и уже вполне добровольно исполнить ваш план мне так и так пришлось.

Собственно, понять его было не трудно: я должен был проникнуться мыслью, что выжить тут, внизу — моя основная задача. Идея тех, кто разработал этот план, была в том, чтоб сыграть на моём чувстве долга и ответственности. Для начала — за тебя. Спасшее меня, и целиком доверившееся мне существо. Такое тоненькое, хрупкое, и беззащитное. Практика показала, что мой характер вычислен верно. Да вы наверняка и мои сексуальные предпочтения узнали из анкеты. Ты — мой секс-идеал!

И сработало же.

Потому что тот, кто хочет что-то сделать — найдёт тысячу способов. А кто не захочет — тысячу причин. А я захотел. Спасти тебя. Ну, и себя, конечно... Чтоб мы подольше были вместе, ласточка моя ненаглядная. Малышка. Кошечка. Сокровище бесценное, хоть иногда и капризное и ворчливое. Тростиночка моя, божественно стройная и гибкая... Всё у нас теперь будет хорошо. Мы будем вместе, и проживём счастливую жизнь! Голубка ты моя сизокрылая...

Он продолжал осторожно гладить и водить руками по её такой приятной на ощупь спинке, и шептать нежные слова в ушко до тех пор, пока через буквально несколько минут её мышцы снова не расслабились, и она не засопела, уткнувшись маленьким носиком ему в ключицу.

Самому Роджеру не спалось.

Конечно, он понимал, что сейчас уже и правда — почти ничего сделать не сможет.

Да и с самого начала ему было понятно, что то, что он выжил, а потом был «чудесным» образом спасён — просто часть плана. Коварного плана. Подлого и прагматичного.

Самец, уже давший семя, бык-производитель, может быть полезен только для двух вещей. На — вот именно — ещё семя! И — на мясо.

Он — пушечное мясо. Вернее — лабораторная крыса. На которой проверяют возможность остаться в живых на заражённой и промёрзшей планете. (А, получается, хорошо, что он не стал никого там, на Станции, да и тут, внизу, убивать! Не нарушил никакого «природного» равновесия. И не подорвал «доверия» к себе. У контингента. У женщин.)

На Станции он, конечно, просмотрит материалы остальных двенадцати миссий.

Сможет дать несколько дельных советов руководительницам Станции. И с точки зрения заселения, и с точки зрения текущего ремонта самой Станции... И комплектации бота для следующего раза. Сможет удовлетворить своё любопытство, узнав у Матери, как погибли мужчины. Осеменить несколько десятков, или сотен — не суть! — отобранных для этого самок. Тыфу ты — женщин, если называть этих «носительниц-инкубаторов» столь высокопарным термином.

Однако никаких сомнений в том, что изменить принципиальный подход к себе, и мужской половине человечества в целом, он не сможет. Ему этого просто не позволяют.

А всё — из-за прецедентов. С бунтами предыдущих «осеменителей». С другой стороны он не мог не признать, что чёртовы амазонки, похоже, научились неплохо выживать, и до сих пор свято верят, что все беды человечества произошли от них, от мужчин!

Наивно, да. Но пока не нужно им указывать, что от кое-каких пороков любого Социума и им не удалось отделаться.

Карьеризм. Амбиции. Зависть. Подсизивания, сплетни, закулисные интриги.

Роджер был уверен, что ещё столкнётся со всем этим там, на Станции.

А ведь всё это рано или поздно приводит к разборкам. Жертвам.

Или, когда уж градус противостояния зашкаливает — гражданским войнам.

Так что его задача на предстоящем этапе — просто...

В очередной раз выжить.

Утром он обнаружил, что Пенелопа снова проснулась первой. Но с его «могучей и тёплой» груди слезать не спешит. Он потянулся всем телом, похрустев лопатками:

— Знаешь, на Станции наверное, будет тепло. Нужно освоить для разнообразия и сон на боку. Слезь. А теперь повернись-ка спиной. Ага, вот так.

Роджер уложил тело, сейчас не оказывающее никакого сопротивления, в привычную позу. Одну её ногу продвинул вперёд, согнул в колене. На другую её ногу закинул свою. Поёрзал.

— Нормально?

— Угу. Где ты раньше был? Я об тебя, скотина костлявая, всю грудь намяла.

— Ну-ка, дай-ка я посмотрю... — он нежно облапил, поглаживая, а потом и целуя, означенные предметы, замычал — ему и правда, её миниатюрные груди нравились. Соски затвердели. Он перебрался губами ниже — на животик, а затем и ещё ниже. Она откинула голову назад, тяжело задышала...

И скоро всё у них завершилось так, как завершилось после таких «прелюдий».

Пенелопа, закончив содрогаться, вдруг застонала и разрыдалась:

— Скотина! Кобель! Теперь ты уже не будешь только мой!

Роджера покорило. Но он нашёл в себе мужество ответить весело:

— Не парься. Не твоим я буду только во время работы. А по ночам-то, на отдыхе — я безраздельно твой! Нас же так и так поселят — в твоей каюте?

— Нет. Ты будешь жить в люксе, с огромной кроватью. И прислуживать тебе будут самые симпатичные горничные. В эффектных и сексапильном кружевном белье, и в туфельках на шпильках.

— Серьёзно?

— Нет, конечно... — она сморщила носик, — Шучу. Читала и смотрела порно. Откуда у нас на Станции кружевные чулочки и трусики?

Он засмеялся. Пенелопа пару раз подхихикнула. Потом посерьёзнула:

— Ладно, давай вставать. Пора завтракать, да убираться отсюда к такой-то матери.

— Насчёт позавтракать — с моим большим удовольствием. А вот насчёт убираться... Мы же не всё тут осмотрели, если уж честно. Если

ещё с денёк посвятим разведке — горячо любимой радиации особо много не нахватаем.

— Хм. И чего это столь важного ты собираешься тут найти?

— Если честно — не знаю. Но вот чует моя задница, что кое-каких звеньев местной пищевой цепи мы-таки ещё не увидели! Не люблю, когда работа недоделана.

— Зануда. Педант. Ну, это я уже говорила. С другой стороны, я рада, что ты — такой.

— Это ты просто привыкла.

— Точно. Ну, подъём!

Вышли из бота ближе к одиннадцати. Туч для разнообразия не было. Солнце уже вылезло над кромкой их ямы, и сейчас слепило глаза: они двигались прямо на восток. Роджер вдруг остановился, остановил и развернул к себе напарницу. Подмигнул, и сделал жест Пенелопе — молчать.

Она кивнула.

Роджер вынул из набедренного кармана клочок бумажки и карандаш — вот хорошо, что не поленился обследовать все шкафы трюма заранее. Написал:

«На, или в твоём теле — есть микрофоны?»

Пенелопа, хмурившая брови, это дело прекратила, и закивала головой, взяв у него карандаш, и быстро написал:

«Есть!»

«А видеокамеры?»

«Нет!»

«А где-нибудь на мне?»

«Нет! Иначе ты бы почувал и нашёл их!»

— Ну что, попробуем идти помедленней, а то шумим и запыхались?

— Ладно. Только не слишком медленно. А то ты задолбал со своим «недостающим звеном» — ищи уж побыстрее. Я всё же рассчитываю убраться отсюда к обеду. — она отлично поняла, что их слишком долгое молчание может насторожить прослушку.

— Угу. — он за это время написал:

«Какое сегодня число и месяц?»

«Двадцать второе сентября».

«Двадцать третьего октября в четырнадцать часов по общебортовому времени собираемся у бота. В трюме. Бежать нужно днём. Согласна?»

«Согласна-то я согласна. Но — почему?!» — она так смотрела на него, словно и правда не понимает. Роджер глянул на неё с печалью. (Глупенькая!) Покачал головой:

«Я уверен, меня всё равно скоро убьют. Я — слишком сильный и уваренный в себе Лидер. Твои начальницы просто побоятся такого оставляя в живых. Даже в качестве «почётного пенсионера!» Во избежание.

Пенелопа прикусила губу — слова чуть было не вырвались наружу! Написала:

«Ты прав! Придётся драпать. Куда?»

«Думаю, в Африку.»

«Да, наверное.» — он забрал у неё листок, и аккуратно сунул в рот. Разжевал, проглотил. Пенелопа скривилась — словно это она съела невкусную бумагу.

Он кивнул, и они осторожно, стараясь не шуметь, двинулись дальше сквозь джунгли. Роджер вглядывался в окружающий хаос внимательно: знал, что «недостающее звено» наверняка где-то рядом. И не ошибся.

«Звено» само буквально выползло к их ногам. Пенелопа принялась смеяться. Роджер подумал, что в этом смехе, пожалуй, имеется добрая доля истерии.

Звено оказалось дикобразом.

Небольшим — не больше крупного ежа, на вид сердитым, и жутко колючим.

Роджер, увидав, как зверёк длиной-то — с руку, уверенно направился к его ноге, сердито кося глазом, и приняв хвываясь, буркнул:

— Бежим-ка мы отсюда. Да побыстрее. У такого харизматичного и самовлюблённого на вид паршивца наверняка имеется твёрдая уверенность в том, что он тут — царь зверей. И сможет сожрать или закусать до смерти любого, покусившегося на его территорию.

— С чего бы это нам бегать от такого заморыша?!

— А с того. Раз выживает до сих пор, значит — или колючки действительно очень прочные и острые, или — концы смазаны — вон, видишь, блестит! — чем-нибудь вроде трупного яда. Уколешься — гангрена обеспечена!

Пенелопа очень быстро, так, что даже обогнала Роджера, двинулась в указанном им направлении. Пока они со всех ног ломались через чащу по своим же следам, она лишь старалась дышать поглубже, да утирать пот с лица. Зато когда они укрылись в безопасности трюма

за закрывшейся дверью, не удержалась, чтоб весьма желчным тоном не поинтересоваться:

— Ну, биолог-любитель? Доволен теперь?

— Нет. — он резко сменил тему, — Есть у нас портативный аккумулятор и пара кабелей?

На него недоумённо поморгали, затем смилостивились:

— Есть. — тон оказался весьма недовольным. Задержка же!

Аккумулятор и лопату тащил Роджер, кабели и металлические пруты — Пенелопа.

Правда, идти далеко не пришлось. Роджер быстро раскидал до половины яму, где они зарыли требуху от крыс, стал копать чуть в стороне ямы — в глубину: «Это чтоб не нюхать!» Когда пошёл снова слой с отверстиями-норами, остановился.

Чтоб установить аккумулятор на расстоянии десяти шагов от ямы, вбить стержни, и протянуть к ним по пять метров кабеля, ушло минуты три.

— Порядок. Смотри: когда я покажу, прикоснёшься клеммой вот к этому полюсу!

Роджер громко потопал позади штырей. На цыпочках вернулся к яме. Сделал жест: «Давай!»

Слышно ничего не было, но через буквально пять секунд что-то из одного из отверстий вылетело — если б его не затормозила стена ямы, Роджер и не понял бы — что! Вернее — кто. А так вполне удалось разглядеть.

Существо навряд ли мыши, только с толстеньким туловищем, и без глаз. И с чудовищными зубами-резцами спереди: два торчало сверху, два — снизу. Он поманил напарницу рукой.

Пенелопа долго чесала в затылке, разглядывая бессмысленно тычущуюся в поисках норы, тушку:

— Кто это?

— Слепыш. Он типа крота, но копает гораздо лучше. И если кроты — хищники, и жрут только мясо — ну там, червей дождевых, клещей, тараканов всяких, то слепыш питается корнями. И клубнями. Вот оно: наше недостающее звено. Тот, кто перевёл всё, что здесь было под землёй растительного и съедобного — в свою массу. А уж его едят, думаю, и черви, и дикобразы, и даже муравьи. Ладно, иди выключи ток.

Слепыша Роджер лично, правда — кованным носком сапога, поскольку не без оснований опасался полудюймовых резцов! — направил в ближайшую норку...

Яму закапывать не стал. Зачем?

На обратном пути он первый нарушил молчание:

— Теперь я доволен. Этот гад отлично вписывается в ту нишу, которую я считал незаполненной. Он — и травоядный, и всеядный, и — водится повсеместно. Яму изрыл вдоль и поперёк.

— Ну, я очень рада. И за него и за тебя. Теперь можем лететь?

— Теперь — можем. Обедать будем... Уже там?

— Да! Да.

Поднять кораблик в «стойку» гидравликой опор-шасси оказалось нетрудно, потому что они не стали заморачиваться со стаскиванием с него маскировочных плёнок. Старт прошёл штатно, и Пенелопа уже не старалась показать ему, что приборы управления ей знакомы плохо. Роджер сидел, даже не пристегнувшись, и пялился в экраны. На подлёте, когда Станцию уже было видно, буркнул:

— Ну вот. Порезвившиеся и нашалившие цыплята снова возвращаются под тёплое и уютное крылышко мамы-клушки.

Пенелопа ничего не сказала, но губки её дрогнули.

На весь путь ушло целых полтора часа. Потому что Пенелопа теперь шла по «экономичной» траектории, сберегая всё то же горючее.

В шлюз вплыли осторожно, и медленно. Магнитные захваты притянули и зафиксировали шасси. Минуту пришлось ждать, пока в шлюзовую вернут воздух. После чего открылась внутренняя переборка, и тележка с ботом въехала по рельсам назад в трюм.

Их уже ждали.

Встречающих оказалось трое. Мило улыбающаяся Администратроша, Координаторша, недвусмысленно облизывающая губы, словно кошка перед миской сметаны, и ещё одна женщина с весьма хищной и неприятной улыбкой, явно не натуральной, а нарисованной на жёстком квадратном лице. Роджер покивал всем по очереди:

— Анна. Диана. Добрый день.

— Здравствуй, Роджер, здравствуй, Пенелопа. — Координаторша вежливым жестом указала на незнакомку, — Это Марина, наш начальник Отдела Внутренней Безопасности. Она настаивает, чтоб мы сейчас не обнимались, как старые знакомые, а проследовали сразу в карантинный блок.

— Понимаем. Разумно. Кстати — я удивлён. Ведь мы с Пенелопой обследовали карстовую воронку счётчиком, там нет такого уж прямо — огромного остаточного фона. Откуда мы нахватили?

— Думаю, из крыс. — голос у Марины оказался весьма жёстким, ничуть не разочаровав Роджера в её оценке как циничной и желчной осо-

бы, — Пищеварительные органы в десятки раз чувствительней к радионуклидам. У них же нет кожи и мышц.

— Логично. Ну что, идём?

— Идём. — они двинулись, держась на расстоянии не меньше двух метров позади так троицей и пошедших женщин. Анна повернула голову:

— Желательно, конечно, чтоб вы хотя бы на первых порах не... Предавались игрищам слишком активно. Роджер, ты уж извини — но ещё как минимум неделю твоя сперма будет... э-э... опасна. С точки зрения мутагенеза. Ну а уж после карантина...

Чур, я — первая!

Роджер криво усмехнулся:

— Договорились! — Пенелопа посмотрела на него, но промолчала. Похоже, её сдержало присутствие вот именно — начальства. Но уж лицо его «походная» сделала!..

Карантинный блок представлял собой две практически стандартные комнаты — в точности таких же, как у Дианы. Стоя на пороге, Роджер попрощался с женщинами коротко:

— Ну, вот возвращение блудного сына и состоялось. Девушки, до новых встреч!

Анна покачала головой:

— Скорей, уж — блудного кобеля.

Роджер подумал, что вряд ли кто тут заценит его образованность и кругозор: никто Рембранта наверняка «не читал».

Пенелопа опять промолчала.

Зато когда дверь за начальством закрылась, щёлкнув замком, бросилась прямо на пол, и разрыдалась. Роджер почесал в затылке:

— Не понял. Это же ты первая хотела сюда вернуться! Здесь же и удобства, и налаженный быт, и еду готовит кок, а не шестидесятилетний дебил! Или это — от радости?

— Нет, — она не вставая, повернула лицо к нему, — Не от радости. Я понимаю, что по-идее, должна быть рада... Но почему-то не рада.

— А-а, значит, это от тоски по экстремальным развлечениям, от которых мы добровольно... Вернее — почти добровольно...

— Нет! — она перебила его, — Я и сама толком не понимаю, с чего это я веду себя как последняя идиотка. Плохо мне, вот и всё!

Роджер подошёл. Нежно приподнял девушку с пола. Обхватил, на руках пронёс в спальню, и бережно уложил на кровать, в который раз поразившись, как мало его напарница по побегу весит. Сам сел рядом, автоматически глянув на решётку климатизатора.

Пенелопа буркнула:

— Плевать. Пусть слышат. Я, когда в самом начале соглашалась на эту «почётную миссию», если честно, думала, что всё будет совсем по-другому... Что это я с тобой буду носиться, как дурень с писанной торбой, и учить уму-разуму. И беречь от опасностей. И монстров. Всё-таки, это я — ознакомлена с материалами всех предыдущих миссий. Натренирована на тренажёрах и симуляторах, даже экзамен сдала: по матчастии и каверзным вопросам. Легенду так вообще — заучила назубок! Как заправская шпионка... И знала, где и чего ждать, и опасаться. Вроде бы.

Ан — нет. Там, в изоляте, мы до сих пор не приземлялись. Выбрали только потому, что там температура и правда была — выше, чем где бы то ни было ещё в центральной Америке... И нате вам — оказалось, что вот именно там — уникальные условия. Да и зверушки. Так что я даже не знаю, справилась ли я со своей миссией, или нет...

— Не парься. — Роджер в который раз применял это выражение, понимая в то же время, что не слишком-то оно успокаивает явно расстроившуюся девушку, — Уж если кто и справился, так это — ты. Кстати, а как тебя на эту роль вообще — отобрали? У вас был кастинг? Бои? Как проводился отбор на звание самой крутой и безбашенной экстремалки?

— Нет. Нет... — теперь она, кажется, расстроилась ещё больше, потому что слёзы буквально брызнули из глаз, — Кастинга не было. Меня... Я...

Словом, Комиссия посчитала, что мной можно, без ущерба для колонии, пожертвовать. С таким лицом я ни в производительницы потомства, ни в высококвалифицированный персонал не гожусь. «Вызываю отрицательные эмоции» и «неуставные мысли» у смотрящих на меня! Ну, сам видел! — она ткнула пальцем в свои шрамы, — Такую — только в неквалифицированный обслуживающий персонал. Типа уборщицы. Или младшей кладовщицы. Чтоб не маячила. И не нервировала. Меня даже в столовой ставили в графике после всех — когда уже все поели!

Роджер не придумал ничего лучше, как провести осторожно ладонью по травмированной стороне лица, улыбнувшись:

— Дурочка. Ты у меня — самая красивая и умная. Потому что это — он нежно положил руку снова на шрам, — Шелуха! Ты — кремень и сталь там, внутри. И я чертовски рад... И горд, что выбрали тебя!

Потому что девушки с прекрасными лицами и фигурами всегда больше думают о том, как они выглядят, да как сохранить подольше

эту неопишемую красоту, чем займутся о каком-нибудь деле. Да и амбиции у них... В смысле карьерного роста.

А ты — переживала за нас с тобой. Реально — я же видел. И с делом справилась отлично. Такую «боевую» подругу не стыдно было бы иметь и Адаму!

— Спасибо, конечно... С точки зрения успокаивать женщин, обзывать и унижая их, тебе, конечно, равных нет!

— Всегда мечтал унижить тебя ещё сильнее! Ну-ка, скидывай чёртов комбинезон!..

«Унижить» действительно пришлось — чёртова кровать оказалась слишком уж непривычно мягкой и неудобной, и в процессе «унижения» Роджеру пришлось стащить матрац с постели, и кинуть прямо на пол.

Зато когда они закончили, на этот раз придя к пику в полной гармонии, он пожалел. Что они так низко: по полу дуло. Кряхтя, он потянулся, и перетащил одеяло: в пылу игрищ оно оказалось скомкано в углу постели. Пенелопа заворчала:

— Не надо — мне жарко!..

— Это сейчас тебе жарко. А я вовсе не хочу, чтоб ты, пережив земные морозы, простудилась уже здесь, от банального сквозняка от климатизатора.

— Ну, спасибо. — она и правда подоткнула себе одеяло под бёдра и таз, — Заботливый ты мой. Радуйся, что сейчас тебя эксплуатирую только я. А скоро придётся тебе поработать и на благо всех способных родить женщин колонии!

— Ничего. Надо — и поработаю. — Роджер подмигнул, — Надеюсь, за пару-тройкулет управиться! Или вас, готовых к осеменению, гораздо больше?

— Да нет. Собственно говоря, способных родить сейчас у нас, думаю, имеется не больше двух сотен. Если принять за норму одну женщину за ночь... Да «обрабатывать» через день... (День — на отдых!) Управиться и за год, кобелина призывной!

— Вот и хорошо. Главное — питаться полноценно. И кушать натуральное мясо. Вы тут не практикуете отправку зондов на охоту за дичью?

— Хм... Насколько я знаю — нет. Да и дичь так и так была бы... Радиоактивная. Жрёт же — еду с остаточной.

— Да и ладно. Мне, собственно, и наших крыс бы хватило. Хотя бы на первое время.

— Ну, уж это — на усмотрение начальства! И то — только после их деактивации!

— Ну что? Как вам, мэм, эта мысль насчёт «свежего мяса»?

— Хм-м... Вполне, кстати, разумно. Он прав. Для быстрого и полноценного восстановления мужских сил нужно заниматься этим вот именно — через день. И питаться мясом. Яйцами. Молоком, творогом, сыром. А не тем, что мы тут синтезируем в автоклавах. Где у нас самый низкий фон?

— Сейчас — в Австралии, мэм. Но там кроме...

— Знаю. Ничего: пусть ест чёртовых, как он говорит, кроликов. «Мясо» же! Приемлемо: пару раз можно сгонять бот. На полгода ему штук тридцать хватит. А через полгода...

— Неужели мэм, мы и его?!..

— А почему — нет?! Что изменилось? Конечно, он и разумен, и прагматичен. Но — и коварен и хитёр! Тот ещё тип... Мы же не хотим, чтоб нами снова управлял какой-то вонючий козёл?! Он ведь может и наши Законы подправить — так, чтоб снова вернуть «нормальную семью»! А нам нужны лишние проблемы и вечные разборки и скандалы?

— Разумеется, нет, мэм! Не нужны.

— Ну, то-то... Так что через полгода, максимум — девять месяцев, когда начнут рождаться его дети, мы убедимся, что они — нормальные, и...

Распрощаемся с Роджером-два.

— Да мэм. Так точно, мэм.

(Продолжение следует)

Александр Зубенко

Краматорск, Донецкая обл.

УРОЧИЩЕ КРОВОЙ НОРЫ
(Из цикла «Пропавшие экспедиции»)

Глава 1-я

Становой хребет.

Река Учур.

Кротовая нора. Подземелье.

1976 год. Август месяц.

6:00 утра таёжного часового пояса.

Датчик показания потустороннего энергетического поля зашкаливал с самого утра, перескакивая световым индикатором стопроцентную отметку.

Тут было что-то не так.

Не по-нашему.

Не по-земному.

Световая линия плясала зигзагами, вытягивалась в тонкую нить, тихо гудела, затем вдруг взмывала вверх максимальным пиком, что свидетельствовало о полной неспособности прибора уловить очередной мощный выброс магнитной волны в нижние слои стратосферы. При этом датчик издавал жалобный зуммер, будто просил избавить его от необходимости объять необъятное.

Антон нахмурился, постучал ногтём по монитору, словно тот был виноват в непонятной аномалии, ещё раз сверился с показаниями шкалы, встал в нерешительности, и уже сверху глянул на прибор, уставившись на него недоумённым взглядом. Всю неделю работал, как полагаётся, а именно сегодня, в его, Антона, день рождения, начал выдавать непонятные амплитуды, да ещё такими мощными сполохами возмущения. Того и гляди, расплавится от натуги.

Антон чертыхнулся про себя. Теперь придётся будить Сазонова.

Сегодня, 16 августа 1976 года Антону исполнялось 32 года, и он запланировал отметить с коллегами по раскопкам свои именины, распив в обед припасённую бутылку коньяка. Затем уже, наконец, и отдохнуть,

первый раз за всю неделю, если учесть, что к месту раскопок они добились без отдыха восемь дней: пешком, по тайге, застревая в болотах, пересекая бурные реки и продираясь сквозь буреломы могучей таёжной природы.

Антон был помощником начальника раскопок, и только ему одному теперь надлежало уведомить Старика (как они любовно называли своего главу экспедиции, доктора наук и профессора истории Дмитрия Семёновича Сазонова) о непонятной аномалии, приключившейся с прибором, работавшим до этого совершенно чётко и безотказно. Сазонов, похоже, ещё спал в палатке — утеплённой, двойной, брезентовой — метрах в двадцати от их общего штаба раскопок, и Антону отчаянно не хотелось его будить, поскольку тот отшагал за эти дни наравне со всеми не один десяток километров. А ему, как-никак, уже 62 года, следовательно, на тридцать лет старше самого Антона.

Именинник откинул полог большой палатки с переносной рацией, сейсмологическими радарам, спутниковой антенной, спектрографом и прочим оборудованием, вышел наружу и потянулся. День обещал быть чудесным. Веяло костром, свежим солёным воздухом далёкого Охотского моря и запахом могучей тайги. Их место раскопок располагалось в долине реки Учур, левого притока Алдана, который, в свою очередь, являлся притоком стремительной Лены, простиравшейся от Верхоянского до Станового хребта, теряясь где-то истоками в Амурской тайге.

Вчера они поймали двух великолепных тайменей, килограмм по десять каждый и, выпотрошив, оставили вялиться у костра, чтобы сегодня, в его день рождения накрыть их на праздничный стол под бутылку доброго коньяка, припасённого археологами для такого торжественного случая.

Антон машинально взглянул на горевший в центре поляны огонь и махнул рукой проводнику, дежурившему под утро. Николай-калмык как раз поправлял москитную сетку, укрывавшую две тушки тайменя от таёжного гнуса, который был настоящим бичом экспедиции, если бы не специальный настой, приготавливаемый им из загадочных растений раскинувшейся вокруг тайги. Николай махнул в ответ и показал жестом в сторону палатки Старика, давая понять, что там ещё спят. Калмык был лет на десять старше Антона, включая в свои обязанности навыки геолога, а если возникнет необходимость, то и водителя.

Их группу довели на вездеходах и высадили в тайге за двести километров от предполагаемого объекта, в расчёте на то, что оставшийся маршрут они преодолеют пешком, неся всё необходимое на своих плечах. Сейчас в тайге они были одни на расстоянии трёхсот километров

по радиусу от ближайшего крупного населённого пункта. Генератор, палатки и прочее оборудование им неделю назад скинули на верёвках с вертолётa в заранее обговоренном месте и, запустив дизель, они смогли обеспечить себя, как электропитанием, так и подключением приборов к работе. Провизию с иными предметами необходимости геологи сложили в штаб-палатке, часть консервов закопали для длительного хранения и расставили палатки по периметру лагеря, оставив место в центре поляны для неугасающего днём и ночью костра. Получился своеобразный ритуальный очаг со всеми признаками калмыцких поверий, бытующих в этих краях ещё со времён Гипербореи.

Группа геологов состояла из пяти человек, включая проводника Николая, которого в шутку называли шаманом. Кроме Дмитрия Семёновича Сазонова с любовной кличкой Старик, его помощника Антона и шамана Николая, в неё так же входили сорокалетний геодезист-топограф, бывший старатель Тимофей Ружин из бурятских сибиряков, и Даша, племянница Сазонова, исполняющая обязанности медсестры и повара. Двадцатипятилетняя, незамужняя ещё девушка, узнав, что её дядя отправляется в очередную экспедицию, тотчас примкнула к ней, поскольку всегда сопровождала своего единственного родственника в любых его изыскательских походах. Родители-геологи пропали без вести где-то на Камчатке, едва ей исполнилось восемь лет, при весьма загадочных обстоятельствах во время такой же экспедиции, и вот уже семнадцать лет она сопровождала своего дядю в любых изысканиях, будучи постоянным и неотъемлемым членом его команды.

В палатке она обитала с Дмитрием Семёновичем, отгороженная брезентовой ширмой и, закончив каждодневные текущие дела, любила перед сном под свет шахтёрского фонаря на мощных аккумуляторах почитать Ремарка, Булгакова или Гарднера — эти три увесистых тома и составляли всю её походную библиотеку, скинутые с вертолётa вместе с остальными вещами. Дашу любили в команде, оберегали, хотя, собственно, она, как никто меньше всего нуждалась в этой опеке, постоянно подчёркивая, что она такой же член экспедиции, как и все остальные. Девушка была не из пугливых, могла постоять за себя, и в крайне сложных ситуациях обладала навыками выживания, привитые ей ещё с детства её дядей.

Оставался Тимофей Ружин.

Этот крепкий угрюмый сибиряк часто не разделял всеобщего позитивного настроения, предпочитая находиться в одиночестве, стараясь меньше общаться, разве только при крайней необходимости. О прошлой его жизни никто не знал, кроме очевидно Дмитрия Семёновича,

который держал его в команде только по одному ему известным причинам. Геодезист-топограф никому не мешал, делал свою работу, был молчалив и, оставаясь по ночам в палатке с Николаем и Антоном, старался сразу уснуть, просыпаясь по утрам раньше любого геолога.

В противоположность ему, Николай-калмык был весьма общительным приятелем, хорошим проводником и неутомимым слушателем импровизированных лекций, которые зачастую у костра по вечерам развивал профессор Сазонов, предполагая, что перед ним в образе проводника находится вся аудитория его студентов на кафедре института. Единственное, что сейчас озадачивало Николая, что в этом районе реки Учур ещё ни разу не ступала нога цивилизованного человека. Белое пятно на карте радиусом в триста километров, здесь, у бурных порогов реки было ему неизвестно: ни ему, ни его предкам, никому другому. Он привёл группу геологов сюда, следуя указаниям Старика, можно сказать, в *никуда*. Это была зона тайги, неизвестная ни цивилизации, ни охотникам, ни рыбакам из ближайших поселений. Сюда никто не забредал. Это место было будто отгорожено от всего мира, затерявшись в озёрах, холмах, сопках, болотах на долгие триста километров в любую сторону по масштабам географической карты. О таких зонах говорят: аномальные.

Николай из своих поверий древних шаманов знал другое название этого места: *проклятое*.

Как покажут дальнейшие события, он ошибался только в одном.

А именно...

Эти места уже посещала нога человека.

А начиналось всё, собственно, так...

Два года назад в эту неизвестную зону тайги выдвинулась экспедиция энтузиастов-геологов под предводительством друга Сазонова по кафедре института, такого же неутомимого исследователя профессора Требухова Бориса Александровича. После очередного сеанса связи вся группа из шести человек исчезла и сгинула навсегда, не оставив после себя даже координат их последнего местопребывания. Несколько недель с высоты велись поиски, и вертолёт кружил над разливом реки Учур, словно пчёлы над ульями, однако ни к каким результатам поиски не привели. Мало того, команда спасателей, составленная из местных рыбаков и охотников за пушниной, так же необъяснимым образом исчезла, оборвав связь по рациям на восьмой день продвижения вдоль сопки и болот. Итого на данный момент без вести числились уже шесть

человек группы Требухова и десять рыбаков с охотниками. И вот что было интересно. Как только вертолёт влетал в зону поисков, в кабине пилотов начинали отказывать все приборы навигации, винты сбавляли вращение, будто попадали в некий спрессованный воздух, а компасы и часы выходили из строя, прежде чем кто-либо успевал это заметить. Пилоты вели свои машины вслепую и не имели возможности общаться по рациям, и как только лётчики вылетали из зоны поисков, приборы тотчас приходили в рабочее состояние, будто и не было их бешеной пляски в районе трёхсоткилометровой зоны отчуждения. Видимо, та же самая аномалия произошла и с группой Требухова, а позже и с командой спасателей. От обеих групп на данный момент не было ни слуху, ни духу, хотя прошло уже два года со времени их исчезновения. Поэтому, когда встал вопрос об очередном походе в малоизученные места Хабаровского края, Дмитрий Семёнович Сазонов предложил маршрут, по которому два года назад ушёл и не вернулся профессор Требухов. А так как Старик был ещё и членом комиссии, то Географическое сообщество при Академии наук СССР безоговорочно приняло его предложение.

Самолётом они долетели до Якутска, вертолётными доставили до последнего крупного населённого пункта, пересадили на вездеходы, и почти двое суток везли к месту высадки, откуда они вдоль извилистого берега реки, по тайге и болотам, минуя сопки, скалы и долины, пробирались восемь дней с проводником-калмыком к месту нынешнего расположения лагеря. За все эти дни, проведённые в тайге, они ни разу не наткнулись на какие-либо следы, указывающие на пребывание в этих местах экспедиции Требухова или их спасателей. Впрочем, по прошествии двух лет, на это уже мало кто надеялся, но даже ржавая консервная банка или обрывок комбинезона с оторванной пуговицей могли указать им, что люди здесь побывали, а затем бесследно исчезли.

Но... увы. Тайга поглотила в себя две группы людей, не оставив даже намёка на их некогда существование.

И вот когда уже отчаявшиеся в поисках путешественники с собакой вышли к побережью Учюра, им в глаза бросилась непонятная аномалия, заставившая их разбить лагерь близ неё, несмотря на то, что тем самым они отклоняются от первоначального маршрута, разработанного ещё в кабинетах Географического сообщества. Получив помощь от вертолётчиков в виде продуктов и оборудования, они перенесли груз ближе к берегу, и уже вторую неделю ведут раскопки в аномальной зоне, без выходных и отдыха, не считая сегодняшнего воскресенья, когда Антону исполнилось 32 года. На сегодня они, наконец, наметили выходной, из-

ловив в реке двух великолепных тайменей для праздничного стола, который пообещала накрыть Даша.

...А тут этот прибор, чёрт бы его побрал, чертыхнулся Антон.

Он озадаченно почесал затылок и пошёл к костру, где в клубах стелющегося ароматного дыма суетился Николай, сменивший ночью Тимофея Ружина. По словам Николая, геодезист поднялся засветло и отправился с ружьём куда-то к порогам реки, не прихватив с собой даже Лешего. Пёс был любимцем всей группы, и кличка, которой наградил его хозяин в лице калмыка-проводника, доставляла всем забаву, граничащую с постоянным весельем. Он был незаменим, когда дело касалось отыскания в тайге следов, преследования грызунов или в качестве сторожа при расположении лагеря. Именно Леший обнаружил своим нюхом что-то непонятное, заставившее группу остановиться и осмотреться на месте более внимательно.

В тот день Леший как всегда бежал впереди, вынюхивая следы куниц и горностаев, следом за ним сквозь хвойные заросли и болота продвигался Николай, затем шёл Старик, за ним Даша, сзади подстраховывал Антон, а замыкал шествие Тимофей Ружин. Все имели собственное оружие на случай нежелательных встреч с приамурскими рысями и медведями, которое несли за плечами вместе с остальным грузом. Пу-гали рассказы и о тиграх.

Аномалия, которую они обнаружили благодаря собаке, и которая заставила их приняться за раскопки, представляла собой заброшенный и заросший мхом вход в некое подземелье, выдавая своё присутствие едва заметными каменными ступенями, уходящими в болотистую воронку под землю. Когда пёс принялся скрести лапами мох первой ступени, Николай заметил волнение Лешего и подозвал остальных.

С этого дня и начались их загадочные и необъяснимые события.

Первым событием была потеря связи с вертолётom. После выброски продуктов с оборудованием, он ещё трижды в течение семи дней пролетал над их головами, кружил в квадрате выброски, они кричали, пускали ракетницы, поджигали дымовые шашки, но пилоты, казалось, абсолютно не видели их с высоты, словно геологи оказались внизу под каким-то непонятным куполом. Ни радиоволны, ни звуки, ни визуальное изображение, казалось, не пропускалось изнутри этим необъяснимым коконом, хотя лётчикам сверху по-прежнему представала панорама тайги, болот и сопok, какие они и должны быть в природе приамурского региона. По карте всё сходилось, вот только самих путешественников видно не было, хоть они и находились на своём месте, буквально

в тридцати метрах под колёсами пролетающей тут и там машины. Парадокс исчезновения был налицо. Связь с внешним миром оборвалась.

Всю неделю геологи занимались тем, что делали раскопы и освобождали ступени от поросшего лишайника, глины, земли и корней деревьев. Первой мыслью у всех было, что они наткнулись на следы легендарной цивилизации Гипербореи, однако сам пласт залегания породы, в которой были прорублены ступени, наводил на совсем иные суждения. Для Гипербореи эти пласты были слишком молоды, тут, скорее можно было исчислять время десятью — пятнадцатью веками, не ранее, однако и такая находка будоражила умы геологов, не давая покоя ни днём, ни вечерами у костра. Откуда в таёжном лесу могут быть каменные подземелья, датируемые, очевидно самыми ранними столетиями нашей эры, да ещё и в такой глуши, где, по-видимому, никогда не ступала нога человека? Выходит, всё же ступала. И причём весьма давно. Углеродный анализ одного из осколков ступеней, извлечённый на третий день раскопок, показал, что обработка этих камней велась вручную, но были применены какие-то непонятные инструменты, оставляющие на гранях камней следы, будто они были облучены... лазерной технологией. Камни, тесно прилегающие друг к другу, были, словно расплавлены мощной энергией, которая была изыскателям неизвестна и поныне. Это была загадка номер два.

А загадка номер три как раз и выявилась сегодня утром, когда Антон заметил по приборам небывалый всплеск гравитации, который отчего-то не почувствовали на себе ни животные, ни сами участники экспедиции. Парадокс наслаивался на парадокс.

Вчера они расчистили последнюю ступень — восьмую по счёту — и уткнулись в древнюю каменную кладку, поросшую мхом, паутиной и плесенью. Работая кирками, лопатами и ломом, Антон с Николаем сдвинули верхний слой кладки, и из подземелья на них дохнуло затхлым смрадом с запахом разложения каких-то неведомых подземных организмов, да так, что рядом суетившийся Леший, грозно ощерившись, зарычал в пустоту чёрного провала, поджав хвост и пятясь назад. Такого поведения отважной собаки прежде никто из геологов не замечал.

— Что с тобой, дружок? — спросила его Даша, трепля вставшую дыбом холку. — Кого испугался?

...Что-то неведомое, зыбкое и в то же время тревожное *высвободилось* из проёма зияющей чёрной дыры.

Осветив шахтёрскими фонарями вход в подземелье и ровным счётом ничего не увидев, геологи решили отложить спуск под землю на понедельник, уговорившись между собой, что в воскресенье они сделают себе выходной, заодно отметив именины Антона.

Кладку они заложили и, уходя вчера в лагерь, обнесли место раскопок жёлтой технической лентой, чтобы её по возможности смогли заметить с высоты пролетающие вертолёты. Всё, казалось, было учтено, всё подготовлено, всё рассчитано, кроме...

Кроме вот этого злосчастливого датчика, который принялся выдавать амплитуды разбушевавшейся шкалы и гудеть тревожным зуммером с самого утра сегодняшнего дня рождения Антона.

Николай у костра уже успел покормить пса и, отпустив его на все четыре стороны, колдовал над тушками тайменя.

— Давно сменил Тимофея? — спросил Антон, покинув штаб-палатку и приблизившись к костру.

— Да уж часа три поди, — ответил проводник. — Леший разбудил, всё тянул меня в лес отчего-то.

— А Ружин?

— Тот, как всегда ничего не сказав, прихватил винтовку и отправился к порогам. Вон к тем скалам, — указал он рукой на далёкий берег, откуда слышались звуки бурных потоков устремляющейся в тайгу реки. — Я ходил за Лешим. И знаешь что?.. — калмык помедлил, стараясь подыскать нужные слова. — Вывел он меня к нашим вчера оставленным ступеням.

— И что?

Николай сделал эффектную паузу:

— А то, что кладка, которую мы заново временно уложили, теперь... нарушена.

— Как? — не понял Антон.

— Верхний слой снят и разбросан кругом под ногами, вот так!

— Медведь?

— Не думаю. Зачем ему ломать непонятные ему вещи? Дупло или улей с пчёлами, ещё понятно, но чтобы сотворённое что-то искусственно... — он покачал головой. — Медведь раз десять обойдёт незнакомое ему и подозрительное место, прежде чем что-то сделать, и если он сталкивается с таким впервые, то предпочтёт ретироваться: хоть они и злобные по натуре, но в то же время столь же осмотрительны и недоверчивы. Одним словом — рефлекс.

— Следы были?

— В том-то и дело, что ни-ка-ких... — протянул Николай.

— Вообще? — у Антона полезли вверх брови.

— Вообще. Медведь, кружа вокруг, сломал бы с десятка веток, подмял кусты, оставил царапины от когтей... А тут ничего. Только наши вчерашние отпечатки ступней, даже кирка лежит на том же месте.

Наступила пауза.

Спустя минуту, Антон решительно поднялся, натёрся вручную сделанным репеллентом от гнуса и направился к палатке начальника группы.

— Иду будить Старика. Часом раньше, но что поделаешь. Это становится непонятным. Сначала связь с вертолётами оборвалась, часы и компасы остановились, датчики магнитного обнаружения взбесились, а тут ещё кто-то... — он запнулся, — или *что-то* нарушило преграду из камней и, либо проникло внутрь, либо, наоборот, высвободилось из чрева подземелья. Старик будет недоволен, что мы не разбудили его раньше.

Николай кивнул, оттягивая марлю от дыма. Солнце только начинало всходить над верхушками бескрайней тайги, а с бурлящих порогов Учюра слышался отдалённый крик таёжных выдр и всплеск выскакивающей из воды рыбы.

— Вот и отметили день рождения, — с досадой проговорил Антон, наклонившись, входя в палатку, однако из неё уже выходил сам Дмитрий Семёнович.

— С днём рождения! — произнёс он по-дружески, щурясь заспанными глазами на солнце. — Даша едва заснула после вчерашней находки, пускай ещё поспит девочка. — Взглянув на озабоченного помощника, тут же добавил:

— По лицу вижу, что-то случилось. Верно?

Наскоро умывшись, профессор подсел к костру и взял протянутую Николаем кружку с горячим чаем.

— Выкладывайте. Чувствую, выходной и праздник отменяются. Где Тимофей?

Антон вкратце объяснил создавшуюся ситуацию. На данный момент она состояла в том, что магнитный датчик показывал небывалый выброс в атмосферу каких-то неведомых лучей гравитационного поля, разломанную неизвестно кем каменную кладку и непонятный визит к скалам берега реки их геодезиста, ничего никому не сказав о своих тайных планах. Перечисление фактов заняло не больше двух минут, заставив начальника группы глубоко задуматься, попыхивая папирсой. Николай свистнул Лешего и добавил, что пёс с утра ведёт себя весьма тревожно, очевидно, чувствуя своим природным рефлексом

что-то ещё, неизвестное им самим. Все трое, присев рано утром у костра, всё явственнее ощущали вокруг что-то недоброе, всё сильнее их пронизывала тайна, всё отчаяннее охватывало предчувствие какой-то необъяснимой... катастрофы.

Именно в этот момент из палатки вышла Даша.

Тимофей Ружин, он же Владислав Рогожин, он же Константин Безруков, он же бежавший из сибирских лагерей бывший заключённый, пробирался сегодняшним утром меж скал и порогов бурного Учура к одному, только ему знакомому месту. Николай-калмык был неправ, когда говорил коллегам по экспедиции, что в эти места ещё не ступала нога цивилизованного человека. Ровно восемь лет назад, сбежав из лагеря во время этапа в другую зону, Ружин вместе с напарником, таким же отъявленным зеком, на плоту пересекли почти весь разлив клокочущей реки. Никого не повстречав за свою двухнедельную одиссею, они укрылись в этих местах на целых два года, промышляя охотой, рыболовством и собиранием ягод. Чем, собственно, и питались всё это время. Когда пришла пора второй зимней голодовки, Ружин добросовестно и можно сказать скрупулёзно расчленил труп своего бывшего поделника, закопал человеческое мясо, и лишь поэтому выжил, не оставив в своей душе ни грамма разочарования содеянным. Когда он затупленным ножом разрезал тело, первым делом сожрал теплую ещё печень, трепыхавшуюся в руках. Потом с голодным урчанием впился прогнившими зубами в пульсирующее сердце, не побрезговав даже селезёнкой с кишками. Мясо он закопал впрок в вырытой яме, а из обглоданных костей скелета соорудил себе в пещере гротескную скульптуру. По ночам, когда отблески костра плясали мистическими тенями на сталактитах, он любовался творением своих рук. Иногда разговаривал, называя омерзительную композицию именем своего съеденного поделника. Дважды он попадал в лапы приамурских медведей, а однажды едва не был разорван в клочья тигром, однако во всех трёх случаях спасла винтовка, отобранная им при побеге у одного из охранников, который так и остался валяться в тайге с проломленным черепом. Он стал обладателем трёх десятков патронов, что, собственно, и спасло ему жизнь. Вернувшись назад в цивилизованный мир, когда о нём уже и вспоминать забыли, изменив внешность и сделав кое-какие пластические подтяжки на лице, бывший каторжник вступил в новую жизнь, имея при себе изрядный запас золотых самородков, намытых им с ещё живым поделником. Если бы жители и изыскатели приамурских регионов зна-

ли, какие несметные богатства таят в себе геологические пласты вдоль Станового хребта у истоков Учюра, то этот регион давно заполонили бы геологи и старатели всей страны, не хуже тех мест в Карелии, где он так же когда-то промышлял старательством. Но, поскольку местность пользовалась дурной славой и была признана в научных кругах аномальной зоной с белым пятном на карте, то и желающих попасть сюда находилось весьма редко. А если попадались, то исчезали бесследно, не оставив после себя никаких следов, как это произошло с группой профессора Требухова. Поэтому Ружин был немало удивлён, когда год назад узнал, что на следующее лето в те места, где он два года скрывался от правосудия, снаряжается экспедиция энтузиастов, да ещё и под предводительством Сазонова, которого хорошо знал его покойный отец. Узнав в бывшем подконвойном сына своего погибшего приятеля и не имея сведений о его прошлой жизни, Дмитрий Семёнович согласился взять мнимого геодезиста к себе в команду. Ружину это было и надо, чтобы вернуться в те места, где он закопал основную часть своих намытых самородков. Таким образом, бывший старатель был зачислен в группу Старика с единственным условием: во всём слушаться начальника экспедиции и по возможности оказывать помощь остальным участникам похода. На поверку Ружин оказался неплохим напарником, а то, что он зачастую бывал замкнут в себе, особо никого не интересовало, раз его знает сам глава экспедиции.

Передав дежурство Николаю-калмыку, Ружин захватил рюкзак, металлоискатель, винтовку, и отправился к скалам, совершенно не интересуясь тревожным гудением зуммера, раздававшимся из штаб-палатки лагеря. Часы не работали, но по положению едва всходящего солнца, бывший старатель определил, что сейчас никак не больше пяти часов утра. Если бы он посмотрел на показания приборов, то наверняка задумался, поскольку они показывали какую-то несусветную чушь. Радиолокатор извещал, что на расстоянии трёхсот метров, как раз там, где они вчера заложили камнями вход в подземелье, находится что-то материальное, с тепловыми и магнитными характеристиками, присущими только чему-то большому, расплывчатому и... газообразному, — так, во всяком случае, показывал прибор. Кроме того локатор выдавал ещё одну информацию, по своей структуре и длине частотных волн кардинально отличающуюся от первой. Дистанция до объекта постоянно менялась и, следовательно, можно было сделать вывод, что объект движется как бы огромными скачками, то приближаясь к лагерю, то отдаляясь от него на произвольные расстояния.

... *Что-то* высвободилось из подземелья, заполонило собой всё пространство близ входа и, казалось, на радостях после столь длительного заточения, принялось носиться и метаться туда-сюда, взмывая вверх и рушась вниз, тем самым сведя с ума все настроенные на частотные волны приборы.

Но Ружин этого не заметил.

До прибрежных скал с его тайником было не слишком далеко, и к обеду он рассчитывал вернуться назад, чтобы как раз поспеть к праздничному столу с копчёным тайменем. Потом он, как ни в чём не бывало, переночует в палатке, а рано утром, напросившись предварительно на утреннее дежурство, покинет к чертям собачьим этот лагерь, захватив с собой рюкзак с золотом, провизией и ружьём. Он уже однажды добирался в одиночестве через тайгу к цивилизации — доберётся и сейчас. Пусть эти горе-археологи копаются в своих каменных развалинах, ему-то что? У него наступала новая, богатая и насыщенная приятными хлопотами жизнь.

...Таков был план.

Меж тем, в лагере происходило следующее...

Вся группа, за неимением Ружина собралась в штаб-палатке.

Антон показывал Старикку экран спектрографа, продолжавшего выдавать в пространство тревожный зуммер настойчивого гудка. Никто ещё толком не понимал всего происходящего, но в воздухе уже чувствовалось напряжение, какое бывает, когда перед тобой обнаруживается что-то грандиозное и неподвластное разуму. Что-то неведомое витало вокруг, и от этого становилось ещё жутковатей.

— Что ж... — выпрямился Сазонов. — Ничего не остаётся, как пойти к тем развалинам камней и на месте определиться, хотим ли мы по-прежнему спуститься вниз, или подождать, пока не уляжется эта бешеная пляска с приборами. — Он обернулся к девушке. — Даша, дочка, ты останешься в лагере накрывать на стол праздничный обед и дожидаться Тимофея, поскольку день рождения ещё никто не отменял, — подмигнул он Антону. — Ружьё у тебя есть на всякий случай, и ты уже не раз оставалась одна, верно? А мы втроём возьмём радиолокатор и сделаем разведку к подземелью. Если это не тигры и медведи, то в этих местах нам бояться больше некого. Росомахи и рыси не нападают первыми на человека. Как только Тимофей появится, стрельни в воздух ракетой, мы будем знать, что всё в порядке. В случае же опасности,

стреляй из ружья, мы, надеюсь, услышим. К тому же рядом с тобой будет Леший.

— А зачем фонари и верёвка? — поинтересовалась Даша, совершенно не чувствуя испуга остаться одной, поскольку такое уже бывало не раз. — Вы сказали, что спускаться пока не будете.

— Не будем, — ласково подтвердил Дмитрий Семёнович. — Но первые две ступени осмотреть всё же нужно. Возможно, там есть какие-нибудь следы. А верёвку мы натянем внутри кладки, чтобы проверить завтра, нарушит кто-нибудь её натяжку или нет. Это самый простой способ узнать о посещении нежелательных нам гостей, раз Николай говорит, что следов *вообще* никаких нет. Готовы?

Они втроем вышли из палатки и, закинув винтовки за спины, двинулись вглубь леса, отправив Лешего к хозяйке. Даша осталась хлопотать у костра. Солнце уже взошло над верхушками сосен и кедров, день обещал быть ясным, а гнус кусал лишь собаку, поскольку все остальные члены команды натёрлись репеллентом, прежде чем умылись с утра проточной водой из ручья.

...Когда подходили к месту раскопок, сразу почувствовали что-то неладное. В воздухе произошли какие-то кардинальные перемены. Чем ближе подходили, тем отчётливее ощущался резкий запах гниения, шедший, будто из развороченной вандалами могилы. Вонь стояла, хоть святых выноси! Местность вокруг провала, казалось, агонизировала. Ни зверей, ни птиц поблизости. Даже нахальный и вездесущий гнус куда-то делся с остальными насекомыми.

— Вот чёрт! — зажал рукой нос Николай. — Надо было респираторы взять от этой вонючки.

— В твоём случае нужно говорить не чёрт, а шайтан, — пошутил Антон. — Или как там у вас, у шаманов?

— Откуда она, — спросил проводник у профессора, сам прекрасно понимая, что у того не будет вразумительного ответа. Он уже было занёс ногу на первую ступень, как вдруг внезапный порыв шквального ветра буквально снёс его с ног, опрокинув на спину, словно городошную фигуру от удара битой. Порыв был настолько стремительным и резким, что согнулись в дугу ближайšie сосны, сбросив с себя массу мохнатых игольчатых веток. Никто ничего толком не успел осознать, как тут же струя воздуха внезапно исчезла, будто её всосало назад гигантским пылесосом. Всех обдало каким-то напором дохлого смрада, тотчас испарившегося и успевшего за секунду смести вокруг себя в радиусе нескольких десятков метров всё, что попало на его пути.

— Что... — отплёвываясь и едва поднимаясь на ноги, вымолвил Николай. — Что... это было?

— Не знаю, — закашлялся Дмитрий Семёнович, прижатый к дереву ударной волной. Его обсыпало с ног до головы поднявшимся к небу мусором, и теперь он пытался высвободиться из хлама веток, упавших на него всем скопом.

Антону повезло меньше. Стремительный смерч откинул его тело к разрушенной кем-то кладке камней, и несколько каменных глыб упало на него, придавив ноги. Он стонал, но был в сознании. Оба друга бросились к нему, принимаясь руками разгребать образовавшийся обвал.

— Я в норме, — чертыхнулся тот, высвобождая подвёрнутую ногу. — Похоже, коленный сустав немного ушиб, а так, видимо, пронесло. Хорошо, что голову не зацепило...

Все разом осмотрелись, и взгляд их упал на развороченную дыру чёрного зева, уходящего под землю.

— Этот смерч вырвался оттуда, — указал пальцем проводник в пустую пропасть подземелья. — Меня снесло как одуванчик в поле. Что это, Семёнович?

Сазонов на секунду задумался.

— Может, как раз тот выброс гравитации, что показывали наши приборы с утра, устроив нам пляску святого Витта.

— Что-то материальное? — уточнил или, скорее, спросил Антон.

— Ну не медведь уж точно, — попытался пошутить Старик.

Между тем из зева чёрного провала послышался какой-то нарастающий шум, и все как по команде замерли, прислушиваясь.

Где-то далеко внизу, казалось, в самой утробе земляных недр и пластов древних геологических пород начал гудеть непонятный гул, ставший вскоре похожим на мчавшийся из-под земли локомотив с турбинными двигателями. Ещё не осознавая, что в таких случаях следует делать, оба товарища схватили Антона под мышки и принялись оттащить прочь от ступеней, крича друг другу:

— Сейчас снесёт на хрен! Скорее к тому дереву!

...И случилось то, что, в общем-то, не должно было случиться ни по каким физическим законам природы. Газовый пузырь сжатого воздуха под давлением нескольких сот атмосфер вздыбился над провалом пустоты, набух, принял очертания какого-то гигантского купола, вздулся на сногшибательную высоту, на секунду завис... и с оглушительным грохотом лопнул, словно взорвался взрывом авиационной бомбы. Всем троим показалось, что лопнули барабанные перепонки. С веток посыпались листья, земля вокруг входа в подземелье вздыбилась и осела,

напоминая десятибалльный толчок землетрясения, от вибрации которого подбросило вверх даже сам вход в подземный провал. Где-то далеко с испугу ухнул филин, послышался рык потревоженного медведя, казалось, весь Становой хребет пришёл в движение, своей массивной громадой смещая целые пласты геологических пород тысячелетней давности.

...И всё стихло.

Прошла минута, прежде чем кто-то из геологов смог вымолвить слово.

Первым заговорил профессор, склонившись над ногой Антона и ощупывая сустав.

— Болит?

— Терпимо, — откликнулся тот. — Похоже, нас внизу не особо хотят видеть. Кто-то или что-то, кажется, не пускает нас внутрь, как бы, не желая раскрывать свои тайны.

— Ты прав, — вздохнул начальник, поднимаясь на ноги. — Нас будто предупреждают.

Николай посветил фонарём в образовавшуюся брешь между развалом камней, выхватил лучом из темноты стоящую столбом пыль с лохмотьями вековой паутины, повернулся к друзьям:

— Ничего не видно. Придётся спуститься на две ступени, как и задумали. Я пойду первым, а вы подстрахуйте меня сверху.

Он обвязал верёвкой пояс, отдал конец профессору и сделал первый шаг в пустоту. Зыбкая и эфемерная тьма тут же поглотила его силуэт, оставив на поверхности только кусок верёвки, за конец который держал руками Дмитрий Семёнович. Антон находился рядом со Стариком, но ушиб колена не позволял ему двигаться вслед за калмыком.

— Что видишь? — спросил начальник, привалившись спиной к уцелевшему ряду каменной кладки.

— Пока только плесень и паутину...

Голос Николая, казалось, шёл из водосточной трубы, настолько он был глух и отдалён от поверхности, а ведь вниз вело всего восемь ступеней, и сейчас он стоял на второй из них. Наверху, при солнечном свете ничего внизу не было видно, но луч фонаря в руках проводника белел едва заметным бликом, прыгая в пыли по стенам, потолку и полу (если это можно было назвать полом).

— Стоп! — донеслось приглушённо снизу. — Вижу...

— Что? — вскричали оба.

— Что-то странное...

Послышался шорох, что-то упало и скатилось вниз по ступеням, проводник чертыхнулся. Пауза, казалось, длилась целую вечность, от чего у обоих геологов вспотели от напряжения спины.

— На камнях вижу какие-то... рисунки, — продолжал комментировать Николай. — Здесь кругом рисунки.

Антон переглянулся недоумённо со Стариком.

— Какие рисунки?

— Древние!

— Понятно, что не современные, — чертыхнулся начальник группы. Ему не терпелось спуститься вниз, но проход был узким, приходилось ждать и слушать, что передаёт им Николай. — Вылезай, Коля, смени меня, я сам всё осматриваю.

— Сейчас... — донеслось снизу.

Внезапно из провала на свет божий выпорхнула полуслепая, потревоженная человеком летучая мышь. За ней ещё одна, ещё, потом из темноты с жутким безмолвием высвободилась целая стая перепончатокрылых созданий, пронёсшаяся мимо геологов, едва не затмевая небо своим огромным скопом, словно грозовой тучей. От неожиданности оба геолога отпрянули от стены, и верёвка выскользнула из рук профессора как натянутая леска при резкой поклёвке.

— Чёрт! — выругался Старик, отмахиваясь от последней особи. — Хватай верёвку, Антон!

Он и сам видел, что оставшийся отрезок верёвки внезапно дёрнулся, рванулся куда-то вниз и, кольцо за кольцом, начал исчезать в пустоте провала. Антон запоздало бросился к быстро ускользящему концу, но замешкался с ушибленной коленкой и потерял драгоценные секунды. Вздрагивающий и вертящийся толчками конец исчез так же быстро, как появились и улетели летучие мыши. Сазонов кинулся к входу, но был остановлен рукой Антона, схватившей его за воротник куртки. Бросив отчаянный взгляд на младшего товарища, профессор хотел было вырваться и закричать, что в подземелье остался их проводник, но тут же осёкся, увидев побелевшее лицо своего помощника. Тот стоял с бледным лицом, опёршись на здоровое колено, и указывал расширившимися от удивления глазами на выкатившийся из темноты провала предмет, блеснувший на солнце ярким бликом.

...Это были часы Николая.

Один циферблат без браслета.

А потом произошло нечто несуразное.

Будто огромным пылесосом — невидимым и мощным — их *вырвало* из пространства, всосало в себя, втянуло внутрь провала и, взыв как ядерный реактор, стремительно унесло прочь в зияющую пустоту. Град камней обвалился, засыпая ружья; пыль, поднятая обвалом, застлала всё кругом коричневым облаком, земля дрогнула и... наступила тишина.

Трое геологов исчезли с лица земли, и только разбросанные ружья, фонари, ещё подающие свет и, собственно, сами следы, натоптанные на первых двух ступенях зева выдавали их недавнее присутствие. Дальше — пустота. Вакуум. Ноль в квадрате. Людей как не бывало.

Вихрь пронёсся и утих, засыпав следы изыскателей новой порции обвалившихся веток и иголок. Белки вновь занялись сбором шишек, по небу стремительно пронеслись скопы, направляясь к побережью Учуга на охоту, где-то вблизи пробежала россомаха и послышался недовольный рык бродившего в этих угодьях тигра. Лес снова зажил собственной, неподвластной человеку жизнью, будто и не было никакого выброса магнитного излучения из недр земли. Зев провала так и остался открытым, словно его «распечатала» чья-то невидимая рука, чья-то сила, находящаяся по ту сторону пространства и времени. Датчики в лагере изыскателей тотчас успокоились, пляска показателей шкалы остановилась на отметке зелёной линии, что означало нормальное состояние атмосферы, зуммер тревоги утих, и всё вернулось на круги своя. Ни Даша, ни Леший ничего не услышали и не заметили, как, впрочем, и весь животный биом тайги, находящийся поблизости.

Прошло два часа. Затем три. Коллеги не возвращались. Даша уже десять раз переставила нехитрую посуду на столе, несколько раз разогрела на столе приготовленную из копчёного тайменя великолепную уху, успела собрать дюжину горстей ягод к столу, а геологи всё не возвращались. Оставалось только ждать. Но ожидание затягивалось и в душе девушки начала разрастаться тревога: вот когда мог понадобиться Тимофей Ружин, который ушёл ещё засветло, пока лагерь геологов только просыпался.

Лишь на пятый час ожидания, когда девушка уже собиралась стрелять в воздух из ружья, подвергаясь смутной панике, в расположении лагеря, наконец, появился бывший старатель, к которому с отчаянным и тревожным лаем кинулся Леший, словно оповещая одного из своих хозяев о непонятном отсутствии остальных. Не обращая внимания на собаку, мнимый геодезист наскоро прошёл в свою палатку, по пути уг-

рюмо кивнув застывшей у стола девушке, покопался с минуту внутри, и вышел, только тогда потрепав пса за ухо. Даша смотрела на него, ничего не понимая и не в силах вымолвить хоть слово, настолько нелепо и загадочно выглядело его возвращение: пришёл — зашёл — вышел — кивнул, и всё это молча, без единой на то фразы. Он осмотрел лагерь долгим взглядом, бросил подозрительный взгляд на штаб-палатку и, видимо, только сейчас заметил, что лагерь абсолютно пуст, не считая пса и безвольно стоящей девушки с миской ухи в руках.

— Где? — наконец подал голос хмурый сибиряк. Освободившись от тяжёлого, набитого самородками рюкзака и запрятав его в палатке под свой спальный мешок он, тем не менее, был хмур и неразговорчив до последней минуты, пока не встал вопрос об отсутствии остальных членов команды.

— Ушли.

— Куда?

— К провалу подземелья.

— Давно?

— Не знаю, — голос Даши слегка подрагивал от волнения. Теперь она хотя бы была не одна. — Часов нет, но по солнцу уже довольно давно. Ещё с утра. А вы разве не оттуда?

Вместо ответа Ружин взглянул на положение дневного светила.

— Выходит, их уже нет около шести часов, и тебя оставили одну, как бобылёк в степи? — не поверил он.

— Мы думали, что вы ушли к этому провалу раньше них. С утра датчики буквально взбесились своими показателями, вот они и отправились узнать, в чём дело. Так вы не там были?

— Нет, — коротко отрезал Ружин. — Я в другую сторону ходил. К порогам реки.

Наступила пауза. Даша не знала, куда девать свои дрожащие от волнения руки.

— Рации по-прежнему не работают?

— Нет. Я уже и стол накрывала несколько раз, и еду разогревала, — как бы извиняясь, выдавила она из себя, в то время как на глаза начали наворачиваться слёзы. — Всё жду и жду. Обещали через два часа вернуться... — она всхлипнула от досады.

— Действительно, странно, — присаживаясь к костру, задумчиво и как-то отрешённо протянул Ружин. Его не это сейчас интересовало. У него полный рюкзак золотых самородков, которые он намеривался забрать утром и покинуть этот чёртов лагерь, а теперь приходилось пересматривать все свои наметившиеся планы. Если он отправится сей-

час, то непременно наткнётся по пути на одного из ушедших в группе, а если останется с этой девчонкой, то рискует навлечь на себя подозрения и кучу вопросов.

Он достал сигарету, закурил и, не продолжив беседы, принялся лихорадочно размышлять над создавшейся дилеммой: уйти или остаться?

— Мы пойдём к ним? — спросила Даша. — Я уже хотела стрелять из ружья... — вдруг она спохватилась. — Господи! Дмитрий Семёнович наказал мне выстрелить из ракетницы, когда вы объявитесь. — Она кинулась было в штаб-палатку, но Ружин крепко перехватил её руку, дыша в лицо неприятным запахом табака.

— Ничего, потерпят. Бери фонарь и верёвку, нагрянем к ним в гости внезапно, сделав сюрприз.

Собрались быстро, благо брать с собой особо ничего не требовалось.

Кто ж знал, насколько они в этот момент ошибались. Уже отойдя на несколько шагов от лагеря, Даша обернулась и обвела взглядом поляну с навесом. Ей показалось, что эту мирную картину она видит последний раз в своей жизни. Смахнув слезу, девушка поспешила за бывшим старателем.

...Рюкзак с золотом остался в палатке изыскателей дожидаться своего часа, когда его кто-нибудь заберёт.

К развалу подземелья подходили с опаской и настороженностью. Леший издали начал проявлять признаки тревоги, принохиваясь и издавая глухое рычание. То, что геологов здесь сейчас не было, говорил сам факт поведения пса, иначе он давно уже рванул бы навстречу своему хозяину Николаю.

— Кладка вся разворочена, — тихо констатировала Даша, приблизившись к вывороченным камням подземелья. Увидев кучей сваленные ружья и фонари, вскрикнула от неожиданности и осмотрела поляну, полную разбросанного от вихря мусора.

— Пока ничего не трогай, — так же тихо предупредил её Ружин, в свою очередь, заметив полную разруху вокруг входа в подземелье. — Неизвестно ещё, что здесь произошло.

Леший кружил рядом, глухо рыча и не приближаясь к разваленной куче камней, всем своим видом показывая, что его что-то тревожит. Бывший старатель нагнул, осветил фонарём в зев чёрного провала, что-то хмыкнул про себя и выпрямился.

— Они спустились внутрь.

Даша выкатила глаза:

— Но... Дмитрий Семёнович обещал, что не будут этого делать. Натянут только верёвку и вернутся назад к столу.

— Мало ли что он обещал, — обозлился Тимофей. — Верёвка обрывается на третьей ступени, и дальше я не вижу из-за пыли с паутиной. Что самое интересное, та жёлтая лента, которой мы обозначили территорию, совершенно не тронута, я заметил, пока мы приближались.

— И что теперь делать?

Даша стояла, мелко дрожа, абсолютно не зная, как вести себя наедине с этим непонятным для неё человеком. Был бы рядом Антон, он бы сразу успокоил девушку, хотя она, к слову сказать, была не из пугливых. Но Антон исчез, как, собственно, и остальные старшие товарищи из её группы, а от этого молчаливого геодезиста (или кто он там), особой поддержки, как она поняла, не дождётся.

— Нужно спускаться, — хмуро ответил Тимофей, освещая стены подземелья. Он на миг замер и спустился на одну ступень, присвистнув под нос.

— Что там?

— Какие-то художества на камнях. Следы обрываются и исчезают внизу.

— Как исчезают?

— Скопом! Все вместе. Од-но-вре-мен-но! — процедил он сквозь зубы. Девчонка начинала ему надоедать своими глупыми вопросами.

Наступила пауза. Леший прижимался к ногам хозяйки. Снизу изнутри черноты слышалась возня и шорохи геодезиста, временами подавая глухой голос.

— Их будто что-то выдернуло из пространства.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, — перебил её Ружин, — что ни черта не понимаю. Тебе когда-нибудь приходилось засовывать руку в муравейник и тут же выдёргивать её от боли укусов? Вот, примерно, то же самое. *Как-кая-то* сила выдернула всех троих из воздуха, и они *исчезли*.

Даша охнула, покачнувшись. Леший вздрогнул и прижался теснее, поджав хвост.

— Да, — послышалось из глубины. — Испарились. Растворились. Были — и не стало. Как тебе ещё растолковать?

Страхивая паутину и вылезая боком из провала, он прищурился на солнце, выключая фонарь.

— Лешего возьмём на поводок и пустим впереди себя. Следом, обвязавшись верёвкой, пойду я, сзади спускаешься ты. Ясно?

Даша молча кивнула. Тут было не до сантиментов, кто за кем идёт, и кто командует, пока нет начальника группы.

— В левой руке фонарик, в правой оружие, — он сунул ей в руку прихваченный пистолет, сам же перехватил ружьё, мысленно послав всех к чёртовой матери. В палатке остался рюкзак, и все его планы рухнули, по крайней мере, на сутки.

— Если провал слишком глубокий, остановимся на последней ступени и обдумаем свои действия. Найдём мы их или нет, но глубоко опускаться без воды и провизии первый раз не имеет смысла. Вначале просто осмотримся. Готова?

Он прицепил упирающегося пса к поводку, закинул винтовку за плечо, взял фонарь и проверил натянутую верёвку между собой и девчонкой.

— Держись, свети фонарём под ноги и будь готова ко всяким неожиданностям. Всё. Идём!

...И они углубились внутрь подземелья.

Леший неохотно стал спускаться вниз, поминутно останавливаясь и оборачиваясь, но, понукаемый хозяином, был вынужден исполнять его команды. Сразу в лицо ударил тёплый, застоявшийся и тошнотворный запах могильного склепа.

Одна ступенька. Две. Три...

Дальше следы обрывались. Паутина, не тронутая веками, висела сплошным покрывалом, отсвечивая синеватым сиянием от лучей фонаря.

— Надо было респираторы прихватить, — глухо высказал мысль Ружин, совершенно не осознавая, что только что повторил высказывания Николая, когда тот так же спускался под землю.

Свет лучей по мере спуска плясал по каменистым стенам и выхватывал из темноты изображения римских легионов, патрициев, преторианцев, битв, походов, знамён, орлов на древках и прочих картин Древнего Рима. Даша едва не споткнулась, держась сзади за верёвку, увидев эти непонятные гравюры на камнях. Казалось, неизвестный художник, выцветшей от столетий краской, пытался изобразить весь быт Римской империи времён правлений великих цезарей. Но... позвольте, откуда в приамурской тайге близ побережья Охотского моря могли появиться картины совершенно другого полушария — если брать за основу расстояние между этими двумя местами? Девушка ахнула, спотыкаясь и, не имея возможности, как следует всё разглядеть, вынуждена была двигаться за впереди идущим Тимофеем, который абсолютно не обращал внимания на столь дивный парадокс.

— Подождите! — ошеломлённо выдавила она из себя. — Откуда *здесь* эти рисунки? До Апеннинского полуострова не одна тысяча километров через всю Азию, Урал, Европу... а тут Древний Рим на скалах.

— Не знаю, — буркнул Ружин, увлекая её за собой. — Я не профессор. Вот найдём их, тогда тебе и объяснят.

— Но... это же невозможно! Древний Рим, и... — она запнулась, глотая пыль, — и чтобы... здесь? В тайге? Спустя две тысячи лет?

— Я не историк, — обозлился бывший старатель, дёрнув верёвку. — Выйдем на поверхность, тогда и будешь рассуждать о своих догадках. Мне всё равно, древний — не древний, главное найти твоих друзей.

Даша даже не заметила слова «твоих», настолько она была поражена и потрясена увиденным, а между тем, они уже спустились до последней, восьмой ступени.

И тут...

Леший натянув поводок, как-то странно гавкнул и...

Провалился в чёрную пустоту, увлекая за собой Ружина. Верёвка натянулась до упора и, уже падая за собакой, Тимофей потянул за собой и Дашу. Все трое кубарем покатались вниз, выпустив из рук фонари и концы поводка с верёвкой. Падение было настолько неожиданным, что в первую секунду никто ничего не осознал, лелея в себе молниеносную мысль, как бы не разбиться.

Однако всё оказалось не столь страшным. Высота обвала не превышала трёх этажей и, на удивление, они свалились на мягкий мох, устилавший дно пещеры своим пышным ковром, как периной на домашней кровати. Леший уже стоял рядом и отчаянно отряхивался, поскуливая от возбуждения.

— Не убилась? — ошеломлённо спросил Ружин, шаря по лишайнику в поисках фонаря. Он остался единственным — второй Даша выронила при падении. Наведя луч на девушку, бывший старатель едва не отпрянул от непонятного феномена, произошедшего с ней.

Даша... *светилась* в темноте.

Светился и сам Ружин.

Пёс гавкнул испуганно, затряс головой, и с его шерсти посыпались снопы искр, озаряя чёрную пустоту мириадами блёсток, словно парящими в воздухе светлячками.

— Что за чёрт... — только и смог выдавить из себя Ружин, ставший теперь старшим в группе. Он убрал луч фонаря, свечение силуэта замаячило во тьме. Навёл луч — свечение исчезло. Девушка уже пришла в себя и поняла, в чём суть феномена.

— Это обыкновенное статическое электричество, — пояснила она. — Как огни святого Эльма на кораблях.

— Я знаю, что такое огни святого Эльма, — оборвал её Ружин. — Если такая умная, тогда объясни мне, откуда оно *здесь*? В пещере, которая не открывалась сотни лет?

— Может, накопилось, — попыталась резюмировать Даша, уже сама не рада, что стала углубляться в объяснения. Был бы Сазонов, он бы быстрее растолковал.

— Откуда накопилось? Чем?

Пока они, таким образом, переговаривались, Ружин перевёл луч фонаря с девушки на стены, но, как оказалось, переводить было не на что. Стены отсутствовали. Луч не доставал их своим светящим вектором, куда бы Тимофей ни направлял фонарь. Казалось, они находились сейчас в сплошном вакууме, лишь светлое пятно обвала светилось солнечными лучами над их головами из той дыры, с которой они низверглись в темноту подземелья. Они были одни, а кругом — жуткая, пугающая и пробирающая дрожью чёрная *пустота*.

Впереди, куда сейчас был направлен луч фонаря, из разъёма скал образовалась узкая расщелина, видимо совсем недавно, поскольку в неё продолжали сыпаться и скатываться оползни разрушенных скальных пород, а под ногами, где-то внизу, в недрах земли бурлила огненная магма, вырываясь вверх, словно из жерла действующего вулкана. Сделав несколько шагов, Ружин осторожно заглянул вниз, прикрывая рукой глаза от нестерпимого жара, идущего от лениво текущей лавы. Они осторожно продвинулись вперёд, в пещере стало светлее, и гул, доносившийся из расщелины, глухим эхом заполнил всё гигантское пространство подземного амфитеатра. Зрелище, открывшееся им у разлома карстовой пещеры, предстало поистине грандиозное! Теперь можно было выключить фонарь и осмотреться более детально. Вверх путь им был заказан, поскольку у них не было ни должной длины верёвки, ни крюков, чтобы зацепиться ими за поверхность, да и высота была таковой, что ни один человек не в силах был добросить крюки, даже если бы они были. Оставалось искать выход где-то внутри, раз летучие мыши каким-то образом могли селиться здесь всё это время, пока пещера покоилась «запечатанная» под землёй. Их было множество, и они целыми колониями свисали с потолков далёкого свода вместе с гигантскими сталактитами, словно гроздь винограда в огромном саду. Даша передёрнула плечами от омерзения, представив, как одна из этих тварей может сесть ей на спину. Жар становился сильнее по мере

того, как они медленно продвигались вперёд среди наплывавших друг на друга базальтовых образований из-за недавнего выброса лавы.

— Смотрите! — выкрикнула она, зажимая рот рукой и, указывая куда-то впереди себя. — Там какие-то проходы виднеются.

До ближайших стен амфитеатра было никак не менее пятидесяти — шестидесяти метров. Казалось, они находились сейчас на громадном футбольном поле какого-то континентального стадиона, а далёкие стены служили трибунами, до которых не доставали лучи даже самых мощных прожекторов, будь они сейчас здесь. Территория подземного объекта была метров триста в длину, и по пляшущим от лавы теням на стенах, можно было определить, что весь этот подземный лабиринт представлял собой целый комплекс природных катакомб, разветвляющийся под пластами земли в разных направлениях, ориентируясь, видимо, по всем частям света. Наступила пауза, приведшая путешественников в полное замешательство. Ружин с чувством присвистнул, а Даша, прижав руки к груди, выдала крайне непонятное для старателя предложение:

— Похоже, мы попали в какой-то подземный... *город*.

А потом выяснилось вообще несуразное...

Пройдя ещё несколько шагов среди громоздившихся наплывов базальта, в проёме одной из скальных ниш они увидели то, что заставило их замереть на месте. Даже Леший застыл, повернув недоумённо голову к Даше, будто спрашивая, идти дальше или стоять на месте.

...Ровными рядами, словно уложенные кем-то неведомым, под слоем паутины в проёме ниши лежали... *люди*.

Много людей.

Их было более тридцати и, судя по одежде, все различались по разным историческим эпохам планеты. Свечение и жар от подземной лавы сюда уже не достигал, так что снова пришлось включить фонарь. Ружин присвистнул, наведя луч на общее захоронение. Даша попятилась и прижалась к псу, который успев сделать круг, в свою очередь прижался к её ногам.

Здесь лежали древнеримские воины в блестящих шлемах, бородатые викинги, средневековые рыцари, зловещего вида пираты, а так же несколько современных рыбаков в брезентовых плащах, резиновых сапогах, все с застывшими лицами, словно никакая смерть не брала их все эти годы. Тела были настолько отменно сохранены, что у Даши защемило сердце: казалось, что все разом сейчас встанут и пойдут своей

дорогой. Чуть поодаль, отдельным рядком, совершенно не коснувшись тлением и следами разложения, лежали пятеро изыскателей из группы Требухова, поскольку сразу бросалось в глаза их геологическое обмундирование, скобы, кирки в руках, да и сами лица Даше были знакомы по фотографиям в газетах, когда экспедиция начисто пропала в таёжных массивах аномальной зоны. Словно *кт-то* или *что-то* выдернуло их из пространства во время раскопок, перенесло сюда, уложило в ряд и обволокло своей силой, заставившей их скончаться и окаменеть на месте как фараоновские мумии.

— Что за хрень? — почесал затылок бывший старатель. — Откуда столько трупов?

— Они не трупы, — озадаченно ответила Даша. — Вернее трупы, но сохранившиеся так, что их вполне обоснованно можно назвать *телами*.

— И что ты по этому поводу думаешь? Ты ведь у нас племянница профессора, следовательно, должна знать больше меня во всей этой чепухе.

Даша на миг задумалась, присаживаясь с опаской к одному из геологов и трогая его окаменевшую руку.

— Возможно, мы раскопали вход в какой-то портал времени, перекрёсток временных эпох, своеобразную червоточину, которая высасывает из различных реальностей людей и предметы, перенося их сквозь пространство в иную реальность.

Ружин покачал головой:

— Нет, так дело не пойдёт. Я тебе не твой профессор, академий не кончал. Говори по-русски.

— Иное измерение, — поразмыслив секунду, ответила Даша. — Параллельное пространство. Антимир. Мне Дмитрий Семёнович много об этом рассказывал, да и вы должны были читать, поскольку об этом своеобразном конгломерате времени писано-переписано бездна книг и всевозможных статей. Порталы могут *изымать* людей из прошедших веков и переносить их в грядущие времена, скажем, как здесь, в наш двадцатый век. Поэтому мы и наткнулись на рисунки римских легионеров, которые лежат здесь поодаль. Отсюда и викинги с пиратами — все из разных эпох.

— А рыбаки?

— Рыбаки, очевидно, это те спасатели, которые прежде нас искали группу профессора Требухова, и были застигнуты червоточиной на месте, перенёсшей их сюда. Вот только самого Бориса Александровича Требухова, я среди них отчего-то не вижу.

— А ты что, его знала?

— Видела несколько раз в гостях у Старика. Они же друзья по жизни, вместе в академии учились, вместе диссертации защищали, потом не раз сообща выходили в экспедиции. Я, считайте, на руках у обоих выросла, после того как родители... — Даша запнулась, не имея ни сил, ни желания распространяться о давней трагедии.

— Всё это интересно, — спустя минуту ответил Ружин, прохаживаясь между рядов древних людей, сохранившихся настолько, что даже не чувствовалось трупного запаха разложения. — Но каким, скажи мне, макаром их тут уложили так, словно это было два дня назад? Как могли оказаться рядом люди из совершенно разных эпох, да ещё и рыбаки с геологами из *нашего* времени?

Даша не ответила, поскольку и сама не знала. Вместо этого, она оттянула рукав одного из геологов и взглянула на его часы, покоящиеся на запястье холодной конечности. Посмотрела и ахнула.

...Часы *работали*.

Секундная стрелка совершала свой обычный оборот, словно их завели прошлым днём, абсолютно не подозревая, в какую передрыгую они смогут попасть.

Ружин уставился на работающие часы с таким же ошеломлённым видом, что и его спутница. Уже почти полмесяца все их рации, компасы и наручные часы в один миг вышли из строя, а тут работающий механизм, да ещё и на мёртвом теле.

— Чудеса! — пробормотал он. — То ли ещё будет...

Даша выпрямилась и погладила Лешего.

— Нужно искать второй выход. Если Дмитрия Семёновича с Антоном и Николаем таким же образом *выдернуло* из пространства, то они могут сейчас быть где угодно.

— Например?

— Вариантов бесконечное множество. От той же Римской империи до грядущих веков будущего.

Ружин потоптался на месте, переваривая сказанное. Оставив позади ровные ряды трупов, они через минуту вышли к зияющей воронке. Катакомбы уходили глубоко вниз, разветвляясь в подземных пластах несколькими десятками идеально ровных коридоров, похожих на вырезанные лазером тоннели. Сечение боковых стен и потолка навевало на мысли, что здесь работали буровые установки с лазерными насадками — до того всё было идеально подогнано, выверено, вычислено и изъято из грунта, будто громадные полые трубы, ведущие к неизвестному

центру пересечений. Было светло как днём, однако источника света они не обнаружили: свет шёл *ниоткуда*. Прямо из стен.

— Да тут настоящая база пересылки! — ахнула Даша, — если верить нашим предположениям о порталах времени.

Зрелище и панорама подземного амфитеатра, раскинувшегося под их ногами, действительно поражала своим великолепием и грандиозностью построек, уходящих на несколько этажей в глубину. Вырытый неизвестными механизмами подземный карьер представлял собой колоссальную яму, которая была заполнена всевозможными секциями, боксами, блоками, движущимися лифтами и эскалаторными конвейерами, на которых по часовой стрелке передвигались те или иные предметы различного оборудования. Всё гудело, работало в автономном режиме, мигало, двигалось, перемещалось, подавалось по ленте эскалатора, собиралось, складывалось в контейнеры и исчезало бесследно. Всё это происходило при полном отсутствии каких-либо людей. Здесь работали автоматы! Это был настоящий механизированный цех роботов, работающих без какого-либо контроля, полностью автоматизировано. Кто-то когда-то запрограммировал программу на десятилетия вперёд, и бездушные машины на протяжении всего этого времени выполняли свою работу на уровне заложенной в них программы, ни разу не оставившись и не делая перерывов.

Даша стояла с открытым ртом, не в силах унять волнуемую дрожь от столь грандиозной панорамы. Ружин держал натянутый поводок, и бедный пёс, видя перед собой копошащуюся механизмами воронку, отчаянно пытался вырваться назад, лишь бы подальше отсюда, от всего этого движущегося, перекатывающегося и гремящего железом механического ада.

Автоматические руки-щупальца передавали друг другу собранные по частям какие-то непонятные механизмы, которым и названия-то подобрать было трудно, поскольку ни Даша, ни Ружин прежде никогда не встречались с таким обилием неизвестной им техники.

Путники уже было отчаялись найти среди этого механизированного бедлама хоть какой-либо выход, как вдруг, внезапно обрушившаяся тишина заставила всех замереть на месте. Цех застыл на секунду в безмолвии, затем, словно набравшись новой силы, загудел тревожной сиреной, от которой едва не лопнули барабанные перепонки. Подземный амфитеатр затрясся конвульсивным смещением геологических пластов, всё разом пришло в движение и, обваливаясь гигантскими глыбами, стал погребать под собой весь карьер механизмов, увлекая за собой и оторопевших путешественников с собакой. Зев бездонной пустоты об-

разовал гигантский провал, в недрах которого бушевал смерч огненной лавы. Пещера с титаническим гротом подземелья агонизировала, словно испуская свой последний смертельный вздох. Цепляясь за ходившие ходуном куски базальтовой породы, Даша кричала от ужаса и пыталась удержаться наверху, чтобы её не унесло в огненную бездну вместе с ломающимися со скрежетом автоматами. Амфитеатр перестал существовать буквально за какую-то минуту. Пещера погрузилась в карстовые недра подземного ада, и весь механизированный цех в мгновение ока превратился в сплошной тягучий поток плазменной лавы, устремившейся внутрь черноты.

Это был конец.

Даже если и существовали здесь прежде портал времени с базой пересылки, то они исчезли навсегда. В одночасье. Вместе путешественниками. Вместе с собакой.

Но, прежде чем всё рухнуло в бездну огненной лавы, они услышали... *голоса*.

Как позже выяснят учёные-физики, в районе лагерной стоянки, где исчезла группа Сазонова, в 1976 году августа месяца Землю посетил тоннель Эйнштейна — Розена, в научных кругах именуемый червоточной, а в простонародье «кротовой норой».

Рюкзак Ружина с золотыми самородками так и останется лежать в палатке лагеря, пока стоянку изыскателей не посетит ещё один выброс гравитации, который произойдёт по времени гораздо позже, уже в новом тысячелетии.

При разработке строительного карьера для автоматизированного цеха сборки механизмов, изыскатели грядущих десятилетий обнаружат истлевшие от времени палатки, груды испорченных от дождей приборов и проржавевшую посуду, так и оставшуюся лежать на столе в день рождения одного из участников экспедиции. Будут ещё попытки нескольких спасательных команд найти следы сразу двух исчезнувших групп геологов, однако все они не увенчаются никаким положительным успехом. На протяжении десяти лет канут в неизвестности и не возвратятся назад более тридцати энтузиастов, намерившихся покорить этот участок тайги близ реки Учур у Станового хребта. Зона будет объявлена запрещённой для туризма, охоты, сбора пушнины, и трёхсоткилометровое белое пятно так и останется на карте географических атласов данного региона совершенно неизведанным. Таким образом, к началу XXI-го века тайна исчезновения экспедиции Требухова, а за ним и

группы Сазонова так и не будет раскрыта, как, впрочем, и сама тайна подземного развала. Мост Эйнштейна — Розена поглотил их, казалось, навсегда.

...Но это только казалось.

Глава 2-я

В Древнем Риме.

Если вы сможете зафиксировать электромагнитные волны, исходящие из мозга только что умершего человека, они будут такими же осязаемыми, как и у живого. Они исчезнут лишь на третий день, когда — по нашему христианскому присказу — душа уйдёт из тела навсегда. Следовательно, и первый и второй день покойник фиксирует всё происходящее вокруг него, ведь на самом деле высвобождается не душа, а лишь энергия, мощь разума человеческого. Покойник и после смерти оставляет в реальном мире свои электромагнитные волны, и если кто-либо из учёных в ближайшем будущем сконструирует такой прибор, можно будет услышать записанные волны, скажем, безумных речей Гая Калигулы, плач Ярославны, ненаписанные Пушкиным стихи, вопли сгораемого на костре Джордано Бруно или невысказанные, то есть, истинные мысли Макиавелли.

Не зря говорят» «Идеи носятся в воздухе»!

В мире нет массы. Есть энергия и магнитное поле.

Наше тело состоит из атомов. А ведь атом — это ядро, вокруг которого в громадной пустоте вращаются крошечные невесомые электроны. В пустоте! Следовательно, тело — это миф, не более.

Сазонов Дмитрий Семёнович, доктор археологических наук, член-корреспондент Академии наук СССР, а в простонародье попросту Старик, любивший латынь и имеющий интеллект с коэффициентом в 195 баллов по тесту IQ сидел сейчас, привалившись спиной к дереву, и размышлял о бессмертии души. Его мечты простирались к ближайшему будущему, когда его коллеги-учёные изобретут подобный прибор, который будет способен фиксировать все, летающие в пространстве мысли выдающихся в своё время людей, ранее никогда не записанные в анналах памяти прежних времён человечества.

Минуло двое суток их бесцельного блуждания по нескончаемому лесу, прежде чем они, наконец, осознали, что находятся совсем в ином часовом поясе и зоне климата, не соответствующего их приамурской сибирской тайге.

Прежде всего, звёзды. В ночном небе первого дня их пребывания *неизвестно* где, он, Антон и Николай, придя в себя после непонятного *общего* обморока, сразу же обнаружили в серебристом сиянии непомерно огромной луны некое несоответствие расположения созвездий. Дело в том, что эти скопления звёзд, здесь, в районе 58 градусов северной широты *вообще* не должны были существовать априори.

Это было не *их* небо.

Последнее, что они помнили, как их всех троих каким-то необъяснимым образом засосало в подвал подземелья и, не успев даже прихватить ружья, их понесло куда-то в пространство навстречу развершейся чёрной дыре, словно их притянула к себе чудовищная магнитная энергия, высвободившаяся из зева бездны. Старик ещё помнил отрывистый миг, как Антона буквально снесло с ног, затем в пустоту, отчаянно и нелепо болтая ногами, устремился Николай, а последним в червоточину всосало и самого профессора. Дальше только небытие, провал в памяти и... вдруг *это* ночное небо с незнакомыми созвездиями. Точнее, они были знакомы, однако находились не в *их* широте, и уж явно не в своём климатическом поясе.

Придя в себя после столь небывалой переборски в иное пространство, они тотчас осмотрелись, на удивление, чувствуя себя довольно сносно, если не считать ушиба, полученного Антоном по *ту сторону* провала.

Была ночь. Это всё, что они поняли в первый миг переборски. Таким образом, перед ними встал первый парадокс. Только что они находились в тайге и хотели успеть к праздничному столу, накрытому Дашей в лагере, и вдруг — бац! Щелчок пальца, миг, секунда, обрыв пространства, — и они уже в средней полосе европейского континента, примерно на той же широте, но, судя по деревьям и прочей растительности, абсолютно в другой часовой климатической зоне. Первым это заметил Николай, осматривая под ногами опавшую листву вместо игольчатых хвойных веток над головами, как и положено в приамурской тайге. Ни кедров, ни сосен, ни пихт с лишайником и мхом, на котором они прежде стояли. Всю таёжную растительность в мгновение ока заменили дубы, грабы, буки и... оливковые, вечнозелёные деревья. Вместо ягеля и шмыгающих под ногами леммингов, они с ошалелым взглядом обнаружили спящих туда-сюда ящериц и большое скопле-

ние *субтропических* муравьёв, которых в тайге не должно быть изначально.

Это было вторым парадоксом.

А третьим, наиболее значительным, было отсутствие таёжного гнуса, так докучавшего их на всём протяжении маршрута. Вместо него — ночные мотыльки, бабочки и вездесущие стрекозы.

Когда все более-менее пришли в себя, первой мыслью, высказанной вслух, были слова Николая:

— Мы не дома. Это не 1976 год.

— Отчего ты так решил, — отряхиваясь от пещерной пыли, задал вопрос Антон, не меньше остальных удивлённый внезапной переменой. — Я имею в виду насчёт года. То, что мы за долю секунд оказались в тысячах километрах от лагеря мне и самому ясно. Но год?

— Не знаю, — оглядываясь по сторонам, ответил проводник. — Но чувствую. Воздух сильно чистый. Дев-ствен-ный...

— Хочешь сказать, нас перенесло не только в пространстве, но и *во времени*?

— Спроси у Старика, — указал он рукой на Сазонова. Тот стоял на кошке, и армейским ножом пытался отскоблить потёки смолы с ближайшего дерева. Когда они убедились, что *некая* сила перекинула их неизвестно куда, все трое, наконец, обратили внимание на тот провал подземелья, который «выкинул» их из себя несколько минут назад. Луна светила ярко, оставшийся фонарь не понадобился, и то, что они увидели в бликах сияния, заставило их замереть на месте с открытыми ртами.

Вместо рисунков римских легионеров и быта жизни императорского Рима, сейчас были изображены...

Экскаваторы.

Раскопки. Тракторы. Грейдеры. Бульдозеры.

...И люди.

В защитных комбинезонах, с приборами в руках. Сверху, над головами, неизвестным художником изображались какие-то летательные машины, похожие не то на атмосферные зонды, не то на вертолёты без лопастей винтов, внизу современные агрегаты бурения, вышки, палатки и огромная непонятная сфера, висящая над карьером, словно иконописной аурой накрывающая нарисованную на камнях панораму изыскательного лагеря. Неизвестный автор рисунков — убогих, непропорциональных, иногда лишь смутно напоминающих механизмы, и от этого сразу наталкивающих на мысль, что он абсолютно не имел понятия, что именно он изображает — кем бы он ни был — рисовал, очевидно, с

натуры. Применяемая им краска, древняя, неразбавленная олифой, какими пользовались на заре человечества, добывая её из растений, наглядно показывала, что здесь трудился не художник по призванию, а некий субъект, совершенно не понимавший те механизмы, что рисует, и попавший в расположение карьера, видимо, тем же путём, что и группа Сазонова. Состав краски определил Антон, сам прежде занимавшийся иногда живописью, и знавший консистенцию всевозможных компонентов не понаслышке.

Но вот что сбивало с толку...

Краски были *свежими*.

Недавно подсохшие, они не потускнели от времени и не обсыпались от кладки камней. Человек, неумело запечатлевший раскопки археологического карьера, де-факто не понимал и не представлял, с чем имеет дело, и каких в его понятии механических монстров он изображает. Экскаваторы с ковшами были похожи у него на огромных крабов, испускающих клубы дыма, а бульдозеры с гребными ножами напоминали гусениц-шелкопрядов. Вертолёты или зонды изображались в виде гигантских стрекоз — огнедышащих драконов. Автор не знал, *что* рисует, а это уже де-юре.

— Всё ясно, — пробормотал тогда профессор, осматривая в первый день развал подземелья. — Хотя, как по мне, то ни черта не ясно. Пока только первое, что приходит на ум, это как какой-то неумелец, хоть и неплохо рисующий, каким-то образом из древних незапамятных времён переместился к месту раскопок *грядущих* столетий, став очевидцем производимых работ, что и попытался изобразить на камнях пещеры. Долго ли он находился в этом провале пещеры, пока неясно, как впрочем, и неясно, куда делись бывшие рисунки римских легионеров. Ясно лишь другое...

— Что мы *заменили* его, и нас перекинуло в эти самые времена древности, — закончил за него Антон. — Отсюда, Коля, и воздух такой чистый, — обернулся он к проводнику. — ЗДЕСЬ ещё не изобрели ни двигатель внутреннего сгорания, ни реактивных сопел самолётов, ни даже парового котла для механизированной мельницы. Лишь телеги, кареты, да конная тяга.

— Скверный признак, — качнул головой Николай. — Если нас перекинуло в этом провале на несколько веков назад, то как *там* без нас останется Даша?

Только теперь Дмитрий Семёнович всполошился и, казалось, пришёл в себя, отступая от зияющей дыры. Имя его племянницы стало

своеобразным катализатором его, слегка нарушенных непонятным феноменом эмоций.

— Даша! — выпалил он. — Господи, точно!

Решительно отступив от провала, он устремил взгляд в непроходимую гущу первобытного, девственного леса.

— Нужно немедленно отсюда выбираться. Хотя бы выйти из этих дебрей к какой-нибудь дороге или просёлку, чтобы иметь представление, в какой именно век нас занесло. А дальше по обстоятельствам.

...Этот разговор был два дня назад. В течение почти двух суток они блуждали по лесу, дважды ночевали и снова шли, не имея никакой возможности выбраться из сплошного непроходимого леса, которому не было ни края, ни конца. Мелкие ручьи, а однажды и полноводная река, которую они перешли вброд, спасали их от жажды. Обилие всевозможной лесной дичи, которая буквально кишела под ногами — непуганая, ни разу не встречавшая человека — казалось, сама давалась в руки. Глухари, фазаны, сурки, выдры у водоёмов, белки на деревьях, дикие кабаны в кустах, лани, трепетные газели, разбегались в стороны, но кругом было столько мелких грызунов, что путешественники за эти два дня, ни разу не почувствовали голод. В ход шли армейские штык-ножи, силки и вручную изготовленные луки из найденной в кармане Антона забытой лески. Попадались и крупные кошачьи представители и ночные волки, а дважды группа едва не столкнулась лицом к лицу с огромным бурым медведем, с удивлением, издали уставившимся на непонятных двуногих существ. Наконец, на исходе второго дня, они увидели просвет среди деревьев и остановились на ночлег, решив выходить из леса рано утром, чтобы не привлечь внимания возможных попавшихся на пути незнакомцев.

Теперь профессор сидел у костра и размышлял о приборе, который создадут в будущем его коллеги, чтобы он мог улавливать летающие в стратосфере мысли почивших в бессмертии великих людей, как упоминалось выше.

...А утром, когда солнце только всходило над вершушками бескрайнего лесного массива, они были уже на ногах и, наскоро перекусив, вышли из чащобы, чтобы наконец увидеть вдалеке за лугом людское селение, едва различимое от расстояния. Чем ближе подходили, тем задумчивее и озабоченнее становился Старик, оглядывая окрестности и выискивая доказательства своим сомнениям. Это заметили идущие рядом коллеги.

— Что случилось? — спросил Антон, стараясь идти в ногу с профессором. Николай немного отстал, разглядывая под ногами заросший травой непонятный след от неизвестного транспорта.

Сазонов лишь качнул головой, пристально вглядываясь в приближающееся селение. То, что он вначале принял издали за срубленные из брёвен избы, при ближайшем рассмотрении принимало облик ветхих одноэтажных строений из глиняных кирпичей с просмоленными черепичными крышами, весьма прохудившимися от времени. Видно было, что они попали в большое селение, скрытое прежде от них зарослями небурного винограда, стогов сена и насаженных вручную оливковых деревьев.

— Да тут целый посёлок городского типа! — удивился Николай, догнав Антона. — Я таких строений прежде никогда не видел. Это не наши избы, не русские.

Дмитрий Семёнович уже стоял у первого надгробия, куда их привела тропинка. Большое кладбище, раскинувшееся перед ними, загоразживало сам посёлок, и чтобы попасть в его центр, нужно было пройти сквозь нагромождения могил, склепов и холмистых насыпей, которых кругом было не счесть. Старик стоял и ошалелыми глазами смотрел на надпись, едва видневшуюся от времени.

— Это латиница, — прошептал он благоговейно. — Вот куда нас занесло, родимых.

— Куда?

Сазонов обвёл взглядом товарищей и отдельно, едва ли не по слогам, произнёс:

— В Древний Рим, Коля. В Древний Рим.

...Посёлок римлян встретил их гнетущей тишиной.

— Это уже по вашей части, Дмитрий Семёнович, — озадаченно произнёс Антон, вглядываясь в каменные изваяния, стоящие по пояс подобно статуям моаи на острове Пасхи, только в меньших размерах. Скрытые прежде виноградником и кустами малины, они располагались правильными рядами, словно на параде, преданных земле усопших покойников. Их были десятки, если не сотни, теряющихся в траве и древесных насаждениях, достигавших высотой примерно по плечи Антону. На каждом надгробии были высечены латинские фразы, отчего у Дмитрия Семёновича вмиг загорелись глаза. Он уже наклонился над одним из них и, протерев рукавом мраморную плиту, принялся переводить латиницу на доступный всем язык, забавно и усердно шевеля губами.

Мельница стояла справа от сонма усопших, а позади неё — они только сейчас заметили — возвышался шпиль местного алтаря для жертвоприношений в виде баранов, быков и прочего домашнего скота. Он был окружён несколькими дворами с такими же ветхими жилищами, что и в самом селении. Сами того не подозревая, выйдя из виноградников, путешественники ступили на священное римское кладбище, где были преданы земле обитатели этого *чуждого* им мира.

— Шайтан тебя возьми... — пробормотал Николай Антону, держась за амулет, висящий у него на груди. — Это ж куда нас занесло?

Они озирались по сторонам, натываясь взглядами на бесконечные ряды каменных склепов, а начальник экспедиции, присев на корточки, уже что-то записывал в блокнот, вытирая поминутно выступивший на лице пот.

— Латиница, друзья мои! — восхищённо воскликнул он спустя минуту. — Слушайте, что здесь высечено...

Оба путешественника приблизились к первой гранитной плите.

-Цитирую и перевожу, — голос у Старика дрожал от радости, впервые воочию столкнувшись с памятниками древней старины, да ещё и не в музее, а в самом настоящем оригинале.

— «Богам Манам, — начал переводить он, сверяясь с блокнотом. — Луций Стаций Онесим, сын Публия из Квириновой трибы лежит здесь, покоясь с миром. Пока был жив, был любим всеми. Как умер — потерял всё».

Сазонов выпрямился, восхищённо взглянул на друзей и едва не закричал от радости:

— А? Как вам это? — и, не дождавшись ответа, с блокнотом в руках кинулся к следующей плите.

— «Цестий Эпулон. Богам Манам. Из Поблиевой трибы, претор, народный трибун, септемвир, эпулонов жрец. Не ждал болезнь, ушёл сам».

Не дожидаясь своих приятелей (те только успевали перебежать за ним от одного гранитного изваяния к другому), он читал уже следующий панегирик:

— «Авла Квинтия Приска. Богам Манам. Раба, дочь Лициния Непота из Палатинской трибы. Была щедра, пока жила. Филомуз Диокл убил её. Знайте об этом, люди».

На следующем надгробии:

— «Богам Манам. Летиция Диокса Крама. Госпожа и хозяйка. Много коров и овец. Лежит здесь, погребённая её рабами. Была добра, но бо-

лезнь лихорадки сгубила её жизнь. Плачьте, люди из Квинтской трибы».

Он уже читал следующую надгробную плиту:

— «Богам Манам. Я не был. А потом я стал. Живу, работаю, люблю. Любил. Работал. Перестал. Ничуть об этом не скорблю. Аделий Луций Кар. Передайте Агристе, что любил её безмерно».

— А вот совсем удивительно! — указал он на богато украшенную мраморную стелу:

— «Сам я, Виталис Юлиан, себе при жизни воздвиг гробницу, и когда мимо иду, читаю я сам свои вирши. Юноша умный! Поставь себе ты при жизни гробницу, как сделал я».

Сазонов выпрямился, вытирая пот:

— Друзья мои... это же... сен-са-ци-я!!! Наткнуться на гробницы исчезнувшего поселения древних римлян, возможно, единственного сохранившегося на Земле...

Антон тактично кашлянул.

— Что?

— Не на Земле, Дмитрий Семёнович.

— А где?

— Точнее, на Земле, но... не в нашем мире.

Старик почесал затылок, всё ещё не придя в себя.

— А ведь верно, Антон. Точно! Мы же сейчас находимся... — он пристально осмотрел ближайшие изваяния. — Где-то... хм. Где-то от... первого до второго века нашей эры.

— Откуда узнали?

— По символам. До нашей эры, то есть, до правления Тиберия, при котором был казнён Иисус, некоторые буквы латиницы писались по-другому, нежели эти. Вот, смотрите... — он подошёл к следующей гранитной плите, предупредив:

— Тут целый рассказ о жизни одного из обитателей *того* времени. И слог, и синтаксис, и рифма в предложениях сразу навевают мне первые два-три века нашей эры. Позже, вечером, я объясню вам, при каких династиях практиковалось такое письмо. Я не боюсь ошибиться, поскольку посвятил данной теме едва ли не все последние годы перед экспедицией.

— Я знаю, — уважительно согласился Антон. — Ни один раз бывал на ваших лекциях, когда аудитория набивалась в зале до отказа. Помню, приезжали даже автобусами из соседних областей.

Сазонов отмахнулся, польщенный.

— Это в прошлом. Итак, читаем:

Он наклонился над изваянием, смахнул пыль и, вооружившись блокнотом, принялся переводить древний текст, иногда делая какие-то пометки карандашом.

— «Некогда был я жнецом и, усердно снимая созревший нивы своей урожай, рабский я труд исполнял. Бедного ларя я сын, рожденный отцом неимущим. Будучи сыном его, я жил земли обработкой. В пору, когда в поля отправлялся отряд серпоносный, идя на Юпитеров клин, опережал я жнецов, впереди всех по полю идя, и оставлял за спиной связки густые снопов. И с нумидийских полей жатву снимал наш отряд. Труд мой и скромная жизнь оказали мне помощь, и господином меня они сделали дома и виллы, и не нуждается дом этот ни в чём у меня. Я и детей народил, и внуков милых я видел. Так, по заслугам моим мы славные прожили годы, и не язвит никогда нас злоречивый язык. Смертные, знайте, как жизнь свою провести безупречно: честную смерть заслужил тот, кто обману был чужд».

Сазонов перевёл дух, закончив столь пространную эпитафию.

— Это же... — едва не поперхнувшись, выдавил он из себя — это же просто... уникально! Перед нами пролетела вся жизнь обыкновенного жнеца, ставшего при жизни господином. Невероятно!

Они ещё несколько минут побродили между надгробий, затем, остановившись у выхода, пристально прислушались.

— Сдаётся мне, что в этом селении никого нет, — заявил Антон.

— Откуда такая уверенность?

— Собаки, Коля.

— И что?

— Их нет. Они не лают. К тому же, посмотри, как всё запущено и покинуто. Мельница, опять же...

— А мельница тебе, чем не угодила?

— Не работает. Если бы в посёлке кто-то был, у неё крутились бы лопасти от водяного колеса. Муку-то надо вымалывать, верно?

— Может, она сломана, — не сдавался проводник.

— Может и сломана. Но я что-то не вижу вокруг неё спящих туда-сюда людей.

Селение было пусто, и Антон оказался прав. Ни собак, ни жителей, ни священных котов, которых в Древнем Риме почитали безмерно за их, некогда спасения города от полчища чумных крыс. Пусто! Ни души. Многие двери были распахнуты настежь, ветер гулял в их пустых комнатах, гоняя мусор по всей территории посёлка. Ни коров, ни свиней, ни другой живности... словно всё вымерло начисто.

— Может, здесь прошлась косою бубонная чума? — памятуя о крысах, поинтересовался Антон.

— Вряд ли, — задумчиво ответил Старик, входя в просторную хижину, наметив её издалека для ночлега. — Если бы здесь побывала чума, на дверях красками были бы начертаны кресты, а вдоль сточных канав лежали бы груды сожжённых останков. Гораздо важнее сейчас узнать причину, нежели просто гадать на кофейной гуще. Селение покинуто внезапно и наспех, побросав всё, что не смогли унести в руках. Все бежали, уводя с собой скот и домашнюю живность.

— Бежали... — повторил калмык, теребя на груди нательный амулет. — Но куда?

Дмитрий Семёнович надолго задумался, обходя пустые комнаты и отбрасывая носками ботинок разбросанный по полу хлам.

— Вот это нам и предстоит узнать, Коля.

...И они остались на ночлег в одной из хижин покинутого селения.

Что же произошло здесь, ломал голову Дмитрий Семёнович, бродя по пустому двору с покинутым колодцем, пока Антон разводил огонь, а Николай разделявал тушку зайца, пойманного ими при выходе из кладбища. Было видно, что дикая живность абсолютно не боялась присутствия людей и бегала по околицам селения, видимо, с тех пор, когда оно было внезапно покинуто. Судя по пыли и проросшей временами траве, обитатели ушли отсюда давно, более двух месяцев назад. Ушли всем скопом, быстро и стремительно, словно ожидали неминуемой смерти, если срочно не покинут посёлок. Антон прогулялся к мельнице и заметил, что намолотая мука уже давно была переработана мучными червями, а глиняная посуда, валявшаяся повсюду, имела тонкую плёнку плесени, которая образовывается спустя долгое время без употребления. Во дворе стояла пустая телега, на которой хозяева, очевидно, возили на рынок продукты для обмена, грузили сено или доставляли себе воду из ближайшей реки.

— Итак, — подвёл итог профессор, когда они расположились за дубовым столом, принявшись за еду. Николай нарвал в огороде несколько луковиц, подобрал сморщенные клубни картофеля, и ужин, можно сказать, получился весьма удачным. — Что мы имеем на данный момент, друзья мои. Первым фактом было то, что нас троих каким-то непонятным образом, некая физическая и потусторонняя сила, назовём её «мостом Эйнштейна — Розена», или попросту червоточиной времени, переместила нас из подземелья нашего 1976 года в первый или

второй век Древнего Рима (это мы уточним позже). При прохождении наших тел в тоннеле «кротовой норы» — так, Коля, называют червоточину времени, — мы обнаружил при выходе непонятные рисунки, датированные ещё ранее, нежели этой эпохой, куда нас занесло. Позже, выйдя из нескончаемого леса, мы обнаруживаем кладбище, пустое селение и отсутствие всякой живности. Всё это говорит о том, что мост Эйнштейна — Розена каким-то образом заменил между собой две абсолютно разные по времени эпохи, отстоящие друг от друга на две тысячи лет, а если брать рисунки неизвестного художника, то и того более. Иными словами, Коля, — пояснил он, прежде всего проводнику, поскольку Антон не нуждался в такого рода лекциях, — наша девочка и Тимофей остались по *ту* сторону реальности, а нас занесло, образно выражаясь, к чёрту на кулички, да ещё и неизвестно в какую область Римской империи. Отсюда можно сделать вывод: *кто-то* или *что-то* управляет этими двумя пространствами, перебрасывает нас сквозь временные континуумы и манипулирует, смешивая реальный мир с антимиром, как *ему* заблагорассудится. Какова причина столь непонятного феномена, мне пока неясно.

...Утром они покинули посёлок, чтобы двигаться дальше, в неизвестном для них направлении, следуя лишь своему наитию и внутреннему голосу, наугад, на север, куда глаза глядят, лишь бы не находиться в этом жутком и покинутом месте. Компас не работал, карты не было, но судя по растительности, насекомым и прочим признакам, они полагали, что находятся сейчас где-то в центральной точке Апеннинского полуострова, на подходе к великому и бессмертному мегаполису всех времён, начиная с Вавилона. Именно Вавилон был первым городом с миллионным населением, а вторым по величине был он. Его величество РИМ.

Преодолевая расстояние в двадцать — тридцать километров каждый день, питаясь всевозможной дичью и утоляя жажду из бесчисленных ручьёв, прилегающих к Тибру, они на исходе четвёртого дня пути, наконец, приблизились к конечной цели своего вынужденного маршрута: к стенам Священного Рима. Чем ближе подходили, тем чаще им попадались большие поселения, уже отчасти напоминавшие древние города из мрамора, гранита, гипса и каменных изваяний. Все они были пусты и покинуты таким же образом, что и первый посёлок в зарослях виноградника с оливковыми деревьями.

Это была *мёртвая пустыня*.

Остовы зданий торчали на цветущей земле словно скелеты, вонзаясь шпилями и куполами в неприветливое хмурое небо. На их пути по-

падались пустые телеги, брошенный скарб, оставленные впопыхах постоянные дворы и множество нетронутых, небуранных посевов. От этой жуткой картины опустошения становилось беспокойно. Четыре дня пути и ни одной живой души. В лесах водились зайцы, кабаны, косули, но стоило путешественникам войти в покинутое селение, как их будто невидимой рукой накрывало каким-то энергетическим полем, внутри которого ничего не существовало, ни людей, ни собак, ни другой домашней живности. Переночевав в очередном поселении, они вновь проходили леса, вновь встречали внутри диких зверей, но когда входили в следующее селение, всё повторялось снова: паутина, плесень, разбитые горшки, мусор и полная заброшенность. И так день за днём. Они нашли большую плетёную сумку и складывали в неё всяческую мелочь, которая могла им пригодиться в дороге. Поначалу Николай-калмык хватал всё подряд: позолоченные кубки, чаши с драгоценными камнями, иконы, изображавшие пантеон римских богов во главе с Юпитером, однако, вскоре сумка стала неподъёмной, и от многого пришлось избавиться. Антон со Стариком только посмеивались над своим напарником, но сами ничего не брали. Их интересовало совершенно иное, а именно: каким образом всё прилегающее к поселениям пространство насыщено всевозможной живностью, а в самих селениях и административных центрах не попадает ни души? Ни скота, ни собак, ни даже местных птиц, гнездящихся обычно под кровлями жилых сооружений.

Ничего. Пустота.

И это было тем более странным, когда вечером пятого дня, пройдя первые кварталы пустого громадного мегаполиса, они остановились на ночлег в одном из постоянных дворов, внутри которого обнаружили трапезный стол, на котором стояла... горячая чашка чая.

Первым её заметил Николай, идущий в группе всегда впереди остальных. Осматривая комнату посетителей, он невольно задержался взглядом на фарфоровой чашке, от которой поднимался горячий пар, а когда подошёл ближе, застыл в изумлении, ожидая сзади идущих коллег. Откуда в аномальной зоне безжизненного города материализовался, *только что* оставленный напиток? И самое главное — кем?

— Похоже, мы столкнулись с первым живым человеком за всё время нашего пути, — заключил Дмитрий Семёнович, подошедший сзади с Антоном. — Чай заварили недавно, и он ещё не успел остыть.

— Кто заварил? — едва не стуча зубами от испуга, осведомился Николай.

— Ты у меня спрашиваешь, Коля? — задумчиво в свою очередь спросил профессор. Антон в это время рассматривал остальную посуду.

Миска с остатками бобовой каши, овсяные лепёшки, оловянная ложка, кубок с чем-то, похожим на вино...

— Свежая, — потрогал он лепёшку. Понюхал вино.

— Аромат недавно собранного винограда. Молодое, ещё не успело настояться...

Прежде, чем он успел закончить фразу, произошло вообще нечто любопытное. А именно...

Где-то послышалось ржание лошади.

Все трое замерли, прислушиваясь и не веря своим ушам. Это был первый *живой* звук, который они услышали, проходя селения в течение пяти дней их маршрута, не считая тех, что раздавались в лесах за их пределами. Они уже настолько привыкли к мёртвой тишине, блуждая по очередным брошенным населённым пунктам, что сперва опешили и схватились за самодельные копыя. У Антона был римский гладиус, подобранный им в раскрытом отчего-то склепе погребённого центуриона, командовавшего, видимо, одной из когорт Шестого легиона: так было выбито позолоченными буквами на его щите. Теперь Антон обнажил меч, недоумённо обмениваясь взглядами со Стариком.

— Лошадь... — озадаченно проговорил тот. — Откуда? Мы почти неделю не слышали ни одного звука.

— Что будем делать?

— Кричать, Коля! И как можно громче!

— По-русски? — усомнился калмык.

— Да хоть по-китайски! Если есть лошадь и на столе стоит чашка, то должен быть тот, кто её оставил, а лошадь привёл с собой. Или приехал на ней.

— Откуда?

— Из тех, очевидно, мест, где эти лошади остались в наличии.

Абсолютно ничего не поняв, Николай, тем не менее, принялся кричать, подражая своим коллегам. Двор был пуст, но ржание доносилось где-то за его пределами: за оградой.

— Эй! Есть тут кто? Мы не причиним вам зла. Покажитесь! Нас только трое и мы не вооружены...

Слова, выкрикиваемые на современном русском наречии средней полосы их отчизны, звучали здесь, в центре Апеннинского полуострова, по меньшей мере, весьма нелепо.

Но ещё более нелепо прозвучал ответ, услышанный ими совершенно на том же языке.

— Вы кто?

У проводника из рук выпала сумка с его драгоценностями. Антон ошалело глянул на профессора, а сам начальник экспедиции едва не поперхнулся, вытаращив глаза навстречу невидимому гостю.

— Мы... — запнулся он, — мы... странники.

Более глупого ответа Дмитрий Семёнович не произносил ни разу в своей жизни.

— Русские мы, — поспешил добавить он.

— Это я слышу, — отозвался голос из-за ограды. — Откуда, русские?

— С Дальнего Востока... — проглотил комок Сазонов.

— С Хабаровского края, — добавил Антон. — Из экспедиции.

Послышался вздох облегчения, и в просвете зелёных насаждения показалась фигура, ведущая под уздцы добротного коня.

— Так бы сразу и сказали, — поприветствовал силуэт незнакомца.

Впрочем, отчего же незнакомца?

...Это был профессор Требухов.

Собственной персоной.

...Итак, Борис Александрович Требухов был человеком незаурядным, имел несколько научных степеней и слыл среди коллег неутомимым археологом, снаряжавшим различные экспедиции едва ли не каждый год — два, в те или иные районы аномальных зон как собственной страны, так и за её пределами. Он бывал в Тибете, покорял вершины «восьмитысячников», спускался с Жаком Ивом Кусто в океанские глубины, ходил под парусами в тростниковой лодке «Ра» с Туром Хейердалом, дружил с академиком Капицей, путешественником Юрием Сенкевичем и вёл обширную переписку с американским астрономом Карлом Саганом. В сфере его интересов были едва ли не все науки, какие преподавались в университетах, но любимым детищем, несомненно, была и оставалась археология. Снаряжая экспедиции со своими единомышленниками, профессор Требухов производил раскопки на Алтае, в сибирской тайге, на Байкале, в полярной тундре, а когда появилась возможность побывать в аномальной зоне близ Станового хребта у реки Учур — снарядил экспедицию и туда.

Однако именно там его следы затерялись, как казалось, навечно.

И вот, на тебе!

Теперь он предстал перед друзьями целый и невредимый, обнялся с коллегой Сазоновым, познакомился с Антоном и Николаем, а уже к вечеру следующего дня знал всю их предысторию, каким образом они

оказались здесь. Сам же он в свою очередь поведал коллегам весьма любопытный рассказ о собственной одиссее попадания сюда, в *чуждый* для них мир.

По его словам, они с группой геологов обнаружили провал подземелья, стали спускаться, и вдруг их команда подверглась какой-то газовой атаке, выплеснувшейся из недр подземной бездны, отчего вся его группа из пяти человек в мгновение ока погибла на месте, душенная непонятными миазмами. Сам он чудом спасся, поскольку находился наверху и спускался в связке последним. Когда ядовитые пары выветрились, он пришёл в себя после кратковременного обморока уже внутри подземелья, а его товарищи лежали вразброс, разметав руки и ноги на полу загадочной пещеры. Назад дороги у него не было, поскольку вход в подземелье обрушился при выбросе в атмосферу неизвестного науке газа, и ему пришлось уложить своих погибших товарищей прямо на полу пещеры. Там-то он и обнаружил целое скопление сохранившихся каким-то образом тел из различных исторических эпох планеты. В этой пещере он провёл ночь и следующий день, ломая голову над столь феноменальным открытием, тщетно пытаясь найти выход наружу по летучим мышам, однако на следующий вечер его вновь посетил стремительный поток газа, вырвавшийся из глубин подземного амфитеатра и разлома карстовых пустот. На этот раз газ был не таким умерщвляющим, и когда он пришёл в себя, обнаружил, что лежит у развороченной взрывом пещеры, на камнях которой были видны рисунки неизвестного художника, запечатлевшие неумелой рукой какие-то строительные работы при раскопках таинственного карьера. О том, что этот провал в тайге представлял собой некий аномальный узел между параллельными мирами, он сделал вывод позже, когда осознал, что находится в совсем ином часовом и климатическом поясе Земли. Его поглотила и перенесла через пространства какая-то пустота, в метафизике именуемая «мезонным облаком». Таким образом, он и оказался *здесь*, в ином измерении, блуждая по вымершим селениям уже три с половиной недели, пока, наконец, не добрался до Рима. Лошадь он увидел недалеко от древнего мегаполиса: каким-то чудом она сохранилась за границей мёртвой зоны и, оседлав её, он въехал в Рим, как триумфатор на белом коне.

Добравшись до центра, он задался целью пройти его пешком, направившись к основной достопримечательности — Колизею. Именно в его стенах он надеялся найти ответ своим догадкам, что в иное пространство переместился *целый климатический пояс Земли* вместе с Апеннинским полуостровом в придачу. Иными словами, как полагал он,

реальность II века нашей эры заменилась между собой *реальностью* века XX-го, иначе, откуда те рисунки на каменной кладке, изображённые неизвестным художником, который *понятия не имел*, что именно он рисует? Это был нонсенс. Четыре дня назад он, наконец, добрался до Колизея, пройдя пустой город, что называется, насквозь. Двое суток он провёл в стенах величественного амфитеатра, окончательно убедившись, что его перебросило во II век нашей эры, а именно — в царствование великого, как его называли «воина-императора» Адриана, который был у власти с 117 по 138 год нашей эры. Об этом Борис Александрович узнал по фрескам, скульптурам и монетам, изображавших принцепса во всём его великолепии. Оставалось выяснить, *куда*, собственно, исчезло всё живое, находящееся в стенах этого громадного мегаполиса? Где ВСЕ? Куда пропали? В какое пространство их занесло?

Над этим вопросом он и ломал голову последние два дня, вернувшись из Колизея в этот постоялый двор. Лошадь он отпустил пастись за ограду, сам же заварил себе чай, приготовил нехитрый ужин, но услышав голоса незнакомцев, благоразумно спрятался, поначалу подозревая, что это могут быть варвары. А когда различил русскую речь, да ещё и с современными наречиями, то пришёл в самое настоящее оцепенение.

— Вот, собственно, и вся история. Когда услышал, что вы разговариваете по-русски, здесь, в Священном Риме, не поверил своим ушам! — сознался он, заканчивая свой рассказ.

Настроение у всех было приподнятое, как и полагалось при встрече двух старинных приятелей, один из которых числился без вести пропавшим, но что-то всё-таки витало в воздухе вокруг них. Что-то зыбкое, неуловимое, непонятное по своей сути, неведомое им и не осознаваемое.

...Вот только что именно?

На следующий день Антон и Дмитрий Семёнович отправились поймать в силки какую-нибудь дичь для пропитания, а Борис Александрович Требухов принялся информировать Николая-калмыка о временах правления римских императоров, чтобы тот имел хоть частичную картину того промежутка истории, куда их занесло червоточиной времени. С всеобщего согласия приятели решили называть отныне червоточину «мостом Эйнштейна — Розена» и, приготавливая в огне очага бульон для будущего ужина, Николай сосредоточенно (как ему казалось) слушал своего нового наставника по истории.

— Август цезарь, уважаемый Николай, — вещал профессор слушателю, словно с кафедры своего института, — считается учёными довольно неплохим императором, недаром его обожествили после смерти. Я тебе прочту нечто вроде краткой лекции, начиная с первых принцев и далее — по мере их правления, ты не против?

Делать было нечего, и Николай с потаённым вздохом приготовился слушать.

— Итак, — продолжил Требухов. — Многих императоров, как, например, того же Юлия цезаря, убивали ещё при жизни их правления, а вот Октавиан Август умер собственной смертью. Его сменил Тиберий, при котором был распят Иисус, надеюсь, ты знаешь об этом.

— Да?

— Да. Благодаря заговору на трон взошёл безумный Калигула, которого вскоре тоже убили из-за его эксцентрических выходок. Он считался одним из худших императоров, о которых речь будет впереди. Если что-то неясно, ты спрашивай, не стесняйся, а я буду считать, что провожу лекцию для своих студентов, — вздохнул он ностальгически. — После Калигулы правил глупый и безвольный Клавдий, но если Гай Калигула сидел на троне четыре года, то тихий и незаметный Клавдий умудрился провести на нём целых тринадцать лет, пока его тоже не отравили. Вот тут-то на арену истории выходит великий и ужасный Нерон — второй худший император Священного Рима за всю историю своего существования. Дальше следовали один за другим три императора, которые правили по году — два, не оставив заметных следов при своих правлениях. Если я не ошибаюсь, то это были Гальба, Отон и Вителлий, которого сменил Веспасиан, заложивший строительство Колизея, а закончил строить этот великий амфитеатр его сын Тит, десять лет просидевший на троне, как и его отец. Оба были обожествлены и считались неплохими цезарями, как и Август. Позже власть Рима прибирает себе к рукам его младший брат, последний из династии Флавиев, тщедушный обжора и развратник Домициан, могущий за один свой пир разорить государственную казну, или как её римляне называли — фиск, до самого последнего сестерция. И надо же! История была к нему благосклонна, поскольку он просидел во дворцах целых пятнадцать лет, пока его тоже, наконец, не убили. В день убийства Домициана сенат Рима провозгласил императором довольно пожилого Марка Кокция Нерву, которому на тот момент было 66 лет. Правил он недолго, но истерзанный Домицианом Рим вздохнул с облегчением. С приходом к власти Нервы в истории Рима началась династия Антонини. Как позже писал Тацит, годы правления Нервы и его преемника Траяна, это «годы ред-

кого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает». Нерва расходовал казну весьма экономно: он был самым бережливым из всех императоров, хотя и правил всего два года, скончавшись от старости. Сразу же в день смерти он был причислен к Богам, увековечив своё имя, прежде всего сооружением Проходного форума в Риме, которые в руинах сохранились до нашего времени. Что касается следующего императора, дяди будущего Адриана, великого и божественного Траяна, то его можно охарактеризовать как самого лучшего цезаря за всё время существования Рима как империи. На сцену исторической эпохи выходит самый благополучный из всех принцепсов — Марк Ульпий Траян! Он был серьёзен, справедлив, скромн и обходителен в общении, прост и доступен народу. Его обожествили ещё при жизни, что являлось по тем временам просто-таки уникальным в своём роде случаем. Посещая перед вами Колизей, я тут и там наткнулся на фрески, лепнину, скульптуры и благодарственные надписи, возмечивавшие своего лучшего императора. Он заботился об укладке дорог, возведении гаваней, способствовал развитию торговли и искусства. Его возмечивал Тацит, Плиний Младший, его боготворил весь Рим. Его именем была названа центральная площадь мегаполиса и сооружена мраморная колонна, изображающая эпизоды войны с даками. В 113 году к Римской империи были присоединены Набатийское царство, Аравия, Месопотамия и Армения. На пути в Рим в августе 117 года Цезарь Нерва Траян, сын божественного Нервы, Наилучший Август Германский, Дакийский, Парфянский, великий понтифик, наделённый властью народного трибуна 20-й раз, императором 13-й раз, консулом 6-й раз... скончался в Киликии, что находится в Малой Азии. Прах его был доставлен в Рим и похоронен в золотой урне цоколя колонны на форуме его имени. Надпись на латыни гласила...

— Отцу отечества, храбрейшему принцепсу от сената и народа римского! — добавил за Требухова, появившийся из-за спины Дмитрий Семёнович. Старик слышал последние слова коллеги, и не преминул вставить сувою лепту в рассказ, тем более, когда дело касалось его любимого конька — латыни. — Простите, что позволил себе прервать вашу беседу, друзья мои.

Требухов вежливо поклонился, несколько не огорчённый, а, скорее, обрадованный появлением коллеги. Антон в это время выкладывал на стол двух великолепных фазанов, которые попали в силки, расставленные им с Николаем накануне. Оба профессора закурили трубки, благо табак, который они нашли в покинутых селениях уже был знаком

римлянам, хоть и отличался по вкусу и консистенции от привычного им никотинового продукта, производимого в отечестве.

— Может, теперь дополните меня, раз вы уже вернулись? — предложил Требухов.

— Охотно! — усаживаясь удобнее, ответил в свою очередь Сазонов. — Об Адриане мы поговорим позже, поскольку мы попали как раз во времена его правления, и нам ещё не раз придётся столкнуться с его именем. Скажу лишь, что после его правления, обожествлённого преемником Элием Вером, кто только не побывал на троне императорской власти принцепсов. Династия Антонини канула в вечность, и на сцену истории вышла следующая — династия Северов. Прежде всего, нужно выделить Марка Аврелия — философа, гуманиста, второго после Траяна, которому поклонялся Рим. Обожествлённый тем же образом, он правил до 180-го года, будучи относительно спокойным императором. Его приемный сын Коммод, по одной из версий, придушил Аврелия, захватив власть, но вскоре был убит заговорщиками из числа гладиаторов, как в своё время был убит Калигула. С его правлением и концом династии Антонини связывают конец благополучия Римской империи. Она пришла к бесславному окончанию своего существования. Позже уже никого не обожествляли, кроме Септимия Севера — последнего, канонизированного ещё при жизни. После него Рим познал двух худших правителей в своей истерзанной истории: Каракалла и Гелиогабала. Первый правил девятнадцать лет, второй лишь четыре, но оба истощили Рим до его плачевного конца, ограбив государственную казну по своему разумению. Империя пришла в упадок, императоры сменялись один за другим. Деций, Валериан, Аврелиан, Диоклетиан, Максимилиан Геркулий и другие, пока, наконец, к власти не пришёл Константин Великий, правивший Римом целых тридцать лет. Именно при нём Рим стал полностью христианской державой. Следом последовало его падение, последний император Майоран был обезглавлен в 461 году и античный Рим подошёл к своему логическому концу; с 476 года он перестал существовать. Наступило Средневековье.

Старик бросил взгляд на проводника.

— Однако боюсь, что Николаю уже надоело до чёртиков слушать наши с вами лекции. Верно, Коля?

Пользуясь моментом, когда оба профессора собрались вместе, бедный проводник незаметно присоединился к Антону и принялся помогать потрошить пойманную дичь, усердно налегая на нож. Исключительность своей помощи он выказывал с большей охотой, нежели принудительное выслушивание исторических фактов, которыми он абсо-

лютно не интересовался в данной ситуации, хотя деликатно молчал, пока профессоры разглагольствовали перед ним, блестяще выказывая свою эрудицию. Благо, что оба собеседника нашли друг друга и тут же забыли о Николае, который вздохнул свободно, заметив благодушное подмигивание Антона. Уж он-то знал наверняка, что теперь для обоих коллег не существовало ничего на свете: сейчас начнётся самая настоящая баталия в сферах истории, геологии, артефактов, дат, событий, раскопок и прочего интеллектуального коктейля Молотова.

Именно в этот момент, собственно, *всё* и произошло...

Глава 3-я

В двух эпохах.

Тимофей Ружин пришёл в себя незадолго до восхода солнца, обнаружив под собой муравейник, которого в приамурской тайге, в общем-то, не должно было быть априори. Из царства насекомых здесь водился только летающий в воздухе гнус, да несколько видов жесткокрылых жуков, похожих на миниатюрные бульдозеры. Солнце уже появилось над верхушками сосен, кто-то настойчиво тянул его за ботинок, а он всё не мог отделаться от недавних видений, посетивших его во время продолжительного обморока. Переведя взгляд влево от себя, он заметил пса Лёшку, отчаянно пытавшегося растормошить своего хозяина.

Первой мыслью было: где рюкзак с золотом?

Потом он вспомнил, что его намытые в Учуре самородки покоятся сейчас в палатке лагеря под его спальным мешком, подальше от чужих глаз. Утром он хотел тайком от всех покинуть стоянку и, прихватив пса, отправиться пешком через тайгу к подножию Станового хребта, но, как оказалось, помешали весьма странные и загадочные обстоятельства, которые начали происходить, когда он вернулся в лагерь. Вначале исчезли трое его коллег. Казалось, нет ничего проще и на этом можно было закончить: геологов не нашли и можно было спокойно уходить, оставив девушку разбираться со своими проблемами.

Но всё пошло не так. Они провалились в какую-то пещеру, наткнулись на погребение вполне сохранившихся незнакомых людей, затем их поглотил какой-то котлован с механизированными конвейерами, а дальше... обвал, обморок и пустота. Где он теперь, что с ним, где девушка, какой сейчас день и час, он не знал. Да ещё и этот муравейник, чёрт бы его побрал: проклятые насекомые уже забрались в нижнее бе-

льё и вот-вот начнут путешествовать по лицу. Хорошо, что ещё собака осталась рядом.

Отчаянно отряхиваясь и ругаясь, на чём свет стоит, бывший старатель вскочил, ужаленный сразу со всех боков, пошатнулся, едва не упал обратно в кишашую массу, но вовремя схватился за ветку, попутно отметив про себя, что ветвь дерева была не елью, ни сосной, ни кедром и не лиственницей. Дерево вообще не принадлежало к этому климатическому поясу, как, впрочем, и остальные деревья, которые он успел осмотреть в первые секунды своего прояснения.

Когда разум, проведя внутреннюю инвентаризацию всего организма, убедился в его относительно рабочем состоянии, Ружин принялся разводить костёр, поминутно оглашая непроходимый лес криками, призывая девчонку, или хоть кого-то, кто смог бы ему объяснить создавшееся положение. Так весь день он и просидел у костра, высушивая одежду от скопившейся в подземелье влаги, наблюдая, как Лёшка рыскает вокруг в поисках незнакомых ему грызунов. Лес безмолвствовал, никто не отзывался на крики, а Ружин всё сидел, не в силах уйти от ручья, протекавшего поблизости. Когда солнце показывало полдень, он, наконец, почувствовал голод. Нож армейского образца был у него прицеплен к поясу. Банка тушёнки, всегда находившаяся в кармане куртки на такой вот неопределённый случай, была тут же съедена, а остатки он отдал Лешему.

Это были *другие* деревья. Не таёжные. Где подевался мох и лишайник? Почему не слышно запаха морских волн близкого Охотского моря? Где шум бурлящих порогов Учура? Отчего птицы, грызуны и насекомые совершенно из иного климатического пояса? И где, наконец, все остальные?

Лес молчал. Ответов не было. Приходилось рассчитывать на собственные силы.

...И тут произошло нечто необъяснимое, что Ружин потом будет вспоминать ещё долгое время, удивляясь самому себе, как он в первый миг не потерял рассудок, увидев *это*.

Целый пласт земли на его глазах вместе с травой, почвой и деревьями, подёрнулся вдруг зыбкой дымкой, задрожал в воздухе, словно мираж в пустыне, обволокся каким-то маревом, съехал в сторону и... растворился в пустоте. На месте только что бывшей поляны с костром образовалось едва различимое облако, принимающее тут же облик амфитеатра гигантских размеров, будто целый каменный город в один миг вырос перед ним, поражая своим великолепием. Без шума, без каких-либо посторонних движений, треска, гула, абсолютно в полной тишине.

Ружин вначале не понял, что *вообще* случилось. На месте идиллической картины нетронутого леса вдруг *ниоткуда*, из пустоты возник колоссальный каменный комплекс, до боли знакомый ему ещё со времён школьной программы. Эта громада вознеслась над ним столь стремительно и, самое главное, бесшумно, что у бывшего старателя едва не отнялись ноги от испуга.

Колизей

Это был он. Легендарный римский амфитеатр для развлечений и гладиаторских ристалищ, начавшийся строиться при Веспасиане, и закончившийся при его сыне Тите. Всё произошло мгновенно, в зловещей тишине, и даже грунт под ногами Ружина заменился, приняв очертания каменных плит вместо только что росшей травы. Одним словом, *целый пласт геологической плиты в десятки квадратных километров* заменил собой громаднейший участок леса со всем его растительным и животным биомом. Ружин, сам того не понимая, даже смог прочесть надпись на одной из колонн рядом с грандиозной статуей. Надпись, высеченная, разумеется, на латыни гласила: «Жизнь — это благо и зло, а смерть — ни то, ни другое: если умен, рассуди, в чем облегчение нам. Но ради Богов Манов, тебе легкой да будет Земля!»

Все фразы и надписи складывались у него в мозгу произвольно, тут же облекая форму родной ему речи, минуя стадии перевода. Не требовалось ни знания алфавита, ни синтаксических оборотов, ни диалектических понятий, ни фонетики: он просто *понимал*. Пёс сидел рядом, поджав хвост, а над чашей амфитеатра рвались на ветру бесчисленные флаги.

Солнце стояло в зените, следовательно, был полдень, когда снова произошло нечто удивительное. Он вдруг отчётливо услышал в гробовой тишине вначале ржание одинокой лошади, затем голоса и... о чудо! Голоса эти разговаривали не латинским диалектом, а... по-русски!

Я схожу с ума, утвердился Ружин в своей догадке. Сначала незнакомый лес, затем римский Колизей, теперь голоса, произносимые фразы на его родном наречии... Что будет дальше?

Он нерешительно отступил, пряча на всякий случай нож за спиной, но Лёшка внезапно вскинулся, завилял хвостом, и с отчаянным весёлым лаем кинулся к арке, рядом с которой возвышалась величественная статуя императора Адриана.

Цокая копытами по мостовой, из-за неё показалась лошадь, запряжённая в телегу. По всему было видно, что животное таким же образом ничего не понимает, фыркает, крутит головой и закусывает удила, но

продолжает мерно идти, волоча за собой телегу, на которой восседали... Впрочем, можно было уже догадаться.

Да. Перед взором опешившего Ружина предстали два профессора, совершенно не замечавшие его из-за увлечённого спора, который они затеяли по поводу правления цезарей. Поглощённые возвышенной беседой, они заметили бывшего старателя лишь тогда, когда к их телеге подскочил Лёшка, радостно оглашая пустой рыночный форум своим весёлым лаем.

А за телегой показались уже и Антон с Николаем, удивлёнными глазами уставившись на своего коллегу.

Встреча состоялась.

— Ты как здесь оказался? — спросил Антон, пожимая Ружину руку. Он всегда с подчёркнутой вежливостью относился к бывшему старателю, однако особенно дружеских чувств не проявлял, как, впрочем, и все остальные в группе. Но сам факт, что их коллега оказался вместе с ними в этой непонятной эпохе, уже сглаживало все подводные камни в их общении.

— Где Даша? — в первую очередь спросил он, не дожидаясь пока Старик с Требуховым слезут с телеги, такие же удивлённые и озадаченные, как сам Антон. Николай-калмык в это время лобызался со своим псом, который с весёлым лаем юлил под его ногами.

— Я один, — ответил Ружин, всё ещё не придя в себя после столь грандиозной метаморфозы, приключившейся с ним. — А вы...

— Стоп-стоп! — перебил его Требухов. — Позвольте представиться. Борис Александрович, доктор исторических наук, начальник экспедиции, пропавшей несколько лет назад у подножия Станового хребта, — протянул он руку. — Точнее, не несколько лет, а несколько столетий, сообразно тому, в какой эпохе мы сейчас находимся.

— А в какой мы находимся? — спросил Ружин, поочерёдно пожимая руки остальным. Он только сейчас начал понимать, что встреча эта произошла не случайно, и его бывших коллег занесло в *прошлое* точно так же, как и его самого.

— Мы, а теперь и вы, — пояснил Требухов, — пребываем сейчас во *втором* веке нашей эры, в Древнем Риме времён правления императора Адриана. Вы видите перед собой Колизей, колонны...

— Это всё позже! — досадливо махнул рукой Антон. — Где Даша? Что стало с вами, когда мы покинули лагерь и отправились проверить подземелье?

— Сейчас расскажу, — кивнул Ружин. Первые эмоции прошли, и они всей группой расположились у фонтана в беседке, обрамлённой гипсовыми изваяниями обнажённых скульптур женской наготы. — Прежде всего, дайте мне что-нибудь поесть, я жутко голоден.

Калмык принялся выкладывать из рюкзака оставшиеся после ужина припасы, а Ружин тем временем с набитым ртом спросил:

— Людей тоже ни разу не видели?

В течение получаса он рассказал им всё, начиная с того памятного момента, когда вернулся в лагерь и не застал никого, кроме ожидающей их Даши. О рюкзаке с золотом он, разумеется, умолчал, зато подробно, во всех деталях поведал им о пещере с работающими автоматическими конвейерами, о трупах, обнаруженных в ней, о рисунках на камнях. Потом он ничего не помнил, а когда очнулся, оказался с Лёшкой в каком-то лесу, кишашем тысячами насекомых. Девушки рядом не оказалось, сколько он её не звал. Затем вскоре лес и весь его животный биом в мгновение ока, как бы «поменялся местами» с другим пространством и он увидел перед собой громаду Колизея. Лёшка с ним, а что стало с Дашей, он не имеет абсолютно никакого понятия.

Спустя долгую, очень долгую паузу, первым нарушил молчание Борис Александрович.

— Ну что же... всё ясно, коллеги. Тимофей, так же как и мы, по какой-то неведомой нам причине оказался выброшенным в ту же эпоху Священной Римской империи, куда забросило и нас. А раз мы все, в том числе и я задолго до вас, побывали в подземелье, можно смело предположить, что именно оно и есть некой отправной точкой наших перемещений. Уж не знаю, каким образом «работает» данный пункт перебросок, но то, что он не природный, а создан руками человека — факт неоспоримый. Иначе внутри не было бы конвейеров. Верно?

Дмитрий Семёнович поддержал:

— Да. И этот портал перенёс сюда целый «кусок» пространства из района реки Учур, минуя тысячи километров, сразу в климатическую зону Апеннинского полуострова. Каким образом это произошло, и самое главное — зачем? — мы с Борисом Александровичем не знаем. Видимо, здесь был задействован один из факторов моста Эйнштейна — Розена, который...

— Ладно — ладно, — отмахнулся Антон. — Сейчас начнётся целая научная дискуссия, о которой мы можем поговорить позже. Вы лучше скажите, оба профессора, где наша девочка? Где Даша? И почему они разделились, ведь спускаясь в подземелье, по словам Тимофея, они об-

вязались верёвкой, а Лешего держали на поводке? Теперь оба здесь, а Даша нет.

Над беседкой нависла долгая пауза. Оба коллеги беспомощно обменялись взглядами, пожали плечами, а когда пришло время что-либо ответить, лишь развели в стороны руками.

— Её могло занести куда угодно, — попытался предположить Сазонов, косясь на второго профессора. — Хотя в *прошлом*, как нас, хоть в *будущее*.

На этом печальном выводе дискуссия, казалось, уже подходила к концу, когда вдруг Николай-калмык, молчавший всё это время, внезапно выдал задумчиво:

— Голоса...

Вначале никто не понял.

— Что, голоса?

— Голоса внутри. Я слышу её голос.

— Чей?

— Дашин...

Внезапно и Антон спохватился:

— Точно! У меня тоже в голове... — он наморщился, потёр виски и будто прислушался внутри себя, подняв руку, чтобы все замолчали. — Она как будто зовёт куда-то...

Он снова потёр виски:

— Какие-то помехи... не могу расслышать. Словно спрашивает, зовёт, кричит в отчаянии...

Дмитрий Семёнович тоже схватился за голову, прислушиваясь к чему-то.

— Даша! — крикнул он в пустоту беседки. — Девочка моя! Ты нас слышишь?

...Мост Эйнштейна — Розена продолжил своё существование на Земле, посетив данный участок планеты в очередной раз.

Трехухов с Антоном рассматривали после завтрака древние свитки, захваченные Борисом Александровичем в одной из библиотек римского Сената, а Николаю-калмыку досталась роль слушателя, когда начальник похода по своему обыкновению принялся читать очередную лекцию по истории, убеждённый, что его слушает вся аудитория родного института. Утро выдалось чудесным, кругом не слышалось ни звука, даже ветер, казалось, притих в этом мрачном и пустом мегаполисе.

...И тут произошло нечто невероятное.

Воздух вокруг беседки сгустился, обрёл некую осязаемость и начал превращаться в едва заметное облако, клубясь и завязываясь в узел внутри себя. Послышались какие-то щелчки, похожие на статические помехи в радиоприёмнике, дунуло слабым ветерком, и облако сгустилось в парящий над землёй сфероид идеальных очертаний. Все уставились на этот непонятный объект, решительно не имея никакого понятия, что предпринять. Николай на всякий случай наматал амулет себе на палец, а Сазонов тем временем выкрикнул в пустоту, напугав и без того оторопелого пса.

— Слышу тебя, девочка моя! Говори громче!

— Даша? — опешил Требухов, откидываясь спиной на мраморный бордюр беседки.

Ружин уже подошёл и, не совсем понимая, что произошло, уставился на парящий сфероид точно таким же изумлённым взглядом, как и все остальные. Лёшка забился под ноги Антону и счёл нужным до поры до времени не гавкать, пока, по его мнению, не выяснится этот непонятный феномен.

— Даша? — переспросил Борис Александрович.

Старик обескуражено кивнул головой, напряжённо прислушиваясь внутри себя, и хоть тишина вокруг царила полнейшая, было видно, как ему это трудно даётся. Выкрикнув в пустоту ещё несколько раз имя своей племянницы, он виновато развёл руками, морщась от напряжения:

— Пропала.

Наступила мучительная пауза. Все с нетерпением ждали его объяснения. Спустя минуту, удостоверившись, что голос девушки исчез, он поинтересовался у Антона:

— На этот раз ни ты, ни Коля ничего не слышали?

— Абсолютно! Даже помех и шума в голове не было.

— Но это же, очевидно! — воскликнул Требухов. Пришла очередь и ему высказать свою догадку, не уступая своему коллеге. — Если вы её слышите, следовательно, она каким-то образом нашла нас и вступила в сеанс связи!

— Интересно, каким это образом? — скептически переспросил Антон.

— Телепатически.

— Чего? — у Николая едва не вывалился из руки амулет.

— В общих чертах это выглядит, конечно, абсурдно, но тем не менее... — Борис Александрович бросил взгляд на своего коллегу, ища у

того поддержки. — Судя по всему, ваша девушка тоже перенеслась в одну из исторических эпох планеты. Только не в прошлое, как мы, а...

— В БУДУЩЕЕ! — хлопнул себя по лбу Дмитрий Семёнович. — Ну, конечно же! Bravo, коллега! Как мы раньше не догадались? Если у неё есть возможность выходить с нами на связь телепатически, то напрашивается единственный правильный вывод.

— Какой вывод, шайтан вас возьми?

— Поскольку, в нашем веке, Коля, ещё не изобрели телепортацию, телекинез и телепатические общения с помощью передачи мыслей на расстояния, то это могли сделать только в грядущих десятилетиях. Иными словами... — он позволил себе эффектную паузу, — это могло произойти только... в БУДУЩЕМ!

Теперь пауза настала более продолжительная. Сфероид растворился в пространстве с тем же неуловимым движением, что и появился. Никто не обратил на это решительно никакого внимания, поскольку все мысли сейчас были о Даше. Лишь всё ещё изумлённый пёс едва гавкнул, когда облако скрутилось в узел и, сверкнув на секунду в пустоте точкой сингулярности, исчезло в пространстве, будто его и не бывало. Любопытно, но после его исчезновения, Лёшка тотчас обрёл уверенность в себе.

— Что она говорила вам? — спустя минуту спросил у Старика Антон.

Тот на секунду задумался, отчаянно вспоминая обрывки далёких фраз у себя в голове, затем внезапно вскочил, озарённый:

— Она ... она *спрашивала*, где мы находимся! — воскликнул он. — Чтобы я передал ей эпоху, куда занесло нас перемещением во времени.

— Что?

— Наши координаты!

— Какие ещё координаты? — не понял калмык.

— Сквозь помехи и пляску каких-то магнитных бурь, она кричала мне, пробиваясь в вихрях, чтобы я назвал ей, в какую из эпох Римской империи нас занесло!

— И это доказывает, — едва не захлопал в ладоши Требухов, — что она уже знает!

— О чём?

— О нас. Точнее, о вас. Что вы находитесь в Древнем Риме. Не где-нибудь у чёрта на куличках, не среди мамонтов или на кострах инквизиции, а именно в *Священной Римской империи*.

Последние слова фразы были произнесены им торжественно.

— Даша нашла вас. И ей в этом *кто-то* помог.

А в это время...

Впрочем, всё по порядку.

Ружин незаметно покинул беседку, чтобы не слышать очередного диспута двух великих светил наук, направившись к лошади, которую оставил на короткое время, услышав изумлённые возгласы, когда в воздухе возник непонятный облачный сфероид. Теперь там делать было нечего, по крайней мере не менее часа, пока два профессора не докажут друг другу основную суть телепатии, поэтому бывший старатель решил побыть наедине со своими мыслями. Рюкзак с золотыми самородками до сих пор не выходил у него из головы. Сможет ли он вернуться в 1976 год? Сможет ли забрать своё богатство и покинуть эту чёртову экспедицию навсегда? Каким образом это произойдёт и произойдёт ли вообще? Может им суждено остаться в этом пустом мёртвом городе навсегда, и все сокровища Рима падут к его ногам? Но тогда к чему они, если он будет владеть ими безраздельно, да ещё в безжизненном городе? Никто не увидит и не оценит его триумфа, он не сможет наслаждаться богатством, иметь женщин, пользоваться властью...

Эти мысли посещали его, пока он приближался к лошади. Сзади слышалась полемика двух интеллектуальных спорщиков, но Ружину до этого не было никакого дела. Взять лошадь и ускакать от них, куда глаза глядят? В любом дворце или храме он может нагрести себе столько золота, что в любых мечтах не снилось!

Да. Но что потом?

Николай в это время заметил, как их напарник отправился назад к животному, абсолютно не интересуясь происходящим, и решил тайком последовать за ним. Не то, чтобы он хотел проследить или выяснить причину, по которой Ружин частенько отлучается из коллектива, просто самому Николаю невольно было слушать спор двух, без пяти минут академиков, накал которого уже зашкаливал все мыслимые границы. Антон был поглощён тем, что едва не разнимал обоих спорщиков, и проводник ускользнул из беседки так же незаметно, как и Ружин. Лёшка потрусил следом, ни ветра, ни шума — отчего бы не прогуляться?

И то, что произошло дальше, он, разумеется, никак не мог предвидеть.

...Сизое облако вернувшегося ниоткуда сфероида, чем-то похожее на утренний туман у болота, клубясь и завязываясь в дивные узлы, обволокло бывшего старателя вместе с собакой, всосало в себя как пыле-

сосом, поглотило их силуэты и сгнуло напрочь, будто его и не было. Всё произошло стремительно, за какие-то секунды, отчего у Николая зарябило в глазах. Он уже подходил к лошади, зажмурился, оторопело встал как соляной столб, словно наткнулся на какую-то невидимую преграду и... исчез так же, как и Ружин с Лешим.

Лошадь взрыла копытом землю, шарахнулась в сторону, едва не обрывая привязь, а облако мезонного портала времени растворилось в пустоте, оставив вместо себя точку сингулярности, которая, в свою очередь, бликнула с тихим хлопком и покинула *этот* мир навсегда. Дальше был только вакуум и абсолютная всепоглощающая тишина.

В беседке никто не заметил происшедшего. Николай с Ружиным и прежде отлучались: кто проверить лошадь, кто просто по нужде — сейчас было не до них. Трое оставшихся в беседке геологов продолжали усердно передавать в пустоту своё местонахождение, совершенно не интересуясь наступившей внезапно тишиной. Точнее, это касалось только обоих коллег; Антон, как наиболее рационально мыслящий в эту минуту, успел краем глаза заметить в гуще листвы какое-то движение, вспышку света, и исчезнувший в мгновение ока силуэт калмыка.

Сидеть далее, сложа руки, и слушать перепалку обоих коллег не имело смысла.

Что там произошло в сквере? Откуда вспышка и где делись остальные? Почему не гавкает Лёшка?

Оставив своих старших товарищей, он поспешил к лошади, где и замер на месте, решительно не зная, что предпринять.

...Поляна сквера была пуста.

Прежде всего, бывший старатель осмотрелся по сторонам. Он уже начинал привыкать к броскам времени из местности в местность, из эпохи в эпоху, и первое, что он тотчас предпринял, это ощупал себя с головы до ног, убеждаясь, что обморок прошёл без последствий, оставив организм работать в привычном ему режиме. Как и в прошлые разы, он совершенно не испытал никакого дискомфорта кроме головной боли и едва заметной тошноты, зато сразу отметил про себя изменение климата и местности, куда его в очередной раз забросил мост Эйнштейна — Розена. Вместо кипарисов, оливковых и лавровых деревьев, перед ним вновь во всю ширь развернулась могучая тайга с её кедровыми и сосновыми массивами. Рядом поскуливал от страха озабоченный Лёшка, но, ни колонн, ни Колизея, ни лошади Ружин не увидел, однако сразу почувствовал морские испарения Охотского моря и знако-

мый рокот порогов реки Учур, который он бы не спутал ни с какими иными звуками природы. Кругом высились пихты, сосны, под ногами стлался мох и лишайник, в небе кружили морские чайки, гнездившиеся неподалёку, а в стороне от него, буквально в нескольких шагах зияла чёрная дыра провала в подземелье, в которое они спускались с Дашей, прежде чем разделились, попав в совершенно разные эпохи.

Итак, он снова *дома*.

Вот только год...

Действительно ли он снова вернулся в 1976 год? Действительно ли сейчас 16 августа? Тот день, когда, собственно, всё и началось? В день рождения Антона?

Спускаться в подземелье он больше не намеривался, тем более в одиночку, без страховки и поддержки. Там лежат мертвецы, эпохи их жизней перемешались между собой, и он не хочет пополнить их «весёлую» компанию. Сама судьба перенесла его сейчас сюда, чтобы он смог вернуться в лагерь, забрать рюкзак с золотом и покинуть эти чёртовы места навсегда, оставив остальных искать друг друга в порталах кротовых нор. Хватит. Набегался. С таким количеством самородков его ждёт новая безбедная жизнь, и не в каком-то пустом мёртвом городе, а в настоящем раю, который он себе представлял накануне. Да и собака рядом — чего ещё надо?

С этими словами Ружин ободряюще потрепал Лёшку по загривку, бросил последний взгляд в чёрный зев провала, и только тут заметил, что рисунки на камнях... *исчезли*. Их *не было*. Изображения римских легионеров, которые Антон обнаружил с фонарём в первое их посещение, теперь отсутствовали напрочь.

Странно как-то...

Впрочем, оно ему надо? Пусть этими феноменами занимаются Старик с Требуховым, на то они и профессеры. Махнув рукой, будто отгоняя навязчивое видение, он свистнул Лёшку и, более не задерживаясь ни минуты, поспешил в оставленные палатки, где в одной из них его дожидался рюкзак с золотом. К чёрту эти бессмысленные догадки! Он теперь богат! Оставалось только пройти через тайгу, выйти к Становому хребту, нанять рыбацкую лодку и... ищи ветра в поле.

В лагере всё оставалось по-прежнему, будто они его и не покидали вовсе. Всё находилось на своих местах, на столе были расставлены миски, единственное, что сбивало с толку, это копчёный хариус, висевший у потухшего костра, когда Антон коптил его на дыму. Теперь тушки рыбы представляли собой сморщенные, высохшие и покрытые плесенью ломтики бесформенных жгутов, похожие на свисающие серёжки,

иные из которых уже давно были объединены насекомыми. Сразу напрашивался единственно правильный вывод, что останки протухшей рыбы провисели на солнце не один день, а, следовательно, *неизвестно*, сколько времени прошло, прежде чем он вернулся назад.

Неделя? Пять дней? Четыре?

Не задерживаясь у давно потухшего костра, он мимоходом заглянул в штаб-палатку, отметил про себя, что все приборы отключены, заметил даже чайник, оставленный ими впопыхах, вышел и поспешил в свою палатку. Звери сюда не забредали. Всё находилось на своих местах.

Всё, за исключением одного.

Не было рюкзака.

...Золото исчезло.

...Ружин обомлел.

Он оставлял рюкзак под своим спальным мешком, прекрасно помня, что, прежде чем заснуть, мельком проверил его содержимое. Тогда ему ещё невольно показалось, что за спиной присутствует кто-то незримый, неведомый и непонятный, но он отнёс это щемящее чувство за счёт своих напряжённых до предела нервов. Даша в тот момент чистила у костра посуду, пёс бегал по территории, остальные ушли к провалу подземелья и не возвращались уже несколько часов, следовательно, в палатке кроме него никого не могло быть.

И вот на тебе. Сейчас, судя по сеансам связи, девушка где-то в *будущем*, остальные в Древнем Риме, а рюкзак исчез.

Бывший старатель перевернул вверх дном всю палатку, перерыл вещи, разметал на столе всю посуду, разбросал аппаратуру, даже осмотрел пепел потухшего давно костра. Всё было напрасно. Рюкзак с самородками как в воду канул.

Это уже было на грани!

Леший, видя, как его хозяин приходит в ярость, не понимая его гнева, поспешил укрыться за соседними кустами, и уже оттуда наблюдал за сумбурными действиями Ружина. От бессилия и ярости тот едва не взвыл, грозя небесам сжатыми от безысходности кулаками.

И будто кульминацией всего происшедшего, в палатке их импровизированного штаба снова заголосил зуммер автоматического повышения опасности. Уцелевший после погрома прибор завибрировал, шкала датчика взметнулась вверх, достигла критической отметки и заплясала бешеными скачками, словно вот-вот вырвется наружу. Это означало,

что уровень магнитных возмущений, исходящих из земли, вновь перешагнул барьер допустимой нормы. Энергетический всплеск непонятного электромагнитного импульса вырвался из недр подземелья, пропитав атмосферу своей гравитацией. Леший испуганно гавкнул, на коже старателя волоски встали дыбом, по телу прошла дуга электрического разряда.

Этого ещё не хватало!

Какая-то непонятная завеса тумана опустилась на поляну и Ружин, остолбенев от изумления, как зритель в кинотеатре, невольно всмотрелся в то, что начало происходить между растянутыми палатками их лагеря. Развернувшееся перед ним изображение напоминало действие художественного фильма, происходящего с его участием: он как бы находился внутри и наблюдал собственными глазами, как ему *показывают снятые кем-то кадры*, а он, будучи зрителем, смотрит на это, начисто утратив чувство реальности.

А происходило следующее...

Целый пласт геологической породы вместе с деревьями, мхом, лишайником и мелкими грызунами словно «отъехал» в сторону как мираж в пустыне, задрожал зыбким маревом, и уступил место совершенно иному геологическому отрезку времени. Иными словами, будь тут сейчас Старик, он бы объяснил, что пресловутый тоннель Эйнштейна — Розена, покоившийся до этого в недрах подземелья, вновь выплеснулся на поверхность, вбирая и всасывая в себя всё, что в данный момент находилось в радиусе его действия. Несколько десятков квадратных километров могучей тайги заколыхались перед глазами Ружина, вздрогнули, опустились, поднялись, и постепенно растворились в пространстве, «заменяясь» таким же гигантским участком леса, с той лишь разницей, что это стал *другой лес, другая местность, и абсолютно другое* время.

Пространства *поменялись* местами.

Они сменили друг друга, как на шахматной доске меняются между собой фигуры.

Всё произошло за какие-то секунды, и теперь оба существа — человек и собака — снова оказались в совершенно ином измерении.

В *параллельном*.

В какой-то миг, прежде чем геологические эпохи поменялись местами, Ружину открылось непонятное видение.

Палатка и весь лагерь ещё не успели исчезнуть и раствориться в пространстве, как вдруг прямо посреди поляны между столом и костром марево тумана заколыхалось, свернулось в клубящийся узел, из

которого материализовался неясный силуэт, спустя секунду оказавшийся никем иным, как Николаем-калмыком из его группы. Ружин было кинулся к нему, но тотчас же понял бесполезность своей затеи. Он *не принадлежал* этому, чуждому для него пространству. Его измерение было иным, и вследствие этого парадоксального феномена, и Ружин и собака остались на месте, словно удерживаемые некоей силой, не пускавшей их внутрь. Им приходилось только наблюдать. Проводник их не видел, хотя и озирался по сторонам таким же ошалелым взглядом, каким прежде него осматривал местность Тимофей. Леший гавкнул, но его голос превратился в вакуумную тишину, абсолютно недоступную слуху тому, кто находился по *ту сторону* возникшей ниоткуда реальности. Ни Ружин ни пёс не смогли произвести никакого движения. Их будто «впечатало» в вязкий воздух, а их конечности налились свинцом, как бывает во сне, когда ты хочешь куда-то бежать, но тебе не даёт это делать непонятная потусторонняя сила, неподвластная разуму.

Тимофей видел, как в этот краткий миг Николай вошёл в палатку и, спустя несколько секунд, вышел из неё с рюкзаком за плечами. Вот и всё, что успел увидеть бывший хозяин золотых самородков. Калмык исчез, исчез рюкзак, исчезло и само пространство. Ни лагеря, ни палаток, ни стола с потухшим костром.

Вместо этого мост Эйнштейна — Розена, по необъяснимой причине посетивший их лагерь, преподнёс им очередной сюрприз. Позже, через сто лет, учёные объяснят этот феномен, как выходящий за рамки их эксперимента. Тимофей Ружин, да и, по сути, его пёс оказались невольными «зрителями» того, как на их глазах оба измерения поменялись местами, при этом втянув в узел развёртки и Николая-калмыка, оказавшегося в радиусе действия туннеля времени. Мост Эйнштейна — Розена всосал проводника в себя как мусор в трубу пылесоса, затем на короткое время освободил, дав тому возможность посетить палатку, прихватив рюкзак, а в конце таким же образом поглотил в себя и растворился вместе с ним в неизвестном векторном направлении. Сообразно скудным познаниям в физике Ружину это было более-менее понятно. Удручало бывшего старателя другое: *каким* образом калмык мог знать о его рюкзаке, если в палатке никого не было, когда Тимофей прятал его под свой спальный мешок? Все оставшиеся в лагере геологи ушли к провалу подземелья, исключая девушку, следовательно, проводник просто физически не мог при этом присутствовать!

Додумать про себя столь неутешительную для себя мысль Ружин не успел.

Тот же узел пространства, что внезапно вобрал в себя калмыка, вернулся вновь, закрутил воронкой сгусток облака, всосал в себя собаку, затем хозяина, поколыхался в воздухе и, издав оглушающий хлопок, исчез в том же неизвестном направлении, что и прежде. Поляна опустела, ветер стих, палатки и стол под навесом остались дожидаться своего часа, но прежде эту территорию посетит неандерталец, и в течение нескольких дней будет рисовать на камнях то, что предстанет перед его скудным разумом. Питаясь ягодами и шишками, он проведёт в *будущем* для себя времени почти неделю, прежде чем генератор червоточины не отправит его обратно в свои пещеры каменного века.

Но это будет позже.

А пока...

Временной тоннель Эйнштейна — Розена продолжил своё путешествие по временным эпохам, посетив планету в очередной раз своего бесконечного существования во Вселенной.

Что касается Даши, то дело было так...

После того, как её вышвырнуло из провала подземелья какой-то неведомой энергией, девушка оказалась на берегу неизвестного ей озера. Напарник с собакой исчезли, и она напрасно пыталась звать Ружина с Лешим, едва не сорвав в смятении голосовые связки собственной гортани. Зато эти крики о помощи, неизвестно каким образом слышали её коллеги, находившиеся в это время совершенно в ином измерении, у стен легендарного Колизея покинутого Рима. Именно эти крики, мысленно посылаемые им в полном смятении, минуя пространства и временные коллапсы, дошли до начальника экспедиции, Николая и Антона. Именно их услышали в своём мозгу её друзья по команде.

Весь остаток дня она бродила по берегу, собирая мелкие устрицы для ужина. В её карманах комбинезона всегда находились спички, следовательно, трудностей с разведением огня не возникало. Удручало иное: она одна, непонятно где и в каком промежутке временного вектора. Куда забросила её червоточина? Где все? Где таёжный массив подножий Станового хребта, где бурлящие пороги реки Учур? Где, наконец, их лагерь, и отчего здесь так много тропических деревьев у незнакомого озера?

Лавина вопросов, накатившая на неё, совершенно не имела ответов.

Девушка так и осталась бы в этом, чуждом ей времени, неизвестном климатическом поясе и параллельном пространстве, если бы...

В тот момент, когда она, уже прекратив звать друзей, в отчаянии разводила костёр, на поляне среди кустов произошло какое-то движение.

Огромных размеров бурый медведь, очевидно, вышедший только что из продолжительной спячки, стремительно кинулся всей гигантской тушей на неё, сгрёб лапами, мгновенно перегрыз третий и четвёртый позвонок, переломал уже безвольное тело пополам и принялся терзать остывающую плоть. Даша даже не успела крикнуть, настолько неожиданно всё произошло. Послышался хруст перегрызаемых ключиц, разрываемых сухожилий и омерзительное чавканье, переходящее в вожделённое утробное рычание, словно ненасытный зверь заглатывал не куски человеческого мяса, а горсти созревшей малины. Брызнувшая во все стороны кровь, осела на листьях ближайшего кустарника, и Даша, некогда бывшая член экспедиции профессора Сазонова перестала существовать в этом мире в мгновение ока. Колоссальная туша исполина одним махом растерзала ещё трепыхавшуюся плоть девушки, перемолола внушительными клыками кости, выплюнула кишки, отрыгнула одежду, и бессмысленным, но удовлетворённым взглядом уставилась на огонь костра.

Там этого зверя и застала червоточина, лишь на миг опоздав своим посещением ту поляну, где должна была забрать безвинное дитя природы.

По каким причинам, и каким необъяснимым образом портал времени перенёс девушку не в то измерение, которое ей предназначалось изначально, так и не удалось выяснить. Не удалось, поскольку выяснять было некому. Запоздавший сфероид мезонного облака прихватил с собой жуткого монстра, впитал в себя, поглотил без остатка и исчез в пространстве, направившись навстречу иным измерениям.

Всё было кончено.

Даша исчезла с лица земли, перестав существовать в природе как индивидуальная физическая величина.

Пройдёт бесконечное количество времени, минуют дни, месяцы и годы, пока однажды, в эту климатическую зону планеты, не нагрянут бесчисленные туристы, которые и обнаружат останки некогда растерзанного скелета. По пломбам и зубам в истлевших скулах черепа будет установлена личность жертвы, все эти годы считавшейся пропавшей без вести у порогов реки Учур.

...Но это, разумеется, будет позднее.

А пока...

Глава 4-я.

Генератор червотчины времени.

Смещение геологических пластов.

По каким причинам Тимофей Ружин с собакой и Николаем-калмыком оказались втянутыми воедино в одно и то же пространство тоннеля Эйнштейна — Розена, так и осталось неясным.

Очевидно, а именно такой напрашивался вывод, в 1976 году, когда калмык забрал с собой рюкзак, Ружина и собаку впитало в себя энергетическое поле генератора червотчины, поскольку они тоже находились в тот момент в радиусе действия портала времени. Вопрос стоял иначе. Каким образом они *вообще* могли оказаться вместе в одной и той же точке векторного перемещения? Как оба пространства — реальное и инородное — смогли соединить всех троих именно в этих координатах, близ лагеря, у палаток геологов? И как, опять же, Николай мог знать о существовании клада, оставленного Ружиным под своим спальным мешком?

Нагруженный рюкзаком, проводник стоял сейчас на *просёлочной дороге*, и озирался по сторонам, словно беглец, сбежавший из-под надзора. Ощущение было не из приятных. Всё произошло как-то само собой. Оказавшись в расположении лагеря, он, по какому-то смутному наитию, будто разговаривая с кем-то внутри себя, прежде всего, бросился в палатку Тимофея, где и обнаружил рюкзак с золотом. Что было дальше, он абсолютно не помнил. Кто или что ему подсказывало в этот момент, он не имел ни малейшего понятия, слыша только внутри себя какой-то незнакомый голос. Голос настойчиво повелевал приподнять спальный мешок, что, собственно, Николай и сделал. А когда вытащил из-под него рюкзак, был крайне ошарашен столь щедрой и грандиозной находкой. Выбираясь наружу, он тотчас был подхвачен ниоткуда взявшимся вихрем, и единственное, что успел заметить, это два зыбких силуэта, застывших в нелепых позах. Силуэты были Ружиным и его собственной собаки. Промелькнув на мгновение, они так же растворились в пространстве, всосавшись в крутящуюся горловину тоннеля.

А потом его поглотила *пустота*.

Как это произошло, он совершенно не почувствовал. Зато, когда пришёл в себя и убедился, что рюкзак всё ещё при нём, с ошалелым

видом обнаружил, что стоит на проезжей колее, оставленной каким-то непонятным ему транспортом.

Он стоял и озирался, пытаясь привести в порядок свои мысли.

Где он? Куда делись остальные? Где Колизей, Антон и Требухов со Стариком? Где, наконец, Ружин с собакой?

Просёлочная дорога, на которой он таким удивительным образом оказался, напомнила ему картины старорусских художников. Это-то и было странным. Словно сквозь просеку леса протащили что-то тяжелое, громоздкое, и явно не бульдозером. На колее не было ни отпечатков шин, ни траков, ни протекторов от гусениц.

...Это были следы *деревянных колёс*.

Он что, снова в Древнем Риме, мелькнула догадка?

И как бы отвечая на его мысленный вопрос, в стороне за деревьями послышалось ржание лошадей, свист кнута в воздухе, а затем и резкий окрик, понукающий запряжённую тройку. Николай едва успел отскокить в сторону, как вдруг мимо него на полном ходу пронеслась... карета. Кучер сидел на задворках и свистом подгонял взмыленных животных, совершенно не заметив странного путешественника. Всё произошло настолько стремительно и быстро, что Николай даже не успел заметить сидящих внутри пассажиров. Но то, что карета была дорогой и принадлежала какой-то знати, говорили её гербы на дверцах, да и сама упряжь была едва ли не из золота.

Не совсем ещё понимая, куда его забросила неведомая сила, калмык поправил рюкзак, посмотрел оторопелым взглядом вслед умчавшемуся экипажу, и зашагал прочь из леса. Так вот откуда столь странная колея на дороге, поросшая старой травой. Колёса-то у кареты, как ни есть деревянные, мелькнуло у него в голове. Делать было нечего. По всей видимости, его снова перебросило в какой-то отдалённый век, и то, что эта местность не принадлежала Римской эпохе, говорили за себя деревья, климат и прочая растительность. Жутко хотелось пить, да и голод уже давал о себе знать. Он теперь один, и это непреложный факт.

Выйдя, таким образом, на просёлочную дорогу, Николай оказался в километре от какого-то большого селения, в центре которого виднелся позолоченный сусальный купол церкви, явно принадлежащий временам древнеславянского христианства. Подходя с опаской к первым избам, калмык всё больше утверждался в догадке, что перед ним настоящее *русское* село. Во-первых, сама конструкция изб с резными коньками на крышах, с колодцами, заборами, бревенчатыми стенами и слюдяными окошками — эти деревянные строения напомнили ему картины

русских живописцев: Серова, Репина, Кустодиева. Люди ещё не попадались, иначе он бы сразу определил по одежде, в какой примерно век его занесло на этот раз. И самое важное — куда?

Слышалось ржание лошадей, солнце только всходило, прокричал петух, ему ответил другой. Где-то залаяли собаки. Ухнул в лесу филин. Не останавливаясь у первых изб, проводник направился напрямик к церкви, разумно полагая, что в храме господнем ему не причинят никакого вреда. Единственное, что стоит учитывать, это его необычную для этих мест одежду. На нём был комбинезон и куртка с множеством карманов, на ногах армейские ботинки для похода, за спиной рюкзак, в чехле на ремне нож и фляга, на руке часы. Это стоило учитывать. Плюс несколько килограммов золотых бесформенных самородков. Промчавшаяся мимо карета, по всей видимости, имела какое-то прямое отношение к этому древнему селу, и нужно держать ухо востро, чтобы не влезть в какую-нибудь неприятность. Разговаривать-то он по древнеславянски не умел... как, впрочем, и понимать.

...Сзади что-то хрустнуло. Послышалось сопение, прерывистое дыхание нюхавших воздух ноздрей, и за его спиной на просёлок дороги выскочил... Леший. Пёс тотчас бросился к Николаю, радостно гавкнул и запрыгнул передними лапами на спину, отчего у калмыка от неожиданности едва не подкосились ноги. Это было настолько неожиданно и абсурдно, что Николай опешил не меньше, прежде чем увидел самого Ружина, собственной персоной. Тот стремительно приближался к калмыку, очевидно, нисколько не интересуясь, каким загадочным образом он оказался рядом с их проводником. Он видел перед собой только рюкзак, остальное его абсолютно не заботило. Вот он! Наконец нашёл!

Подпрыгнув к бывшему напарнику, Тимофей грозно зарычал:

— Отдай, сволочь! Не твоё!

Леший застыл на месте, совершенно не понимая, отчего два его хозяина схватились между собой, катаясь в пыли и, вырывая друг у друга какой-то непонятный предмет. Собаке было невдомёк, что сейчас решалась судьба обоих путешественников: кто окажется сильнее, тому и достанется несметное богатство.

Эта схватка продолжалась бы и дальше, и неизвестно, кто бы из неё вышел победителем, однако случилось то, что, в общем-то, и не должно было произойти, если бы не отчаянный лай всех встревоженных криками собак, оглашающих село своим громким лаем.

Послышалось ржание, топот копыт, и когда оба схватившихся на миг оторвались друг от друга, задрвав головы в пыли, то увидели странную картину.

...Придерживая гнедую, рвущую удила лошадь, над ними возвысился незнакомец в богатой одежде, словно призрак, появившийся ниоткуда.

— Кто такие? — спросил он властным голосом, очевидно, привыкшим командовать в любых обстоятельствах.

Оба путешественника выпустили рюкзак и устали на всадника удивлёнными глазами, в которых ещё не успел остыть боевой дух схватки. Незнакомец был одет в богатый камзол времён XVIII века, с позолоченными галунами, брыжами вместо воротника, опоясан орденской лентой и прикрыт широкополой шляпой с пышным павлиньим пером. На ногах были высокие ботфорты с блестящими шпорами, на боку шпага с серебряным ажурным эфесом, в руке небольшой кнут, которым он слегка подстёгивал своего резвого скакуна, норовившего встать на дыбы перед незнакомой собакой. Леший гавкнул для приличия и укрылся за брошенным в пыль рюкзаком. Всадник придержал коня и осмотрел обоих путешественников.

— Чьих будете, я спрашиваю?

Речь его была необычна для слуха, но Ружин с Николаем уже поняли, что это не художественная инсценировка какого-то фильма, а самая, что, ни на есть реальность средневековой России, куда их занесло тоннелем Эйнштейна — Розена.

Первым в себя пришёл Николай. Ружин всё ещё пытался дотянуться до рюкзака, поглядывая снизу вверх на подъехавшего всадника.

— Мы не здешние... — сделал попытку калмык подстроиться речью под местный диалект незнакомца. То, что перед ним восседал на коне какой-то важный господин, он уже определил по одежде и манере общаться с низшим сословием.

— Вижу, что не здешние, — хмуро и свысока ответил тот, обрадовав мысленно Николая, что такая фраза есть в здешнем обиходе. — Я спросил, гербу какой фамилии служите?

— Служите? — вырвалось у Тимофея, но проводник осадил его предупредительным взглядом. Однако, не дождавшись ответа, всадник спросил, не меняя тона:

— Карету видели?

Николай ухватился мысленно за спасательную ниточку, позволяющую увести разговор в иное русло, поскольку важный дворянин уже начинал удивлённо присматриваться к их непонятной одежде в виде ботинок, курток и часам на руках, которые Николай попытался скрыть под рукавом.

— Видели, — поспешно ответил он, кланяясь и поднимаясь с пыли.

— В какой стороне?

— Вон там, — указал калмык в сторону леса. — Навстречу солнцу поехала. Мы шли среди деревьев и заблудились.

— Что? — не понял всадник, прислушиваясь к его дивной речи. Он, видимо, хотел расспросить ещё что-то, но не хватало времени, а в его глазах всё больше нарастало подозрение.

— Говоришь ты как-то чудно, не по-нашему, — стегнул он коня, разворачиваясь к лесу. — И одеяние у вас не наше, не русское. Иноземцы, не иначе. Войдёте в село, — махнул он рукой в сторону купола церкви, — минуете погост и увидите терем бревенчатый. Покличьте кого-нибудь из дворовых, скажите, что я вас прислал, пускай оставят вас во дворе. Я вернусь и ещё побеседую с вами.

— А величать вас как? — крикнул ему вдогонку Николай.

Ответить вельможный господин не успел. На его глазах воздух вокруг заколебался, принял консистенцию спрессованного вязкого тумана, окутал незнакомцев, впитал в себя собаку, путешественников, лопнул как пузырь и пропал. Всё заняло не более пяти секунд. Ошеломлённый всадник осадил коня, вытаращил глаза в образовавшуюся пустоту, перекрестился и едва не свалился на землю, зацепившись краем кафтана за луку седла.

На этом всё и закончилось.

Что было дальше с ним самим и его лошадью, история, к сожалению, умалчивает.

— Так мы ни к чему не придём, Тимофей. Забирай своё богатство: так или иначе, оно по праву принадлежит тебе.

Леший в это время обнюхивал ближайшие деревья и скрёб лапами мох, оказавшийся под их ногами. Они ещё не осознали, куда их занесло в этот раз: озарение придёт позже, а пока диалог происходил в таком тоне:

— Скажи только, где ты умудрился откопать столько золота? — спросил Николай, наблюдая, как бывший старатель трепетно проверяет содержимое.

— Вот именно, что откопал, — буркнул тот в ответ. — Два года намывал у берегов Учюра, едва не погиб от голода и хищников. А ты хотел присвоить.

— Прости. Шайтан попутал. Я и сам не сознавал, что делаю. Когда меня закрутило в вихре и пропали из виду Антон с обоими профессорами, я вдруг почувствовал в себе какой-то непонятный внутренний го-

лос, настоятельно предлагавший посетить палатку и заглянуть под твой спальный мешок.

Ружин изумлённо поднял брови:

— Какой голос?

— Не знаю. Чужой. Не наш. Не наших друзей. — Николай поморщился и потёр пальцами амулет, как бывало, когда он изрядно нервничал. — Как неземной какой-то. Потусторонний.

— Ты хочешь сказать, что полез под мешок, повинувшись какому-то непонятному наитию, ниспосланному свыше? — не поверил ему бывший старатель.

— Не наитию, Тимофей. Говорю же тебе, сам абсолютно не понимаю, как это произошло. Исчез Колизей, исчезли Требухов со Стариком и Антоном, исчезла лошадь. Я куда-то провалился, а когда пришёл в себя, выходил уже из нашей палатки с этим вот рюкзаком, — показал он рукой на мешок. Ружин как раз поднимался и закидывал его за плечо.

— И что?

— Затем меня снова куда-то закрутило, завертело, прижало, выбросило, и я оказался на просёлочной дороге между лесом и старым селом. Потом и ты появился с Лёшкой. Дальше ты знаешь. Всадник, лошадь, снова облако тумана, вихрь, и вот... — он беспомощно развёл руками, оглядываясь вокруг. — Теперь мы тут. А где — непонятно.

Тимофей всё ещё хмуро смотрел на своего коллегу, только сейчас начиная, как и он, осматривать местность.

— Одним словом, нас бросает из одной климатической зоны в другую, из одной реальности, как сказал бы наш Старик, в другую, из одного мира в противоположный. Заметил, как Лёшка мечется? Мы снова в тайге, Тимофей. Снова мох, лишайник, сосны и пихты. Снова комары и влажный ветер близкого океана. Слышишь вдалеке рокот порогов? Думаю, это снова наш родной мир, родной лес и родной наш Учур. Разница только во времени.

Ружин пристально огляделся и прислушался, следуя указкам своего товарища. Кругом стеной возвышались деревья, принадлежавшие только климатическому поясу приамурской тайги, а никак не средней полосе крепостной России, и тем более не Апеннинскому полуострову, где остались среди оливковых деревьев их коллеги по команде. Воздух был другой. Свежий, с запахом тайги, солёный, близкий воздух Охотского моря. Мало того, даже звуки леса отличались. Вместо гробовой тишины под стенами Колизея вечного Рима и петухов с собаками ближнего русского селения, теперь всё было насыщено щебетом птиц, писками мел-

ких грызунов под ногами и далёким рокотом бурной реки. Даже температура отличалась.

Он задрал голову и посмотрел в облака, окружающие красное, заходящее солнце над вершушками сосен.

— Так мы что, снова *дома*? — последнее слово он произнёс с каким-то нажимом и придыханием.

— Выходит, что так. Где-то тут поблизости наш оставленный лагерь. Леший мечется среди кустов и кедровых деревьев, вынюхивая наши прежние следы пребывания, заметил? Так что, предлагаю следовать за ним, а там и поймём, что нам делать дальше.

Николай протянул руку.

— Мир? Прости ещё раз за рюкзак. Более спрашивать ничего не буду, когда и с кем ты успел намыть столько золота. Он твой, и ты его полноправный хозяин.

Тимофей пожал руку.

— Один вопрос только, — напоследок спросил калмык. — Остальные знают о нём? Даша, Антон, Дмитрий Семёнович?

— Нет, — коротко ответил Ружин. — И буду тебе признателен, если и впредь не узнают. Я специально упросил профессора включить меня в вашу экспедицию, чтобы вернуться в эти места и забрать то, что я намывал почти два года. Напарник мой погиб от лап медведя, а я чудом уцелел, закопал самородки у берега реки, и когда вы все отправились к подземелью, вернулся за ними, нагрузил рюкзак, пришёл в лагерь, но кроме Даши никого не обнаружил. Оставил рюкзак под мешком, отправился с ней на ваши розыски и планировал вернуться, чтобы уже с рюкзаком покинуть вас навсегда. Потом нас раскидало какой-то непонятной силой по различным пространствам, а рюкзак так и остался лежать в палатке. Теперь ты знаешь всё.

Он надолго замолк. Николаю ничего не оставалось, как последовать за Лёшкой, обдумывая в голове только что услышанное от Ружина. Верный пёс оглашал радостным лаем вековую могучую тайгу и рвался вперёд через кустарники навстречу далёкому рокоту бурлящей реки. Там где-то их лагерь, и он уже учуял знакомые, только одному ему известные запахи, присущие их пребыванию тут, с той лишь разницей, что никто из троих не имел понятия, когда именно это было. Оставалось только выяснить день и год, в какой промежуток времени их занесло в этот раз.

Несколько минут спустя они уже выходили к знакомой местности, увидев ещё издали свои палатки, стол под навесом, разбросанный ветром давно потухший костёр и натянутую над ним леску, на которой

сморщенными стручками висели засохшие кусочки некогда копчёного хариуса.

Они прибыли.

Однако...

Тут что-то было не так.

Первым это почувствовал Леший, внезапно остановившись после прыткой рыси и присев на задние лапы, ещё не приблизившись к штаб-палатке. Вытянув морду и внюхиваясь в непонятный для него воздух, он как-то неуверенно гавкнул и посмотрел удивлённым взглядом назад на своих хозяев.

Прежде всего, в глаза бросалось, что на поляне в их отсутствие кто-то побывал. И отнюдь не зверь. Не хищник, не горноста́й с куницей, не олень и даже не медведь. Всё вроде бы находилось на месте, разрушений никаких не было, на столе оставалась посуда, вход в штаб-палатку был приоткрыт пологом, ни сломанных веток, ни перевернутой утвари, ничего такого, что могло бы навести на мысль о непрошенных гостях.

И всё же...

Леший недаром припал брюхом к земле и прополз несколько метров, прежде чем вторично присесть на лапы и замереть на месте. Николай сразу почувствовал присутствие постороннего. Обернувшись к Тимофею, он прислонил палец к губам и глазами показал на потухший костёр. Бывший старатель тихо приблизился, вытянул из-за пояса армейский нож и вопросительно посмотрел на своего коллегу. Калмык, казалось, к чему-то прислушивался, устремив цепкий взгляд в гущу вековых кедров и сосен. Что-то неясное витало в воздухе. Что-то непонятное и неведомое, отчего у обоих путешественников стало неуютно на душе. В их лагере кто-то побывал и, возможно, до сих пор находится где-то поблизости, а они, совершенно сбитые с толку, никак не могут определить, кто именно посетил их уголок, оставленный ими влопыхах.

А прислушаться было к чему.

Со стороны кустарника и сплошной стены деревьев, где-то там, где прежде располагался провал подземелья, слышался гул каких-то работающих механизмов. То, что это были не лесные звуки, присущие тайге и сотворённые матушкой-природой, говорило хотя бы то, что механические звуки походили на рокот работающих агрегатов, вот только каких? И откуда они могли здесь появиться, если на изрядном расстоянии

в несколько сотен километров, вокруг не должно было быть ни души, не считая их самих? Следовательно, и в лагере и у подземелья сейчас должны были присутствовать... кто?

Люди?

Но... каким образом?

Тимофей всё ещё смотрел на разбросанные угли, и только тут заметил, на что ему взглядом показывал его напарник.

Рядом с развороченным пеплом и остатками сгоревших давно веток, в двух шагах от выложенных полукругом камней валялась... грубо обтёсанная дубина из толстеного сука, похожая на добротную палицу какого-нибудь былинного богатыря из русских сказок о Соловье-Разбойнике.

Оба путешественника обменялись взглядами и поняли друг друга без слов.

Этот предмет, оказавшийся здесь каким-то необъяснимым образом, был не из *этого* мира. Не из *этого* времени. Не из арсенала их геологического оборудования.

Он был *чужой*.

Дубина с первого взгляда казалась мощной, сучковатой, расширяющейся кверху и заканчивающаяся тремя острыми древесными шипами, будто специально оставленными для нанесения смертельных увечий при ударе со всего размаху. Обработка, очевидно, применялась настолько примитивная, что сразу навевала мысли о каменных топорах или кремниевых наконечниках копий.

Это была обработка *каменного века*.

— Ты что-нибудь понимаешь? — тихо спросил Николай, в то время как Ружин присел и более внимательно осмотрел пещерное орудие охоты, не слишком испытывая желания брать его в руки.

— Вижу только, что это не Антон сделал, — в тон ему тихо ответил напарник. — Да и зачем? Для охоты? Так у нас другого оружия хватает.

— Я не о том. Это понятно. Ты заметил, каким примитивным способом эта дубина обработана? Будто камнями обтёсывалась.

Лёшка, прислушиваясь к непонятному гулу, начал проявлять нетерпение. Псу вроде бы хотелось узнать, в чём дело и откуда идёт этот непонятный шум, но, в то же время, он не решался в одиночку отправиться к провалу, и поэтому в ожидании поглядывал на хозяев, которые отчего-то склонились над непонятным ему предметом. И запах от этого предмета исходил какой-то непривычный, доселе ему неведомый. Шерсть на загривке поднялась дыбом, он глухо зарычал и принюхался, вплотную, но осторожно подойдя ближе.

Это был *чужой* запах.

Не *человеческий*.

Так не пахнут окружающие его люди. Никогда не пахли. Тут был собран непонятный букет непривычной ему консистенции сразу нескольких растений, какой-то плоти, каких-то неизвестных ему испарений.

Леший удручающе попятился и уставился на предмет, совершенно не понимая его происхождения. Даже его хозяева не смогли определить, из каких дебрей исторических эпох «вынырнул» этот деревянный рукотворный сук, так что уж говорить о нём самом?

Было ещё кое-что, сбивавшее с толку.

Следы.

Едва заметные в лишайнике, но издающие тот же запах что и самодельная палица, они вели в гущу деревьев и терялись среди кустарника в том направлении, где должен был находиться провал подземелья, куда они уже однажды спускались. Но самое интересное, что заставляло собаку топтаться на месте и не бросаться вперёд, это то, что следы эти принадлежали какой-то неизвестной обуви, не встречающейся ему никогда прежде. Это даже была не обувь, странная и непонятная, а нечто похожее на какую-то обмотку из шкуры давно убитого зверя. Но и запах зверя Леший не мог определить, поскольку никогда такого запаха не встречал и не чувствовал. В этой тайге такие звери не водятся.

Этот запах был *не отсюда*.

Оба напарника тем временем, осмотрев поляну, осторожно направились к кустам, поманив собаку за собой. Рюкзак Тимофей скинул с плеч и прислонил его внутри штаб-палатки к стойке растяжки, мысленно наказав себе тут же за ним вернуться, если случится что-то из ряда вон выходящее. Он бы не расстался со своей ношей ни за что на свете, но повинясь какому-то неясному чувству тревоги, а то и зыбкому голосу разума, решил оставить его на время, освободив тем самым себе руки и плечи. Кто знает, что может произойти в мгновение ока, если рядом и напарник и собака напряжены до предела.

Уже через несколько минут они выходили к поляне, где прежде должен был находиться провал: Николай-калмык впереди, за ним Тимофей, придерживая Лёшку на всякий случай за поводок. Гул работающих механизмов забивал теперь все уши и растекался по тайге всё сильнее, чем ближе они подходили.

— Не нравится мне это, — полушёпотом поделился впереди идущий Николай. Кивнув головой вперёд, он как бы спросил у напарника, что им предпринять, если они наткнутся здесь на незнакомых людей.

Без своего начальника группы оба были растеряны и не знали как себя вести в данной ситуации. Их никто не предупреждал заранее, что здесь могут производиться какие-то строительные работы, им не дали понять при выходе экспедиции в тайгу, что ещё какая-то команда геологов будет производить здесь изыскательные работы, а то, что работающие механизмы подразумевали собой какие-то неизвестные им раскопки, они уже абсолютно не сомневались. Единственный вопрос состоял в том, каким образом эта новая команда геологов могла появиться здесь инкогнито, за время их собственного отсутствия, да ещё и на расстоянии трёхсот километров от ближайшего цивилизованного пункта? Даже Старик не знал ничего, иначе он давно бы рассказал своим коллегам о предстоящем рейде иной параллельной команды. Следовательно, эти люди и механизмы, издающие автоматический шум, находятся здесь негласно, иными словами, они, по всем вытекающим отсюда выводам, *не должны* здесь быть априори.

Такие мысли терзали обоих геологов, когда они, едва перешёптываясь, осторожно выглянули из-за поросшего брусничкой небольшого холма, чтобы увидеть своими глазами происходящее.

Увидели и обомлели.

То, что предстало перед их глазами, им впоследствии суждено будет вспоминать всю оставшуюся жизнь. Как, впрочем, и псу (если здесь уместно такое шутовское сравнение).

В стороне от невидимого им провала, в огромном карьере, выкопанном очевидно в их отсутствие, копошились и работали несколько замысловатых агрегатов, которые предстали перед двумя геологами впервые в жизни — настолько они отличались от привычных машин и экскаваторов, прежде виденными ими на стройках. Конвейерная лента с вагонетками заполнялась вырытой землёй, неслась автоматически куда-то в глубину расчищенной воронки, пропадала из виду, и возвращалась назад уже пустой. Механические ковши спиралью загребали глину, мох и почву, подавали эти ковши к конвейеру и, опорожнив содержимое, по часовой стрелке возвращались за новой порцией для уже подоспевших пустых вагонеток. И так сплошным чередом, не останавливаясь не на секунду, вгрызаясь в почву всё глубже и глубже, с каждым пройденным метром опускаясь внутрь геологических пластов тайги. Какие-то насосы подавали сжатый воздух, тут же механическими щупальцами собирались и монтировались проходные магистрали из труб, всё связывалось в замысловатые узлы, спаивалось между собой и подавалось на втором конвейере в ту же воронку, что и остальные детали агрегатов. Сверкала сварка, поднимались лебёдки, передвигались

какие-то громадные махины, похожие на бульдозеры, всё сопровождалось гулом, скрежетом, лязгом металла, и что самое поразительное, отчего у обоих приятелей поползли вверх брови, вся эта грандиозная работа производилась абсолютно автоматизировано, без какого-либо присутствия людей. Карьер был полностью механизированным, и они не увидели ни одной живой души. Никого. Ни операторов, ни наладчиков, ни грузчиков, ни даже одинокого прораба, который, по логическим размышлениям, должен был руководить этой стройкой. Одни роботы, одни автоматы, одни бездушные агрегаты.

Ружину вспомнился подземный амфитеатр, когда они с Дашей упали в провал подземелья, и, видя сейчас перед собой это автоматизированное копошение бездушных механизмов без какого-либо присутствия людей, он громко присвистнул, отчего Леший наострил и без того поднятые торчком уши.

— Я уже видел нечто подобное, — прямо в ухо прокричал он Николаю. — Бояться нечего. Здесь не будет людей. Все роботы и механизмы работают запрограммировано, совершенно не завися от операторов. Мы с девчонкой уже встречались с таким автоматизированным конвейером, прежде чем нас разбросало по эпохам. Там, внизу, — указал он рукой в направлении, где должен был находиться вход под землю. — Видимо, как однажды предполагал Старик, здесь сейчас разрабатывается портал перемещения. Помнишь, они с Требуховым строили догадки под стенами Колизея?

— Ты хочешь сказать, что мы наткнулись на агрегаты будущего? — ещё не совсем понимая, осведомился калмык. С такими масштабными работами автоматов и роботов он столкнулся впервые, и, по вполне понятным причинам, до сих пор не мог прийти в себя от увиденного. Всё вокруг двигалось, перемещалось, подавалось, ссыпалось, загребалось ковшами, абсолютно без какого-либо присутствия посторонних. Отсюда и вполне очевидное, на редкость исключительное зрелище, заставляющее пса едва ли не приседать от страха перед неведомым. Хотя, если разобраться, он тоже видел это однажды, когда вместе с Дашей едва не угодил в расщелину с кипящей лавой.

— Я не знаю, что я хочу сказать, — обозлился Ружин, — я тебе не профессор. Просто вспомнил их спор насчёт того времени, куда занесло девчонку. Там-то они и упоминали, что такие агрегаты без людей могут строить порталы перемещений, в подземелье одного из которых мы в своё время спустились. Вот теперь они перед тобой...

— Стоп-стоп-стоп! — перебил его калмык. — Выходит, что, пока нас тут не было, какие-то перемещения временных эпох снова заменились

между собой, и сюда, в распоряжение нашего оставленного когда-то лагеря, что называется, нагрязнули грядущие десятилетия? Сейчас здесь ведутся раскопки карьера для будущего портала времени, так выходит?

— Наверное, — пожал плечами бывший старатель, уже без боязни поднимаясь во весь рост и отряхивая комбинезон. — Думаю, что и подземелья сейчас в этом районе ещё не существует. Оно только начинает строиться этими бездушными машинами. Пойдём, посмотрим, чего гадать на ровном месте?

Калмык тоже поднялся, поманив Лёшку за собой.

— Это ж, в какой год нас занесло, получается? А как же лагерь? Костёр, стол, посуда, палатки...

— Дубина рядом с углями, — добавил Ружин. — Я и сам ни черта не понимаю с этими перемещениями. Откуда взялась эта убогая и древняя палица?

— Да, — в тон ему удивлялся Николай. — И почему всё осталось на месте нетронутым, не истлевшим, не проржавевшим, даже иссохшие куски рыбы, будто мы только неделю здесь не были? А, выходит, что не неделю? Выходит, что пространства не только заменяются между собой, а и... — он прищёлкнул пальцами, подбирая нужное слово, — как бы идут параллельно друг другу?

— Выходит, что так, — согласился его напарник, всё так же пожимая плечами. — Найдутся оба наших старика, они и объяснят нам. А пока давай осмотрим провал и вернёмся в лагерь. Я жутко голоден, да и Леший проявляет какую-то озабоченность.

Сказать по чести, бывший старатель был голоден только наполовину. Его больше заботила стучащая в мозгу мысль об оставленном рюкзаке. Автоматы и роботы, это, конечно, хорошо, но не нужно забывать и о тех, кто их сюда пригнал, наладил, подключил и запрограммировал. В любую минуту мог нагрязнуть кто-нибудь неизвестный, а это в планы Ружина, ну никак не входило.

Уже направляясь к некогда бывшему провалу и постоянно оборачиваясь на работающий автоматически карьер, они, удивлённые и ошарашенные увиденным, так и не заметили метнувшуюся в кустах тень какого-то неуклюжего силуэта.

...Встретиться с неандертальцем им суждено будет прямо сейчас.

Что, собственно, и произошло.

Первым к кустам бросился Леший, но, как и в прошлый раз, застыл на месте, не решаясь следовать дальше из-за непонятного запаха, который оставил после себя незнакомец. Его силуэт притаился среди кед-ров и сосен и, перебегая, сгорбившись от дерева к дереву, это непонятное существо издавало какой-то глухой утробный рык, заставляющий благородного пса присесть изумлённо на месте. Таких звуков от человека (если, разумеется, это был человек) он ещё не слышал.

Тем временем оба путешественника подошли к некогда бывшему провалу и застыли на месте. Отсюда был виден край карьера, и висящая над ним какая-то дымчатая дуга из, казалось бы, спрессованного воздуха, напоминавшая арку радуги, словно куполом накрывавшая всю панораму производимых работ. Этот купол они прежде не заметили из-за возвышения холма, и теперь он предстал перед ними, возвышаясь над тайгой, уходя высоко в стратосферу своим полупрозрачным обрамлением по всему периметру карьера. Далеко вверх, среди облаков, парили в воздухе несколько винтокрылых машин, похожих на вертолёты, только совершенно иной конструкции и более сложной технологии. Тимофей вторично присвистнул.

— Тоже автоматы. Если бы там были пилоты, нас давно бы уже заметили.

Николай, задрав голову, и отчего-то, сам того не осознавая что делает, по-приятельски махнул рукой, очевидно, полагая, что ему кто-то ответит.

— Напрасно стараешься. Говорю тебе, эти машины бездушные. Такие же роботы, как и внизу в карьере.

— Тогда для чего они висают высоко вверх?

— Видимо, для топографических снимков, или ещё чего. Слышал такой термин: осцилляция?

— Нет.

— Это означает колебание земной коры. По всей видимости, эти, на наш взгляд вертолёты, есть ни что иное как обыкновенные зонды, висающие в верхних слоях стратосферы для изучения колебаний и передвижений земных геологических пластов, в нашем случае — этого участка тайги. Сообразил?

— А ты откуда об этом знаешь?

— Старика часто слушаю, в отличие от тебя, — хмыкнул Ружин, подходя почти вплотную к провалу.

Вот тут-то они и встали ошарашенные, о чём уже было сказано выше.

Вместо входа в подземелье, зияющей дыры и чёрной пустоты, уходящей вглубь по ступеням, они обнаружили только каменные валуны, глыбы и кучи высохшей давно глины вперемежку с сухими участками мха и лишайника. Никакого намёка на вход в подземелье и в помине не было.

Не было ни провала, ни самой воронки, ни кладки камней, ни, собственно, и самих ступеней. Даже технической ленты, которой они опоясали место находки и натянули её при своём первом посещении, тоже не существовало. Место исчезновения Даши, Антона, Дмитрия Семёновича и их самих оказалось нетронутым.

Почти *нетронутым*...

На валунах и глыбах камней, выступающих из почвы, в том месте, где они были свободны от растительности, свежей разведённой и рыжеватой краской из охры были выведены те самые допотопные рисунки, что они обнаружили в *своём* времени, когда впервые спустились на три ступени вниз. Вот эти-то рисунки, выведенные неумелой рукой безвестного первобытного художника, и привели их сейчас в самый настоящий трепет. Охра была настолько свежей, что сразу бросалась в глаза своим недавним применением. Незнакомец, казалось, разводил её из растений, обмакивал самодельную первобытную кисть и рисовал бездушные механизмы в карьере, что называется, с натуры, наблюдая за строительными работами наяву.

— Ты видишь то же, что и я? — полюбопытствовал Николай.

— Ага... — почесал затылок Ружин. — Это те рисунки, которые в самом начале обнаружил Антон?

— Да. Только позже они исчезли, когда мы без тебя переместились в Древний Рим. На их месте позднее оказались рисунки римских легионеров и гладиаторов. Мы тогда ещё, помню, несказанно удивились, но было не до того, поскольку ещё большее удивление нам предстояло только испытать, сообразив, что нас занесло неизвестно куда, к чёрту на кулички. А теперь мы снова видим их перед собой.

— Скорее, не снова, а *первоначально*. Они нарисованы *только что*, максимум день — два назад. Заметил, как этот древний художник изобразил вертолёты, точнее, зонды, что сейчас висят там над нами, в вышине? Он понятия не имел, ЧТО это такое, придав им сходство со стрекозами, а бульдозерам и экскаваторам придал сходство с жуками и гусеницами, только, разумеется, в более крупных размерах.

— Помню, — в свою очередь почесал затылок Николай. — Старик предположил тогда, что это мог быть какой-нибудь неандерталец или кроманьонец, занесённый в чуждый ему мир посредством этого портала подземелья.

— Да. Но, как ты заметил, сейчас портала и подземелья ещё нет, оно только начинает строиться на наших глазах этими бездушными роботами. Ни операторов, ни строителей, ни прорабов и бригадиров. Всё происходит автоматически, и этот незнакомец рисовал всё, что только мог видеть своими глазами и осмысливать своим скудным разумом.

— Выходит, что и мы попали сюда не в *своё* время?

— Выходит так. Только меня сбивает с толку, что наш лагерь остался в том же состоянии, как мы его и покидали. Даже засохший хариус над костром остался нетронутым. Разве что дубина...

Тут Ружин выкатил на калмыка глаза и едва не стукнул себя по лбу, как это бывало с Дмитрием Семёновичем в минуту крайнего озарения.

— Палица! — вскричал он. — Вот она откуда! Это орудие защиты оставил впопыхах наш безвестный в кавычках «художник», скрывшись при нашем появлении. Очевидно, он посетил лагерь в тот момент, когда мы к нему подходили и, завидев издаലെка Лешего, поспешил где-то спрятаться.

— Точно! — заявил Николай, озарённый той же догадкой. — И сейчас он где-нибудь поблизости, а мы стоим тут с тобой и в ус не дуем. Это же сенсация, Тимофей! Если сейчас здесь где-то присутствует представитель каменного века, так называемый пещерный человек, уже способный рисовать бизонов, мамонтов и охоту, то отчего ему не нарисовать с той же натуры все эти, производимые тут работы по рытью котлована?

И как бы подтверждая их внезапную догадку, залившимся и громким лаем зашёлся их верный пёс, едва не кидаясь в заросли кустарника между сосен и кедров.

Оба приятеля повернулись. Метнулась чья-то тень, послышалось грозное урчание, на поляну выскочило приземистое существо в накинутых на плечи шкурах, всё заросшее длинными всклокоченными и спутанными волосами, прижалось к дереву и наставило на Лёшку остро обтёсанное каменными орудиями копьё. Ноги были обмотаны теми же шкурами, глаза едва пробивались сквозь растрепанную бороду и усы, а сам волосатый тип походил скорее на уменьшенную копию гориллы, только с более светлой кожей. Надбровные дуги нависали над чёрными, как уголь глазами, ощерившийся в рыке рот был похож на бездонный зев с остатками жёлтых, острых не то зубов, не то клыков — разо-

брать было трудно. Само существо издавало непонятные, идущие, казалось, из утробы звуки, похожие на клокотание вскипевшего бульона: ни больше, ни меньше. Он тыкал копьём в собаку, и Николай, наконец, пришедший в себя, прикрикнул на Лёшку, отозвал к себе, затем поднял в приветствии руку и показал Тимофею сделать то же самое. Пёс нехотя отступил, пятясь задом, спрятался за ноги калмыка и оттуда благо-разумно решил пару раз гавкнуть для острастки.

Только теперь незнакомец в шкурах смог рассмотреть незваных незнакомцев, а те в свою очередь вытаращились на него изумлёнными глазами. Такого индивида из прошедших тысячелетий они не видели ни разу в жизни. То, что перед ними предстал сейчас представитель каменноугольного века, они теперь не сомневались. А как ещё можно было охарактеризовать неведомое существо, облачённое в шкуры, с копьём в руке, в непонятной обуви, всё волосатое и издававшее тошнотворный запах разложения? Почти беззубый рот с жёлтыми передними зубами издавал гортанные звуки, совершенно не похожие ни на какое наречие планеты, а руки, непомерно длинные по отношению к туловищу, всё ещё потрясали копьём, готовые к защите, если снова бросится собака. Бедный неандерталец — так Николай и Тимофей негласно окрестили неведомое существо — был настолько напуган чуждым ему миром, что кроме защиты, очевидно, ни о чём другом не помышлял. Его, по всей видимости, выхватила из своего времени какая-то непонятная сила, закрутила в своей воронке, перенесла в иное пространство, выплюнула из себя, оставила у карьера, и пропала прочь, не дав, как следует прийти в себя. Сидел бедный малый у костра, коптил кусок убитого мамонта, разделявал шкуру с такими же сородичами, как вдруг, откуда не глядя, возник смерч, всосал в себя как пылесос, умчал в иную реальность и бросил на произвол судьбы. Сколько он здесь находился, путешественники не имели понятия. Однако рисунки говорили сами за себя. Бедный пришелец рисовал разработку котлована, очевидно, несколько дней питаюсь всем, чем придётся и, испытал первичный шок от невиданных железных громадных насекомых, нашёл всё же в себе мужество запечатлеть увиденное. По ночам скрывался в кустах, спал на деревьях, а наутро начинал всё заново, благо бездушные механизмы не останавливали работу ни днём, ни ночью.

Таким образом и встретились представители двух различных миров.

Два пространства пересеклись между собой в точке геологических пластов таёжного массива близ реки Учур, поменялись на время места-ми, тем самым образовав парадокс временного континуума, дали воз-

можность на краткий миг встретиться представителям двух различных эпох и, как бы спохватившись, вернуться на свои места, не дав путешественникам, как следует опомниться. Целый геологический пласт тайги съехал в сторону, рвануло бешеным напором ветра, снесло с ног обоих приятелей и собаку, крутануло на месте и тотчас взмыло вверх, обвалив на них кучи мусора, веток, и фрагментов почвы. Застыв в вышине на несколько секунд, вся громада геологических плит обрушилась на землю, сегмент целого участка леса с прилегающими болотами, ручьями и холмами, со всем живым биомом в радиусе нескольких сот квадратных метров завибрировал, вздыбился и опал, как низвергнувший водопад в пучину раскрывшейся бездны.

И тотчас всё стихло.

Прошло не менее минуты, прежде чем гавкнул испуганный Лёшка, затем послышался голос Николая, доносящийся из-под груды веток попеременно с обвалившейся землёй.

— Жив, Тимофей?

— Жив, — откликнулся тот, едва выбираясь из груд мусора. Он кашлял и отплевывался, только сейчас начиная приходить в себя. — Что это было? — прохрипел он с набитым грязью ртом.

— Очевидно всё та же переброска.

Калмык, едва держащийся на ногах, кряхтя и ругаясь, на чём свет стоит, выбирался из-под обвала, так же как и Ружин, приходя в себя после случившегося.

— Какая переброска? Как прежде?

— Думаю, да. Нас продолжает швырять из пространства в пространство, совершенно не считаясь с нашим мнением, — он снова смачно выругался. — Эти чёртовые перемещения эпох, шайтан их возьми, происходят отчего-то именно тогда, когда мы находимся в радиусе их действия. Заметил?

Он присел на вывороченное из земли дерево, нервно достал трубку, подозвал перепуганного пса и закурил. Тимофей примостился рядом, отряхивая одежду и вытряхивая из ботинок кучи сухой глины. Лёший забился под ноги.

— Заметил, что?

— Что остальные участки леса совершенно не подвергаются трансформации. Стоит только нам появиться рядом, как тут же нас бросает, швыряет, кидает, закручивает в водоворотах воронок, а потом выплёвывает где-нибудь в новом, неизвестном месте. То Колизей в Риме, то лагерь, то крепостная Россия, то снова лагерь, только теперь уже ДРУГОЙ, — последнее слово он выговорил с каким-то трепетным придыха-

нием и дрожью в голосе. — Остальные остались где-то на Апеннинском полуострове, Даша вообще непонятно где, а нас с тобой кидает из реальности в реальность, не то в антимир, не то в преисподнюю, чтоб её бесы взяли! Неандерталец пропал, сгинул, растворился в пространстве, которое за ним вернулось, а мы с тобой снова сидим в тайге и выплёвываем куски глины.

— Как это, за ним вернулось? Что вернулось? Пространство?

— А шайтан его знает! — обозлился проводник. — Я только успел заметить, как бедного троглодита...

— Кого? — перебил его бывший старатель.

— Троглодита, господи, Тимофей! Пещерного человека. Так в научном мире называют этих представителей древнего неолита.

— Древнего чего?

— Тьфу ты! — вышел из себя и без того разозлённый калмык. — В школе не проходил, что ли?

— А ты бы не задавался, — в свою очередь обозлился Ружин. — Не надо мне здесь показывать, что ты умней и начитанней меня. Может и проходил в школе, да забыл со временем. По-русски можешь объяснить?

Николай немного остыл и потрепал Лешего за ухом.

— Ладно, — выбивая трубку о ствол упавшего дерева, произнёс калмык. — В общем, не знаю как ты, а я, прежде чем оказаться под грудой обвалившихся веток и таёжного мусора, успел на секунду заметить, как нашего бедолагу с копьём оторвало от земли, завертело в спиральной воронке и, растворившись в ней как ложка сахара в стакане с чаем, унесло прочь.

— Куда?

— Туда, — показал рукой вверх калмык. — Куда-то в небеса.

— И что с ним теперь?

— А я почём знаю? Тут бы и Требухов с Сазоновым тебе не ответили. Очевидно, перебросило снова в свою эпоху. К мамонтам, саблезубым тиграм, пещерам и кострам. А может...

— Что?

— А может и в будущее, как Дашу.

Николай потёр пальцами амулет, как бывало, когда он слишком нервничал, поднялся и поманил собаку.

— А отчего вы все решили, что она в будущем?

— Ты забыл, как наши профессора у Колизея, услышав её зовущий голос, сразу предположили, что она вышла с нами на связь с помощью телепатии?

— Это я помню. Все её внутренне слышали, кроме меня, почему-то. Только отчего такая уверенность, что из будущего?

— А как, по-твоему, она ещё смогла выйти на связь, если бы ей кто-то не помог? Технология-то не наших годов, не нашего времени. Сазонов говорил: раз уж нас перекидывает из пространства в пространство, из эпохи в эпоху, то и её могло перекинуть куда угодно. А раз она вышла на связь с помощью телепатии, то это могло произойти только в грядущих десятилетиях. Теперь усёк?

Ружин пробормотал что-то в ответ, поднялся вслед за товарищем, и все втроём, вместе с собакой, двинулись назад по направлению к лагерю. Здесь делать было нечего. Портал перемещений отсутствовал и, по всем вытекающим отсюда выводам, его только предстояло построить, чем сейчас и занимались бездушные механизмы при полном отсутствии живых людей. Спускаться в карьер путешественникам совершенно не хотелось, уже начинало смеркаться и им предстояло расположиться на ночлег, предварительно осмыслив, в какую точку временного вектора их занесло на этот раз.

Таким образом, оба участника экспедиции вместе с собакой вновь оказались в лагере, где их, собственно говоря, и ожидал очередной снагшибательный сюрприз.

Слово «сюрприз» здесь можно поставить в кавычки.

Тут-то на них и нахлынули с высоты *голоса*.

Все разом.

Скопом.

Обвальной лавиной.

Произошло это, когда Николай разжигал давно потухший костёр, а Ружин, благоговейно проверяя свой, и без того увесистый рюкзак, складывал туда необходимую мелочь, которая могла пригодиться ему в предстоящем походе. Надежда на возвращение оставшихся в римской эпохе коллег была слишком слабая, но Николай тешил себя тем, что и его друзья могут также внезапно вывалиться из воронки смерча, как прежде это происходило с ним и его спутником. Он прождёт их здесь ровно месяц, пока хватит оставшихся консервов. Затем, судя по обстоятельствам, или двинется на запад, сквозь тайгу, как Ружин, или соорудит в одиночку некое подобие плота, чтобы по бурной реке попытаться доплыть до ближайших поселений рыбаков. По карте это выходило что-то около трёхсот километров. Одиночества он не боялся, Леший останется при нём, да ещё и пример бывшего старателя не выходил у

него из головы. Умудрился ведь Тимофей провести в этих затаённых местах почти два года, потеряв напарника и выжив в могучей тайге в одиночку, верно? Ружьё и патроны есть, дичи вокруг полным полно, пресноводная река рядом: остаётся только ждать и надеяться, что некая неведомая сила всё же соизволит вернуть всех членов команды на место, как, собственно, она вернула и его с Тимофеем.

С такими мыслями проводник укладывался спать после того, как они съели одну банку тушёнки на двоих, покормив предварительно собаку. По обоюдному уговору, Ружин забирал с собой винтовку, две дюжины патронов, восемь банок тушёнки, кое-какую крупу, галеты, флягу со спиртом и некоторые медикаменты из Дашиных запасов, на предмет какой-нибудь непредвиденной раны, если вдруг предстоит столкнуться с медведем. Остальные съестные припасы остаются в лагере на случай возвращения остальных коллег.

Наступила полночь.

...Тут-то всё и началось.

Первым неладное почувствовал пёс.

Здрав голову к сияющей луне, он, казалось, к чему-то прислушался, затем вскочил на лапы и затряс головой, попутно стаскивая зубами спальный мешок своего хозяина. Калмык, всегда спавший чутко и почувствовавший сквозь сон, что его куда-то тянут, мигом встрепенулся, сонными глазами уставился на костёр и... тут же получил мощный заряд электрического тока, прошивший его тело буквально насквозь. От дикой боли, разорвавшей, казалось, его мозг надвое, он едва не вскрикнул, хватаясь за голову и зажимая уши ладонями. Пёс метался под ногами, нервно скулил и норовил вгрызться зубами в следующий спальный мешок, в котором уже просыпался Ружин. Его так же посетил разряд тока, электрической дугой пронзивший тело; он вскочил, испуганными от боли глазами посмотрел на прыгающего рядом Николая и рванулся к кустам, зажимая голову руками. Напрасно проводник старался прижать пальцами виски. Шум, настигнувший их лавиной, словно локомотив на всём ходу ворвался в их мозг, разметал все мысли, разделил нейронные клетки на атомы, разбросал по закуткам остатки сознания и превратился в настоящую какофонию неведомых звуков, исходивших *не снаружи*. Они сформировались *внутри*.

За секунду.

За миг.

За мгновение.

Бешеными скачками, они заполнили собой всё пространство головного мозга, не оставляя места даже на малую толику раздумья. Это бы-

ла пляска свистов, гула, эфирных помех и отдалённых, пробивающихся сквозь пелену накатившей статистики каких-то незнакомых *ГОЛОСОВ*.

Ещё немного и барабанные перепонки могли бы не выдержать. Кругом стояла тишина, а в головах обоих путников происходила настоящая катастрофа, грозившая им неминуемым помешательством. Спасло лишь то, что через минуту помехи стали утихать, свист и гул откатился куда-то на задний план, и теперь оба отчётливо стали слышать какие-то наречия, диалоги, смех, плачь, завывания и крики, похожие на стоны измученных незнакомцев. Здесь были голоса всех народов планеты, перебивая друг друга, словно какая-то невидимая рука крутила верньер настройки радиоприёмника, сменяя волны в долю секунды. Монгольский, греческий, китайский, латинский языки смешивались в сплошную какофонию неразличимых звуков, наплывая друг на друга и сменяясь другими, незнакомыми им наречиями. Голоса сквозили в голове, превращались в крики, тотчас сменявшиеся плачем ребёнка или шёпотом успокаивающей матери, затем, в мгновение перебивались каким-то алеутским напевом шаманов, тут же сменялись речитативом какой-то непонятной скороговорки, переходя в тональность задорной песни. И так без конца и края в течение нескольких минут, пока оба путешественника зажимали воспалившиеся уши руками. Всё это скопом навалилось на них, обрушилось, сбилось в кучу, впиталось в кору обоих головных полушарий, набухло внутри, словно губка, пропитанная водой, и...

Исчезло.

Это были голоса ста девяти миллиардов усопших людей, которые когда-либо населяли планету, начиная от первых условных неандертальцев и заканчивая последним, только что родившимся где-то ребёнком.

Сто девять миллиардов нахлынувших на них голосов, прорвавшиеся сквозь параллельные пространства стратосферы.

Леший присел на задние лапы, завыв обречённо на луну.

В головах обоих спутников наступила тишина.

Едва не оглохшие, они обменялись оторопелыми взглядами, присели на негнущихся ногах, и обвели глазами поляну, где, как и прежде, стояли палатки.

— Ты что-нибудь понимаешь? — с непривычки громко спросил Николай, открывая рот и зажимая нос, пытаясь продуть вакуум, накопив-

шийся в ушах. Так делают артиллеристы, когда их особенно сильно оглушают выстрелы пушек.

Ружин только начинал приходить в себя.

— Слышишь меня? — повторил калмык, невольно повышая голос.

— У тебя... — Тимофей закашлялся, — у тебя тоже едва не лопнули перепонки?

— Да. Сначала шибануло током, потом в голове разорвалась граната, и тотчас со всех сторон накатили голоса.

— И у меня.

— А сейчас?

Бывший старатель, казалось, к чему-то прислушался внутри себя.

— Сейчас ничего. Или я оглох, причём, окончательно.

— Не оглох. Меня тоже отпустило.

— А что... — он сплюнул на землю вязкую слюну. — Что это было?

— Не знаю. Крики, помехи, вой, плачь, смех, песни. Бушующий вихрь каких-то эфирных полей. Как при сеансе, когда на связь выходила Даша, только намного более... — Николай прищёлкнул пальцами, подыскивая слово, — более грандиозное что ли. Более масштабное.словно вся планета разом взорвалась у нас в мозгу своим сонмом голосов и нестерпимых звуков. Вместе. Сразу. Одноразово. Всем скопом. Я даже не успел различить языки — их были десятки, если не сотни!

Леший понемногу успокоился, но всё ещё потряхивал головой, словно отгоняя непрошенные видения. Костёр продолжал гореть, как ни в чём не бывало. Ухнул филин, метнулся в темноте горностаи, где-то послышался далёкий рык хищника. Со стороны карьера доносился всё тот же гул работающих механизмов. Бурлила порогами река. Лес жил своей жизнью, будто и не было ничего, что могло потревожить его в эту минуту.

Прятели огляделись.

С точки зрения того, что сейчас с ними произошло, вроде бы всё осталось как и прежде. Всё как и раньше, но совсем *другое*.

Не то.

Не их.

Не *родное*.

Если до этого Николай видел идиллическую картину оставленного ими лагеря, их штаб-палатку, стол с посудой, костёр с натянутой над ним леской, где висели стручки высохшего давно тайменя, то теперь проводник, перебегая глазами с одного предмета на другой, стал замечать некое несоответствие с прежними, запечатлевшимися воспоминаниями.

Сейчас он заметил, что поляна, где высился закопанный в мох стол, казалось, сместилась на несколько метров в сторону леса, а штаб-палатка со всем оборудованием, наоборот, приблизилась ближе к костру, сдвинувшись вместе с геологической плитой целого таёжного массива, которого тут прежде не было. Брошенная неандертальцем дубина сейчас валялась в стороне от костра, хотя ни он, ни Тимофей к ней не прикасались. Выходило, что общая структура лагеря не претерпела никаких значительных изменений, если бы не одно «но».

Это «но» заключало в себе *полную перестановку* внутри их растянутых палаток, брошенного впопыхах оборудования, посуды, вещей и прочей утвари, оставшейся в лагере после их внезапного исчезновения.

— Ты видишь то же, что и я? — не спросил, а, скорее констатировал проводник, указывая Ружину на поляну. — Сместились палатки, стол, навесы, погреб, который мы выкопали вместо холодильника. Даже развешанное Дашей для просушки бельё висит совсем в другой стороне.

— Вижу. Какие выводы?

— Мы будто находимся и в своём лагере, и в то же время не в своём. Соображаешь парадокс, как сказал бы наш старик Сазонов? Мы вроде и здесь, и не здесь. И в своём времени, и не в своём. Я минуту назад в своей голове слышал голоса цезарей, поэтов, художников, каких-то скульпторов, полководцев, просто незнакомых людей, и всё это вместе, кучей, бестолковым перебиванием друг друга, словно каждый хотел пробраться мне в мозг в одиночку, независимо от других. Как чудовищная и нелепая гонка, кто первый вырвется в моём сознании на свободу. А теперь эта непонятная аномалия со сдвигом сразу нескольких пластов земли. Ничего не напоминает?

— Отчего же, — хмуро ответил его спутник. — Сразу вспомнил, как мы впервые с девчонкой оказались у провала, отправившись вас искать, но попавшие в ту же петлю временного сдвига.

Ружин на миг задумался, переламывая затвор и проверяя патроны в дустволке.

— Антону и девчонке желаю быть вместе. Старику спасибо, что поверил мне и взял в команду. Требухова плохо знаю, но старичок, вроде неплохой, так что... — он неопределённо махнул рукой. — Прощай. Дай бог, свидимся.

И ушёл в темноту.

Николай-проводник остался один. Точнее, с собакой.

Обоим путешественникам было невдомёк, что именно сейчас, когда на них из стратосферы обрушился нескончаемый поток усопших голо-сов целой планеты, именно в этот миг, здесь в тайге...

Заработал генератор червоточины.

Всё оказалось на удивление просто.

Когда Николай пришёл в себя, было уже утро.

Вот только какого года?

...А потом началось настоящее истребление.

Глава 5-я.

Последнее посещение червоточины времени планеты Земля.

Тимофей Ружин продвигался по тайге уже восьмой день, всё дальше и дальше отдаляясь от их импровизированного лагеря. Питался подножным кормом и убитой из двустволки дичью. По вечерам разжигал костёр и спал в оврагах, закутавшись в спальный мешок. Его целью было достичь первого поселения рыбаков, нанять моторную лодку и добраться по реке ближе к начинающейся цивилизации — в какой-нибудь не слишком крупный городок, расположенный среди скалистых равнин упомянутого выше горного хребта. Там он затеряется в потоке туристов, изменит внешность и, собственно говоря, начнёт новую для себя жизнь. Таковы были его планы. Лишь однажды за все эти восемь дней он внезапно остановился и почувствовал, как где-то под ложечкой от тревоги, будто заработал небольшой, но мощный холодильник — настолько его обдало ознобом.

И было отчего.

...Впереди, метрах в десяти, среди сосен и кедров, маячила какая-то неуклюжая тень, похожая на тот волосатый силуэт, что они ещё недавно видели с калмыком-проводником.

Бывшему старателю было невдомёк, что очередное энергетическое поле генератора червоточины заработало в этом участке тайги, напроць лишив Тимофея Ружина остаться в СВОЁМ для себя времени. Воронка смерча закрутила его в бешеном круговороте, подхватила винтовку, рюкзак с самородками, крутанула что есть силы, впитала в себя подвернувшегося неандертальца и, разложившись на нейтроны внутри мезонного облака, метнула обоих незадачливых путешественников через тысячи пространств куда-то в неизведанные миры. Точка сингулярности бликнула, лопнула как пузырь и исчезла, приказав, образно выражаясь, реальному Тимофею Ружину долго жить. Душа его отлетела в

небеса, смешалась в стратосфере с душами таких же усопших на Земле, пополнила сто девять миллиардов мыслей, парящих над планетой, и растворилась в нескончаемом сонме всех когда-либо живших на Земле.

Вторая ипостась Тимофея Ружина, пребывавшая в параллельном измерении, была выброшена воронкой смерча вместе с телом неандертальца где-то в период между пятидесятым и сороковым тысячелетием до нашей эры. Здесь-то Тимофей и увидел впервые саблезубых тигров, пещерных троглодитов и самых настоящих мамонтов. Где-то вдалеке в пещерах чадили костры. Огромный шар красного солнца золотил верхушки бескрайнего и первобытного массива тайги. Рюкзак был при нём, однако теперь он был ему совершенно не нужен.

Это был мир, где золото не имело абсолютно никакой ценности.

В нескольких шагах от путешественника, в лучах заходящего светила блеснул какой-то предмет идеально круглой формы.

Это были часы Николая-калмыка, непонятно каким образом, оказавшиеся здесь, в каменноугольном веке, задолго до появления Тимофея. Он их так и не заметил. Послышался грозный рык какого-то ископаемого зверя, и бывший старатель обречённо опустил руки. Гигантский плотоядный хищник с саблевидными клыками метнулся к нему, вспорол живот, вывернул наружу кишки, придавил лапами трепыхающееся тело, вождельённо заурчал и разорвал сухожилия. Звук разгрызаемых костей эхом отдался от ближайших пещер, но никто на помощь к бывшему старателю не кинулся. Примитивный страх обитателей пещерного века перед саблезубым леопардом не позволял им приблизиться к месту трагедии. Растерзанные останки ещё тёплой плоти так и остались валяться на рыхлой почве палеолита, пока до них не добрались более мелкие грызуны-трупоеды. Тимофей Ружин, как физическая величина, перестал существовать в природе.

...В сохранившемся после переборки ружье оставалось всего два патрона.

Антон с Требуховым и Сазоновым генератор времени вернул назад в лагерь. Пролетающий в это время вертолёт, по-прежнему круживший над квадратами тайги, где внезапно пропали участники второй экспедиции, так их и не заметил. Провал подземелья выплюнул из своего зияющего чрева то, что осталось от трёх геологов, и неведомое природе энергетическое поле, вырвавшееся вместе с ними из чёрной пустоты, разметало останки по всей территории некогда заселённого

лагеря. Приборы бесились гигантскими амплитудами, зашкаливая все мыслимые и немыслимые уровни гравитации, а оставшийся без хозяев пёс так и не сумел понять своим природным рефлексом, что на самом деле произошло с изыскателями.

Лишь через несколько месяцев эти обглоданные останки нашли рыбаки, промышлявшие тайменем на реке Учур, непонятно каким образом оказавшиеся в квадрате тайги, где исчезли сразу две экспедиции. Первая, под предводительством Требухова Бориса Александровича, вторая — под руководством профессора Сазонова.

Обе числились как без вести пропавшие.

Провал подземелья, некогда сыгравший с ними такую нелепую «шутку» в кавычках, постепенно растворился в пространстве, поглотился сфероидом мезонного облака и растворился в точке сингулярности, исчезнув навсегда.

Эпилог

В нижних и верхних слоях стратосферы по-прежнему продолжали витать эфирные голоса ста девяти миллиардов некогда населявших Землю людей, давно уже почивших в бесчисленных эпохах исторических периодов планеты. Теперь эти сто девять миллиардов пополнились новыми голосами и парящими в вакуумном пространстве мыслями. Это были мысли Антона, профессора Требухова, Николая-калмыка, Тимофея Ружина и Даши. Замыкал список исчезнувших в провале подземелья сам начальник экспедиции, Дмитрий Семёнович Сазонов.

Червоточина временного портала Эйнштейна-Розена прекратила своё существование на планете Земля.

...Однако надолго ли?

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Калабухин	
ВЕДЬМАК	3
ЧЁРНЫЙ СЛЕДОПЫТ	17
Анатолий Сахоненко	
ДРУГАЯ ИСТОРИЯ	33
Anna Raven	
ПРО ДУХОТУ ОДНОГО ЗАЛА	41
ОБ ОДНОЙ ГАДАЛКЕ	48
ОТРЕШЕНИЕ	57
РУТИНА	67
ЧЕРЕЗ ТИШИНУ	77
Дмитрий Учитель	
СТИХИ	85
Иван Нечипорук	
СТИХИ	89
Андрей Мансуров	
ШЕСТАЯ ЭРА. Поверхность.	96
Александр Зубенко	
УРОЧИЩЕ КРОВОЙ НОРЫ	229